ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ имени ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и ментальные особенности личности

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Москва 2024

Оглавление

Введение 4

Глава I. Коррупционная преступность как глобальная проблема современности 38

§ 1.1. Коррупционная преступность и формы ее сдерживания в современную эпоху неоглобализма 38

§ 1.2. Транснациональная коррупционная преступность как угроза национальной безопасности суверенных государств 79

§ 1.3. Теоретико-методологические основы исследования коррупционной ментальности как уголовно-правового и криминологического явления 95

Глава II. Личность коррупционного преступника и основы криминологической ментальности современного коррупционера 113

§ 2.1. Ментально-криминологические составляющие современного коррупционера 113

§ 2.2. Социально-демографические особенности личности коррупционного преступника 142

§ 2.3. Психологические и ментальные особенности личности коррупционного преступника 170

§ 2.4. Культурно-правовые и ментально-криминологические особенности личности коррупционного преступника 198

Глава III. Концепция коррупционной криминологической ментальности и противодействие коррупции посредством уголовно-правовых мер в зарубежных странах……..218

§ 3.1. Социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности……..……218

§ 3.2. Противодействие коррупционным проявлениям с учетом криминологической ментальности субъектов в странах англо-саксонской правовой семьи……228

§ 3.3. Особенности уголовно-правового воздействия на коррупционеров в государствах романо-германской правовой семьи 248

§ 3.4. Личная ответственность коррупционеров за содеянное в государствах мусульманского права 278

§ 3.5. Уголовно-правовой опыт противодействия коррупционным преступлениям в государствах дальневосточной правовой семьи и в африканских странах…….290

Глава IV. Субъект коррупционных преступлений в контексте теории коррупционной криминологической ментальности..... 316

§ 4.1. Субъект коррупционных преступлений: отличительные признаки, виды, проблемы законодательной конструкции..... 316

§ 4.2. Субъект коррупционного преступления и личность коррупционера: соотношение правовых и ментально-криминологических особенностей 335

§ 4.3. Проблемы законодательной конструкции должностного лица как субъекта коррупционных преступлений 353

§ 4.4. Иностранные должностные лица, должностные лица публичной международной организации как субъекты коррупционных преступлений 389

§ 4.5. Лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, как субъекты коррупционных преступлений..... 399

Заключение 422

Список использованных источников 431

Приложение 1……...498

Приложение 2……501

Введение

Актуальность темы исследования настоящего исследования вызвана рядом обстоятельств, среди которых особое внимание обратим на следующие.

Во-первых, коррупция и входящие в её структуру коррупционные преступления сохраняют значение одних из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации[1], что, на наш взгляд, указывает на необходимость непрерывного и последовательного совершенствования уголовно-правовых, криминологических и иных мер противодействия соответствующим противоправным деяниям. Прогрессивное развитие законодательства и правоприменительной практики в данной области должно быть подчинено единой цели, состоящей в повышении эффективности имеющихся и введении недостающих мер противодействия коррупции, отвечающих критериям своевременности и научной обоснованности. Последний из критериев предполагает, в частности, системное видение имеющихся проблем в рассматриваемой области, лежащее в основе формирования предложений по их устранению или минимизации. При этом следует учитывать, что в центре общественных отношений, возникающих в связи с совершением коррупционных преступлений, стоят конкретные люди, преимущественно наделённые тем или иным служебным статусом и вытекающими из него полномочиями, употребляемыми ими в корыстных или иных личных целях, основанных на присущей им коррупционной ментальности.

Общественная опасность коррупционных преступлений ещё более возрастает в условиях, когда от должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, требуется приложить максимальные усилия к обеспечению устойчивого

[1] См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) (п. 25, 45, 46) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II), Ст. 5351.

функционирования и развития национальной экономики, выполнению государственных и муниципальных социальных и иных проектов и программ. В последние несколько лет Россия вынуждена преодолевать многочисленные препятствия, создаваемые рядом других государств и их объединениями в рамках поддерживаемой ими враждебной политики, усугубившейся после начала проведения специальной военной операции. В таких условиях коррупционные преступления и совершающие их лица характеризуются повышенной социальной опасностью, особенно при осуществлении соответствующих противоправных деяний в сферах, обеспечивающих обороноспособность и экономическую безопасность Российской Федерации.

Во-вторых, данные официальной статистики, в том числе отражающие динамику судимости за коррупционные преступления, свидетельствуют о том, что предпринимаемые государством антикоррупционные меры не достигают ожидаемого эффекта. Так, в 2022 г. вступили в законную силу обвинительные приговоры в отношении 10 325 осужденных, для которых коррупционное преступление являлось наиболее тяжким из инкриминируемых им деяний. Для сравнения: в 2017 г. обвинительные приговоры вступили в законную силу в отношении 9497 осужденных, в 2018 г. – 9002, в 2019 г. – 8456, в 2020 г. – 6948 и в 2021 г. – 8595 осуждённых, за 9 месяцев 2023 года в суд было направлено7949 дел о коррупционных преступлениях в отношении 8898 лиц. При этом приведённые статистические данные нельзя оценивать без учёта высокой латентности коррупционных преступлений, обусловленной, в частности, усилиями лиц, совершающих такие деяния, направленными на сокрытие следов их коррупционного поведения, придание последнему видимости правомерной деятельности, оперативное выведение криминальных доходов за пределы Российской Федерации и их многоэтапную легализацию.

В-третьих, уголовное и иное законодательство в области противодействия коррупции в целом и коррупционным преступлениям в частности, весьма динамично, причём вносимые изменения и дополнения не всегда имеют под собой прочное научное обоснование, включающее

результаты уголовно-правовых и криминологических исследований, которые бы указывали на социальную обусловленность соответствующих законодательных новелл, в том числе осуществляемых в рамках прослеживаемых в последние годы тенденций. Одна из таких тенденций касается субъектов коррупционных преступлений и заключается в постепенном расширении уголовно-правовой категории должностных лиц за счёт одновременно сужения взаимосвязанной категории лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

В частности, Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ было внесено дополнение, относящее к категории должностных лиц управленцев из государственной корпорации[2]. Принятие Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ ещё более существенно сократило число лиц, которых можно было рассматривать в качестве субъектов преступлений, запрещённых нормами гл. 23 УК РФ, за счёт дополнения, внесённого в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, относящего к должностным лицам работников, выполняющих соответствующие управленческие функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контролируемых Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации либо муниципальным образованием[3]. В дальнейшем Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ также был расширен за счёт указания «новых» должностных лиц, работающих в государственных внебюджетных фондах или публично-правовых компаниях, а равно в любом хозяйственном обществе, подконтрольном Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию[4].

---

[2] См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6079.

[3] См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4391.

[4] См.: Федеральный закон от 24 февраля 2021 № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 9. Ст. 1463.

Кроме того, в последние 10 лет в уголовное законодательство России были внесены многочисленные изменения, касающиеся преступлений, совершаемых лицами с использованием имеющегося у них служебного положения, в том числе увеличено количество специальных уголовно-правовых норм об ответственности за отдельные виды злоупотребления (должностными) полномочиями. Одно из таких дополнений касалось введения ст. 201^1 и 285^4 УК РФ, различающихся прежде всего субъектом преступления в виде злоупотребления соответствующими полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа[5]. В 2022г. также были внесены дополнения в виде включения в гл. 23 и 30 УК РФ статей 201^2, 201^3, 285^5, 285^6 УК РФ, основанных на административной преюдиции, направленных на противодействие повторным нарушениям условий заключения и выполнения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа[6].

Изменения и дополнения уголовного законодательства, касающиеся субъектов коррупционных преступлений, не всегда отвечают требованиям системности и согласованности, в том числе относительно дифференциации ответственности в общей и специальных уголовно-правовых нормах, что выявляется, например, при сопоставлении строгости наказания, предусмотренного за злоупотребление (должностными) полномочиями, и наказания, установленного за отдельные (специальные) виды этого преступления. Также имеют место пробелы в правовой регламентации противодействия коррупции, главным из которых, по нашему мнению, остаётся отсутствие в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии

[5] См.: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 53.

[6] См.: Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

коррупции»[7] определения коррупционного преступления или коррупционных преступлений, включающего исчерпывающий перечень соответствующих уголовно наказуемых деяний и (или) точных и бесспорных критериев для отнесения таковых к объёму данного понятия. В настоящее время ориентиры для составления такого перечня и его закрепления в федеральном законе сформированы на межведомственном уровне совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России для целей статистической отчётности, включающим перечень № 23, касающийся преступлений коррупционной направленности[8]. Этот перечень и используемые для его составления критерии также не в полной мере отвечают требованию правовой определённости и оставляют вопросы относительно обоснованности условий для отнесения уголовно наказуемых деяний к коррупционным преступлениям, включая указание на присущие им исключительно прямой умысел и корыстный мотив. Кроме того, пробелы наличествуют и в уголовном законе. Они заключаются, например, в отсутствии в главе 23 УК РФ статьи об ответственности за превышение полномочий, что приводит к применению ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ по аналогии, прямо запрещённой в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

В связи с этим выявление и научное осмысление указанных и других законодательных проблем являются предпосылками для дальнейшего совершенствования уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям.

В-четвёртых, с точки зрения судебно-следственной практики существуют проблемы применения уголовного и иного законодательства, образующего правовую основу для привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления. Эти трудности обусловлены недостатками,

[7] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru 18.03.2023 (дата обращения: 17.10.2023).
[8] См.: Указание Генеральной прокуратуры РФ № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://docs.cntd.ru/document/1302059022 (дата обращения: 01.10.2023).

присущими не только соответствующим нормам, но и их толкованию в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В частности, речь идет об отсутствии разъяснений по целому ряду важных вопросов правоприменения, а также несогласованности разъяснений одних и тех же признаков в разных постановлениях Пленума (например, относительно субъектов преступлений, совершаемых лицами с использованием своего служебного положения). Соответствующие специальные субъекты рассматриваются высшей судебной инстанцией либо в узком смысле, относящем к ним исключительно должностных лиц, иных государственных или муниципальных служащих и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо в широком смысле, распространяя данный элемент состава преступления ещё и на других лиц, использующих свои профессиональные права и обязанности для совершения уголовно наказуемых деяний, например связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

В-пятых, в рамках развития антикоррупционных мер необходимо учитывать, что коррупционная преступность и коррупционные преступники также эволюционируют, что, в частности, проявляется в формировании масштабного рынка так называемых коррупционных услуг, имеющего как национальный, так и транснациональный характер; в усугублении коррупционной ментальности лиц, являющихся потенциальными субъектами коррупционных преступлений, когда корыстные побуждения или иная личная заинтересованность реализуются в противоправных действиях, нарушающих наиболее важные интересы государства; в развитии международных связей коррупционеров, что позволяет расширять географию преступной деятельности и укрывать получаемые при этом доходы; в новых способах коррупционных преступлений, в том числе с использованием высоких технологий.

Принимая во внимание долгосрочную тенденцию к транснационализации коррупционной преступности, особенно её

организованной части, большое значение для повышения эффективности противодействия данному криминалитету имеет развитие международного сотрудничества, переживающего не лучшие времена, и восприятие зарубежного опыта в соответствующей превентивной и иной правоохранительной деятельности, включая выделение особенностей регламентации признаков субъектов коррупционных преступлений и мер воздействия на лиц, совершающих последние.

В-шестых, противодействие коррупционной преступности и коррупционным преступлениям преимущественно осуществляется с ориентиром на соответствующие противоправные деяния, их причины и условия, тогда как не меньшее значение имеет профилактическое и иное превентивное воздействие на лиц, их совершающих. Поэтому в целях эффективного противодействия коррупционной преступности современные теория уголовного права и криминологическая наука должны представить новую систему знаний о коррупционном преступнике, об особенностях его коррупционной ментальности и ее слагаемых; о типологии и классификации соответствующей личности; о развитии такого самостоятельного подынститута уголовного права, как субъект коррупционных преступлений; о проблемах квалификации преступных деяний коррупционеров с учетом действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Наконец, *в-седьмых,* для обеспечения эффективного противодействия коррупционной преступности необходимо непрерывно развивать уголовно-правовые и криминологические меры, применяемые в данной области, ориентируя таковые на лиц, являющихся фактическими или потенциальными субъектами коррупционных преступлений. Для выстраивания и дальнейшего совершенствования системы таких мер необходимо учитывать зарубежный опыт в данной области, использовать весь потенциал, заложенный в антикоррупционных уголовно-правовых нормах для превентивного воздействия на указанных лиц, в том числе с учётом присущей им специфической коррупционной ментальности.

С учётом изложенного можно сделать вывод о том, что теоретико-прикладное исследование субъекта коррупционных преступлений и особенностей личности современного коррупционера является актуальной задачей для российской уголовно-правовой науки и криминологической науки, а также для правоприменительной практики. Указанные обстоятельства в совокупности обусловили выбор диссертантом темы научного исследования.

Степень научной разработанности темы. Исследованию проблем уголовной ответственности за коррупционные преступления, в том числе связанных с рассмотрением особенностей их субъектов и личности коррупционных преступников, посвящено уже, без всякого преувеличения, огромное количество различных научных работ, включая научные статьи, монографии и диссертации. Также большое количество трудов содержит криминологическую характеристику коррупционной преступности, результаты исследования ее генезиса и проблем предупреждения. Изучением коррупционной преступности сегодня заняты не только учёные в области уголовно-правовых наук, но и авторы, представляющие иные правовые науки: конституционное право, административное право, гражданское право, международное право и т.д. Вопросы противодействия коррупционной преступности в целом и отдельным коррупционным преступлениям в частности, в том числе с учётом особенностей их субъектов, вызывают широкий интерес и у представителей юридической психологии, социологии, политологии и других наук.

Проблемы предупреждения коррупционных преступлений и (или) уголовной ответственности за их совершение изучались в научных (в том числе специализированных) трудах таких ведущих представителей отечественного уголовного права и криминологии, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, А.Я. Аснис, В.В. Астанин, М.М. Бабаев, Л.А. Букалерова, А.Н. Варыгин, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, В.И. Динека, А.И. Долгова, О.Л. Дубовик, Н.А. Егорова, А.Э. Жалинский, Б.В.

Здравомыслов, С.В. Иванцов, С.В. Изосимов, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Г. Кадников, П.А. Кабанов, В.Ф. Кириченко, И.Я. Козаченко, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, Ю.И. Ляпунов, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич, А.Х. Миндагулов, А.В. Наумов, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Л. Репецкая, Э.Л. Сидоренко, Ю.В. Трунцевский, В.Е. Эминов, П.С. Яни, Б.В. Яцеленко и другие.

Такие видные зарубежные ученые, как, например, М. Венард, П. Мауро, З. Момоа, Л. Пеллегрини, С. Роуз-Аккерман также проводили исследования в области борьбы с коррупцией, в частности с учётом ее региональной специфики. Криминологическим и уголовно-правовым проблемам борьбы с коррупционной преступностью в последние 20 лет посвящены многочисленные диссертационные исследования, в том числе на соискание учёной степени доктора юридических наук, среди которых хотелось бы отметить работы А.Я. Асниса (2005), Т.Б. Басовой (2005), Н.А. Егоровой (2006), Е.В. Фоменко (2021), А.В. Шнитенкова (2006).

Изначально категория «ментальность» была введена в научный оборот Р. Эмерсоном (1852 г.). Основы формирования теории ментальности закладывали представители французской науки – М. Блок, Г. Дюби., Ж. Ле Гофф, Ж. Ревель, Р. Шартье и др. В советский период проблемами ментальности занимались Ю.Н. Афанасьев, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, Л.Н. Пушкарев и др.

Из современных исследователей можно отметить труды Г.А. Абульхановой-Славской, А.В. Авксентьева, С.У. Алиева, А.А. Белика, Г.Д. Гачева, А.Я. Гуревича, А.Н. и Э.Я. Дмитриевых, Г.Н. Дрепу, И.Г. Дубова, Б.А.Душкова, А.Н.Ерыгина, Е.Ю. Зубковой, В.К. Кантора, Е.А. Климова, В.В. Козловского, А.А. Кругловой, А.И.Куприянова, С.В. Лурье, В.П. Макарейко, А.П. Огурцова, А.И. Пальцева, А.С. Панарина, Л.Н. Пушкарева, К.К. Султанова, О.Г. Усенко и др.

Работы указанных и других учёных составляют основу учения о коррупционных преступлениях и коррупционной преступности, однако до настоящего времени в теории уголовного права и в криминологической науке на уровне докторской диссертации не проводилось исследование, специально посвящённое уголовно-правовой характеристике и ментальным особенностям субъекта коррупционных преступлений. Кроме того, большинство имеющихся научных трудов, близких к теме настоящего исследования, не содержит анализа законодательных изменений, произведённых в последние 10 лет, а также принятых за этот период постановлений Пленума Верховного Суда РФ, затрагивающих вопросы уголовной ответственности за коррупционные преступления, в том числе постановлений от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201^1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

В вышеназванных диссертациях на соискание ученой степени доктора юридических наук решались уголовно-правовые проблемы коррупционных преступлений, но криминологическая ментальность как явление в этих работах не исследовалась.

Объектом исследования выступают общественные отношения, участником которых является субъект коррупционных преступлений, чье уголовно - наказуемое поведение обусловлено коррупционной криминологической ментальностью.

Предметом исследования являются нормы и положения международных договоров об уголовной ответственности за коррупционные преступления; нормы действующего и утратившего силу отечественного и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за взяточничество и иные коррупционные преступления; нормы конституционного, административного, финансового, гражданского и иных

отраслей права, формирующих бланкетные диспозиции соответствующих статей Особенной части УК РФ; определения и постановления Конституционного Суда РФ; акты судебного толкования уголовного закона в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ и решений по конкретным уголовным делам, принимаемых судами различных инстанций; статистические данные и информационно-аналитические материалы о коррупционной преступности как в России, так и в других странах; научная литература по вопросам борьбы с коррупцией и изучения личности коррупционного преступника на русском и иностранных языках, включая диссертации и авторефераты диссертаций; результаты социологических исследований других ученых.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование теоретико-правовой концепции криминологической ментальности современного коррупционного преступника как нового комплексного систематизированного знания о специфике мировоззрения субъекта коррупционных преступлений и уголовно-правовых средствах воздействия на него.

Для достижения поставленной цели решены следующие исследовательские **задачи:**

- раскрыты особенности коррупционной преступности и формы её сдерживания в современную эпоху неоглобализма;

- изучена транснациональная коррупционная преступность как угроза национальной безопасности суверенных государств;

- раскрыты и модернизированы теоретико-методологические основы исследования коррупционной ментальности как уголовно-правового и криминологического явления;

− выделены и подвергнуты научному анализу ментально-криминологические особенности современного коррупционера;

– выявлены и систематизированы социально-демографические, психологические, ментальные, культурно-правовые и ментально-криминологические особенности личности коррупционного преступника;

– выделены и раскрыты отличительные признаки, виды и проблемы законодательной конструкции субъекта коррупционных преступлений;

– раскрыто соотношение правовых и ментально криминологических особенностей субъекта коррупционного преступления и личности коррупционера;

– изучены проблемы законодательной конструкции должностного лица как субъекта коррупционных преступлений;

– раскрыты особенности иностранного должностного лица и должностного лица международной публичной организации как субъектов коррупционных преступлений;

– определены особенности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, как субъектов коррупционных преступлений;

– выявлены и систематизированы социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности;

– раскрыты особенности противодействия коррупционным проявлениям с учётом коррупционной ментальности в странах англо-саксонской правовой семьи;

– выделены и подвергнуты научному анализу особенности уголовно-правового воздействия на коррупционеров в государствах романо-германской правовой семьи;

– определена специфика личной ответственности коррупционеров в странах мусульманского права;

– изучен уголовно-правовой опыт противодействия коррупционным преступлениям в государствах дальневосточной правовой семьи и африканских странах.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования выступает комплекс законов, категорий и принципов материалистической диалектики, используемый для познания социально-правовых явлений. Это позволило автору изучить и объяснить закономерности изучаемых явлений, понять механизм их образования и выявить системные взаимосвязи между ними. Избранная методология позволяет объяснить происхождение изучаемых категорий органическим единством и взаимодействием объективных и субъективных факторов, верифицировать полученные результаты работы, сопоставив их с результатами исследований других ученых, обосновать достоверность и значимость выводов и положений диссертации, их соответствие социально-правовой действительности.

Криминологическая ментальность субъекта коррупционных преступлений представлена как сложный социально-правовой феномен, генезис которого обусловлен взаимосвязанными внутренними и внешними факторами. Методологическая основа работы позволила выделить типологический подход к исследованию основных феноменов моделируемой концепции, классифицировав и структурировав их.

Методологическая основа исследования базируется на совокупности общенаучных и частнонаучных методов научного познания.

В целях построения концепции криминологической ментальности современного коррупционного преступника были использованы такие общенаучные методы, как системный метод, методы анализа и синтеза, метод сравнения, классификационный метод, структурно-функциональный метод. Каждый из этих методов применялся для достижения цели диссертационного исследования и решения поставленных задач. Метод анализа применялся для разделения криминологической ментальности на составляющие и их подробного изучения. Метод синтеза позволил сформулировать понятие такого подынститута уголовного права, как субъект коррупционных преступлений, представив его в виде единства принципов уголовного права,

норм уголовного закона, судебного толкования этих норм и соответствующих доктринальных положений. С применением метода сравнения и системного метода исследован вопрос о соотношении понятий субъекта коррупционных преступлений и личности коррупционера. Структурно-функциональный метод использовался для выделения специфических качеств личности коррупционного преступника, в наибольшей степени обуславливающих коррупционное поведение, запрещённое уголовным законом. Системный и структурно-функциональный методы, а также метод классификации применялись для подразделения всех коррупционных преступлений, субъектов таких преступлений и коррупционных преступников на определённые группы, выяснения соотношения таковых и существующих между ними функциональных и иных связей.

Вторая группа методов исследования, имеющих частнонаучный характер, включает формально-логический, документальный, сравнительно-правовой, историко-правовой, социологический метод и статистический метод. Формально-логический метод применялся для изучения и понимания различных антикоррупционных норм отечественного и зарубежного уголовного права, положений международных договоров по борьбе с коррупцией, судебных решений по конкретным уголовным делам о коррупционных преступлениях. Этот метод позволил сформулировать ключевые криминолого-правовые понятия и термины, используемые в диссертационном исследовании.

Историко-правовой метод применялся для изучения основных этапов отечественного антикоррупционного законодательства в части определения должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие закономерности уголовно-правового воздействия на коррупцию в зарубежных странах, относящихся к разным правовым семьям.

Документальный метод применялся при сборе, обработке и анализе информации, содержащейся в материалах уголовных дел, обзорах высшей

судебной инстанции, в различных информационно-аналитических документах и материалах. Социологический метод применялся для сбора и обработки необходимой информации путем анкетирования соответствующих групп респондентов и интерпретации полученных результатов. Статистический метод использовался при анализе данных официальной уголовно-правовой и криминологической статистики о коррупционной преступности, а также статистических данных о назначенных коррупционерам уголовных наказаниях.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды видных отечественных учёных в области уголовного права и криминологии как по общетеоретическим вопросам противодействия преступности, в том числе через институты субъекта преступления и личности преступника вообще, так и по проблемам противодействия коррупционной преступности через эти институты. Это, прежде всего, работы таких специалистов, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, А.Я. Аснис, В.В. Астанин, М.М. Бабаев, О.Н. Бибик, С.С. Босхолов, Л.А. Букалерова, А.Н. Варыгин, Б.В. Волженкин, Б.С. Волков, В.Н. Воронин, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, А.П. Горелик, П.С. Дагель, А.И. Долгова, О.Л. Дубовик, Г.А. Есаков, А.Э. Жалинский, А.А. Жижиленко, С.В. Иванцов, К.Е. Игошев, С.В. Изосимов, Л.В. Иногамова-Хегай, С.М. Иншаков, П.А. Кабанов, С.Я. Лебедев, М.П. Клейменов, В.П. Коняхин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Кулыгин, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, В.Д. Малков, И.М. Мацкевич, С.Ф. Милюков, А.Х. Миндагулов, А.В. Наумов, В.С. Овчинский, В.Г. Павлов, Н.Н. Панченко, С.В. Познышев, Ю.Е. Пудовочкин, А.Л. Репецкая, С. Роуз-Аккерман, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, Э.С. Тенчов, Ю.В. Трунцевский, А.В. Федоров, В.Д. Филимонов, Э. Фромм, В.Е. Эминов, П.С. Яни и др.

Нормативную базу исследования составляют акты международного права универсального, межрегионального, субрегионального, регионального и иного уровня; Конституция Российской Федерации; российское уголовное

законодательство (как действующее, так и утратившее силу); отечественное дореволюционное и советское уголовное законодательство; российское отраслевое законодательство (гражданское, административное, финансовое и т.д.); подзаконные акты в виде указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, ведомственных нормативных актов; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; уголовное законодательство зарубежных стран; модельное уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 862 уголовных дел о коррупционных преступлениях, предусмотренных ст. 201, 201^1, 204, 204^1, 204^2, 285, 290, 291, 291^1, 291^2 УК РФ, а также другими статьями уголовного законодательства России об ответственности за совершение преступных деяний лицами, использующими своё служебное положение, рассмотренных с 2009 по 2023 годы судами городов Москвы и Санкт-Петербурга, Иркутской, Кемеровской Московской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской и Тверской областей, Краснодарского и Ставропольского краев; приговоры и иные судебные решения судов общей юрисдикции по делам об указанных коррупционных преступлениях, полученные из справочных правовых систем «Консультант Плюс» и «ГАРАНТ»; результаты анкетирования 668 представителей практических органов (77 судей, 82 прокуроров и иных прокурорских работников, 236 следователей подразделений Следственного комитета Российской Федерации, 273 следователей и дознавателей органов внутренних дел) и 644 научно-педагогических работников.

Также изучены результаты анкетирования 583 лиц, отбывающих различные наказания за коррупционные преступления; обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2009-2023 гг., статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2009-2023

гг.; информационно-аналитические материалы о коррупционных преступлениях, подготовленные международными организациями; результаты мониторинга ресурсов сети «Интернет» по вопросам антикоррупционной тематики; результаты эмпирических исследований, проведённых другими учеными.

Научная новизна диссертации заключается в том, что это одно из первых монографических исследований, посвященных разработке теоретико-правовых основ криминологической ментальности современного коррупционера, образуемых совокупностью новых знаний, комплексно раскрывающих уголовно-правовые и криминологические особенности субъекта коррупционных преступлений и меры предупредительного воздействия на соответствующих лиц. Эти теоретико-правовые основы сформированы с учётом действующего уголовного и иного законодательства, а также актуальной практики его применения. Новыми для науки уголовного права являются положения о субъекте коррупционных преступлений как о структурированном подынституте уголовного права. Впервые в уголовно-правовых науках было проведено исследование, объясняющее коррупционную ментальность и её составляющие, а также роль культурно-правовых и ментально-криминологических факторов в процессе формирования личности коррупционного преступника.

Новыми с научной точки зрения являются выводы автора, касающиеся уголовно-правовых мер воздействия на личность коррупционных преступников с учётом присущей им коррупционной ментальности, рассмотренных на основе обобщения результатов изучения зарубежного законодательного и практического опыта в данной области, а также собственных социологических исследований автора.

Критерию новизны отвечают и предложенные автором изменения и дополнения уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности предусмотренных им мер противодействия коррупционным преступлениям.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сформулирована авторская концепция криминологической ментальности современного коррупционера в виде руководящей идеи, конструктивного принципа, позволяющего идентифицировать лиц, совершающих коррупционные преступления.

В криминологической и уголовно-правовой науке появился термин «коррупционная ментальность», которая органически связана с таким понятием, как «правовая ментальность». С учетом многообразия культур (национальные культуры, корпоративные культуры, профессиональные культуры, криминальные и иные субкультуры, массовая культура) каждая из них влияет на человеческое поведение, в том числе и на девиантные его виды. Культурные факторы (факторы культуры) могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, общепринятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству, различных субкультур и т.д.

По сути, криминологическая ментальность современного коррупционера представляет собой его специфический стиль, особенности его мировосприятия, которые детерминированы длительными процессами существования коррупционера в криминальной коррупционной среде, едиными криминально-коррупционными и социокультурными составляющими этой среды.

2. Доказано, что коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие: 1) готовность граждан к решению своих личных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний; 2) готовность лиц, обладающих властными и иными организационно-распорядительными полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение (иными словами, использовать это положение в целях личной выгоды для себя или третьих лиц); 3) готовность участников коррупционных отношений защищать

и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп (такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее необходимости, составляют важную часть коррупционной ментальности). В то же время нет никакой корреляции между исповедуемой религией и уровнем коррупции, как это пытаются представить некоторые зарубежные исследователи.

3. Установлено, что криминологическая ментальность современного коррупционера является неотъемлемым атрибутом его криминального поведения. Криминологическая ментальность современного коррупционера имеет дуалистическую природу происхождения: по форме она является механизмом закрепления и передачи социально неприемлемой информации, а по содержанию – порождением социально-криминального окружения, преступной среды. Структура криминологической ментальности современного коррупционера выступает как кварт-единство мотивационной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер.

Как известно, в основе психологической характеристики личности коррупционного преступника лежит четыре сферы: *мотивационная сфера; эмоциональная сфера; волевая сфера; поведенческая сфера.* Мотивы коррупционного поведения не сводятся исключительно к корыстным (мотиву обогащения, экономическому мотиву), хотя они, по понятным причинам, являются преобладающими в этой группе преступлений. Возможны политические мотивы, эмоционально-эгоистические и легкомысленно-безответственные мотивы при том, что корыстные мотивы, в случае полимотивации, как правило, доминирует.

Количество мотивов и их соотношение варьируются в зависимости от сферы совершаемых коррупционных преступлений. Эмоциональная сфера как составляющая психологической структуры личности коррупционера, включая восприятие объективной и субъективной действительности, определяется удовлетворением или неудовлетворением различных насущных

потребностей. Мотивационная, эмоциональная и волевая сферы детерминируют и предопределяют особую поведенческую сферу, которая выделяется комплексом особенных объективно-поведенческих черт преступника-коррупционера, что охватывается понятием его криминологической ментальности.

4. Дана авторская криминологическая модель структуры личности современного коррупционера. Модель структуры личности включает три уровня: интериндивидуальный, интраиндивидуальный и метаиндивидуальный. Личность преступника-коррупционера на основе такой структуры характеризуется на интериндивидуальном уровне особым его статусом, социально-значимыми свойствами, характерными для управленческой или властной деятельности. На интраиндивидуальном уровне личность преступника-коррупционера характеризуется мотивационно-поведенческими свойствами (стремление к обогащению, выбор такого пути, как нарушение закона, обладание знаниями и навыками, облегчающими коррупционное поведение) и целеполаганием (достижение цели коррупционного преступления). Метаиндивидуальный уровень проявляется в персонализации коррупционера другими представителями общества. Такая оценка, как правило, является положительной в определенной среде общения коррумпированного лица и отрицательной в широкой общественной среде.

5. Доказано, что термин «личность коррупционного преступника» и его содержание можно рассматривать как некий типовой шаблон, теоретический конструкт, который в реальной жизни трансформируется лишь в неполную социально-демографическую характеристику тех лиц, которые были осуждены за коррупционные преступления (учитывая гиперлатентность коррупционных преступлений и почти тотальное преобладание среди осужденных коррупционеров представителей низшего и среднего звена).

6. Предложена универсальная модель классификации коррупционного преступника, которая строится на основе следующих критериев: *социологического* (в том числе социально-демографических признаков);

правового (характер и степень тяжести совершенных преступлений, совершение преступления в группе или в одиночку, форма вины и т.д.); *психологического* (мотивация преступного поведения). В зависимости от роли коррупционного преступника в коррупционном преступлении выделяются его следующие разновидности: коррупционер-расхититель, коррупционер-взяткополучатель; коррупционер-злоупотребитель; коррупцёр (взяткодатель).

7. Предложена авторская типология коррупционного преступника по сферам совершения коррупционных преступлений: *политическая* (политические коррупционеры: представители трех ветвей власти разных уровней, субъекты политической системы); *экономико-производственная* (экономико-производственные коррупционеры: руководители заводов, предприятий, фирм любых форм собственности различных уровней); *правоохранительная* (коррупционеры в правоохранительной сфере: судьи, сотрудники прокуратуры, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенных органов, Министерства юстиции и других правоохранительных структур); *образовательная* (коррупционеры в образовательной сфере: преподаватели и представители администрации учебных заведений, сотрудники государственных органов управления образованием); *сфера здравоохранения* (коррупционеры в сфере здравоохранения: сотрудники медицинских и фармацевтических учреждений, сотрудники органов управления здравоохранением и т.д.); *военная* (коррупционеры-военнослужащие*:* лица, проходящие военную службу по призыву или по контракту; представители офицерского состава и т.д.), *сфера профессионального спорта* (коррупционеры в сфере спорта: тренеры, начальники команд, директора спортивных клубов и учреждений, сотрудники спортивных медицинских организаций и т.д.).

8. Определено, что мотивация коррупционного поведения, как критерий типологии коррупционного преступника, позволяет выделить четыре типа: корыстолюбивый тип, престижный тип, игровой тип, семейный тип. Корыстолюбивый тип – доминирующий, однако не единственный: признаки

иного типа встречаются в личности многих коррупционеров. Глубина и характер асоциальной направленности и ценностных ориентаций коррупционного преступника дают основание выделить следующие типы: последовательно-активный (системный) тип, ситуативный тип, случайный (предкриминальный) тип. Готовность/неготовность к участию в коррупционной деятельности позволяет выделить следующие типы коррупционных преступников: инициативный, конформный, вынужденный.

9. Установлено, что волевая сфера личности коррупционера обусловлена «моделью психологических весов»: чем больше коррупционной составляющей (уровень коррупционного дохода, увеличение властных полномочий и возможности оказать давление на других индивидов и т.д.), тем сильнее будет перевес на этих весах чаши, содержащей желание и возможность совершения коррупционного преступления. Среди изученных моделей, объясняющих коррупционное поведение, выделена теория игр, согласно которой коррупционное поведение объясняется с игровой позиции, позволяющей игроку реализовать в реальной действительности многие игровые факторы (риск, воображение, импровизацию, актерское мастерство и т.д.).

10. Представлен социально-демографический портрет современного преступника-коррупционера. Большинство преступников-коррупционеров, это мужчины в возрасте 30-39 лет. Возрастные границы коррупционеров в 30-39 лет (до 40 лет) определяются периодом максимальной физической активности и их особым социальным статусом. Превалирующее большинство лиц, совершивших коррупционные преступления со специальным субъектом, обладающим особым статусом, получили высшее образование (юридической, экономической направленности или в сфере государственного управления). Наличие семьи характерно как в целом для коррумпированного преступника, так и в зависимости от совершения преступлений в той или иной сфере деятельности. При этом семья не является сдерживающим фактором. Несмотря на преобладание числа женщин в сфере здравоохранения,

образования и государственной службы, руководящие должности в этих сферах занимают, как правило, мужчины, что также объясняет преобладание мужчин в числе лиц, совершивших коррупционные преступления.

11. Определено, что социально-демографические характеристики преступника-коррупционера в зависимости от конкретных сфер деятельности выглядят следующим образом. В *политической сфере* и *в экономико-производственной сфере* это мужчина в возрасте 30-39 лет, имеющий высшее юридическое образование или образование в сфере государственного управления, женатый, имеющий детей и проживающий в городе. В *правоохранительной сфере* также превалируют женатые мужчины 25-29 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование и проживающие в городе. В *образовательной сфере* также есть определенные нюансы. Таким лицом может быть как мужчина, так и женщина в достаточно широком возрастном диапазоне 30-49 лет, имеющие высшее образование, состоящие в браке и проживающие в городе. Для *сферы здравоохранения* характерны в основном мужчины, однако их возрастной диапазон даже шире, чем у представителей образовательной сферы и составляет 30 - 59 лет; состоящие в браке, имеющие высшее образование и являющиеся городскими жителями.

12.Установлено, что коррупция является прямой угрозой государственному суверенитету, поскольку выступает мощным средством воздействия (прямым или опосредованным) на национальные политические и экономические элиты, а также на внутриполитические и внешнеполитические процессы, которое в итоге может способствовать к установлению внешнего управления формально суверенным государством. Соответственно, адекватная уголовная политика борьбы с коррупцией представляет собой одну из ключевых гарантий национальной безопасности.

К основным формам воздействия на коррупцию с помощью уголовно-правовых средств (в зависимости от вида специального направления уголовной политики) относятся: криминализация (в т.ч. повторная); пенализация; применение «имущественных» мер уголовно-правового

характера; уточнение отдельных положений норм Общей и Особенной части уголовного права; введение уголовной ответственности юридических лиц; экстрадиция лиц, совершивших коррупционные преступления.

13. Коррупционная преступность имеет свой «жизненный цикл» и состоит из трех этапов: украсть (steal) – спрятать (hide) – потратить (spend). Каждый из этих этапов позволяет распределить коррупционные преступления по соответствующим трем группам: 1) средства добываются преступным коррупционным путем (получение взяток, хищения, получение прибыли от занятия предпринимательской деятельностью, которая публичным служащим запрещена, и т.д.); 2) средства размещаются в «финансовых убежищах», что представляет собой первую стадию легализации преступно полученных средств; 3) средства используются для легальных сделок и финансовых операций, что формирует вторую стадию легализации преступно полученных средств. Таким образом, коррупционная преступность, исходя из жизненного цикла, делится на следующие группы преступлений: а) собственно коррупционные преступления (коррупционные преступления в узком смысле слова); б) вспомогательные коррупционные преступления («сопутствующие», «ассоциированные» с собственно коррупционными преступлениями).

14. Разработана авторская система коррупционных преступлений и основания их классификации. Автор предлагает классифицировать коррупционные преступления, исходя из степени криминологической зараженности и особенностей уголовной предрасположенности современного коррупционера. К первой группе оснований классификации относятся особенности субъекта, объекта, объективной стороны, источника уголовного права об ответственности за коррупционные преступления и т.д. Ко второй группе относятся пол, возраст, ведомственная принадлежность, социальное положение лица, совершившего преступление; территория совершения; связь коррупционного преступления со служебной деятельностью; относимость к цифровой среде; сфера экономики или вид национального проекта, которым угрожает коррупционная преступность; иные критерии.

15.Установлено, что субъект коррупционных преступлений – это *самостоятельный подынститут российского уголовного права*, поскольку структура этого подынститута включает в себя: принципы уголовного права, экстраполируемые на этот подынститут; нормы уголовного закона; судебное толкование этих норм (их бытование в деятельности судов); доктринальные положения, восполняющие пробелы в законе. В зависимости от субъекта преступления все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы: 1) коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом; 2) коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами (включая специальных субъектов, обладающих дополнительными признаками)*;* 3) коррупционные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях; 4) иные коррупционные служебные преступления. Специальный субъект с дополнительными признаками в составах коррупционных преступлений может классифицироваться по: принадлежности к ветви власти (например, судья), занимаемой должности (лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации) и т.д.

16. Предложено авторское определение субъектов транснациональных коррупционных преступлений. К числу коррупцёров – субъектов транснациональных коррупционных преступлений относятся любые иностранные граждане или подданные либо лица, имеющие вид на жительство в другом государстве; лица, действующие от имени любой международной или зарубежной организации (правительственной или неправительственной, коммерческой или некоммерческой). К числу коррупционеров относятся публичные должностные лица иностранного государства; управленцы коммерческих и иных организаций; должностные лица публичных международных организаций.

17. Определено, что на рынке транснациональных коррупционных услуг крупнейшими акторами являются транснациональные корпорации, деятельность которых может быть крайне коррупциогенна. Крупнейшие ТНК

сами создают широкомасштабные коррупционные сети на всех континентах с вовлечением крупнейших политических фигур национальных государств.

18. Доказана несостоятельность и беспочвенность теорий о том, что в странах общего права (англосаксонской правовой семьи) уровень коррупции ниже, чем в странах иных правовых систем. Также установлена ошибочность представлений, согласно которым в западноевропейских государствах романо-германской правовой семьи достаточно низкий уровень коррупции, равно как и ошибочность представлений о том, что страны германской правовой традиции менее коррумпированы, нежели страны романской правовой традиции.

Для азиатской модели восприятия коррупции характерно отношение общества к коррупции как к явлению, обусловленному культурными традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует клановый подход, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования.

Установлено, что ислам жестко осуждает коррупцию и считает её тяжким грехом. С позиций исламского права взятка (ришва) – это взимание должностным лицом денег за работу, исполнение которой входит в круг его обязанностей, или взимание денег за то, что является нарушением этих обязанностей, и за то, что это должностное лицо ни в коем случае не должно делать. Исламское право различает простое воровство и коррупцию, наказуемые по-разному, при этом коррупционер рассматривается как предатель доверия, который пользуется своей должностью.

19. Предложения о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ и соответствующие постановления Пленумов Верховного Суда РФ. В частности предлагается:

1) Дополнить статью 34 УК РФ «Ответственность соучастников преступления» частью 3^1 следующего содержания: *«В случае совершения организованной группой преступлений, предусмотренных статьями…290….Уголовного кодекса Российской Федерации, все ее участники независимо от роли и наличия статуса специального субъекта преступления, квалифицируются как соисполнители».*

2) В тексте Примечания 1 к статье 285 УК РФ слова *«в статьях настоящей главы»* заменить на слова *«в статьях настоящего Кодекса».*

3) Главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» необходимо дополнить *статьей 204^1 «Коммерческий подкуп в некоммерческих организациях отдельных видов»* следующего содержания:

«1. Незаконная передача *лицу, выполняющему управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, денег,* ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию),-

наказываются…

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в значительном размере,-

наказываются…

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) за заведомо незаконные действия (бездействие);

в) в крупном размере,-

наказываются…

4. Деяния, предусмотренные частью первой, пунктами "а" и "б" части третьей настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере,-

наказываются…

5. Незаконное получение *лицом, выполняющим управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента,* денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию),-

наказывается…

6. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, совершенные в значительном размере, -

наказываются…

7. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) сопряжены с вымогательством предмета подкупа;

в) совершены за незаконные действия (бездействие);

г) совершены в крупном размере, -

наказываются…

8. Деяния, предусмотренные частью пятой, пунктами "а" - "в" части седьмой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, -

наказываются…»

4) Абзац третий пункта шестого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дополнить предложением следующего содержания: *«Эти правила распространяются и на лиц, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, и, назначенных на свои должности с нарушением действующих правил»*.

5) Абзац четвертый пункта первого Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» изложить в следующей редакции:

«К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, сотрудники организации, являющиеся международными гражданскими служащими, лица, уполномоченные действовать от имени публичной международной организации, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, *лица, занимающие судебные должности любого международного суда, вне зависимости от признания Российской Федерацией его юрисдикции, и международные гражданские служащие этого суда. Технический персонал к должностным лицам международной публичной организации не относится».*

Теоретическая значимость исследования заключается разработанной соискателем концепции криминологической ментальности современного

коррупционера и возможностях дальнейшего развития теоретико-правовых основ уголовной ответственности за коррупционные преступления с акцентом на субъекта таких преступлений, рассматриваемого в соотношении с личностью коррупционера и с учётом положений действующего уголовного и иного законодательства, а также актуальной практики его применения в рамках противодействия коррупции в современных условиях, характеризующихся, в частности, дальнейшей транснационализацией и повышением организованности преступности, включая её коррупционную часть, а также кризисными явлениями в международном сотрудничестве и иных сферах, связанных с указанным противодействием. Значимым результатом проведённого исследования является развитие понятийно-категориального аппарата уголовного права и криминологии относительно субъекта коррупционных преступлений и личности коррупционного преступника. При этом субъект коррупционного преступления рассмотрен в качестве целостного подынститута уголовного права, имеющего внутреннюю структуру, что позволило выделить и изучить различные виды такого субъекта. Выводы, предложения и рекомендации, сформированные по итогам исследования, совершенствуют научные знания об уголовно-правовых и криминологических мерах противодействия коррупционной преступности в целом и отдельным коррупционным преступлениям в частности через воздействие на ключевого «автора» таких преступлений – коррупционера, являющегося их субъектом. Именно в единстве таких наук, как уголовное право и криминология, формируется комплексное представление о лице, совершающем коррупционные преступления, одновременно учитываются социально-демографические, психологические, юридико-культурные и другие его особенности, лежащие в основе формирования коррупционной ментальности – главного драйвера коррупционной преступности. Теоретическая значимость работы заключается также в формировании доктринальных основ для дальнейшего изучения субъекта коррупционных

преступлений и личности коррупционера в рамках не только уголовно-правовых, но и других наук, в том числе социологии и психологии.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные автором теоретико-прикладные выводы и предложения могут использоваться в нормотворческом процессе (при подготовке новых либо изменении действующих положений уголовного закона); в деятельности Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации при обобщении судебной практики по делам о коррупционных преступлениях и формировании разъяснений и обзоров по соответствующим вопросам применения уголовного законодательства; в деятельности судов различных инстанций, рассматривающих уголовные дела о коррупционных преступлениях; в деятельности органов предварительного расследования, возбуждающих и расследующих уголовные дела данной категории; в деятельности иных субъектов предупреждения коррупционной преступности. Изложенные в работе выводы, предложения и рекомендации могут быть также использованы в учебном процессе образовательных организаций различного профиля при преподавании таких дисциплин, как «Уголовное право», «Уголовное право зарубежных стран», «Криминология», а также отдельных специальных курсов, например «Коррупционные преступления», «Личность коррупционного преступника», «Теоретические основы квалификации преступлений» и т.д. Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы в процессе повышения квалификации судей, прокуроров, сотрудников органов предварительного расследования и иных правоохранительных органов, адвокатов, а также для информирования граждан, интересующихся вопросами противодействия коррупции.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики и кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени

Патриса Лумумбы» и рекомендована к защите. Здесь же проводилась апробация результатов исследования в процессе его подготовки.

Основные теоретические положения и выводы нашли отражение в 54 научных работах автора, из них 2 авторских монографии, 27 статей опубликованы в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации/Перечня РУДН, 6 из которых опубликованы в международных научных журналах Web of Science и Scopus, и 2 статьи в журналах К1 и К2.

Кроме того, отдельные выводы и рекомендации автора были изложены в форме докладов на международных и иных научно-практических конференциях, круглых столах, в частности: Международном круглом столе «Правовая политика в области профилактики преступности против свободы и проблемы их предупреждения» (Тамбов, 14 мая 2010 года), IV Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономический, исторический и правовые аспекты модернизации современной России» (Кизляр, 7 мая 2010 года), Международной научно-практической конференции «Уголовный закон: проблемы и перспективы» (Тамбов, 15 апреля 2011 года), Межрегиональной научно-практической конференции (Томск, 21 февраля 2011 года), IX Российского конгресса уголовного права «Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен» (Москва, 29-30 мая 2014 года), Международной научной конференции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства» (Москва, 13 ноября 2014 года), Международной научно-практической конференции «Правовые системы Республики Таджикистан и стран СНГ: состояние и проблемы» (Душанбе, 23 октября 2015 года), Международной научно-практической конференции «Верховенство закона и права человека» (Москва, 22 декабря 2015 года), Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность как уголовно-правовая и криминологическая категория» (Тамбов. 3 марта 2015 года),

Международной научной конференции «Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (Москва, 20 ноября 2015 года), The World Engineering Education Forum & The Global Engineering Deans Council (WEEF & GEDC), (South Korea, Seoul, 3 of November 2016), V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика» (Тамбов, 16-17 апреля 2016 года), Международной научно-практической конференции «Государственная политика противодействия коррупции России и за рубежом: состояние и перспективы» (Тамбов. 9 декабря 2016 года), Международной научно-практической конференции «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы» (Москва, 18-19 октября 2017 года), Proceedings of ADVED 2018- 4th International Conference on Advances in Education and Social Sciences (Turkey, Istanbul, 15-17 October 2018), Международной научно-практической конференции «Противодействие незаконной миграции и иным угрозам безопасности государства, общества, личности» (Москва, 16-17 ноября 2018 года), Международной научно-практической конференции «Игнатовские чтения» (Москва, 14 ноября 2019 года), 6th International conference on education, social sciences and humanities, (Turkey, Istanbul, Socioint, 24-26 June 2019),Международной научно-практической конференции «Игнатовские чтения», посвященные 85-летию В.Н. Махова (Москва, 19 ноября 2020 года).

Основные положения диссертации внедрены в учебный процесс ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» и ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», где они используются при проведении лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Уголовное право», «Уголовное право зарубежных стран», «Криминология».

Практические выводы и предложения диссертационного исследования были внедрены в правоприменительную деятельность Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного

Управления Министерства внутренних дел России по городу Москве, Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, в деятельность Правового Управления Федерального государственного унитарного предприятия Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, Московской коллегии адвокатов «Муркштис, Калиненко и партнеры», Адвокатского бюро «Бельский и партнеры».

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, объединяющих 17 параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

Глава I. Коррупционная преступность как глобальная проблема современности

§ 1.1. Коррупционная преступность и формы ее сдерживания в современную эпоху неоглобализма

Коррупция и коррупционная преступность давно превратились в глобальную опасность, угрожающую отдельным странам, континентам и миру в целом. В Отчете о глобальных рисках за 2021 год, опубликованном Всемирным экономическим форумом, коррупция упоминается многократно и в различных контекстах. Например, коррупцию, называют в числе основных факторов, которые повлекли в 2020 году массовые протесты в разных странах мира, в том числе и протесты среди молодежи, поскольку провалы в молодежной политике обусловлены среди прочего неудовлетворительным администрированием, неравенством возможностей различных поколений и тотальной коррупцией. Именно коррупция во многом повинна в нерешенных проблемах занятости в мире[9].

Если посмотреть карту глобальных рисков, то многие из них имеют именно коррупционную составляющую. Например, вредное антропогенное воздействие на окружающую среду (в частности, хищническая незаконная добыча природных ресурсов) невозможно без мощного коррупционного «обеспечения». Такие глобальные риски, как цифровое неравенство, концентрация цифровой власти в одних руках и угрозы кибербезопасности, тоже имеют мощное коррупционное наполнение[10], а пандемия COVID-19 имела такие разрушительные последствия в том числе из-за коррумпированности системы здравоохранения во многих странах и

[9] См.: The Global Risks Report 2021. 16th Edition insight report. Pp. 22, 45, 67. // URL: https://www.weforum.org/agenda/2021/01/global-risks-report-2021 (дата обращения: 27.01.2021).
[10] См.: The Global Risks Report 2021. 16th Edition. P. 7.

неспособности органов государства, пораженных коррупцией, наладить процесс борьбы с коронавирусной инфекцией.

Достаточно посмотреть на цели в области устойчивого развития человечества («Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»), чтобы понять – успеха в их достижении не будет, если не минимизировать коррупционные риски и угрозы (в число этих целей входят: ликвидация нищеты; ликвидация голода; хорошее здоровье и благополучие; качественное образование; гендерное равенство; чистая вода и санитария; недорогостоящая и чистая энергия; достойная работа и экономический рост; индустриализация, инновации и инфраструктура; уменьшение неравенства; обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов; ответственное потребление и производство; борьба с изменением климата; сохранение морских экосистем; сохранение экосистем суши; содействие построению миролюбивого общества и обеспечение доступа к правосудию; партнерство в интересах устойчивого развития)[11].

Сегодня, в условиях оформляющегося многополярного мира, коррупция стала мощным инструментом воздействия на национальные элиты со стороны транснациональных корпораций, международных финансовых организаций и зарубежных правительств. Отцу Александра Македонского Филиппу приписывают следующее выражение: «Осел, груженый золотом, возьмет любую крепость»[12]. Увы, но это античное правило эффективно работает и теперь – объявленный несколько лет назад Президентом России В.В. Путиным курс на деофшоризацию российской элиты призван максимально снизить риски национальной безопасности, возникающие в связи с финансово-имущественной заинтересованностью ряда высоких российских чиновников, политиков, бизнесменов, подстегиваемой из-за рубежа[13].

---

[11] См: URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 27.01.2019).
[12] URL: https://aforisimo.ru/pro-dengi/21059.html (дата обращения: 27.01.2019).
[13] См.: Богданов К. Путин ориентирует элиты на "деофшоризацию" – теперь ход за ними // URL: https://ria.ru/20121212/914525403.html (дата обращения: 27.01.2019).

Данное положение лучше всего иллюстрирует высказывание Збигнева Бжезинского: «…поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках (*сумма на момент высказывания – О.К.*), вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?»[14].

Коррупционное воздействие со стороны глобальных и зарубежных акторов, направленное на политическую, экономическую, оборонную, образовательную и культурную сферы, представляет собой давно испытанное средство ограничения национального суверенитета и необходимое условие перевода страны под внешнее управление. И это никакое не преувеличение, не сгущение красок, не «нагнетание истерии». В доказательство достаточно привести слова известного ученого-криминалиста Ю.В. Голика: «Еще в 1992 году мне доводилось видеть справочники, подготовленные соответствующими западными службами, в которых были достаточно подробно описаны федеральные и московские чиновники, а также точечно некоторые региональные чиновники со всеми их «слабостями»: что, сколько и за что берут. Разумеется, все международные жулики (и не только жулики) охотно и, видимо, эффективно пользуются такой информацией. Вот почему в США недавно принято решение о финансировании создания двух банков данных: открытого и закрытого. Первый предназначен для всех, второй – для тех, кому это нужно «для дела». Как мне было сказано в одной приватной беседе: «Это про вас, но не для вас». Иными словами, ***это уже государственная политика*** (*курсив мой – О.К.)»*[15].

Если такое положение наблюдалось в начале 90-х годов прошлого века, когда российская власть была ориентирована на североатлантическую и западноевропейскую гегемонию, то можно представить, какую интенсивность коррупционное влияние имеет сейчас, когда Россия ведет самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, невзирая на санкционное и прочее

[14] URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/452387-zbignev-kazimezh-bzhezinskii-rossiia-mozhet-imet-skolko-ugodno-iadernykh-chemodanch/ (дата обращения: 27.01.2019).

[15] Голик Ю.В. Коррупция в России: норма жизни или патология? // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сб. материалов Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.) / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юристъ,. 2001. С. 50-51.

недружественное воздействие извне. Особенно это стало актуальным в наши дни, когда Россия проводит специальную военную операцию на территории Украины. Ведь не случайно распространённым средством воздействия со стороны западных стран являются угрозы начать поиск и конфискацию огромных денежных средств и иного имущества, которые коррумпированная и влиятельная российская бюрократия держит за рубежом[16].

Современная криминологическая литература оперирует таким понятием, как «глобальный криминальный проект». Например, И.М. Клейменов относит к таким проектам «целенаправленные усилия по глобальной наркотизации населения, особенно активные по отношению к ряду стран, включая Россию»[17]. Помимо этого, в число таких проектов можем *прямо отнести глобальный рынок торговли людьми, глобальный рынок огнестрельного оружия, глобальную систему финансовых преступлений, организованную транснациональную преступность и коррупцию*[18].

Коррупционную преступность без всяких сомнений необходимо относить к угрозам национальной и общественной безопасности: именно это и отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 43), а борьба с ней отнесена к главным направлениям обеспечения такой безопасности[19]. В связи в этим верна позиция тех авторов, которые относят преступления, включенные в гл. 30 УК РФ, к преступлениям против внутреннего суверенитета государства, поскольку они подрывают государственную власть изнутри[20].

Отнесение коррупции к глобальным криминальным проектам означает также, что коррупционные преступления формируют соответствующий криминальный рынок услуг. По словам А.Л. Репецкой, рынок коррупционных

---

[16] См.: Хвостик Е. Британские депутаты хотят раскрыть офшорные активы состоятельных россиян. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3614413 (дата обращения: 10.02.2021); Тарасенко П., Мареева Е. Российские инвестиции вызывают на допрос URL: https://www.kommersant.ru/doc/3586944 (дата обращения: 10.02.2021).
[17] Клейменов И.М. Сравнительная криминология. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 16.
[18] URL: https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime/Project-Millennium.
[19] См: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // URL: http: www.pravo.gov.ru
[20] См.: Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2017. С. 168.

услуг в России является самым активным: количество потребителей огромно, коррупционные услуги охватывают самые различные сферы государственной и общественной жизни (приватизация государственной собственности, распределение бюджетных средств, предоставление эксклюзивных прав, правоохранительная деятельность и т.д.). Например, среди сфер, где спросом пользуются коррупционные услуги правоохранительных органов, можно назвать незаконный оборот леса, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, угоны автотранспортных средств, проституцию, бутлегерство, подделку документов с целью сбыта[21].

Борьба с коррупционными преступлениями как с самостоятельным видом преступности ведется в разных странах мира, исходя из тех или иных стратегий, моделей, форм и методов. Например, О.В. Старков выделяет следующие методы воздействия на преступность: борьба с преступностью, война с преступностью, организация воздействия на преступность, компромисс с преступностью, реабилитация социальных «отклоненцев» разного толка (проституток, наркоманов, осужденных к лишению свободы и освобожденных от отбывания наказания)[22].

Нетрудно заметить, что тот или иной метод воздействия на преступность избирается в зависимости от характера и степени общественной опасности совершаемых преступлений и личности преступников либо личности тех, кто вовлечен в «фоновые» явления, служащие питательной средой для преступности (наркомания, проституция, алкоголизм и т.д.). В связи с этим необходимо обратиться к позиции Н.А. Лопашенко о ядре преступности, включающем «в себя определённое количество преступлений, которое относительно стабильно для данных условий времени, территории, государства и на которое не оказывает почти никакого воздействия уголовный закон. Это ядро вбирает в себя такие разновидности отклоняющегося

[21] См.: Репецкая А.Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. N 1. С. 24-33.
[22] См.: Старков О.В. Предупреждение преступлений: учебное пособие. М.: Юристъ, 2005. С. 18-19.

поведения людей, которые всегда, при любом государственном режиме опасны». Эффективность же уголовного закона будет зависеть прежде всего от того, кому адресован уголовный закон, на кого он в принципе в определённых ситуациях может оказать упреждающее воздействие[23] (*от «группы таргетирования» уголовного закона – О.К.).*

Существует расхожее мнение, что состояние, уровень и динамика коррупции в различных странах мира отображается в отчетах организации Transparency International (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации). Речь идет о т.н. индексе восприятия коррупции (Corruption perception index). Этот индекс ранжирует страны, участвующие в исследовании, якобы, от наименее коррумпированных к наиболее коррумпированным[24].

Надежность и беспристрастность этих индексов уже не раз вызывали вопросы у специалистов. Как справедливо подчеркивают Е. Немéтх, Б. Т. Варга и К.Á. Пáлыи, сами по себе способы измерения коррупции, на основе которых происходят ранжирование и возможная стигматизация стран, оказывают существенное социально-экономическое влияние. *Опубликование страновых индексов восприятия коррупции в открытом доступе может сказаться на желании инвестировать в ту или иную страну. Эти индексы могут выступать в качестве средства воздействия в тех случаях, когда то или иное государство рассчитывает на помощь, например, Международного Валютного Фонда*[25]. Эти же авторы подчеркивают, что, если организация получает финансовую помощь от государства, которое потом этой же организацией оценивается, то вряд ли можно говорить об абсолютно

[23] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 519, 521.
[24] См.: Corruption perception index 2022. // URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2022. (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)
[25] См.: Neméth E., Varga B. T., Pályi K.Á. The Scientific Reliability of International Corruption Rankings // Public Finance Quarterly. 2019. N 3. P. 320.

беспристрастных и объективных оценках, которые организация даст этому государству.

Бюджет Transparency International (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации), как известно, формируется в основном за счет пожертвований со стороны министерств иностранных дел европейских стран, которые в то же время подлежат оценке со стороны этой структуры, что и выражается в ежегодных исследованиях[26]. Более того, помимо финансовой помощи со стороны государств, она получает дотации от негосударственных организаций, включая крупные корпорации, осуществляющие глобальные инвестиции (например, концерн Siemens AG), либо неправительственных организаций, фондов, организаций по защите гражданских прав, которые традиционно следуют в фарватере внешнеполитических интересов США[27].

Измерить (как количественно, так и качественно) уровень коррупционной преступности вообще и отдельных ее видов в частности (например, взяточничества) – это задача крайне сложная и едва ли успешно решаемая. Все полученные результаты будут во многом условны, а, нередко и субъективны. По понятным причинам ни одна методика измерения не может дать точного результата, и судить об уровне коррупции, ее характере и динамике можно только на основе постоянного мониторинга и использования всего арсенала методов научного исследования, а не только одного какого-либо индекса, возводимого иногда в абсолют. Как отмечает итальянский специалист Алессандро Мерли, «*…имидж Италии как страны, более коррумпированной чем большинство других, основан не столько на точных данных, сколько на нескольких индексах восприятия коррупции* (курсив мой. – *О.К.*)»[28].

[26] См.: Neméth E., Varga B. T., Pályi K.Á. Op. cit.
[27] См.: Kriege J. The Ford Foundation, European Physics and the Cold war // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 2019. 29(2). p. 333-361.
[28] См.: A. Merli Lessons from Italy's Anti-Corruption Efforts // Brazil: Boom, Bust and the Road to Recovery. A. Spilimbergo and K. Srinivasan. International Monetary Fund, 2018. P. 343.

Помимо рейтинга коррупционности стран на основании вышеуказанного индекса восприятия коррупции существуют и другие: индекс экономической свободы (Heritage foundation), рейтинг Мирового банка, индекс непрозрачности (The Opacity Index)[29]. Как совершенно справедливо отмечают Л. Пеллегрини и Р.Герлагх, взяточничество присуще всем странам не зависимо от различий в уровне жизни и правовой системы: *оно существует и в демократических странах, и в авторитарных государствах.* Коррупционные скандалы затрагивают и те страны, которые считаются свободными от коррупции (free-from-corruption).

В частности, случай с коррупционными преступлениями в государственной компании ELF продемонстрировал, что в компании, которой владеет французское государство, был «повсеместно» коррупционный менеджмент[30]. Газета The Guardian в свое время назвала это событие «крупнейшим политическим и экономическим коррупционным скандалом со времен Второй мировой войны, который потряс западную демократию». В итоге бывший глава компании Лоик ле Флох-Прижан был осужден к пяти годам тюремного заключения и денежному штрафу в размере 375 тыс. евро. Как показал сам ле Флох-Прижан, ELF выплачивала не менее 5 млн. евро ежегодно всем основным политическим партиям Франции, чтобы купить их поддержку[31].

Еще раньше в той же Франции прогремел «коррупционный скандал Лафайет» (“Lafayette Corruption Scandal”), начавшийся в 90-х годах прошлого века, когда французская компания Thomson продала Тайваню по коррупционной схеме шесть фрегатов, обойдя своего конкурента – компанию из Южной Кореи. Впоследствии выяснилось, что практика подкупа иностранных должностных лиц была весьма распространена у французских

[29] См.: Антикоррупционная политика: [учеб. пособие для студентов вузов по специальностям упр., экономика, право, социология, политология] / под ред. Г.А. Сатарова. М.: РА «СПАС», 2004. С. 99-104.
[30] См.: Pellegrini L., Gerlagh R.. Causes of corruption: a Survey of Cross-Country Analyses and Extended Results // Economics of Governance 2008. 9(3). P. 245-263.
[31] См.: Henley J. Gigantic Sleaze Scandal Winds Up as Former Elf Oil Chiefs are Jailed // The Guardian. 2003. November 13.

компаний. И эту практику одобряло само французское правительство. Государство лишь требовало, чтобы о таких комиссионных, выплачиваемых гражданам и должностным лицам за рубежом при проведении деловых операций, компании сообщали в Министерство финансов[32]

Обвинения в коррупции, выдвинутые в свое время против Президента Франции Ж. Ширака, не имели «судебной перспективы», поскольку его, как главу государства, защищал иммунитет, и всё же в 2011 году бывший глава Французской Республики Ж. Ширак был признан виновным в коррупционных преступлениях, совершенных им еще на посту мэра Парижа. Он был приговорен к двум годам тюремного заключения за злоупотребление доверием, незаконное завладение бюджетными средствами и неправомерное использование своего должностного положения[33].

Коррупционные скандалы не раз сотрясали и респектабельную Германию. Например, бывший канцлер Германии Г. Коль был в свое время подвергнут штрафу за финансовые нарушения во время избирательной кампании его партии (получение незаконной финансовой помощи). Коль заплатил штраф, эквивалентный 100 тыс. фунтов стерлингов, взамен на отказ прокуратуры передавать его дело, по обвинению в получении незаконных финансовых пожертвований в суд[34]. Грандиозный резонанс в мире вызвали антикоррупционные расследования в отношении немецкого концерна Siemens, о чем будет еще сказано ниже.

Коррупционные кейсы в странах Северной Европы, которые считаются государствами, «свободными от коррупции» (free-from-corruption), также становятся достоянием гласности. Например, расследования в отношении шведской компании Systembolaget (дистрибьютера алкогольной продукции, обеспечивающего государственную монополию) и норвежской нефтяной компании Statoil весьма чувствительно сказались на «белоснежной»

[32] См.: Hung-En Sung. Transnational Corruption in Weapons Procurement in East Asia: A Case Analysis // Sociological Focus. 2009. 42(3). August. P. 254-261.
[33] См.: Chirac Found Guilty on Corruption Charges // URL: https://edition.cnn.com/2011/12/15/world/europe/france-chirac/index.html (дата обращения: 07.10.2021).
[34] См.: Hooper J. Kohl pays fine to avoid trial // The Guardian. 2001. February 9.

антикоррупционной репутации государственных чиновников и бизнеса северных стран. В частности, сотрудники этой шведской монополии (по меньшей мере 90 человек) получали взятки от поставщиков алкогольной продукции, с тем чтобы обеспечить им лучшие полочные площади. Пикантность ситуации придавало и то, что исполнительным директором компании была А. Штеен – любовница тогдашнего премьер-министра Швеции Г.Перссона[35]. В сентябре 2003 года в отставку подали несколько руководителей Statoil на фоне подозрений в том, что эта государственная компания подкупала иранских чиновников для получения режима наибольшего благоприятствования в стране[36].

Как видим, респектабельные западные бизнесмены и политики топового уровня, на словах клеймящие коррупцию и объявляющие публично нулевую толерантность по отношению к ней, на деле не гнушаются использовать коррупционные технологии для достижения своих целей. Это наглядно демонстрируют кейсы коррупционного поведения крупного западного бизнеса в различных точках планеты.

В 2012 году грянул коррупционный скандал в Швеции, когда стало известно, что крупнейшая телекоммуникационная компания этой страны «Тейла» вела «подозрительные дела» с дочерью И. Каримова – тогдашнего главы Узбекистана. В 2017 году компания признала эти теневые сделки, противоречащие законодательству, и согласилась выплатить рекордный штраф на сумму 965 млн долларов США в пользу шведской, голландской и американской казны. Расследование этого дела закончилось в 2018 году, когда персональную ответственность должны были понести три бывших руководителя компании. Обвинение утверждало, что в период с 2007 по 2010 год «Тейла» заплатила Г. Каримовой взяток на сумму свыше 400 млн долларов США в обмен на разрешение работать в Узбекистане и получение лицензии на

[35] См.: Corruption Blackens Nordic Region´s Lily-White Image. URL: https://www.globalpolicy.org/component/content/article/172/30249.html (дата обращения: 07.10.2020).
[36] См.: Corruption Blackens Nordic Region´s Lily-White Image.

телекоммуникационную деятельность. Однако обвинению не удалось доказать, что Каримова формально была государственным служащим, несмотря на ее политическое влияние, поскольку, согласно законодательству Швеции, дать взятку можно только такому специальному субъекту - получателю взятки. Это повлекло оправдание обвиняемых[37].

Случались коррупционные бизнес-скандалы и в Финляндии. Так, в 2012 году финская полиция начала предварительное расследование в отношении директора по недвижимости крупного супермаркета HOK-Elanto. Он обвинялся в получении взяток на сумму в 700 тыс. евро от нескольких строительных компаний, включая компанию Skanska (всемирно известный шведский девелопер). Как утверждало обвинение, эти деньги выплачивались под видом финансирования хобби дочери директора, которая увлекалась верховой ездой в период с января 2005 по апрель 2012 года. Однако в октябре 2019 года суд признал собранные доказательства недостаточными для того, чтобы признать это лицо виновным в получении взяток от строительных компаний в обмен на контракты для них[38]. Другим нашумевшим коррупционным делом в этой же стране было известное дело «Патрия» (Patria case). Государственная оружейная компания «Патрия» была обвинена во взяточничестве при продаже военных судов в Словению в 2008 году. В 2013 и в 2015 годах соответственно в Словении и в Австрии были предъявлены обвинения посредникам этих сделок, однако особенности финского законодательства не позволили привлечь к ответственности истинных «плательщиков» взяток[39].

Нередки коррупционные скандалы и в тех восточно-европейских странах, которые вступили в Европейский союз сравнительно недавно. Как отмечает З. Милошевич, в чешском парламенте есть «неформальный рынок», на котором «продаются» законы: заплатив депутатам и их политическим

---

[37] См.: Romberg A. Nordic Countries Are not Corruption Free // URL: https://www.nordicbusinessethics.com/2019/12/09/nordic-countries-are-not-corruption-free / (дата обращения: 07.10.2020).
[38] См.: Romberg A. Op. cit.
[39] См.: Romberg A. Op. cit.

партиям, предприниматели и иные состоятельные лица могут «приобрести» нужный закон, а в 1997 году Чехию потряс коррупционный скандал, который привел к смене правительства: выяснилось, что лидирующие политические партии получали деньги от бизнеса на предвыборную кампанию[40].

Все вышесказанное еще раз наглядно показывает, *что ни одна страна мира не может сегодня претендовать на звание абсолютно свободной от коррупции.* Иное дело, что многие экономически благополучные страны с развитой политической системой могут успешно противодействовать этому явлению, которое не является для них системным и не представляет угрозу их развитию в целом, в то время как для других государств коррупция в самом деле превратилась в гигантский метастаз, ставящий порой, под угрозу физическое выживание населения в этих странах.

Нельзя не отметить, что, благодаря вниманию руководства России к этой проблематике, мобилизации всевозможных усилий, в нашей стране наблюдаются определённые успехи в борьбе с коррупцией, в т.ч. в борьбе с так называемой VIP-коррупцией (о чем еще будет сказано подробнее). Как отмечал в свое время глава Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, в период с 2011 года по 2020 год в суд было направлено свыше 90 тыс. уголовных дел о коррупции, возмещено государству и потерпевшим от преступлений гражданам почти 34 млрд рублей, наложен арест на имущество обвиняемых на сумму 76,8 млрд рублей. Только в 2020 году возбуждено 15 217 уголовных дел по фактам совершения коррупционных преступлений, что на 4% больше чем в 2019 году. Расследовано 15 861 коррупционное преступление в отношении 7420 обвиняемых. В ходе следствия возмещен ущерб более чем на 2,3 млрд рублей и наложен арест на имущество обвиняемых на сумму 8 млрд 137 млн рублей (по уголовным делам, расследование которых завершено). Сумма добровольно возмещенного,

[40] См.: Милошевич З. Политические партии и коррупция // Вестник Череповецкого государственного университета 2018. (2) 17. С. 98-105.

изъятого и арестованного имущества почти на 80% покрывает размер причиненного коррупционными преступлениями ущерба[41].

Только в 2020 году в России осудили 7,5 тыс. лиц, признанных виновными в совершении преступлений коррупционной направленности. Об этом сообщил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев[42].

В уголовно-правовой и криминологической литературе было немало дискуссий относительно того, что считать коррупцией. Такие видные западные исследователи коррупции как, В.Танзи, С. Роуз-Акерман и Д. Кауфман, соглашаются с тем, *что коррупция — это злоупотребление представленными полномочиями в личных целях*. Фактически такое же определение дает и Мировой банк (World Bank).[43] Если брать за основу классическое определение преступности, которое было дано еще Н.Ф. Кузнецовой[44], то *коррупционную преступность можно определить как систему коррупционных преступлений, совершаемых на определенной территории (в районе, городе, регионе, государстве и т.д.) за определённый период времени.*

Особенностью практически всех существующих международных антикоррупционных соглашений является то, что понятие коррупции дается через перечисление деяний, которые к ней относятся: например, ст. 16-26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, ст. 4 Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней от 11 июля 2003 года, ст. 3 Протокола против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 года. В частности, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года предусматривает в качестве

[41] См.: Бастрыкин: Путину регулярно сообщают о коррупции в высших эшелонах власти (интервью А.И. Бастрыкина. Записала Д. Хануна). URL: https://ria.ru/20201209/korruptsiya-1588207057.html (дата обращения: 15.02.2021).

[42] См.: В 2020 году в России осудили 7,5 тыс. коррупционеров. URL: https://tass.ru/obschestvo/10659605 (дата обращения: 15.02.2021).

[43] См.: Ahmed Alaa Fayed. Researching Corruption: Understanding its Key Conceptions // Rule of Law and Anticorruption Centre Journal. 2018. (1). 3. P. 1.

[44] См.: Кузнецова Н.Ф. Избранные труды / предисл. В.Н. Кудрявцева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 651.

коррупционных следующие деяния: *подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп в частном секторе; отмывание доходов от преступлений; сокрытие; воспрепятствование осуществлению правосудия*.

Российское законодательство о противодействии коррупции в том отношении не отличаются от ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ[45] «О противодействии коррупции» в действующей редакции также перечисляет коррупционные деяния, не давая общего определения коррупции. В соответствии с этим законом к коррупции относятся: *злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; вышеуказанные деяния, совершенные от имени или в интересах юридического лица*.

Нельзя, конечно же, не упомянуть приложение (перечень N 23 «Преступления коррупционной направленности») к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25 декабря 2020 г. N 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», в котором к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже

[45] Российская газета. 2008. 30 дек.

признаки: **1)** *наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ*; **2)** *связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;* **3)** *обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);* **4)** *совершение преступления только с прямым умыслом*[46]**.**

Исключением являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды. Все преступления корыстной направленности разделены на две группы: первая относится к *преступлениям коррупционной направленности без дополнительных условий* (предусмотрены ст.141.[1], 184, п. "б" ч.3 ст.188, ст.200[5], 200[7], 201[1], 204, 204[1], 204[2], п. "а" ч.2 ст.226[1], п. "б" ч.2 ст. 229[1], ст.289, 290, 291, 291[1], 291[2] УК РФ), вторая – *при наличии дополнительных условий* (например, преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом: пп. "а" и "б" ч.2 ст.141, ч.2 ст.142, ст.170, 200[4], 200[6], 201, 202, ч.2 и

[46] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.08.2021)

2.1 ст.258[1], ст.285, 285[1], 285[2], 285[3], ст.285[4], ч.1 и 2 и п. "в" ч.3 ст.286, ст.292, ч.3 ст.299, ч.2 и 4 ст.303, ст.305 УК РФ).

Обратим внимание, что такое деяние, как злоупотребление полномочиями и превышение полномочий, в число коррупционных попадает только *при наличии корыстного мотива*, поэтому не всякое преступление, квалифицируемое по ст. 201, 285, 286 УК РФ, можно сразу же относить к коррупционным. Выходит, что установление *только мотива личной заинтересованности* не позволит отнести эти преступления именно к коррупционным.

Анализ действующих актов международного и национального уголовного права, материалов судебной практики и монографической научной и иной литературы, посвященной борьбе с коррупцией, позволяет разбить все коррупционные преступления в зависимости от тех или иных критериев на несколько групп. Эти критерии, в свою очередь, можно разделить на **уголовно-правовые и криминологические.**

Обоснованность таких критериев, как нам представляется, уже подтверждалась некоторыми отечественными исследователями. Так, Н.В. Хлонова отмечала, что коррупция классифицируются по различным основаниям: *субъектам; степени коррупционного обмена; сфере возникновения и распространения, степени предсказуемости; целям субъектов коррупции; общественной опасности; уровню; степени открытости коррупционного мотива; вовлеченности лица в коррупционные правонарушения и др.* [47].

Палитра *уголовно-правовых критериев* позволяет нам провести классификацию коррупционных преступлений, однако оговоримся сразу, что те критерии, которые относятся к субъекту преступления, будут нами рассмотрены в соответствующих главах.

[47] См.: Хлонова Н.В. Коррупция в системе государственной службы России и Германии и ее предупреждение: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2011. С. 15.

- ***В зависимости от особенностей объективной стороны*** все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы:

а) преступления, связанные с подкупом (получение и дача взятки, получение и передача предмета коммерческого подкупа вне зависимости от размера предмета взятки или коммерческого подкупа; посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе; подкуп работника контрактной службы, контактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок);

б) преступления, связанные с хищением имущества (присвоение или растрата, мошенничество с использованием служебного положения и т.д.);

в) иные коррупционные преступления (превышение должностных полномочий, злоупотребление полномочиями, служебный подлог, торговля влиянием, незаконное обогащение, незаконное участие в предпринимательской деятельности и т.д.).

Следует заметить, что похожая классификация дается в Модельном законе СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике», правда, этот документ делит все коррупционные преступления только на две группы: 1) коррупционные преступления, связанные с подкупом; 2) все иные коррупционные преступления. При этом данный Закон под коррупционными понимает самые разные деяния, имеющие признаки коррупции и расположенные в самых разных главах уголовных кодексов[48].

В некоторых случаях иные коррупционные преступления совершаются после деяний, входящих в первые две группы. Например, незаконное обогащение является следствием получения взяток или хищения имущества.

- ***В зависимости от основного объекта посягательства преступлений, затрагивающих:***

[48] См.: URL: http://docs.cntd.ru/document/901898824 (дата обращения: 21.02.2021).

а) интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления (в частности, ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ);

б) интересы службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201, 201^1., 203, 204, 204^1, 204.2 УК РФ);

в) отношения собственности (ст. 160, 159 (ч.3), 164 УК РФ);

г) отношения в сфере экономической деятельности (в частности, ст. ст. 183, 184, 200^5, 200^7 УК РФ);

д) интересы правосудия (в частности, ст. 304, 309 УК РФ)

е) иные блага и интересы (в частности, ст. ст. 141 (ч.2 п.,«а», «б»), 209 (ч.3), 210).

В литературе высказывалась позиция о том, что коррупционные преступления делятся на три категории в зависимости от объекта посягательства: а) посягающие на права и свободы граждан; б) посягающие на отношения в сфере экономической деятельности коммерческих и иных организаций; в) посягающие на отношения в сфере государственного управления. Также отмечается, что эти преступления могут быть однообъектными и многообъектными, предметными и беспредметными[49].

- В зависимости от типа состава коррупционных преступлений они могут быть разделены на:

а) преступления с материальным составом (превышение должностных полномочий – ст. 286 УК РФ);

б) преступления с формальным составом (получение взятки – ст. 290 УК РФ);

- В зависимости от источника уголовного права все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы:

а) преступления, запрещенные в конституциях государств (Конституция США, ст. IV «Президент, Вице-Президент и все гражданские служащие

[49] См.: Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2015. С. 20.

Соединенных Штатов Америки отстраняются от должности в результате импичмента, если они будут признаны виновными в государственной измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и уголовных проступках»);

б) преступления, запрещенные в международных договорах универсального, межрегионального, регионального, субрегионального, двустороннего характера (Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, Межамериканская конвенция против коррупции Организации американских государств от 29 марта 1996 года, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 года[50], Протокол против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 года, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией от 25 декабря 2013 года).

в) преступления, запрещенные в кодифицированных актах уголовного законодательства – уголовных кодексах либо уголовных уложениях (Уголовный кодекс РФ; Уголовное уложение ФРГ - §§ 299-300,331-334; Уголовный кодекс Франции – статьи 432-11, 432-10, 432-15);

г) преступления, запрещенные в отдельных уголовно-правовых статутах (Закон ЮАР N 12 от 27 апреля 2004 года[51] «О предупреждении и борьбе с коррупционными деяниями» Закон Великобритании о взяточничестве 2010 года – Bribery Act 2010);

д) преступления, запрещенные в уголовно-правовых нормах, содержащихся в актах позитивного регулирования (Закон ФРГ против недобросовестной конкуренции 2004);

---

[50] Россия данную Конвенцию денонсировала (Федеральный закон от 28.02.2023 N 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // "Российская газета", N 45, 02.03.2023)

[51] См.: Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. URL: https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

е) преступления, запрещенные в иных источниках права (например, в нормах исламского права, содержащихся в Коране и Сунне[52]).

- Для государств с федеративным устройством, все коррупционные преступления можно разделить на две группы:

а) преступления, запрещенные уголовным законодательством самой федерации (Свод законов США, раздел 18, глава 11, § 201);

б) преступления, запрещенные уголовным законодательством субъектов федерации (штатов, земель, провинций), если законом такое уголовное законодательство субъектов федерации допускается (Уголовный кодекс штата Нью-Йорк, § 200.00 – 200.15).

В отечественной уголовно-правовой литературе встречаются и другие классификации коррупционных преступлений. Например, их разделяют на *публичные и непубличные*[53]. В то же время в зарубежных источниках можно встретить следующую классификацию коррупционных преступлений: *1) взяточничество; 2) кража и растрата; 3) мошенничество; 4) фаворитизм и непотизм; 5) вымогательство и шантаж*[54].

Коррупционные преступления (в частности, связанные с подкупом) содержатся, как известно, в разных главах и разделах Уголовного кодекса РФ, например, в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», гл. 29 «Преступления против конституционного строя и безопасности государства», гл. 31 «Преступления против правосудия». В литературе выделяют коррупционные преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, коррупционные преступления против собственности, коррупционные преступления экономической деятельности, коррупционные преступления против общественной безопасности,

---

[52] См.: Aina-Obe Shamsuddin Bolatito. The Muslim-Ethical Norms Combat against Corruption; Are Islamic Perspective been Met in Practice? // International Journal of Science and Research. V.5. Issue. 5. 2016. P. 3.

[53] См.: Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. 3-е изд. М.: Институт государства и права РАН, 2017. С. 60-64.

[54] См.: Ahmed Alaa Fayed. Op. cit. P. 4.

коррупционные преступления против здоровья населения и общественной нравственности, коррупционные преступления против правосудия[55].

Если говорить о *криминологических критериях*, то, используя их, можно выделить следующие виды коррупционных преступлений.

- В зависимости от пола (социально-демографический признак личности преступника) выделяют коррупционные преступления, совершенные:

а) мужчинами;

б) женщинами.

В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на исследование, которое провел Д. Джэнксикс. Оно посвящено изучению проблем коррупции в таком мощном правоохранительном органе США, как Служба таможни и защиты границ. Эта Служба, в свою очередь, входит в Министерство национальной безопасности США (US Department of Homeland Security) и состоит из двух самостоятельных подразделений: Пограничный патруль и Отдел полевых операций (таможенники). Исследования Д. Джэнксикса показали, что большинство лиц, совершающих в этой Службе коррупционные преступления, – мужчины (88,5%). Несмотря на то, что женщины в общем числе работающих в этой Службе составляют всего 5% (минимальный показатель среди всех правоохранительных органов США), процентное соотношение коррупционных преступлений, совершенных женщинами (11,5%), превышает аналогичный показатель в других правоохранительных органах[56].

- В зависимости от ведомственной принадлежности лица, совершившего коррупционные преступления:

[55] См.: Букалерова Л.А., Дворянсков И.В., Остроушко А.В. Коррупционные преступления и коррупционная преступность: учеб. пособие. М.: РУДН, 2013. С. 3.

[56] См.: Jancsics D. Law Enforcement Corruption Along U.S. Borders // Security Journal. October 2019.

Согласно этому критерию, можно выделить коррупционные преступления сотрудников полиции, следственных органов, таможенных, пограничных служб, суда и т.п.

Исследования того же Дженксикса показали, что 66,2% коррупционных преступлений совершили сотрудники таможенной службы (custom officers), а 33,8% таких преступлений совершили сотрудники пограничной охраны (border patrol agents)[57].

Кстати говоря, именно Службу таможни и защиты границ США считают наиболее коррумпированной в этой стране: за последние несколько лет были арестованы 140 ее сотрудников по обвинению в коррупции, а бывший президент США Д. Трамп заявил, что поступление на службу 5,5 тыс. новых сотрудников может обернуться еще более серьезными проблемами[58]. Отдельной группой преступлений всегда проходит т.н. полицейская коррупция (police corruption), или коррупция в органах внутренних дел. Также выделяют коррупционные преступления в органах прокуратуры, судейского корпуса, налоговых органов.

- В зависимости от непосредственной служебной деятельности должностного лица коррупционные преступления, им совершаемые, можно разделить на следующие группы:

а) «обычная коррупция» (ordinary corruption);

б) «коррупция, угрожающая служебной деятельности» (mission-compromising corruption)[59].

Первая группа преступлений («обычная коррупция») включает в себя такие коррупционные деяния, которые могут совершаться безотносительно к специфике служебной деятельности должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, (например, различные хищения, которые совершает лицо с

[57] См.: Jancsics D. Указ. соч.
[58] См.: Raff J. The Border Patrol's Corruption Problem // The Atlantic. 2017. May 5.
[59] См.: Jancsics D. Op. cit.

использованием своего служебного положения, либо незаконное участие в предпринимательской деятельности, незаконное обогащение и т.д.).

Вторая группа преступлений («коррупция, угрожающая служебной деятельности») это такие коррупционные преступления, которые совершаются в непосредственной связи со служебной деятельностью виновных лиц. Например, по данным Д. Дженксикса, сотрудники Службы патрулирования границ совершали такие деяния, как продажа эмиграционных документов, укрывательство иностранцев, пропуск наркотиков через пункты пограничного контроля, снабжение наркокурьеров информацией о пограничных постах и технических средствах охраны границы[60].

В отечественной уголовно-правовой литературе тоже немало исследований, которые посвящены, если так можно выразиться, ведомственной коррупции (коррупционным преступлениям, совершаемым сотрудниками тех или иных органов).

Например, в работе Г.Г. Гаспаряна, посвященной коррупции в налоговых органах, говорится, что сущность должностной преступности в криминальном коррупционном взаимодействии сотрудников налоговых органов преимущественно с мелкими и средними налогоплательщиками, а должностные преступления сотрудников налоговых органов находятся в тесной криминологической связи с налоговыми преступлениями и иными правонарушениями[61]. По данным Г.Г. Гаспаряна, подкуп должностных лиц налоговых органов осуществляется с целью получения следующих коррупционных «услуг»: отмена составления протокола в связи с выявленными нарушениями в применении контрольно-кассовых машин; ежемесячные выплаты, передаваемые должностным лицам во избежание проверок; ускорение процедуры возврата НДС; непринятие мер к нарушителям налогового законодательства в ходе выездных и камеральных

[60] См.: Jancsics D. Указ. соч.
[61] См.: Гаспарян Г.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение должностных преступлений, совершаемых сотрудниками налоговых органов (по материалам Московской области): автореф. дис. …канд. юрид. наук. М 2011. С. 7.

проверок; при сдаче налоговой отчетности и для ускорения процесса получения различных справок[62].

В отчете по коррупции за 2017 год, опубликованном Global Witness, был приведен «*жизненный цикл коррупции» (“corruption life-circle”),* который состоял из трех этапов: «украсть» - (steal) – «спрятать» - (hide) – «потратить» - (spend). Сначала деньги добываются преступным путем (получение взяток, хищения, получение прибыли от занятия предпринимательской деятельностью, которая публичным служащим запрещена), затем они прячутся в офшорах, банках, передаются на хранение юристам или финансистам, переводятся в трастовые фонды и т.д. Иными словами, идет первая стадия легализации, а уже затем эти деньги используются для легальных сделок, банковских операций, покупки недвижимости, получения гражданства иностранных государств в обмен на инвестиции[63]. В Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках от 21 ноября 1997 года (ст. 7) прямо говорится о том, что подкуп иностранных должностных лиц вне зависимости от места его совершения является предикатным преступлением при отмывании денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем[64].

Это значит, что помимо собственно коррупционных преступлений, необходимо отметить так называемые сопутствующие, ассоциированные с ними преступления, которые можно отнести к проявлениям самодетерминации коррупционной преступности. В отечественной криминологии процесс самодетерминации преступности определяют как порождение новых антиобщественных (читай: преступных. – О.К.) деяний самой преступностью. Одной из форм такой самодетерминации называют

[62] Там же. С. 13.
[63] См.: Corruption. Spotlight on corruption. Annual report. 2017. P. 5. URL: https://www.globalwitness.org/en/about-us/annual-reviews/ (дата обращения: 19.03.2020).
[64] См. URL: http://cikrf.ru/protiv_corrupcii/normativ_docs/conv_1997.html.

совершение вспомогательных, «подсобных» преступлений, облегчающих совершение основных преступлений либо скрывающих их[65].

Применительно к коррупционным уголовно наказуемым деяниям в число таких сопутствующих и вспомогательных преступлений входит прежде всего *легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем.* Такая легализация, по понятным причинам, будет иметь в большинстве случаев транснациональный характер, и особой популярностью при проведении подобных операций используются мировые финансовые центры, расположенные в Нью-Йорке, Лондоне, Сингапуре, либо небольшие юрисдикции, называемые «налоговыми гаванями» (tax havens). Например, по данным организации Global Witness некоторые ведущие британские банки (British High Street Banks*)* участвовали в отмывании денег и переводе их из Нигерии в Великобританию. Также эти банки помогали отмывать деньги бывшего главы Нигерии генерала Сани Бача и Джошуа Дарье – бывшего губернатора штата Плато в Нигерии[66].

Кстати говоря, именно островные налоговые гавани, находящиеся под британской юрисдикцией (остров Джерси, остров Мэн и остров Гэрнси), пользуются наибольшим спросом у клептократов всего мира. Так, деньги того же Сани Бача (268 млн долларов США), хранившиеся на счетах Deutsche Bank на острове Джерси, были переведены в фонд возвращенных активов и в итоге возвращены наличными деньгами в Нигерию[67].

Таким образом, в зависимости от роли в коррупционной схеме «жизненный цикл коррупции» все преступления делятся на следующие группы:

а) основные (собственно коррупционные), в результате которых коррумпанты получают деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги

---

[65] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд. М.: Норма. Инфра-М, 2010. С. 149-150, (гл. IV «Причины преступности» (авторы – В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов).

[66] См.: Osumah O. Aghedo I. Challenges and Prospects of Ant-Corruption Crusade in Nigeria´s // Ilorin Journal of Business and Social Science. 2013. 15 (2).

[67] См.: Max de Haldevang. A British Tax Haven is Returning a Nigeria Dictator's $270 million to his Country . URL: https://news.yahoo.com/british-tax-haven-returning-nigerian-170810349.html?guccounter (дата обращения: 19.10.2020).

имущественного характера, имущественные права в результате своей преступной деятельности;

б) вспомогательные (сопутствующие) преступления, обеспечивающие безопасность полученного в виде взяток имущества, самих коррупционеров, маскировку их преступно нажитых капиталов (легализация денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем; уклонение от уплаты налогов; фальсификация документов; иные деяния).

В зависимости от социальных страт, представители которых совершают коррупционные преступления, все коррупционные деяния делятся на следующие группы:

а) преступления мелкой (низовой) коррупции;

б) преступления крупной (элитарной) коррупции.

Как совершенно справедливо отмечают И.Я. Богданов и А.П. Калинин, низовая коррупция, существуя на уровне повседневных потребностей граждан и предпринимателей, фактически стала нормой жизни, пронизывает самые различные слои общества. Она же является более уязвимой с точки зрения разоблачения и расследования, поскольку основная масса регистрируемых коррупционных деяний разоблачается именно на этом уровне[68].

Элитарная коррупция выглядит гораздо более изощренной и характеризуется высоким социальным положением субъектов ее совершения, интеллектуальными способами их действий, огромным материальным и нравственным ущербом, латентностью посягательств, снисходительным, если не покровительственным, отношением властей к этому уровню коррупционеров[69].

По территориальному охвату коррупционных деяний их можно классифицировать на:

[68] См.: Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2001. С. 65-65.
[69] Там же. С. 65.

а) коррупционные преступления, носящие транснациональный характер;

б) коррупционные преступления, носящие региональный характер;

в) коррупционные преступления, носящие внутринациональный характер.

Иными словами, в основе этого классификационного признака лежит такой качественный криминологический показатель, как география преступности. Подробнее о транснациональной коррупции мы расскажем в следующем параграфе настоящей главы.

Еще одну классификацию коррупционных деяний дал В.В. Лунеев, который отметил следующее: *«Коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции* (курсив мой. – О.К.)»[70].

Коррупционные преступления, как говорилось выше, могут входить в число тех преступлений, которые, в свою очередь, сами подразделяются на те или иные группы и виды. Если взять за основу **криминологическую классификацию преступлений**, то можно насчитать около 20 видов или даже больше. Например, в рамках пенитенциарной преступности (преступности в местах лишения свободы) коррупционные преступления стоят особняком[71]. А,

[70] Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1999. С. 269.

[71] См., например: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт,. 2011. С. 81; Криминология: учебник/ под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева. 2-е изд., М.: Волтерс Клувер, 2004. VII-X; Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 101-133; Пенитенциарная криминология: учебник/под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань; Академия ФСИН России, 2009. С. 8-10.

например, О.Л. Дубовик выделяет экологическую коррупционную преступность и незаконную коррумпированную торговлю окружающей средой как самостоятельный вид такой преступности[72].

Исходя из такого важного критерия развития общества и государства, как **цифровизация,** коррупционные преступления сегодня можно подразделить на цифровые уголовно-наказуемые деяния (онлайн-коррупция) и деяния, совершаемые вне цифровой среды (оффлайн-коррупция). Российские исследователи современной коррупции выделяют такой вид коррупционных уголовно-наказуемых деяний, как коррупционные информационные преступления[73].

В качестве критерия классификации коррупционных преступлений можно взять **структуру экономики России.** Экономика нашей страны включает в себя такие основные отраслевые комплексы, как *ТЭК (топливно-энергетический), АПК (агропромышленный), ОПК (оборонно-промышленный), торговля и общественное питание, ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство), машиностроительный, инвестиционный, иные*[74]. Коррупцией поражен каждый из них. Ярким примером того, как закон отреагировал на коррупцию в сфере оборонно-промышленного комплекса, является включение в УК РФ специальных норм об ответственности за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201^1. УК РФ).

Если брать конкретные виды отраслей экономики по видам деятельности, то их насчитывается двадцать: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство, финансовая и страховая

[72] См.: Дубовик О.Л. Незаконная торговля окружающей средой – новая разновидность коррупционной преступности // Экономическая преступность / под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова. М.: Юристъ, 2002. С. 147-169.
[73] См.: Устьев Л.Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. С. 1-32.
[74] См.: Решетова У.Р. Анализ структуры российской экономики на современном этапе // Экономические науки. Научное обозрение. 2019. № 3. С. 28.

деятельность и т.д.[75] И здесь очевидна коррупционная поражаемость каждой из этих отраслей.

Реалии борьбы с коррупцией в современной России позволяют нам выделить еще одну классификацию коррупционных преступлений – она связана с реализацией тех стратегических задач, которые были определены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года»[76]. Как известно, этим Указом были предусмотрены следующие национальные проекты: *демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт*. Следовательно, можно говорить об отдельной группе преступлений - *коррупционные преступления, посягающие на успешную реализацию национальных проектов* (их конкретные виды посягают на конкретный национальный проект).

Сегодня уже немало исследований посвящено анализу коррупционных преступлений в конкретных сферах жизнедеятельности, экономики, сферах власти и государственного управления. Соответственно, можно классифицировать коррупционные преступления, совершаемые в конкретных сферах. Например, в сфере здравоохранения выделяются следующие их группы: 1) коррупционные преступления, непосредственно связанные с должностной деятельностью медицинских работников; 2) коррупционные преступления, связанные с отношениями собственности в здравоохранении; 3) коррупционные преступления медицинских работников, непосредственно связанные с медицинской деятельностью[77].

---

[75] Там же. С. 29.

[76] Российская газета. 2018. 9 мая.

[77] См.: Балебанова Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2013. С. 7.

В последние десятилетия окончательно выкристаллизовалась коррупционная преступность *в сфере профессионального спорта.*

Прежде чем говорить о формах уголовно-правового воздействия на коррупцию, отметим, что борьба с коррупцией не просто выделяется в качестве самостоятельного направления уголовной политики, но, как отмечает С.С. Босхолов, связана с решением, пожалуй, самого трудного вопроса нашего времени»[78]. Как известно, специальными направлениями уголовно-правовой политики являются: криминализация общественно опасных деяний; декриминализация деяний, признанных преступлениями; пенализация преступлений; депенализация преступлений; дифференциация (разделение) общих составов преступлений без изменения строгости наказания; дедифференциация (слияние) специальных составов преступлений в общие; уточнение отдельных положений уголовного законодательства, не охватываемое содержанием перечисленных выше направлений[79].

Учитывая вышеизложенное, хотелось бы предложить следующую классификацию форм уголовно-правового воздействия на коррупционную преступность, критерием которой будут:

1) *вид специального направления уголовно-правовой политики;*

2) *охват территории уголовно-правового воздействия и количество государств, участвующих в таком воздействии;*

3) *субъект уголовной политики.*

Исходя из *первого критерия,* мы можем выделить меры уголовно-правового противодействия.

Криминализация. Это формулирование новых составов коррупционных преступлений, что опирается на соответствующее социально-криминологическое обоснование. Относительно криминализации коррупционных преступлений следует сказать, что практически все уголовно

[78] Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 53.
[79] См.: Мониторинг уголовной политики России: монография под общ. ред. С.В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН,. 2014. С. 64.

наказуемые формы коррупции, отраженные в международных конвенциях, преследуется и по российскому законодательству. За исключением, пожалуй, незаконного обогащения. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года предусматривает ответственность за незаконное обогащение, т.е. за значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое лицо не может разумным образом обосновать. Как отмечала А.А. Гравина, установление уголовной ответственности за это деяние было бы реальным шагом в борьбе с коррупцией, поскольку иначе требование закона о декларировании государственными служащими своих доходов остается полумерой и не может рассматриваться как эффективное средство противодействия коррупции[80]. Заслуживает внимания, на наш взгляд, опыт бывших советских республик – Армении и Литвы. В уголовных кодексах этих стран уголовная ответственность за незаконное обогащение установлена в ст. 310^1 и 189^1 соответственно. Интересно, что норма о незаконном обогащении (статья 8) как о коррупционном преступлении содержится в Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней от 11 июля 2003 года.

В некоторых странах (например, в ЮАР) законодательство устанавливает уголовную ответственность за несообщение об акте коррупции, о котором лицо точно знает либо должно было знать. Также несет уголовную ответственность за несообщение то лицо, которое подозревало о том, что было совершено коррупционное преступление. При этом речь идет об ответственности специального субъекта – того лица, который является представителем власти. Наказание за данное деяние зависит от того, каким судом выносится приговор. Если приговор выносится Верховным судом либо региональным судом, то виновному грозит денежный штраф либо тюремное заключение на срок не свыше 10 лет. Если же приговор выносится

[80] См.: Гравина А.А. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Журнал российского права. 2015. № 12 С. 97.

магистратским судом, то виновному грозит денежный штраф либо тюремное заключение на срок не свыше трех лет[81].

Одной из эффективных форм противодействия транснациональной коррупции в рамках криминализации, безусловно, является конструирование составов преступлений об «иностранной коррупции» или «зарубежном взяточничестве» (“foreign bribery”). Речь в данном случае идет о таком взяточничестве, при котором коррумпантами являются иностранные должностные лица либо должностные лица международных межправительственных организаций. Подробнее об этом будет сказано чуть ниже.

Можно в качестве подвида криминализации выделить повторную криминализацию: деяние было преступным, затем ответственность за него была исключена, а после вновь восстановлена. С определённой натяжкой можно в качестве примера привести норму об ответственности за посредничество во взяточничестве в УК РФ.

Пенализация. Речь идет о соответствующих наказаниях, соразмерных характеру и степени общественной опасности коррупционных преступлений. В данном случае особый акцент делается на таких видах наказания, которые применяются к специальным субъектам коррупционных преступлений – должностным лицам и управленцам в коммерческих и иных организациях. В таком случае можно говорить о кратных размеру взятки или коммерческого подкупа штрафах, лишении права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.

В то же время распространенное мнение о необходимости применения самых строгих наказаний, с тем чтобы эффективно противодействовать коррупции, не подтверждается мировой практикой. Как замечает китайский специалист Джиангнан Чу, смертная казнь за коррупционные преступления не имеет эффекта несмотря на то, что китайская традиция полагает необходимым

[81] См.: Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. URL: https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

именно строгие наказания для предупреждения преступности. Ученый провела сравнительное исследование по ряду стран, используя индекс восприятия коррупции, что позволило ей утверждать: в странах с низким уровнем коррупции наказания за коррупционные преступления отнюдь не являются «драконовскими»[82]. Например, в Сингапуре (стране, где уровень коррупции один из самых низких в мире) коррупционные преступления наказываются тюремным заключением на срок не более трех лет либо денежным штрафом в размере, не превышающие 100 тыс. сингапурских долларов, или применяются оба наказания. В Японии, где уровень коррупции в последние годы низок, смертная казнь за коррупционные преступления не назначается, при этом штраф в размере от 200 тыс. до 1 млн японских иен или пятилетний запрет на участие в выборах применяются гораздо чаще, нежели тюремное заключение[83]. Даже в тех случаях, когда назначается тюремное заключение, его сроки варьируются в пределах от двух до пяти лет, а максимальное наказание составляет семь лет[84]. А в Индонезии (страна с высоким уровнем коррупции) за коррупционные преступления установлены достаточно жесткие наказания: максимальный срок лишения свободы за коррупционные преступления – 20 лет лишения свободы, а в случае совершения особо тяжких коррупционных преступлений возможно назначение смертной казни[85].

Применение «имущественных» мер уголовно-правового характера (прежде всего речь идет о конфискации имущества). О применении конфискации имущества в деле борьбы с коррупцией написано и сказано уже достаточно много. Более того, все конвенции, направленные на борьбу с коррупцией (и прежде всего с транснациональной её частью),

[82] См.: Jiangnan Zhu. Do Severe Penalties Deter Corruption & A Game-Theoretic Analysis of the Chinese Case // The China Review. 2012. 12(2). P.4-8.
[83] См.: He Tian. Comparative Study of Asian Anticorruption Legal Systems // Beijing: Zhongguo renmin gongan daxue. 2009. P. 243-244.
[84] См.: Yuichiro Tachi “An Overview of the Japanese Criminal Justice Legislation against Corruption // 3rd Annual Conference of ADB/OCED Anticorruption Initiative for Asia-Pacific (Tokyo, Japan). 2001. P. 3–4.
[85] См.: He Tian. Op. cit. P. 244.

предусматривают эту имущественную меру уголовно-правового характера: ст. 2, 3, 31, 54 Конвенции ООН против коррупции 2003 года; ст. 13, 19, 23 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года; ст. 3 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 года; ст. 16 Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 года.

Несмотря на обилие правовых норм о конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений, а также конфискации легализованного (отмытого) имущества, добытого преступным путем, их практическая реализация оставляет желать лучшего. Например, по данным всемирно известного Deutsche Bank, значительная часть скрытого притока капитала в Великобритании в объеме 133 млрд фунтов стерлингов связана с Россий, а согласно оценке агентства Bloomberg, общая стоимость активов, выведенных из России за последние 25 лет, составляет 750 млрд долларов США. Это почти половина российского ВВП[86]. С другой стороны, западные правоохранители часто отказываются помогать российским коллегам в поиске и аресте преступно полученных в России капиталов, пусть и по формальным основаниям. Кроме того, такая гигантская денежная масса уже давно надежно инфильтрована в зарубежную экономику в виде самых разных вложений и инвестиций, которые, видимо, удвоились за это время[87]. По понятным причинам, изымать деньги из собственного бюджета власти иностранных государств не хотят.

Уточнение отдельных положений норм Общей и Особенной части уголовного права. Это направление осуществляется посредством внесения соответствующих изменений и дополнений в нормы Общей и Особенной части уголовного права. Такое направление реализуется в УК РФ, например, путем уточнения круга лиц, имеющих статус должностного лица: в

[86] См.: Барова Е. Без конфискации. Почему властям не удается вернуть сотни миллиардов долларов, вывезенных из России? // Аргументы и факты. 2020. № 3С. 20.
[87] Там же. С. 20.

примечании 1 к ст. 285 УК РФ теперь фигурируют управленцы госкорпораций и госкомпаний (имеют статус некоммерческих организаций) и управленцы акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации либо муниципальному образованию.

Введение уголовной ответственности юридических лиц. Как справедливо отмечает А.В. Федоров, в большинстве стран мира одной из важнейших составляющих противодействия коррупции является установление уголовной ответственности юридических лиц, поскольку необходимость установления такой ответственности закрепляется в основных международных антикоррупционных конвенциях[88]. При этом, как замечает А.В. Федоров, вопрос о характере ответственности юридических лиц решается в международных договорах по-разному[89]. Например, Конвенция ООН против коррупции 2003 года требует от государств-участников принять такие меры, какие с учетом их правовых принципов могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц, которая, в свою очередь, может быть уголовной, административной или гражданско-правовой. В то же время Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 года, требуя от государств-участников установить ответственность юридических лиц, не конкретизирует вид ответственности, но, согласно сложившейся практике, к странам-кандидатам на вступление в ОЭСР предъявляется требование установить именно уголовную ответственность юридических лиц[90].

Мировая практика знает немало случаев привлечения юридических лиц к уголовной ответственности именно за совершение транснациональных коррупционных преступлений. Например, власти Германии привлекли к

---

[88] См.: Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции // Вестник Владимирского юридического института 2014. № 3 (32). С. 107.

[89] См.: Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции. С. 107.

[90] См.: Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политический аспекты // Ученые записки С.-Петерб. им. В.В. Бобкова фил. Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99-128.

уголовной ответственности концерн Siemens: было установлено, что компания давала взятки в Литве, России и Нигерии в общей сумме на 12 млн евро. Компания была приговорена к штрафу в размере 201 млн долларов США[91]. В другом случае к уголовной ответственности в США было привлечено российское подразделение компании Hewlett-Packard за дачу взяток российским должностным лицам при заключении контракта на поставку компьютерного оборудования в один из российских официальных органов[92]. Напомним, что российское уголовное законодательство института ответственности юридических лиц не содержит.

Экстрадиция лиц, совершивших коррупционные преступления. Нормы об экстрадиции, которые содержатся и в международном, и в национальном уголовном праве играют огромную роль в борьбе с транснациональной коррупцией. Например, нормы об экстрадиции находим опять же в Конвенции ООН против коррупции 2003 года (ст. 44), Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года (ст. 27), в Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 года (ст. 9, 10), Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 года (ст. 15), Протоколе против коррупции Сообщества развития юга Африки 2001 года (ст. 9).

Как мы понимаем, институт выдачи, являясь комплексным международно-правовым, уголовно-правовым и уголовно-процессуальным институтом, имеет важное значение в борьбе с транснациональной коррупцией: он призван «поджечь землю» под ногами коррупционеров, которые должны быть лишены возможности укрыться от правосудия в какой-либо стране. С другой стороны, как известно, пределы экстрадиции тоже существуют – большинство стран прямо налагают запрет на выдачу

[91] См.: Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика, 2011. С. 16-17.
[92] См.: США заработали на российской коррупции // Новая газета. 2015. 14 сент.

собственных граждан другому государству, что прописано не только в национальном уголовном законодательстве, но и в конституциях этих стран.

На основании *второго критерия* мы можем выделить следующие виды мер такого противодействия:

1) меры, предусмотренные международным универсальным уголовным правом (первый уровень); 2) меры, предусмотренные международным межрегиональным уголовным правом (второй уровень); 3) меры, предусмотренные международным региональным уголовным правом (третий уровень); 4) меры, предусмотренные международным субрегиональным уголовным правом (четвертый уровень); 5) меры, предусмотренные международным уголовным правом в рамках двусторонних соглашений и договоров (пятый уровень); 6) меры, предусмотренные национальным уголовным правом (шестой уровень).

К актам *первого уровня* относится безусловно, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 21 ноября 2000 года, Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятая Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 года. К актам *второго уровня* можно отнести Межамериканскую конвенцию против коррупции Организации американских государств 1996 года. Участниками этой Конвенции являются государства как Южной, так и Северной Америки (например, Аргентина, Бразилия, Канада, Чили, Мексика, США, Уругвай). К актам *третьего уровня* относятся Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней от 11 июля 2003 года, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы от 27 января 1999 года[93]. К актам *четвертого*

[93] Россия данную Конвенцию денонсировала (Федеральный закон от 28.02.2023 N 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // "Российская газета", N 45, 02.03.2023)

уровня относится, например, Протокол против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 года. К актам *пятого уровня* можно отнести, например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией от 25 декабря 2013 года.[94].

Что же касается актов национального уголовного законодательства, то здесь следует отметить прежде всего нормы об уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц и лиц, выполняющих соответствующие функции в международных судебных органах и международных публичных организациях. Последний вид коррупционных преступлений именуется в иностранной литературе как “foreign bribery” («иностранное взяточничество»), тогда как подкуп «отечественных» должностных лиц называют “domestic bribery” – «местное взяточничество»[95].

Например, Уголовный кодекс Бразилии к «местному взяточничеству» относит «пассивную коррупцию» (ст. 317), «активную коррупцию» (ст. 333). Судя по содержанию раздела XI «Преступления против публичной власти» УК Бразилии и состоящего из четырех глав, термин “bribery” в данном контексте следует толковать шире, нежели только «взяточничество», и относить к нему и другие коррупционные преступления: растрату или присвоение (ст. 312), торговлю влиянием (ст. 332), служебное покровительство (ст. 321).

С учетом *третьего критерия* мы выделяем формы уголовно-правового воздействия на коррупцию, *осуществляемые высшими органами государственной власти, которые обладают полномочиями:*

- *принятия федеральных законов, одобрения федеральных законов и подписания федеральных законов* (Государственная Дума Федерального

[94] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.08.2020)
[95] См.: The Ant-Bribery and Anti-Corruption Review. *2*-nd Ed. Ed. M. F. Mendelsohn. Law Business Research, 2014. P. 34-41.

Собрания Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Президент Российской Федерации);

- *признания законов (в т.ч. уголовного закона) несоответствующими Конституции Российской Федерации* (Конституционный Суд Российской Федерации);

- *реализации норм уголовного закона, что влечет юридически значимые последствия* (правоохранительные органы и суды).

Говоря о судебной системе вообще, следует согласится с высказанной в литературе позицией о том, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации, не являясь самостоятельным органом судебной власти, фактически выступает субъектом ее реализации[96].

В данном случае Пленум Верховного Суда РФ может осуществлять *уточнение положений уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления в разъяснениях высших судебных инстанций.* В связи с этим особую важность приобретает полнота и непробельность постановлений Пленума Верховного Суда РФ по делам об уголовной ответственности за коррупционные преступления. Это тем более актуально в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года N50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Существенными признаками, характеризующими акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами, являются: издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в

[96] См.: Мониторинг уголовной политики России / под общ. ред. С.В. Максимова С. 62.

отношении неопределенного круга лиц[97]. Как видим, к таким актам можно с полным правом отнести и постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В заключение данного параграфа изложим основные выводы, к которым мы пришли.

1. Коррупция является прямой угрозой государственному суверенитету, поскольку выступает мощным средством воздействия (прямым или опосредованным) на национальные политические и экономические элиты, а также на внутриполитические и внешнеполитические процессы. Коррумпированность национальной элиты выступает необходимым условием перевода суверенных государств под внешнее управление, а интенсификация коррупции способна вызвать крупномасштабные социальные волнения и конфликты, что используется в современном мире для захвата власти теми или иными политико-экономическими группами. Коррупцию (на соответствующем уровне) сегодня можно назвать и средством враждебного воздействия одной страны (группы стран) на другую страну (группу стран).

2. Коррупция стала глобальным криминальным проектом, что повлекло за собой создание широко сегментированного теневого рынка криминальных коррупционных услуг на самых различных уровнях в любых географических пространствах, сферах экономики, ветвях власти и т.д. Этими услугами, как показывает практика, пользуются всевозможные лица, группы, корпорации и даже государства для достижения целей своей деятельности.

3. Индексирование восприятия коррупции различными специализированными организациями имеет ряд существенных изъянов (в части методики исследований, тенденциозности измерений, прямого конфликта интересов, использования результатов) и не может восприниматься как однозначно объективный показатель состояния коррупции в мире и в отдельных странах, поскольку даже высшая политическая и бизнес-элита в любом государстве в той или иной степени подвержены коррупции.

[97] См.: БВС РФ. 2019. N 2.

4. Коррупционная преступность имеет различные определения в международном уголовном праве, национальном уголовном праве (включая бланкетную составляющую соответствующих уголовно-правовых норм), разъяснениях высших судебных инстанций и науке уголовного права. Такие определения даются двумя способами: содержательным и перечневым. Синтез этих двух способов, как наиболее эффективное решение, наблюдаем в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25 декабря 2020 г. N 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (приложение – перечень N 23 «Преступления коррупционной направленности»).

5. Коррупционные преступления можно классифицировать по различными уголовно-правовым и криминологическим основаниям. К *первой группе* относятся особенности субъекта, объекта, объективной стороны, источника уголовного права об ответственности за коррупционные преступления и т.д. Ко *второй группе* относятся пол, возраст, ведомственная принадлежность, социальное положение лица, совершившего преступление; территория совершения; связь коррупционного преступления с его служебной деятельностью; место преступления в «жизненном цикле коррупции» (основное или вспомогательное); относимость к цифровой среде; сфера экономики или вид национального проекта, которым угрожает коррупционная преступность; иные критерии.

6. Уголовно-правовое воздействие на коррупционную преступность является самостоятельным направлением уголовно-правовой политики. Формы такого воздействия делятся в зависимости от вида специального направления уголовной политики; охвата территории воздействия и количества государств, участвующих в таком воздействии; субъекта уголовной политики. Первая форма охватывает криминализацию, пенализацию, применение имущественных мер уголовно-правового

характера, введение уголовной ответственности юридических лиц, совершенствование института экстрадиции. Вторая форма охватывает шесть уровней воздействия: уровень международного универсального уголовного права; уровень международного межрегионального уголовного права; уровень международного регионального уголовного права; уровень международного субрегионального уголовного права; уровень международного уголовного права в рамках двусторонних соглашений и договоров; уровень национального уголовного права. Говоря о третьей форме, следует особо подчеркнуть роль высшей судебной инстанции – Верховного Суда Российской Федерации, который является и субъектом законодательной инициативы, и субъектом судебного толкования уголовного закона, которое имеет нормативный характер.

§ 1.2. Транснациональная коррупционная преступность как угроза национальной безопасности суверенных государств

Как отмечает И.В. Годунов, «под транснациональными преступлениями следует понимать преступления, которые посягают на общественные отношения, интересы или блага, охраняемые уголовным законодательством двух или более государств, и субъектами которых являются иностранные граждане, имеющие целью, как правило, получение финансовой прибыли или приобретение власти»[98].

Во многом это определение коррелирует с понятием транснационального преступления, которое содержится в ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года: *преступление совершено более чем в одном государстве; преступление совершено в одном государстве, но его приготовление либо соучастие в нем имело место в другом государстве; существенные*

[98] Годунов И. В. Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002.

последствия от этого преступления имеют место в другом государстве; совершено в одном государстве, но при участии транснациональной организованной группы, осуществляющей свою деятельность более чем в одном государстве.[99] Иными словами, мы видим наличие т.н. *иностранного элемента,* который характеризует (осложняет) эти преступления.

Междисциплинарная группа против коррупции, учрежденная Комитетом министров Совета Европы в 1994 г., определила четыре параметра, наиболее важных для квалификации коррупционных деяний:

- *участвующие лица;*

- *услуги, предоставляемые взяткополучателем;*

- *предлагаемые неправомерные преимущества;*

- *обстоятельства, в которых предлагаются указанные преимущества*.

Каждый из названных четырех параметров может включать иностранный элемент, что позволит квалифицировать деяние как транснациональное[100].

Исходя из вышеизложенного, можно заметить, что *отличительной чертой транснациональных коррупционных преступлений является наличие особого состава коррупте́ров, коррумпантов и предмета подкупа.*

К *коррумпантам* относятся прежде всего публичные должностные лица иностранного государства, под которыми в западной литературе чаще всего понимается любое лицо, занимающее должность в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, вне зависимости от того, является ли эта должность выборной, или предполагает назначение; любое лицо, исполняющее публичную функцию в интересах иностранного государства, включая исполнение такой функции на

[99] См.: Собрание законодательства РФ. 2004. N 40. с. 3882.

[100] См.: Jaeger M. Action internationale contre la corruption - Le groupe multidisciplinaire sur la corruption du Conseil de l'Europe (GMC) // Corruption de fonctionnaires et fraude européenne, Antwerp: Maklu, 1998.

государственных предприятиях; любое должностное лицо или агент публичной международной организации[101].

К *коррупте*рам относятся иностранные граждане или подданные (не зависимо от гражданства, профессии, занимаемой должности и т.д.); лица, имеющие вид на жительство в другом государстве; лица, действующих от имени любой международной организации (правительственной или неправительственной); лица, действующих от имени транснациональных корпораций (ТНК). Следует отметить, что история развития и деятельности ТНК постоянно сопровождается коррупционными скандалами, когда корпорации подкупают местные власти, чтобы добиться каких-либо преференций для себя.

Предмет подкупа находится за пределами суверенного государства (на территории иностранных государств, на территориях т.н. непризнанных государств и т.д.): недвижимость; денежные средства на счетах или в ячейках хранения в банках; предметы роскоши, произведения искусства; автомобили, яхты и т.д.

Именно распространенность коррупционных практик в отношениях американских корпораций с иностранными правительствами привели к принятию в США в 1977 году Закона о коррупции за рубежом (Foreign Corrupt Practice Act). Этот Закон имеет *экстратерриториальное действие и призван предотвращать и наказывать коррупционные практики корпораций за рубежом.* Он применяется не только к американским компаниям, но и к их дочерним компаниям и филиалам, действующим в иностранных государствах, к совместным предприятиям и даже к иностранным компаниям, которые действуют в США либо только зарегистрированы в США. Применяется этот Закон и к тем иностранным компаниям, акции которых торгуются на Нью-Йоркской фондовой бирже[102].

---

[101] См.: Mase J. Fighting transnational corruption. URL: http://sas-space.sas.ac.uk/3537/1/1559-1907-1-SM.pdf (дата обращения 18.02.2018).

[102] См.: Luciano Vaz Ferreira, Fabio Costa Morosini. The Implementation of International Anti-Corruption Law in Business: Legal Control of Corruption Directed to Transnational Corporations // Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. 2013. 2(3). P. 246-247.

Наиболее громкими коррупционными делами, ставшими известными в последнее время благодаря своему транснациональному характеру, стали дела, связанные с «крупной коррупцией». Это чаще всего дела с участием высокопоставленных чиновников, которые обогащаются за государственный счет и выводят незаконно полученные доходы в иностранные банки, а также приобретают имущество и финансовые инструменты за рубежом (офшорные гавани). В связи с недавним финансовым кризисом такими показательными делами, влекущими последствия в виде нанесения трансграничного ущерба, стали также высокопоставленные аферы и коррумпированные практики на рынке торговли инвестициями. Среди иных резонансных дел можно назвать дела о подкупе иностранных должностных лиц бизнесменами и другими представителями частного сектора в целях получения более выгодных торговых условий и/или контрактов. Если же коснуться недавних дипломатических скандалов, аналогичные дела даже затрагивают предъявление обвинений иностранным банкам, которые вступали в сговор с неплательщиками налогов и скрывали их активы благодаря положениям о банковской тайне[103].

Как известно, во многих африканских странах широко распространена коррупционная практика, направленная на подкуп правительственных чиновников иностранными компаниями (включая ТНК), чтобы получить выгодные контракты.

Так, New Africa Magazine сообщил о том, что 25 сентября 2009 года компания Mabey & Johnson, собственником которой была Великобритания, а бизнесом - строительство мостов в некоторых африканских странах (например, Гана, Мадагаскар, Ангола, Мозамбик), одним из лондонских судов была признана виновной в том, что давала взятки правительственным чиновникам, с тем чтобы обеспечить получение подрядов на строительство.

[103] См.: Dacey J. Ambassador believes worst may be over in tax row. URL: http://www.swissinfo.ch/eng/specials/expat_woes/Ambassador_believes_worst_may_be_over_in_tax_row.html?cid=32123062 (дата обращения 06.02.2018).

Подобную коррупционную практику использовали оружейные компании при совершении самой крупной сделки в Южной Африке на поставки зенитно-ракетных комплексов Hawk и боевых самолетов Gripen. В Нигерии в период с 1994 по 2002 год осуществлялось расследование, в ходе которого один из руководителей компании Halliburton А. Стэнли признался, что руководил передачей взяток в размере 180 млн долларов США высшим правительственным чиновникам для получения контрактов[104].

В той же Нигерии произошел коррупционный скандал с участием нефтяных компаний Shell и Eni. Как выяснили журналисты компании BuzzFeed News и итальянской газеты Il Sole 24 Ore, в 2010-2011 годах эти нефтяные бизнес-структуры заплатили 1,3 млрд долларов США за получение лицензии на разведку нефтяного блока на шельфе, известного как OPL 245. Деньги были заплачены нигерийскому правительству, однако масс-медиа утверждали, что по документам деньги «отошли» компании Malabu Oil and Gas, которая была связана с бывшим министром нефтяной промышленности Нигерии, Д. Этете, о чем руководство Shell знало[105]. По утверждениям расследователей Global Witness, какая-то часть этой суммы ушла на «отступные» (в российском лексиконе – «откаты») тогдашнему президенту страны Джонатану, о чем топ-менеджмент Shell тоже был осведомлен[106]. Представители компаний, однако, отвергали всяческие обвинения в свой адрес. Как заявил официальный представитель Eni, «ни Eni, ни Shell не платили никаких денег, за исключением тех, что были предусмотрены резолютивным соглашением по нефтяному блоку, и не выплачивали никаких сумм ни Malabu, ни господину Этете или иным должностным лицам»[107]. Однако, Генеральная прокуратура Голландии приняла решение выдвинуть против Shell обвинение в совершении уголовно наказуемых деяний. Помимо

[104] См.: Osumah O. Aghedo I. Op. cit.
[105] См.: Eni, Shell Deny Wrongdoing in Nigeria after Allegations of Improper Payment. URL: https://www.cnbc.com/2017/04/10/eni-shell-deny-wrongdoing-in-nigeria-after-allegations-of-improper-payment.html (дата обращения: 18.03.2020).
[106] См.: Corruption. Spotlight on corruption. Annual report. 2017. P.5. URL: //https://www.globalwitness.org/en/about-us/annual-reviews/ (дата обращения: 19.03.2020).
[107] Eni, Shell deny wrongdoing in Nigeria after allegations of improper payment.

привлечения к уголовной ответственности за вышеназванный акт коррупции компании было предьявлено обвинение за утечку химикатов и за взрыв на химическом заводе в голландском городе Мурдейк[108].

Самым настоящим «шоком» на Западе (да и во всем остальном мире) стал «колоссальный коррупционный скандал с участием Siemens, который является самой большой в мире электротехнической компанией»[109].

Обвинения концерна в коррупции прозвучали в 2006 году, а спустя несколько лет председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам США Л.Томсен описала это дело следующим образом: «…беспрецедентное по масштабу и географическому охвату. Коррупция на сумму более 1,4 млрд долларов США в виде взяток правительственным чиновникам в Азии, Африке, Европе, на Ближнем Востоке и в обеих Америках». Несмотря на то, что корпоративная политика Siemens строилась на публично провозглашаемых антикоррупционных стандартах и включала различные процедуры комплаенса, оказалось, что антикоррупционная политика существовала во многом лишь на бумаге. На протяжении многих десятилетий взяточничество было обычной нормой ведения бизнеса в концерне, а представители Siemens давали взятки правительственным чиновникам и гражданским служащим по всему миру: от Бангладеш, Вьетнама и России до Греции, Норвегии, Ирака и Нигерии. В итоге концерн создал глобальную коррупционную систему чтобы увеличивать свою долю на рынках[110].

В таком же незавидном положении оказался другой индустриальный ТНК-гигант – аэрокосмический концерн Airbus, который согласился выплатить астрономическую сумму штрафа в размере 3,7 млрд евро в обмен на урегулирование дела по обвинению во взяточничестве, которое вели власти Франции, Великобритании и США. Расследование установило, что в течение более 10 лет концерн подкупал через посредников государственных

[108] См.: Taylor C. Shell Facing Multiple Charges Over Corruption, Emissions, and An Explosion. URL: https://www.cnbc.com/2019/03/01/shell-to-be-prosecuted-with-criminal-charges-over-nigerian-oil-deal.html 2020.
[109] Venard B. Lessons from the Massive Siemens Corruption Scandal One Decade Later // The Conversation. 2018. December. 13.
[110] См.: Venard B. Lessons from the massive Siemens Corruption Scandal One Decade Later.

чиновников в 16 странах (включая Японию, Россию, Китай и Непал) для продажи своих аэробусов и спутников. Из всей суммы штрафа 2,1 млрд евро получит Франция, Великобритания – около 1 млрд евро, а США – свыше 500 млн евро[111].

Если вспоминать крупные коррупционные скандалы с участием ТНК в авиационной индустрии, то нельзя обойти стороной деятельность американской авиастроительной компании Lockheed Aircraft, которая в 1975 году заплатила 22 млн долларов США в виде взяток иностранным правительствам чтобы обеспечить себе контракты на поставку самолетов. Среди получателей взяток были премьер-министр Японии Танака и принц Нидерландов Бернард[112].

Если говорить о том, какие риски несет бесконтрольная деятельность ТНК для национальной безопасности России, то следует отметить следующее:

- действия ТНК часто не соответствуют действующему российскому законодательству, особенно в тех сферах деятельности, которые имеют повышенную значимость;

- возможны попытки прямого и косвенного вмешательства ТНК во внутренние дела России (выборы Президента страны в 1996 году);

- ТНК могут использовать правительства западных стран для оказания давления на российское руководство для обеспечения своих частных корпоративных интересов;

- ТНК отказываются признать исключительную юрисдикцию России в отношении возмещения убытков в случае национализации;

- ТНК намереваются взять под контроль российские природные ресурсы;

[111] См.: Venard B. Airbus: Flying High on the Wings of Corruption // The Conversation. 2020. June. 17.; Alderman L. Airbus to Pay $4 Billion to Settle Corruption Inquiry // The New York Times. 2020. January 31.
[112] См.: Braithwaite J. Transnational Corporations and Corruption: Towards Some International Solutions. // International Journal of the Sociology of Law 1979..125. P. 125.

- российские ТНК (в результате интернационализации их деятельности) объективно превращаются в инструмент лоббирования корпоративных интересов транснациональных элит[113].

В структуре ТНК существуют специальные GR-департаменты (Government Relations Departments). Ключевые функции этих департаментов даже на первый взгляд имеют коррупционный оттенок (например, воздействие на органы государственной власти при принятии законов, регулирующих отношения власти и бизнеса; обеспечение преференций и государственных заказов для компаний и т.д.)[114].

Крайне высокой степенью общественной опасности обладает транснациональная коррупция в кредитно-финансовой (банковской) сфере, тем более что все ведущие банки мира сами являются ТНК. Некоторые специалисты, разделяя современные транснациональные элиты на три группы, относят к первой группе т.н. банкстеров (фининтерн) [115]. Господствующие позиции в этой группе занимают крупнейшие мировые банки (прежде всего банки лондонского Сити и Нью-Йоркской Уолл-стрит).

В масштабном исследовании “Undue Diligence: How Banks Do Business with Corrupt Regimes”, которое провела антикоррупционная НКО Global Witness, многие крупнейшие банки мира уличаются в откровенно коррупционных схемах и проектах. Например, банк Barclays обслуживал счета Т. Обиянга, сына президента Экваториальной Гвинеи, когда уже имелись неопровержимые доказательства причастности президентской семьи к масштабному расхищению государственных доходов от добычи нефти. Несмотря на то что президентский отпрыск получал всего 4000 долларов США на посту министра правительства страны, он имел роскошный особняк в Малибу стоимостью 35 млн долларов США и целый парк спорт-каров. В не менее громкие коррупционные скандалы по поводу хранения преступно

[113] См.: Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс. 2020. С. 183.
[114] Там же С. 142-149.
[115] См.: Ларина Е. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит. М.: Книжный мир. 2016.

полученных средств сильных мира сего из стран Азии и Африки оказались замешаны такие банки, как HSBC, Banco Santander, банк из США Riggs Citibank, Deutsche Bank, Bank of East Asia (третий крупнейший банк Гонконга)[116]. Следует подчеркнуть, что банки Barclays и HSBC принадлежат группе Ротшильдов – одной из трех крупнейших транснациональных элит (две другие – группа Рокфеллеров и группа Ватикана)[117].

Даже прямое участие ведущих публичных международных организаций в тех или иных проектах не может гарантировать транспарентность и отсутствие коррупционных рисков. Печальным примером транснационального корпоративного разграбления национальных богатств суверенных стран («крупнейшее ограбление в новейшей истории») специалисты называли программу ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке[118]. Крупнейшие корпоративные предприятия со всей планеты разделили и незаконные доходы, и ответственность за осуществление незаконных схем, в результате которых население Ирака испытало острую нехватку продуктов питания, несмотря на миллиарды долларов США, «формально» направленных на обеспечение этих поставок. Тем не менее к ответственности была привлечена небольшая группа людей, участвовавших в этом[119]. В общей сложности было выплачено «откатов» на сумму 1.8 млрд долларов США, 270 конкретных лиц, вовлеченных в эти схемы, было выявлено Министерством нефтяной промышленности. Что касается различных компаний по всему миру, то их в этой афере участвовало около двух тысяч. Вовлеченными в этот

[116] См.: Undue Diligence: How Banks do Business With Corrupt Regimes. A Report by Global Witness, March, 2009. P. 8-9.
[117] См.: Кочетков А.П. Указ. соч. С. 39.
[118] См.: Syria and the United Nations Oil-For-Food Program: Joint Hearing Before the H. Subcomm. On Oversight and Investigations and the H. Subcomm on the Middle East and Central Asia of the Comm. on Int'l Relations, 109th Cong. 15 2005 (statement of Rep. Ros-Lehtinen, Chair, H. Comm. on the Middle East and Central Asia). URL: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/ hfa22654.000/hfa226540f.htm (дата обращения: 13.09.2017).
[119] Так, техасский нефтепромышленник О. Вайатт в 2005 году был обвинен и в 2007 году признал себя виновным в сговоре с целью совершения федерального преступления в виде интернет-мошенничества; Gelsi S. Oscar Wyatt Pleads Guilty in Oil-for-Food Scandal, Marketwatch, Oct. 1, 2007. Также компания "Ингерсолл-Рэнд" согласилась заплатить штраф в 2.5 млн. долларов. Press Release, United Press International, Ingersoll Rand Fined in Oil-for-Food Probe (Oct. 31, 2007). См. также: Australians Who Bribe. Economist, 2006, Dec. 2, at 46; Preston J., Former Chief of U.N. Effort Faces Charges Of Corruption // N.Y. Times, 2007, Jan. 17, at A1.

скандал оказались правительства большинства государств-нефтепроизводителей, в частности в Нигерии и Казахстане[120].

В работе «Далеко от дома: импортируют ли иностранные инвесторы более высокие стандарты управления в страны с переходной экономикой?» 2002 года Д. Хеллман и др. дали следующую классификацию коррупционных коммерческих операций:

1. «Приватизация» государства: пределы, в которых компании производят незаконные частные выплаты публичным должностным лицам в целях оказания влияния на содержание законов, правил, регламентов или постановлений, разрабатываемых и принимаемых государственными органами;

2. Откаты в государственных закупках: незаконные частные выплаты публичным должностным лицам в целях обеспечения получения государственных контрактов;

3.Вознаграждение за упрощение формальностей (стимулирующий платеж): частные выплаты публичным должностным лицам в целях обеспечения исполнения административных правил, установленных государством в отношении деятельности частных компаний[121].

Среди областей, наиболее подверженных транснациональной коррупции, можно выделить т.н. *зарубежную помощь в целях развития* (overseas development assistance, ODA). Посредством ODA оказывается поддержка миллионам жителей земли, которые борются за выживание каждый день. В 2006 г., например, страны-доноры выделили почти 104 млрд долларов США на официальную помощь в развитии стран с низкими доходами, а к 2010 году эта сумма уже составляла около 130 млрд долларов. Данная деятельность имеет высокую вероятность подвергнуться коррупции, что может

[120] См.: Stodghill, Oil, Cash and Corruption: How Influence Flowed Through Political Pipelines // N.Y. Times. Nov. 5. 2006. .

[121] См.: Hellman J. S., Jones G., Kaufmann D., Far From Home: Do Foreign Investors Import Higher Standards of Governance in Transition Economies?, August 2002. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.532.9419&rep=rep1&type=pdf (Дата обращения: 10.02.2018).

скомпрометировать результаты программ развития. Коррупция в странах-реципиентах также может серьезно подорвать достижение результатов, намеченных ODA. Прямой эффект коррупции состоит в том, что определенный процент выделяемой помощи не доходит до бенефициаров и не направляется на планируемые цели. Косвенный же эффект состоит в том, что таким образом пропагандируется неправомерное использование помощи. Коррупция спроса со стороны государственной администрации, которой доверены донорские средства развития, наносит особенно тяжелый ущерб целям развития и деятельности по сокращению бедности, а также государственному управлению и общественным интересам обеих сторон международного сотрудничества. Там, где коррупция пустила глубокие корни, и экономическое выживание и возможности развития зависят от системы дачи и получения взяток, эффективность инициатив по оказанию помощи «глушится». Усилия по развитию потенциала регулирующих и предоставляющих услуги институтов, а также по улучшению качества жизни малоимущих существенно подрываются. Эмпирические исследования выявляют прямую связь между качеством управления в странах-реципиентах и позитивными результатами программ помощи[122].

Отметим, что уголовное законодательство многих стран уже откликнулось на вызовы транснациональной коррупции.

Например, в УК Бразилии установлена уголовная ответственность за “foreign bribery” - глава II-A «Преступления, совершенные частным лицом против иностранной публичной власти». Так, ст. 337-B предусматривает уголовную ответственность за активный подкуп в ходе международных коммерческих операций. Наказуемы, согласно данной статье, такие действия, как обещание, предложение или дача, прямо или опосредованно, выгод личного характера иностранному должностному лицу или третьему лицу в

[122] См.: Knack S., Aid Dependence and the Quality of Governance: A Cross-Country Empirical Analysis, The World Bank, July 2000. URL: http: wbln0018.worldbank.org/research/workpapers.nsf/0/30529397228d0a778525691c006768c7/$FILE/wps2396.pdf (дата обращения: 06.02.2018).

целях повлиять на принятие решений этим лицом при совершении международной деловой операции (сделки). Виновному грозит лишение свободы на срок от одного до восьми лет и денежный штраф. Наказание увеличивается на одну треть, если действия иностранного должностного лица, совершенные в обмен на получение таких выгод, сами по себе являются незаконными. По сути дела, здесь наблюдаем тот случай, когда дача взятки, выражаясь языком российского уголовного права, подразделяется на «мздоимство» и «лихоимство». Статья 337-С говорит о таком преступлении, как торговля влиянием в международных коммерческих операциях. Здесь речь идет уже о специальном субъекте: иностранное должностное лицо. Виновный несет ответственность за то, что просит, требует, взимает или получает какие-либо выгоды для себя или третьих лиц в обмен на совершение каких-либо действий или бездействия в ходе международных коммерческих операций. Наказание – от двух до пяти лет лишения свободы и денежный штраф. Статья 337 - D определяет понятие иностранного должностного лица: это любой, кто выполняет должностные функции или занимает должность в компании, которая прямо или опосредованно контролируется государством или публичной международной организацией[123].

Подобные нормы есть и в уголовном законодательстве ЮАР. В специальном нормативном акте – Законе 12 «О предупреждении и борьбе с коррупционными деяниями» от 2004 года – устанавливается ответственность за коррупционные преступления в отношении иностранных должностных лиц (ст. 5). Согласно данной статье несет уголовную ответственность любое лицо, которое прямо или опосредованно дает, соглашается дать или предлагает любое незаконное вознаграждение иностранному должностному лицу в пользу самого этого лица, либо в пользу другого лица, с тем чтобы это иностранное должностное лицо само либо посредством влияния на другое лицо совершило деяние, которое является незаконным, бесчестным,

[123] См.: Penal Code of Brazil. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_02/Decreto-Lti/Del2848compilado.htm (дата обращения: 19.03.2020).

несанкционированным, дискриминационным, либо деяние, которое составляет злоупотребление либо продажу информации или имущества, полученных в ходе, в результате, во время выполнения своих служебных обязанностей, полномочий, функций, вытекающих из закона, договора или иных законных оснований. Сюда же относится взятка, которая может даваться за злоупотребление властными полномочиями, за нарушение обязанностей или норм закона и т.д[124].

Раздел IV «Преступления, совершенные при осуществлении должностных обязанностей» УК Португалии включает в себя шесть глав: гл.1 «Коррупция», гл. 2 «Растрата должностным лицом денежных средств или имущества», гл. 3 «Злоупотребление властью», гл. 4 «Нарушение тайны», гл.5 «Отказ от выполнения должностных обязанностей», гл.6 «Общие положения». В большинстве статей содержится указание на специальный субъект преступления – должностное лицо (“officer”), в ст. 386 «Понятие должностного лица» (“Concept of officer”) говорится о том, что к понятию должностного лица приравниваются должностные лица Европейского союза вне зависимости от гражданства и места жительства; должностные лица любого государства-члена ЕС, если преступление было совершено (полностью или частично) на территории Португалии; должностные лица международных публичных организаций, членом которых является Португалия, если преступление было совершено (полностью или частично) на территории Португалии. Правда, следует отметить, что такое понимание должностного лица действует применительно лишь к трем статьям УК Португалии: 372 «Пассивный подкуп за совершение незаконного деяния», 373 «Пассивный подкуп за совершение правомерного деяния», 374 «Активный подкуп»[125].

---

[124] См.: Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. URL: https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

[125] См.: The Portuguese Penal Code. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/document/prt/2007/criminal_code_law_no._592007_of_4_september.html? (дата обращения: 20.03.2020).

Похожие нормы об ответственности за транснациональные коррупционные преступления содержатся и в антикоррупционном уголовном законодательстве Великобритании. Так, Закон Великобритании о взяточничестве 2010 года (Bribery Act 2010) предусматривает уголовную ответственность за подкуп иностранного должностного лица. Этот же Закон говорит о том, кто подпадает под понятие «иностранное должностное лицо». К таким лицам относится, в частности, тот, кто занимает любую должность в законодательных, исполнительных, судебных органах, не зависимо от того, выборная она или нет, любого государства или территории за пределами Соединенного Королевства. К этим иностранным должностным лицам относятся и служащие публичных международных организаций. Последние - это организации, членами которых являются государства или территории; правительства государств или территорий; другие публичные международные организации; союзы вышеназванных субъектов[126].

В российском уголовном законодательстве также есть нормы, направленные на противодействие транснациональной коррупции. Субъектом дачи взятки может быть любое лицо не зависимо от его гражданства, места работы, принадлежности к тем или иным организациям, в то время как в числе должностных лиц - получателей взятки, указаны иностранные должностные лица или должностные лица публичной международной организации (ст. 290 УК РФ).

В заключение сформулируем основные выводы по теме параграфа.

1. Транснациональная коррупционная преступность - одна из наиболее опасных угроз благополучию суверенного государства, а отличительной чертой транснациональных коррупционных преступлений является наличие *особого состава коррупте́ров, коррумпантов и предмета подкупа*, характеризующегося наличием иностранного элемента,

[126] См.: Bribery Act 2010. URL: https://www.bailii.org/uk/legis/num_act/2010/ukpga_20100023_en_1.html (дата обращения: 20.03.2020).

осложняющего отношения между коррупте́ром и коррумпа́нтом по поводу предмета подкупа.

К числу *коррупте́ров* мы относим иностранных граждан или подданных (вне зависимости от гражданства, профессии, занимаемой должности и т.д.); лиц, имеющих вид на жительство в другом государстве; лиц, действующих от имени любой международной организации (правительственной или неправительственной); лиц, действующих от имени транснациональных корпораций (ТНК). К числу *коррумпа́нтов* относятся прежде всего публичные должностные лица иностранного государства, управленцы коммерческих и иных организаций; должностные лица публичных международных организаций. *Предмет подкупа* находится за пределами суверенного государства (на территории иностранных государств, на территориях т.н. непризнанных государств и т.д.): недвижимость, денежные средства на счетах или в ячейках хранения в банках, предметы роскоши, произведения искусств. автомобили, яхты и т.д.

2. Распространенность транснациональных коррупционных практик в различных регионах мира (прежде всего в Африке) приводит фактически к покупке местной элиты транснациональными и зарубежными коррупте́рами в целях получения контроля над природными ресурсами этих государств, приобретения новых рынков сбыта своей продукции, выгодных подрядов, освоения рынка максимально дешевой рабочей силы, установления контроля над внутриполитическим и внешнеполитическим курсом.

3. Одним из наиболее активных игроков на рынке транснациональных коррупционных услуг, формирующих и спрос и предложение на эти услуги, являются транснациональные корпорации. При всей объективной необходимости таких корпораций и их экономической полезности их деятельность крайне коррупциогенна. За последние несколько десятков лет крупнейшие ТНК (Siemens, Airbus, Shell, Lockheed Aircraft, Eni и ряд других) оказались в эпицентре громких коррупционных разоблачений – их обвиняли (и далеко не беспочвенно) в создании широкомасштабных коррупционных

схем на всех континентах мира с вовлечением крупнейших политических фигур национальных государств. На деле все эти ТНК декларировали в своих внутрикорпоративных документах нулевую терпимость по отношению к коррупции. Структура ТНК включает в себя GR-департаменты (Government Relations Departments). Ключевые функции этих департаментов, даже на первый взгляд, имеют коррупционный оттенок (например, воздействие на органы государственной власти при принятии законов, регулирующих отношения власти и бизнеса, и т.д.).

4. Бесконтрольная коррупциогенная деятельность ТНК в России содержит угрозу национальной безопасности страны, чему уже были примеры: возможны попытки вмешательства ТНК во внутриполитические процессы в России, как это имело место в период выборов Президента страны в 1996 году; ТНК могут использовать правительства западных стран для оказания давления на российское руководство для обеспечения своих частных корпоративных интересов; ТНК намереваются взять под контроль российские природные ресурсы, а российские ТНК (в результате интернационализации их деятельности) могут стать проводниками корпоративных транснациональных интересов в ущерб интересам национальным.

5. Ведущую роль в обеспечении рынка транснациональных коррупционных услуг, особенно его топового сегмента, играют транснациональные банки, прежде всего банки лондонского Сити и нью-йоркской Уолл-стрит. В транснациональные коррупционные схемы по поводу хранения преступно полученных средств (в т.ч. коррупционным путем) представителями политических элит из стран Европы, Азии, Африки оказались замешаны такие банки, как HSBC, Barclays, Deutsche Bank, Bank of East Asia и ряд других.

6. Непосредственное участие ведущих международных публичных организаций (в частности, ООН) в тех или иных проектах гуманитарного развития не является барьером для транснациональной коррупции, пример чему программа помощи ООН народу Ирака «Нефть в обмен на

продовольствие», которая была использована для коррупционного обогащения и масштабного расхищения денежных средств, а бенефициарами ее оказались в итоге высокопоставленные коррумпированные чиновники и предприятия нефтяной промышленности по всему миру. Транснациональная коррупционная топ-преступность, драйверами которой являются ТНК, сама по себе развенчивает миф о том, что иностранные инвесторы приносят в страну более высокие стандарты управления.

7. Многие страны предусмотрели в своем уголовном законодательстве нормы об ответственности за транснациональные коррупционные преступления. В некоторых государствах, в частности в Бразилии, есть даже отдельные главы о преступлениях против иностранной публичной власти, причем такие нормы содержатся как в кодифицированных актах – уголовных кодексах (Бразилия, Португалия), так и в отдельных статутах (Великобритания, ЮАР).

§ 1.3. Теоретико-методологические основы исследования коррупционной ментальности как уголовно-правового и криминологического явления

Как отмечал А.И. Александров, преступность можно определить как «массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета»[127], а по мнению А.М. Яковлева, преступность представляет собой «единство объективного (социальные действия, акты поведения) и субъективного (оценивающая деятельность государства, выраженная в уголовном законе»[128]. Преступники в основной своей массе «не отъявленные злодеи, а нормальные люди, большинство из которых составляют лица: а) кому не под силу, нет возможности достичь своей цели непреступным путем либо б) кому преступный путь представляется (и является) куда более выгодным,

[127] Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003. С. 179.
[128] Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории. М. Содействие новый век, 2001. С. 3.

чем честная работа за низкую заработную плату. И та, и другая мотивация, как нетрудно понять, порождены условиями и образом жизни этих людей»[129].

Учений о происхождении и объяснении преступности и о способах противодействия ей существует более чем достаточно: от теологической и антропологической до культурологических теорий и девиантологических теорий постмодернизма[130]. Криминологический лексикон обогатился таким термином как «стратегия борьбы с преступностью», а в отечественной криминологии выделяются различные виды таких стратегий, исходя из тех или иных критериев, и предлагается система принципов, на которых эти стратегии основываются. Например, В.Н. Кудрявцев на основании критерия «элементы механизма преступления» выделяет следующие четыре стратегии:

1. *стратегия предупреждения преступлений;*
2. *стратегия пресечения преступлений;*
3. *стратегия уголовного преследования;*
4. *стратегия наказания и ресоциализации преступника*[131].

Используя такой критерий, как объект воздействия (объект таргетирования), можно выделить *стратегию, направленную на личность преступника, и стратегию, направленную на объективные условия, в которых эта личность существует и действует*. Еще одним критерием для классификации стратегий борьбы с преступностью выступает *отраслевая принадлежность соответствующих правовых норм*, которые, по понятным причинам, будут относится прежде всего к уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному праву[132], хотя противодействие

[129] Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 8.
[130] См., например: Яковлев А.М. Указ.соч.. С. 29-58; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Юридический центр Пресс 2004. С. 61-122.
[131] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. С. 42.
[132] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. С. 44.

коррупционной преступности в рамках иных отраслей права является дополнительным эффективным средством борьбы с ней[133].

Можно опираться и на сложный комплексный критерий, который охватывает а) историческую последовательность появления стратегий и их использования, б) процессуальную последовательность и в) гуманитарную составляющую всей системы борьбы с преступностью, характеризующуюся постепенным переходом от более жестких мер к более мягким. Исходя из этого критерия, выделяют *стратегии истребления и устрашения, изоляции, исправления, восстановительной юстиции, индивидуальной профилактики, социальной профилактики, безопасности*[134].

Успешное противодействие именно коррупционной преступности также осуществимо на основе соответствующих стратегий, о чем в научной литературе говорилось многократно[135]. Коррупционная преступность имеет свою структуру, о чем ниже мы скажем подробнее. Например, эксперты делят все коррупционные преступления, исходя из должного положения и статуса лиц - субъектов преступлений, на три группы: *коррупцию высшего уровня, коррупцию среднего уровня и низовую коррупцию*[136]. Совершенно очевидно, что стратегии противодействия каждому виду коррупционной преступности будут иметь свою специфику.

Говоря о стратегиях противодействия коррупции, С.М. Иншаков и В.А. Казакова предостерегают от увлечения революционными кардинальными мерами и предлагают двухуровневую стратегию, которая предусматривает, *во-первых, жесткое и интенсивное вытеснение коррупции из сфер, где она может причинить серьезный вред государственной безопасности и*

---

[133] См., например: Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права сб. материалов международной научно-практической конференции под ред. В.В. Лунеева. М. ИГП РАН Юристъ 2002.

[134] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. С. 44.

[135] См., например: Иншаков С.М., Казакова В.А. Стратегии противодействия коррупции: классические и реальные: монография. М.: РУСАЙНС 2023.

[136] См.: Иншаков С.М., Казакова В.А. Стратегии противодействия коррупции. С. 12.

фундаментальным основам жизни общества, и, во-вторых, поэтапное уменьшение степени коррумпированности иных социальных сфер[137].

Признаки социальной системы с низким уровнем коррупции:

а) чиновники высшего уровня практически не коррумпированы, коррумпировано менее 25% чиновников более низкого ранга;

б) коррупция судебной системы носит единичный характер;

в) в правоохранительных органах коррумпировано менее 10% сотрудников;

г) со значительной долей риска можно решать отдельные вопросы посредством взяток, но не вопросы, связанные с освобождением от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления;

д) правоохранительные органы ведут эффективную борьбу с коррупцией;

е) вероятность привлечения коррупционеров к уголовной ответственности высокая (привлекают более 50%);

ж) источники богатства, а также высокого уровня жизни граждан имеют легальную природу;

з) представительные органы власти, общественные организации, сотрудники СМИ наряду с правоохранительными органами становятся основным субъектом противодействия коррупции;

и) коррупционные скандалы практически всегда становятся достоянием гласности, при этом всегда возбуждается уголовное преследование в отношении коррупционеров;

к) национальное законодательство имеет антикоррупционную направленность и позволяет эффективно противодействовать коррупции;

л) факты коррупции встречают нетерпимое отношение большинства граждан;

[137] См.: Иншаков С.М., Казакова В.А. Указ. сочинение. С. 23.

м) коррупция не носит международный характер; лишь единичные факты коррупционных преступлений имеют организованный характер;

н) деятельность должностных лиц носит транспарантный характер[138].

В нашей стране, как известно, существует Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460. К числу принципов Национальной стратегии относится *использование в противодействии коррупции системы мер, включающей в себя меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний при ведущей роли на современном этапе мер по предупреждению коррупции*[139].

Современные реалии таковы, что коррупционная преступность превратилась в средство гибридной войны против России, а криминологи даже выделяют такой термин как «коррупционная война», которая проходит в несколько этапов:

1. этап тотального коррумпирования политической элиты страны;
2. этап создания с помощью коррумпированной элиты условий, способствующих интенсивному развитию коррупции как социального явления и затрудняющих борьбу с ней;
3. этап коррупционной самодетерминации, когда механизм коррупционной деградации общества запущен и начинает действовать самостоятельно, при этом в коррупцию втягиваются все сословия общества, а системная коррупция продуцирует коррупцию несистемную;
4. этап превращения коррупции в социальную норму и элемент государственного управления[140].

Примечательно, что в условиях коррупционной войны против суверенного государства специалисты также выделяют три типа стратегии

---

[138] См.: Иншаков С.М., Казакова В.А. Указ соч. С. 23.

[139] См.: Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. N 460 "О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы" // Российская газета, 2010. 15 апр.

[140] См.: Иншаков С.М., Казакова В.А. указ. соч. С.164-165.

борьбы с коррупцией, исходя из состояния политической субъектности руководства страны:

1) стратегия руководства, утратившего или утрачивающего политическую субъектность;

2) стратегия руководства, обеспечивающего стабильность;

3) стратегия руководства, восстанавливающего или укрепляющего политическую субъектность[141].

Несмотря на разработку и применение масштабных стратегий, программ и планов по борьбе с коррупцией, нельзя ни в коем случае забывать о том, что первоосновой преступности (в том числе преступности коррупционной) является отдельное преступление, и, как подчеркивал В.Н. Кудрявцев, «характеризуя преступность, нельзя не рассмотреть объективные и субъективные причины этого неустранимого веками феномена»[142]. Он же образно и точно называл конкретное преступление «элементарной частицей преступности»[143]. В зарубежной криминолого-правовой литературе приводятся разные определения преступления в зависимости от отраслевого подхода: «юридическое – преступление есть нарушение закона; политическое – преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам; социологическое – преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы; психологическое – преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения»[144]. Несмотря на

[141] См.: Там же С.165.
[142] Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. С. 140-335.
[143] Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ИФОРУМ – ИНФРА-М, 1998. С. 16.
[144] Schmalleger F. Criminology Today. An Integrative Introduction. 3rd Ed. Prentice-Hall, Upper Staddle River. NJ. 2022. P. 16. по: Гилинский Я. Указ.соч. С. 190.

различные определения преступления, общим для них будет *актор – лицо, совершающее преступление*.

Конкретное преступление совершается конкретным человеком (конкретными людьми), а потому чрезвычайно важным является изучение личности преступника как объекта воздействия в рамках вышеупомянутых стратегий противодействия преступности. Именно личность преступника, по словам В.Н. Кудрявцева, *является первоосновой любого преступления при том, что личность преступника может формироваться и в зрелом возрасте тоже*[145]. Известная проблема соотношения биологического и социального в личности преступника может быть рассмотрена на психологическом уровне, поскольку, как отмечают Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов, именно «личность, её психика являются ареной, на которой происходит взаимодействие социальных и биологических факторов»[146].

В криминологии учение о личности преступника разработано достаточно хорошо и подробно, однако сам термин «личность преступника» трактуется не единообразно. Наряду с традиционным пониманием личности преступника как совокупности социально-демографических, социально-ролевых, уголовно-правовых и психофизиологических качеств лица, совершившего преступление, заслуживает особого внимания следующее определение: *личность преступника – это совокупность криминогенных качеств личности, которые обусловили или могли обусловить совершение преступление*[147]. Тот факт, что человек рождается мужчиной или женщиной, не может предопределить большую или меньшую вероятность совершения им преступления, и точно также не может служить «стигматизирующим» фактором возраст этого лица, его социальное или семейной положение.

Причинность на уровне индивидуального преступного поведения выступает в виде трех цепочек (причинных рядов), главный из которых – это

[145] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. С. 42.
[146] Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 33.
[147] См.: Иншаков С.М. Криминология: учебник. Юриспруденция, М.: 2000. С. 40.

механизм преступного поведения, который, в свою очередь, включает в себя а) мотивацию преступления; б) планирование преступление; в) исполнение преступления и наступление преступного результата. Помимо собственно механизма преступного поведения причинность включает в себя *личность преступника* и *внешнюю социальную среду*, в которой действует субъект, и, по понятным причинам, эти три компонента (механизм преступного поведения, личность преступника и внешняя среда, в которой преступник действует) находятся в постоянной взаимосвязи. В своей совокупности эти компоненты и связи между ними образуют *генезис преступления*[148]. По понятным причинам схема этого генезиса относима только к умышленным преступления (прежде всего к деяниям, совершаемым с заранее обдуманным умыслом).

Взаимоотношения между личностью преступника и средой в итоге и приводят к осознанию того, что решить свои проблемы личность может, совершив преступление, причем такие взаимоотношения могут иметь две формы: *рассогласования личности со средой и согласованности со средой*. В первом случае лицо, не желая придерживаться общепринятых норм морали, нравственности, сложившихся в обществе правил труда и быта, совершает преступление, демонстрируя своего рода пренебрежение к устоям. Кроме того, такая рассогласованность может появиться в результате диссонанса между декларируемой реальностью и реальностью фактической: лицо убеждается в лицемерии власть предержащих, в отсутствии какой бы то ни было социальной справедливости, в бессилии права и судебных органов, в отсутствии перспектив честного труда, в совершенной бесполезности официально провозглашаемых целей и т.п. Согласование же личности со средой также может привести к решимости совершать преступления, если сама среда пребывания пробуждает личность именно на преступное поведение: в этой среде преступное поведение считается уже даже не эталоном, а обыденностью, чем-то само собой разумеющимся[149]. Тех же, кто такое поведение не приемлет

[148] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. С. 19-20.
[149] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. С. 18-19.

по тем или иным причинам, эта среда отторгает, отправляет на самые низкие ступени либо вовсе уничтожает. И речь идет, как мы понимаем, не только о гангстерах или участниках организованной преступности, профессиональных ворах или наркодилерах. Подобная картина наблюдается и в среде лиц, совершающих коррупционные преступления.

В том обществе, где честное служение государству и народу всячески приветствуется и поощряется, ориентированность лица на решение своих проблем коррупционным путем с помощью монетизации своих властных полномочий будет резко диссонировать с общепринятыми нормами и встретит неминуемое осуждение представителей если не всех, то большинства социальных слоев. В таком обществе деятельность коррупционеров будет восприниматься не иначе как предательство интересов службы.

Более сложным и опасным (с точки зрения возможной коррупциогенности) является т.н. переходный период от одной общественно-экономической формации (строя) к другой, который нередко сопровождается кризисом в самых разных сферах. Как отмечал В.Н. Кудрявцев, такая смена «вызывает глубокое потрясение как в экономической и социальной, так и в духовной сфере жизни, приводит к росту антиобщественных проявлений и преступности»[150]. В такие периоды государственный аппарат (как и всё общество) находится в состоянии дезориентации, смены парадигмы существования, когда (буквально в одночасье) прежние идеалы и цели объявляются ошибочными и ущербными, а те, кто продолжает им следовать, стигматизируются как ретрограды и реакционеры. И если в такой период возобладает правило «Обогащайтесь как можете», то и трансформация системы государственной власти и государственной службы получит, с высокой долей вероятности, коррупционный оттенок. В таких случаях готовность совершать коррупционные преступления и участвовать в коррупционных схемах различной сложности уже воспринимается как

[150] Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. С. 13

необходимость (пусть и вынужденная), как способ адаптации к новым реалиям.

Если же мы сталкиваемся с обществом, где коррупция выступает абсолютной нормой жизни, где коррумпированность элитно-властных слоев достигает своего максимума, а система государственной власти и государственной службы изначально рассматривается как источник незаконного дохода (как средство коррупционного кормления), то нацеленность на решение всех своих проблем коррупционным путем, готовность и способность к этому будут рассматриваться как неотъемлемый элемент успешности в таком обществе, статусности носителя такой внутренней установки.

Изречение К. Маркса о том, что бытие определяет сознание, во многом доказало свою состоятельность, хотя обратный тезис о том, что и сознание влияет на бытие, тоже отчасти верен.

Если осознание коррупционного поведения как единственно возможного или преимущественного способа решения своих проблем укореняется (а позднее превращается в образ жизни), то такое осознание неминуемо продуцирует соответствующие поступки, которые имеют негативное проявление вовне. В силу закона о переходе количественных изменений в качественное критическое число таких негативных деяний меняет объективную реальность (примерами тому могут служить вышеназванные этапы коррупционных войн; коррупционное “крышевание” незаконной вырубки леса, которая ведет к вредным многоступенчатым изменениям окружающей среды, чреватым техногенными катастрофами).

Мы уверены, что в научно-правовой оборот необходимо ввести такой термин *коррупционная ментальность,* которая включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие:

- готовность различных слоев населения (социальных групп) к решению своих разнообразных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний;

- готовность лиц, обладающих властными и иными организационно-распорядительными полномочиями «монетизировать» свое служебное положение, торговать им;
- готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп (коррупционная «круговая порука», которая основывается на убеждении в ее необходимости).

Коррупционная ментальность представляет собой вид антиобщественной установки личности. Под антиобщественной установкой личности в литературе принято понимать тот комплекс отрицательных взглядов, убеждений, привычек, свойств данного лица, который, преломляясь через условия жизнедеятельности, может стать причиной преступления и который, сохранившись, может в будущем вновь запустить механизм преступного поведения. В свою очередь, антиобщественная установка личности является частью социально-нравственной установки личности, именно той ее частью, которая и должна подлежать разрушению и (или) замещению новой установкой, в том числе в процессе перевоспитания осужденных[151].

По содержанию и характеру различают три вида антиобщественной установки:

1) общая, «абстрактная» антиобщественная установка, при которой лицо может совершить в зависимости от конкретных условий любое преступление или любое из достаточно широкого круга преступлений различного рода;

2) более узкая антиобщественная установка, способная породить намерение совершать преступления определенного вида (например, имущественные, но не преступления против личности);

[151] См.: Щербакова Л.М., Белая О.П. Исследование личности преступника: теоретико-рефлексивный анализ // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 161.

3) антиобщественная установка, при которой лицо оказывается способным к совершению лишь какого-то определенного преступления (например изнасилования)[152].

Как видим, коррупционная ментальность попадает под определение антиобщественной установки второго вида в данной классификации.

Учитывая всё вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: первостепенной задачей в деле противодействия коррупции должна стать разработка *стратегии борьбы с коррупционной ментальностью.*

Коррупционная ментальность, как можно судить, имеет комплексное криминологическое и уголовно-правовое значение, поскольку действия, ею генерируемые, подлежат оценке с точки зрения уголовного закона, а для юридической оценки будут иметь ключевое значение мотивы и цели совершаемых лицом коррупционных преступлений.

Коррупция (коррупционная преступность) представляет собой один из видов девиантного поведения, сопровождающий человечество с древнейших времен, – наказание за взяточничество уже содержали законы Хаммурапи четыре тысячи лет назад. Гносеология коррупционной ментальности оперирует соответствующим методологическим и методическим аппаратом, использование которого имеет свою специфику в зависимости от объекта познания.

Общие требования, предъявляемые к методологии научного познания (включая исследование форм девиации), представлены Я.И. Гилинским, который относит к принципам научного познания:

- *принцип универсальности законов мироздания,*
- *принцип универсальности общенаучных методов познания действительности,*
- *принцип относительности знаний (релятивизм),*
- *принцип дополнительности*[153].

[152] Там же.
[153] См.: Гилинский Я. Указ. соч. С. 40-45.

Свою классификацию методологических принципов научного познания предлагает С.М. Иншаков, который выделяет:

- *принцип объективности* (частные по отношению к нему принцип наблюдаемости, принцип сопоставимости результатов исследования, принцип верификации знаний);
- *принцип соответствия исследовательской методики специфики исследуемого объекта*
- *принцип целостности исследуемого объекта* (подчиненный по отношению к нему принцип дополнительности);
- *принцип однозначности применения понятий для описания результатов исследования*[154].

Вся совокупность методов научного познания по традиции подразделяется на *общенаучные* и *частнонаучные*. Первые, в свою очередь, подразделяются на методы *эмпирических исследований* (наблюдение и эксперимент или опыт) и *теоретические методы* (анализ и синтез, сравнение, логический метод, метод историзма и системно-структурный метод). К частнонаучным относят психологические, социологические, статистические методы[155].

Методологические основы исследования коррупционной ментальности, проявляющейся в совершении коррупционных преступлений, не могут во главу угла ставить только статистический метод в силу высокой латентности коррупционных преступлений и привлечения к уголовной ответственности лиц за низовую коррупцию.

Таким образом, основные положения концепции коррупционной ментальности сводятся к системе взглядов, принципов и представлений в области субъективно-объективных характеристик современного

[154] См.: Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 29-31.
[155] См.: Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. С. 40-66.

коррупционера, его устремлений и целей, особенностей механизма его криминального поведения, его криминального положения и статуса.

Концепция криминологической ментальности коррупционера определяется как исходный замысел, в котором концентрированно сформулированы смысл коррупционного поведения, цель его реализации и предполагаемые результаты. *Концепция коррупционной ментальности представляет собой систему идей, взглядов и представлений о современном коррупционере, способах понимания его криминального поведения, трактовках, определяющих характер познавательной и практической скрытной, глубинной, безотчетной, неотрефлектированной части его сознания.* Криминологическую ментальность невозможно описать, если не представлять заранее, что именно нужно описывать. Последнее же невозможно, если не представлять структуру криминальной картины коррупционных процессов (в том числе и ее бессознательные компоненты) и социальную структуру применительно к «распределительной модели криминальной культуры», то есть криминальную структуру и модель коррупционного взаимодействия, которая бы объясняла механизм функционирования уголовно-правовых и криминологических составляющих современных коррупционных процессов.

Криминологическая ментальность современного коррупционера представляет собой единство мотивационной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфера, что детерминируется мотивационным механизмом личности коррупционного преступника, в основе которой лежат именно мотивационная, эмоциональная, волевая и поведенческая сферы. Когда мотивы коррупционного поведения не сводятся исключительно к корыстному мотиву (мотиву обогащения, экономическому мотиву), хотя он, по понятным причинам, является преобладающим в этой группе преступлений, помимо него возможны политические мотивы, эмоционально-эгоистические и легкомысленно-безответственные мотивы и мотивы драйва, потребности адреналинового всплеска, при том, что корыстный мотив в случае

многофакторности мотивации, как правило, доминирует. Частота мотивов и их соотношение варьируются в зависимости от сферы совершаемых коррупционных преступлений. Эмоциональная сфера как составляющая психологической структуры личности коррупционера, включая восприятие объективной и субъективной действительности, определяется удовлетворенностью или неудовлетворенностью различных насущных потребностей. Мотивационная, эмоциональная и волевая сферы детерминируют и предопределяют особую поведенческую сферу, которая выделяется комплексом особенных объективно-поведенческих черт преступника-коррупционера, что охватывается понятием его криминологической ментальности.

Анализ составляющих волевой сферы личности коррупционера выявил ее обусловленность «моделью психологических весов» или схемой эмоционально-волевого балансирования: чем больше величина коррупционной оставляющей (уровень коррупционного дохода, увеличение властных полномочий и возможности оказать давление на других индивидов и т.д.), тем сильнее будет перевес (дисбаланс) в сторону волевых устремлений и желаний по реализации новых возможностей совершения коррупционного преступления. Среди исследованных моделей, объясняющих коррупционное поведение, выделяется теория игр, согласно которой коррупционное поведение объясняется с игровой позиции, позволяющей игроку реализовать в реальной действительности многие игровые факторы (риск, воображение, импровизацию, актерское мастерство и т.д.).

Согласно представленной концепции коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность граждан к решению своих личных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний, готовность лиц, обладающих властными и иными организационно-распорядительными полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение (иными словами, использовать это положение в целях личной выгоды для себя или

третьих лиц), готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп (такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее необходимости составляют важную часть коррупционной ментальности). В то же время нет никакой корреляции между исповедуемой религией и уровнем коррупции, как это пытаются представить некоторые зарубежные исследователи.

Таким образом, концепция криминологической ментальности современного коррупционера представляется в форме руководящей идеи, конструктивного принципа, позволяющего идентифицировать лиц, совершающих коррупционные преступления.

В заключение параграфа сделаем основные выводы.

1. Борьба с коррупционной преступностью в современных условиях должна осуществляться на основе соответствующей стратегии, имеющей разные направления в зависимости от тех или иных классификационных критериев. К таким критериям относят элементы механизма преступления; объект воздействия (личность преступника или среда, в которой преступник существует и действует); отраслевую принадлежность норм права, с помощью которых осуществляется противодействие коррупции; степень правоограничений и интенсивности карательного воздействия; уровень и положение социальных слоев, пораженных коррупцией; степень политической правосубъектности и независимости руководства государства, ведущего борьбу с коррупцией.

2. Генезис любого преступления (в т.ч. преступления коррупционного) включает: механизм преступного поведения, личность преступника и внешнюю социальную среду, в которой действует преступник. Внешняя среда может быть сама подвержена различным изменениям и колебаниям, что сказывается и на формировании личности коррупционного преступника.

Иными словами, коррупционный преступник во многом является продуктом социальной среды, а его последующее поведение будет эту среду формировать.

В формировании такой личности и последующем совершении лицом преступления особую роль играет коррупционная ментальность, которую с полным правом можно рассматривать как особый вид антиобщественной установки личности. Особенность ее проявляется в том, что лицо с такой установкой готово совершать преступления определённой группы (коррупционные преступления). Стратегия борьбы с коррупционной ментальностью должна войти в число приоритетных.

3. Концепция криминологической ментальности коррупционера определяется как исходный замысел, в котором концентрированно сформулированы смысл его коррупционного поведения, цель его реализации и предполагаемые результаты. Концепция коррупционной ментальности представляет собой систему идей, взглядов и представлений о современном коррупционере, способах понимания его криминального поведения, трактовках, определяющих характер познавательной и практической скрытной, глубинной, безотчетной, неотрефлектированной части его сознания. Криминологическая ментальность современного коррупционера представляет собой единство мотивационной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфера, что детерминируется мотивационным механизмом личности коррупционного преступника, в основе которой лежат именно мотивационная, эмоциональная, волевая и поведенческая сферы. Концепция криминологической ментальности современного коррупционера представляется в форме руководящей идеи, конструктивного принципа, позволяющего идентифицировать лиц, совершающих коррупционные преступления.

4. Коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность граждан к решению своих личных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний, готовность лиц, обладающих властными и иными

организационно-распорядительными полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение (иными словами, использовать это положение в целях личной выгоды для себя или третьих лиц), готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп (такая готовность к «круговой поруке», а главное убежденность в ее необходимости, составляют важную часть коррупционной ментальности).

5. Гносеология коррупционной ментальности имеет свою методологическую и методическую основу с учетом специфики изучаемых элементов и частей этой ментальности и механизма ее образования. Изучение коррупционной ментальности должно строиться на соответствующих методологических принципах, к которым следует отнести: принцип относительности научного знания (ни одно знание не может быть всеобъемлющим, абсолютно истинным); принцип дополнительности (в данном контексте принцип междисциплинарности, требующий использования различных методов и подходов); принцип целостности исследуемого объекта (реализуется посредством использования таких методов, как анализ, синтез, системно-структурный метод); принцип соответствия исследовательской методики специфике исследуемого объекта (учитывая крайне высокую латентность коррупционной преступности, особенно её элитно-властной части, этот принцип предостерегает от чрезмерного увлечения статистическими методами при исследовании коррупционной преступности).

Глава II. Личность коррупционного преступника и основы криминологической ментальности современного коррупционера

§ 2.1. Ментально-криминологические составляющие современного коррупционера

Классификацию и типологию преступников, как известно, отождествлять нельзя: они отличаются друг от друга по содержанию оснований и по целям их использования. Например, Ю.М. Антонян называет одно из важнейших отличий классификации от типологии: классификация даёт описание изучаемого объекта, а типология (наряду с другими методами) - его объяснение[156]. Иными словами, благодаря типологии можно лучше раскрыть природу изучаемого объекта, причины его происхождения, закономерности образования и развития, эффективнее составить прогноз. По мнению В.Н. Бурлакова, типология находится на более высоком уровне абстракции, чем классификация: отражает качественно однородную совокупность проявлений своего объекта, все единицы которой имеют общую закономерность развития[157].

С позиции уголовного права классификация и типология направлены на верную индивидуализацию ответственности и наказания, с точки зрения криминологии классификация и типология необходимы для эффективного предупреждения развития криминогенной личности, с точки зрения уголовно-исполнительного права классификация и типология должны способствовать применению действенных мер исправления осужденных также с учетом их индивидуальных особенностей.

Классификация как распространенный научный метод предполагает распределение чего - либо в зависимости от выбранных критериев. Являясь

[156] См.: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 91; Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 145.
[157] См.: Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. СПб., 1998. С. 31.

определенным уровнем обобщения, классификация представляет собой устойчивую группировку изучаемых объектов в зависимости от признаков, строящихся четких критериях, занимающих фиксированное место в общей системе. Классификация рассматривается как «система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания, составленная на основе учета общих и закономерных связей между ними»[158]. Классификация преступников (в том числе коррупционных) также предполагает их распределение в зависимости от неотъемлемых признаков этих лиц, позволяющих отнести их к той или иной группе.

В основу классификации личности преступников положены различные критерии. При этом А.И. Алексеев настаивает на том, что полноценные классификации преступников проводятся на основе не одного, а нескольких сущностных признаков, причинно и иным образом связанных с преступным поведением и характеризующих личность во взаимодействии с социальной средой[159].

Широко известно, *что существуют различные критерии классификации личности преступников, предлагаемые учеными.* Например, в основу могут быть положены социально-демографические и уголовно-правовые признаки личности преступника[160]; собственнокриминологические признаки (вид преступного деяния, формы вины, роль в преступлении, повторность преступления и др.)[161]; длительность преступной деятельности и степень криминального профессионализма[162]. Основу классификации может составлять необходимость ресоциализации лица (лица, нуждающиеся в ресоциализации, лица, не нуждающиеся в ресоциализации, лица, к которым не может быть применена ресоциализация)[163]; криминально-психологические

[158] Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 229.
[159] См.: Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М. 1999.
[160] См.: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 357-358; Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений. Саратов, 2000. С.74.
[161] См.: Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. 2-е изд., Н. Новгород, 2007. С. 34.
[162] См.: Попов В.В. К вопросу о криминологической классификации // Бизнес в законе. 2009. №. 1. С.214.
[163]См.: Каирбаева Л.К. Проблемы ресоциализации осужденных URL: http://www.rusnauka.com/5_PNW_2010/Pravo/59257.doc.htm (дата обращения: 03.03.2021).

признаки (доминирующие позиции личности, ее побуждения, мотивы, устойчивые цели и способы совершения преступления; мера десоциализированности личности; характер ее антисоциальной направленности)[164].

Наиболее универсальная, на наш взгляд, классификация содержит:

- *социологический критерий* (в том числе социально-демографический: пол, возраст, уровень образования, уровень материальной обеспеченности, социальное положение, наличие семьи, социальное происхождение, занятость в общественно полезном труде, род занятий, наличие специальности, место жительства);

- *правовой критерий* (характер, степень тяжести совершенных преступлений, совершение преступления впервые или повторно, в группе или в одиночку, длительность преступной деятельности, объект преступного посягательства, форма вины);

- *психологический критерий* (мотивация преступного ведения).

Изучение личности коррупционного преступника невозможно без его *классификации и типологизации*, которые как значимые методы познания позволяют выделить общие черты коррупционеров, определить их в группы. Методы противодействия таким преступлениям также будут учитывать обозначенные особенности.

В зависимости от роли коррупционного преступника в преступлении коррупционной направленности выделяют: *коррупционеров-расхитителей*, то есть лиц, совершающих такие преступления коррупционной направленности, как присвоение чужого имущества, при помощи своего служебного положения либо статуса или полученной власти; *коррупционеров-взяткополучателей; коррупционеров-злоупотребителей* – лиц на определённых должностях в государственных органах власти и местного самоуправления, которые используют власть, находящуюся в их руках,

[164] См.: Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и специальной психологии: учебник для вузов. М., 2005. С.297.

служебное положение для удовлетворения личных целей корыстной направленности, причиняя тем самым существенный вред в экономической, политической, социальной сфере, государству и обществу в целом;[165] *коррупттёров (взяткодателей)* – лиц, передающих взятку (предмет коммерческого подкупа) коррупционерам для решения каких-либо дел и удовлетворения своих интересов.

Если говорить об уголовно-правовых критериях классификации личности коррупционного преступника, то в литературе, часто в качестве критерия выделяют виды совершаемых им преступлений[166]. Указанные в различных источниках признаки коррупционных преступлений и даже их открытый перечень в соответствующем Федеральном законе подчас противоречат друг другу, что не дает возможности однозначно определить то или иное преступление как коррупционное. Эта проблема касается и подзаконных нормативных правовых актов, например ведомственных приказов и т.д.[167], где также нет четкого разделения на виды коррупционных преступлений, что в целом негативно сказывается на реализации антикоррупционной политики. Таким образом, дифференциация личности коррупционного преступника в зависимости от вида совершаемого им коррупционного деяния в настоящее время затруднительна.

---

[165] См.: Гончаренко Г.С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника // Конференция по проблеме противодействия коррупции // Адвокатская палата Ростовской области. Электрон. дан., 2008. URL: http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291 (дата обращения: 15.09.2017).

[166] См.: Кабанов П.А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3 (30). С. 63.

[167] См.: приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2016); Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2016).

Можно классифицировать личность коррупционного преступника на основе такого количественного показателя, как число лиц, участвующих в совершении коррупционных преступлений.

Лица, совершившие преступление в одиночку, представляют наименьшую опасность, так как такое лицо не имеет соучастников, а, следовательно, имеет меньшую степень общественной опасности, что отражено и в уголовном законе, который предусматривает в качестве отягчающих вину обстоятельств, совершение преступлениям лицом в различных формах соучастия. Совершение коррупционных преступлений в соучастии, по понятным причинам, увеличивает степень общественной опасности содеянного, в зависимости от объективных и субъективных признаков такого соучастия, степени организованности и сплоченности преступников и т.п.

Для разграничения лиц, совершивших коррупционные преступления (единолично или в соучастии), нами на основе обширного эмпирического и статистического материала, а также судебной практики были *проанализированы сферы деятельности, где наиболее распространены коррупционные преступления,* в связи с чем были выделены следующие сферы деятельности: *политическая* (депутаты, представители исполнительной власти различных уровней); *экономико-производственная* (руководители заводов, предприятий, фирм любых форм собственности различных уровней); *правоохранительная* (судьи, сотрудники прокуратуры, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенных органов, Министерства юстиции и других правоохранительных структур); *образовательная* (преподаватели и представители администрации различных видов образовательных учреждений); *сфера здравоохранения* (врачи и иные медицинские работники) в том числе и фармакологическая. Изучение личности коррупционера происходило через призму данных видов деятельности (табл.1).

Таблица 1. Процентное соотношение количества коррупционных преступлений по сферам деятельности в зависимости от квалифицирующего признака

Сфера деятельности	**Квалифицирующие признаки**		
	Совершенное одним лицом	**Совершенное группой лиц по предварительному сговору**	**Совершенное организованной группой**
Политическая	17%	31 %	30 %
Экономико-производственная	19 %	22 %	21 %
Правоохранительная	11 %	25 %	33 %
Образовательная	25 %	10 %	7 %
Здравоохранения	28 %	12 %	9 %

Источник: составлено автором

Совершение преступления одним лицом характерно в большей степени для представителей сферы образования и здравоохранения, так как они чаще всего совершают коррупционные преступления, относимые к бытовой коррупции, где участниками, как правило, являются сам коррупционер и лицо, заинтересованное в совершении относительно себя определенных действий со стороны коррупционера. Такая сделка не предполагает сложной схемы ее реализации, а также посторонних участников.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору было выявлено во всех рассматриваемых сферах деятельности. Это говорит о том, что представители всех названных сфер, совершая коррупционные преступления, имели соучастников, разделявших желание совершить коррупционное преступление. С незначительным перевесом лидерами стали представители политической сферы деятельности, так как, обладая значительными ресурсами, такие лица совершают преступления совместно с лицами, от решения которых может зависеть желаемый коррупционный результат. Значительное число представителей политической сферы являются участниками и организованных преступных групп.

Чаще всего представители именно правоохранительной сферы были участниками организованных преступных групп. Строгая иерархия в такой группе, властный и силовой ресурсы, а также круговая порука предоставляют лицу, совершившему коррупционное преступление, большие возможности сохранить безнаказанность. Однако стоит отметить, что число представителей правоохранительной сферы в данной категории незначительно больше числа представителей политической сферы деятельности.

Уголовно-правовыми критериями классификации могут выступать и такие показатели субъективной стороны преступления, как *мотив*.

Предпринятая классификация коррупционеров выявила преобладание лиц, совершивших коррупционные преступления в одиночестве, среди представителей сферы образования и здравоохранения; совершение коррупционных преступлений группой лиц по предварительному сговору характерно для представителей политической сферы деятельности, а организованной группой - для представителей правоохранительной сферы.

Обобщая классификацию согласно рассматриваемым сферам деятельности, отметим, что представители политической сферы, являясь представителями административно-чиновничьего аппарата, соответствуют признакам престижного типа преступника, последовательно, активно реализующим коррупционную деятельность, выступающим с инициативой коррупционных преступлений в составе групп по предварительному сговору. Экономико-производственный тип преступника выполняет управленческие функции в производственной сфере и бизнесе, движим корыстными интересами, последовательно, активно инициирует коррупционные преступления, совершая их либо в составе группы по предварительному сговору, либо в составе организованной группы. Представители правоохранительной сферы осуществляют деятельность по охране правопорядка и законности, защите прав и свобод человека, общества и государства, получают удовлетворение от процесса реализации власти, балансируя на грани правомерного и противоправного, повинуясь круговой

поруке, зависят от коллективного коррупционного поведения, что объясняет их участие чаще всего в организованных преступных группах. Представители сферы образования и здравоохранения очень схожи по своим типам, которым свойствен в большей степени не личный, а семейный интерес, ради удовлетворения которого и совершаются коррупционные преступления. Представители данных сфер зависят в принятии решения от конкретной ситуации, а также чаще всего вынуждены совершать коррупционные преступления под давлением коррупторов и предпочитают не участвовать в групповых коррупционных преступлениях.

Теперь перейдем к соответствующей типологии. Отечественные криминологи выделяли конкретные типы личности преступника. Так, А.Б. Сахаров называл пять таких типов: случайные, ситуационные, неустойчивые, злостные, особо злостные[168]. По мнению А.И. Алексеева, можно выделить следующие типы: последовательно-криминальный, ситуативно-криминальный, ситуативный и случайный[169]. В криминологии, как нетрудно заметить, именно мотивация является распространённым критерием типологии личности преступника. Исходя из этого критерия выделяют следующие типологии: идеологический, религиозный, корыстный, властный (стремящийся к обладанию властными полномочиями), трусливый (государственная измена из трусости)[170]. Встречается и такая типология: корыстный, престижный, игровой, насильственный, сексуальный тип[171]. Схожа с ней и следующая типология: корыстный, насильственный, корыстно-насильственный, универсальный[172]. Выделяют и иные типологии, уже более узкие, в рамках одного конкретного вида преступлений (например, преступления против жизни)[173].

---

[168] См.: Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3.
[169] См.: Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1999.
[170] См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1976.
[171] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. С. 117 -118.
[172] Там же. С. 119.
[173] Там же. С. 119.

В первую очередь рассмотрим типологию в зависимости *от сферы деятельности коррупционера*, т.е. от вида той служебной деятельности, работы, которую выполняет коррупционер. Сфера деятельности, в итоге определяет коррупционное уголовно-наказуемое поведение.

Эта типология включает в себя следующие типы:

1) *политические коррупционеры*. Речь идет о таком типе коррупционного преступника, который принимает политические решения, становящиеся предметом коррупционной сделки. Политическая деятельность включает не только представителей различных партий, но и представителей административно-чиновничьего аппарата, чья деятельность также имеет политическое значение. Представителей этого типа можно отнести к коррупционной элите, которая, по мнению В.В. Лунеева, характеризуется «высоким социальным положением ее субъектов, изощренно-интеллектуальными способами совершения преступлений, огромным материальным, физическим и моральным ущербом, исключительной латентностью посягательств, снисходительным и даже бережным отношением властей к этой группе преступников»[174]. Также особенностью типа политического коррупционера является то, что он обладает совокупностью ресурсов (административный, силовой, регуляторный, законодательный, институциональный, финансовый, информационный, статусный)[175], недоступных в таком объеме другим типам коррупционных преступников.

2) *экономико-производственные коррупционеры*. Коррупцию в сфере экономико-производственных отношений иногда называют деловой коррупцией[176]. К представителям экономико-производственной сферы относят «лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию

[174] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т.II: Особенная часть. М.: Издательство Юрайт, 2011. С.468.

[175] См.: Нисневич Ю.А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы // Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 19 октября 2012 г. под общ. ред. В.И. Камышева, О.Е. Гришина. М.: Федерация мира и согласия. С. 193-201.

[176] См.: Колесников В.В., Быков В.Н., Борисов О.А. Коррупция как экономический институт и объект экономико-правового анализа: поиск подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 117.

выполняющих должностные или иные служебные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях (в том числе иностранных и международных), а также лиц, выполняющих управленческие функции в государственных и муниципальных предприятиях, иных коммерческих - в том числе иностранных – организациях»[177]. Спецификой представителей данного типа коррупционных преступников является то, что от них зависит сфера бизнеса, в которой имеет интерес коррумпированное лицо, чем нередко определяется, например, выбор партнера по заключению контрактов, в целом невыгодных для предприятия. Так, по мнению В. Трифонова именно этим объясняется то, что «получение прибыли - не та задача, которая стоит на первом плане у руководителей автозавода»[178];

3) *коррупционеры в правоохранительной сфере*. В правоохранительную сферу входят представители судейского корпуса, сотрудники органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Министерства юстиции, таможенных органов и других органов, осуществляющих деятельность по охране правопорядка и законности, защите прав и свобод человека. Выделяют такую особенность представителей данного коррупционного типа, как сращивание с преступными элементами (Так, установление «профессиональных» отношений между сотрудниками органов внутренних дел и организованными преступными группировками отмечает А.Н. Варыгин[179]), а также большую латентность, связанную с умением лучше ориентироваться в законодательных пробелах и коллизиях;

4) *коррупционеры в образовательной сфере*. Разделение лиц коррумпированной направленности в сфере образования происходит исходя

---

[177] См.: Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография: в 2 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2008. С. 52.

[178] Трифонов В. ВАЗ простил должникам 250 миллионов долларов // Тольяттинское обозрение. 2001. 7 мая. № 81 (262). С. 3.

[179] См.: Варыгин А.Н. Коррупция в органах внутренних дел // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL: http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_all_file&dir=news&title=%CD%EE%E2%EE%F1%F2%E8 (дата обращения 02.08.2016)/

из ее деления на низовую и высшую. Коррупция на низовом уровне связана непосредственно с процессом обучения: прием в учебные заведения, вступительные испытания, сдача промежуточных и выпускных экзаменов и проч. Коррупция на высшем уровне связана с системой аккредитации, лицензирования учебных заведений и, главным образом, с системой распределения бюджетных средств на финансирование системы образования (в частности, бюджетных средств, выделяемых на издание учебной литературы)[180]. Специфика коррупционера в сфере образования заключается в том, что он формирует модель поведения среди молодежи (в том числе среди школьников, студентов, молодых ученых и т.д.), которая в дальнейшем будет восприниматься как естественная либо единственно приемлемая. Изучение материалов уголовных дел показало, что, среди осужденных за коррупционные преступления должностных лиц доля работников образования составила 17 %.

5) *коррупционеры сферы здравоохранения*. Данный тип коррупционеров также зависит от различных уровней сферы здравоохранения, которую можно разделить, например, на высшую и низшую, на фармацевтическую, страховую, врачебную и лабораторную и т.д. «Особенностью коррупции в сфере здравоохранении является тот факт, что медицинские работники, призванные охранять здоровье и жизнь людей, используя свое служебное положение, совершают преступления, зачастую не оставляя человеку право выбора»[181], а подчас и вынуждая к дорогостоящему лечению несуществующих болезней. Изучение материалов уголовных дел показало, что среди осужденных за коррупционные преступления должностных лиц доля работников здравоохранения составила 13%.

6) *коррупционеры-военнослужащие*. Военнослужащие осуществляют социально значимые функции и задачи в сфере защиты своего государства и

[180] См.: Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Т.1. С. 247-248.
[181] Хасанов Ф.З. К вопросу о противодействии коррупции в сфере здравоохранения // Евразийская адвокатура. 2014. № 2 (9). С. 71.

обеспечения его национальной безопасности. Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал мысль о том, что «коррупция в сфере национальной безопасности – это, по сути, государственная измена»[182]. Таким образом, совершенные коррупционные преступления в сфере военной службы также следует признать государственной изменой, а лиц, их осуществляющих, изменниками государства, так как их коррупционные злоупотребления ослабляют военно-промышленный комплекс государства и подрывают его обороноспособность. Как отмечает С.В. Дьяков, среди мотивов совершения измены Родине (читай: государственной измены. – О.К.) такой мотив, как желание улучшить материальное положение, отмечался в 35% случаев, а накопление денег и драгоценностей (корысть) – в 20 %[183].

Исследование материалов уголовных дел показало, что среди должностных лиц, осужденных за коррупционные преступления, доля военнослужащих составила 11%.

7) *коррупционеры в сфере спорта*. Степень спортивной коррупции, а соответственно, и тип коррупционера зависят от вида спорта, а также от уровня спортивных соревнований. Немаловажную роль в развитии спортивной коррупции играют допинговые проверки, которые не всегда проводятся в соответствии с необходимыми требованиями. Выделяя особенности коррупционеров в спорте, ряд авторов обращают внимание на нарушение ими самой природы спорта, основанной на принципе честной игры и равной конкуренции[184].

Следующим критерием для типологии личности коррупционера является сам по себе *мотив поведения коррупционера (мотив коррупционного поведения)*. Согласно этому критерию В.Е. Эминов и Ю.М Антонян

[182] Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.
[183] См.: Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: НОРМА, 1999. С. 121.
[184] См.: Понкин И.В., Соловьев А.А., Понкина А.И. Коррупция в спорте // Вестник Екатерининского института. 2014. № 3 (27). С. 77.

предлагают следующие типы коррупционеров: корыстолюбивый тип, престижный тип, игровой тип[185].

Преступник корыстолюбивого типа, используя все имеющиеся у него ресурсы, стремится к удовлетворению личных материальных потребностей, увеличению или сохранению личного благосостояния.

Анализ эмпирических данных позволил выявить процент принадлежности преступников данного типа к той или иной сфере деятельности (рис. 1).

Рисунок 1. Диаграмма распределения корыстолюбивого типа в сферах деятельности (в %)

Источник: составлено автором

Престижный тип характеризуется стремлением к удовлетворению своих амбиций, поддержанию своего личного статуса и имиджа, а не удовлетворением не своих материальных потребностей. Данный тип

[185] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. С. 211.

самостоятельно формирует различные элитарные группы, а также стремится попасть в уже созданные группы. Таким образом, он использует коррупцию для увеличения своей власти, возможностей и новых связей и знакомств с лицами, обладающими определенным социально-значимым статусом (рис. 2).

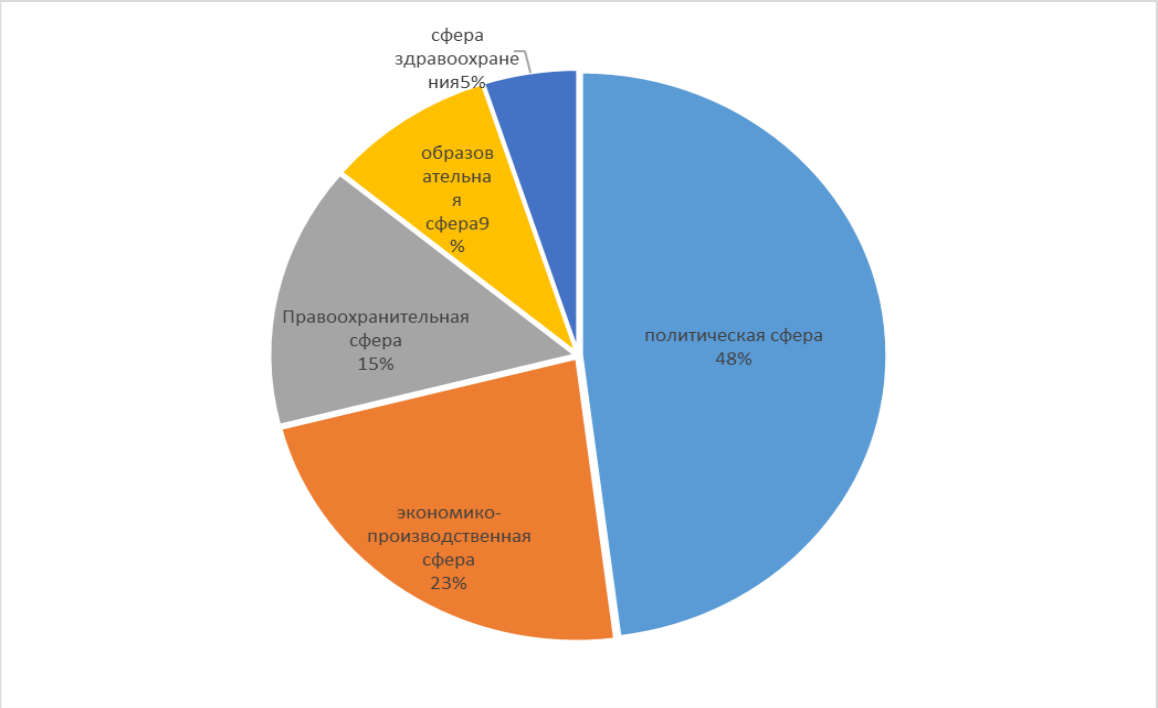

Рисунок 2. Диаграмма распределения престижного типа в сферах деятельности (в %)

Источник: составлено автором

Преступник игрового типа руководствуется прежде всего не накопительством, не расширением своих связей и даже не расширением своей власти. В первую очередь он хочет получить удовлетворение от самого процесса реализации власти, при этом ее реализация происходит на грани допустимого и запретного, правомерного и противоправного. Такой рискованный баланс доставляет преступнику указанного типа психологическое удовлетворение (рис. 3).

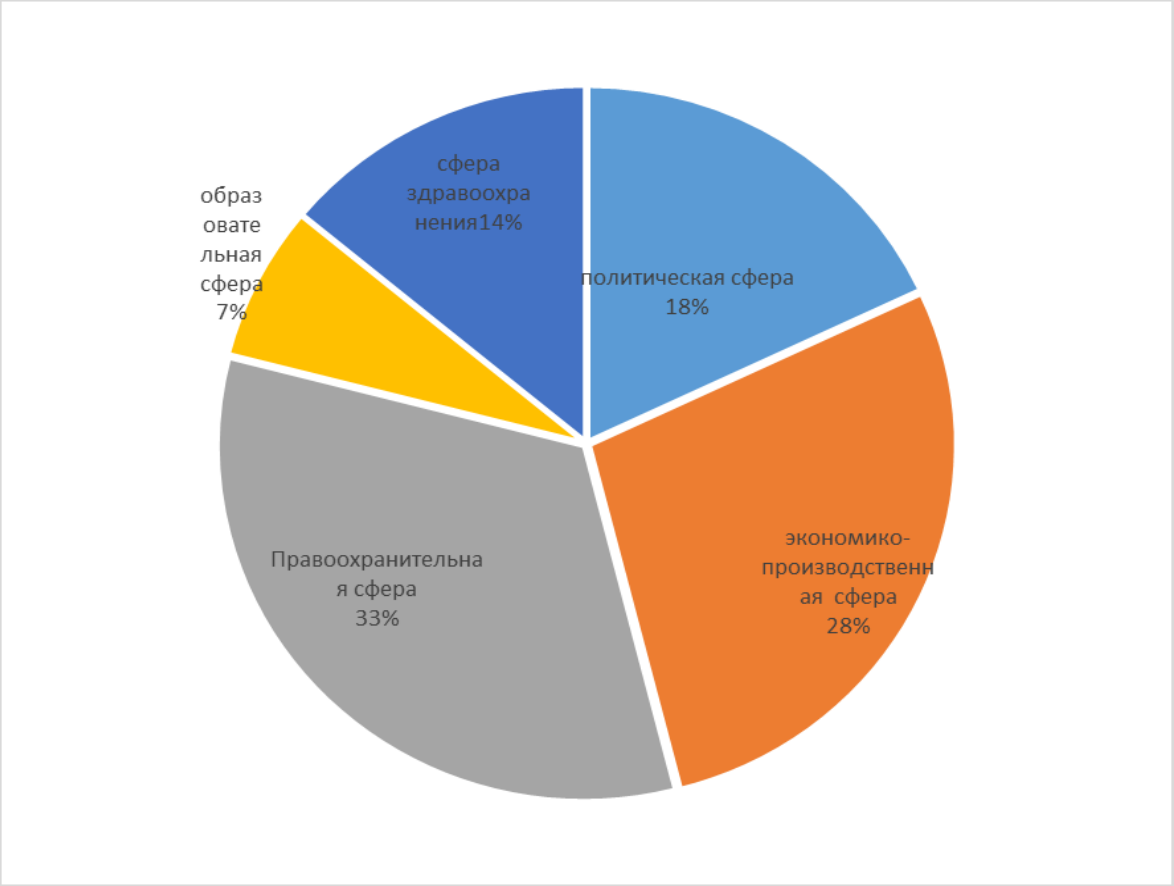

Рисунок 3. Диаграмма распределения игрового типа в сферах деятельности (в %).

Источник: составлено автором

Вышеперечисленные типы имеют одну обобщающую их черту – *действия преступников направлены на удовлетворение исключительно личных интересов и потребностей*. На наш взгляд, исходя из исследования, эмпирической базы и опросов респондентов, следует предложить в данной типологии еще один тип – *семейный*. Значительный процент коррупционеров такого типа нами был выявлен среди представителей правоохранительной сферы, а также сферы здравоохранения и образования.

Преступников семейного типа следует прежде всего не своим личным интересам и потребностям, а нацелен на обеспечение близких ему людей. Благополучие семьи лежит в основе совершенного преступления. Преступник такого типа, как правило, положительно характеризуется по месту жительства и работы. «В некоторых случаях интересы самого преступника вообще не

принимаются во внимание, и он даже ведет аскетический образ жизни»[186] (рис. 4).

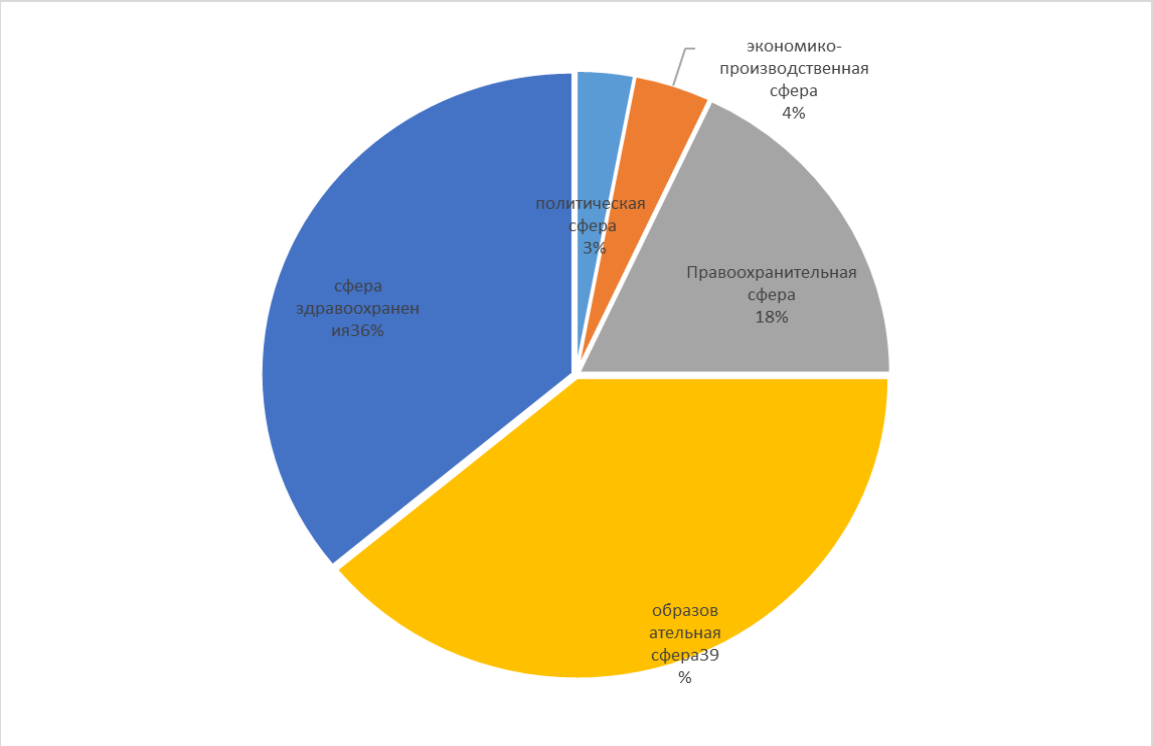

Рисунок 4. Диаграмма распределения семейного типа в сферах деятельности (в %).

Источник: составлено автором

Анализируя представленные диаграммы, можно сделать следующие выводы.

Корыстолюбивый тип распределился по сферам деятельности практически равномерно, что подтверждает его универсальность для представителей различных сфер деятельности. При этом наибольший процент был зафиксирован у представителей экономико-производственной сферы. На наш взгляд, это связано с тем, что экономическая составляющая данной сферы изначально направлена на извлечение прибыли, что отражается и в других направлениях данной сферы деятельности. При процентном распределении престижного типа наибольшее количество выявлено среди представителей политической сферы, что вполне логично и объясняется специфическими признаками политической деятельности, один из которых - престиж, т.е.

[186] Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996.

поддержание превосходства, могущества и власти. Игровой тип чаще всего встречается среди представителей правоохранительной сферы деятельности. На наш взгляд, это связано с тем, что представители указанной сферы деятельности не просто чаще всего находятся на грани правомерного и противоправного, но и в силу своих знаний, умений и полномочий обязаны выявлять, пресекать и наказывать подобные преступления. С учетом вышеназванных обстоятельств коррупционное преступление воспринимается ими как элемент игры, в которой они участвуют. Семейный тип почти равномерно распределен среди представителей сфер образования и здравоохранения, так как для них характерна в большей степени именно семейная опека, нежели личные эгоистические проявления.

По глубине и характеру асоциальной направленности и ценностных ориентаций личности в литературе предлагается следующая типология взяткополучателей: последовательно-активный (системный) тип, ситуативный тип, случайный (предкриминальный) тип[187].

Для последовательно-активного (системного) типа характерно большое влияние информационной среды, которая позиционирует культ денег и обогащения любым способом. При общем ментальном одобрительном подходе к мздоимству общественное сознание не просто формирует поведение, допускающее возможность коррупционного преступления, но и создает условия для его реализации и оттачивает технологии и механизм совершения такого преступления без его дальнейшего наказания. Данный тип также характеризуется системностью, т.е. получение незаконных вознаграждений не являются разовым явлением.

Регулярность коррупционных действий притупляет страх опасности быть уличенным в преступном деянии, а также быть привлеченным к уголовной ответственности. В связи с этим модель психологических весов

[187] См.: Магомедов Н.Н. Типология личности преступника – взяткополучателя // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5. С. 150-151.

чаще всего перевешивает в сторону принятия решения совершить коррупционное преступление.

Распространение на все сферы жизнедеятельности принципов рыночных отношений и их товарно-денежных факторов, а также системность и регулярность совершения обозначенных действий порождает восприятие своей должности как некоего товара, который необходимо использовать с максимальной выгодой для себя.

Совершение коррупционного преступления последовательно-активным (системным) типом происходит осознанно, т.е. умышленно, – лицо осознает общественную опасность своего коррупционного деяния, мотивируя это необходимостью удовлетворения своих корыстных потребностей. Однако у данного типа коррупционного преступника может быть и мотивация престижности, где финансовая стабильность позволяет укрепить свое могущество и превосходство.

Такой тип преступника может быть опытным организатором определенных коррупционных схем, участником которых являются и другие коррупционеры (рис. 5).

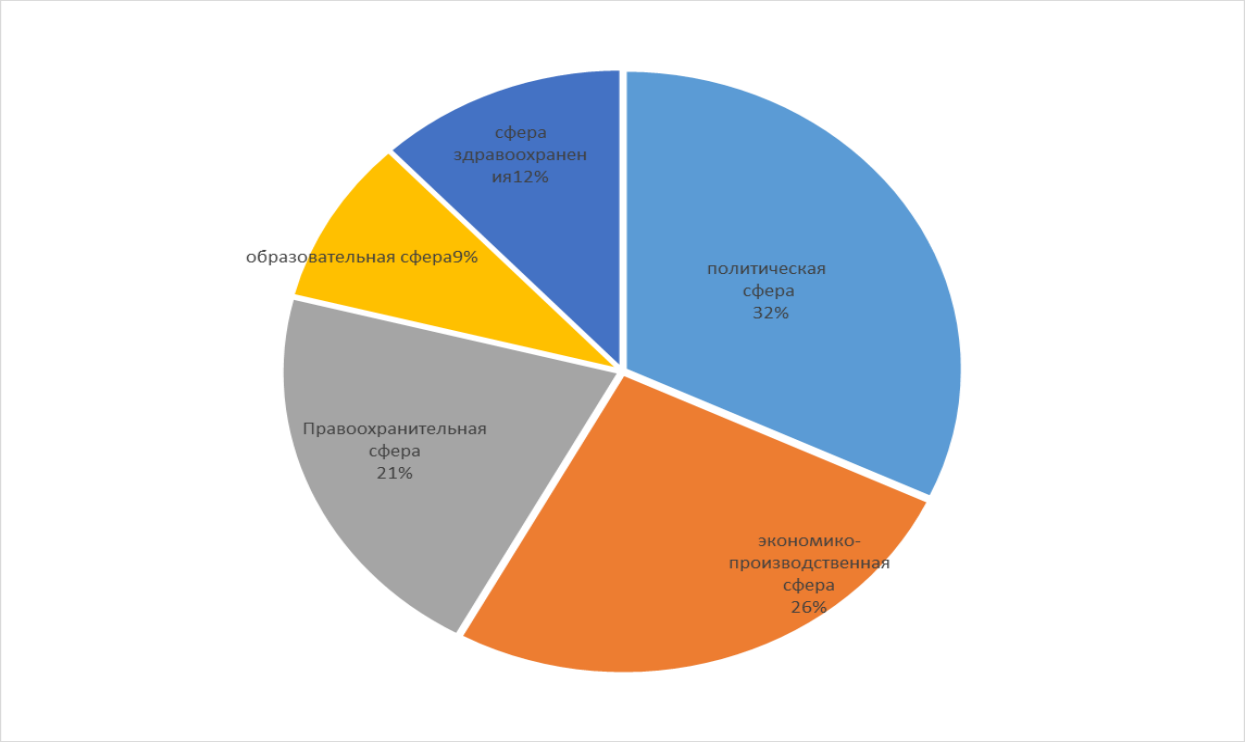

Рисунок 5. Диаграмма распределения последовательно-активного (системного) типа в сферах деятельности (в %).

Источник: составлено автором

Для ситуативного типа характерно наличие криминогенной ситуации, которая могла сложиться как по вине личности коррупционера, так и не по его вине. Такую ситуацию могла обусловить уже сложившаяся преступная практика, в которую попадает человек, либо давление со стороны коллег или руководства.

В отличие от последовательно-активного (системного) типа ситуативный тип имеет неустойчивые морально-психологические установки, несмотря на наличие положительных характеристик, у ситуативного типа очевидно слабоволие в сфере однозначного выбора правомерного поведения.

Мотивация преступника ситуативного типа более сложная, чем у преступника последовательно-активного (системного) типа, так как его поведение может не обусловливаться исключительно корыстью, в данном случае может присутствовать страх отрыва от коллектива, для которого коррупционное поведение - норма, может также наблюдаться страх перед

руководством (в случае если оно выступает инициатором коррупционных схем) или страх потери должности в связи с неприятием правомерного поведения другими членами коллектива и созданием, для данного лица условий, направленных на выживание его из коллектива (рис.6).

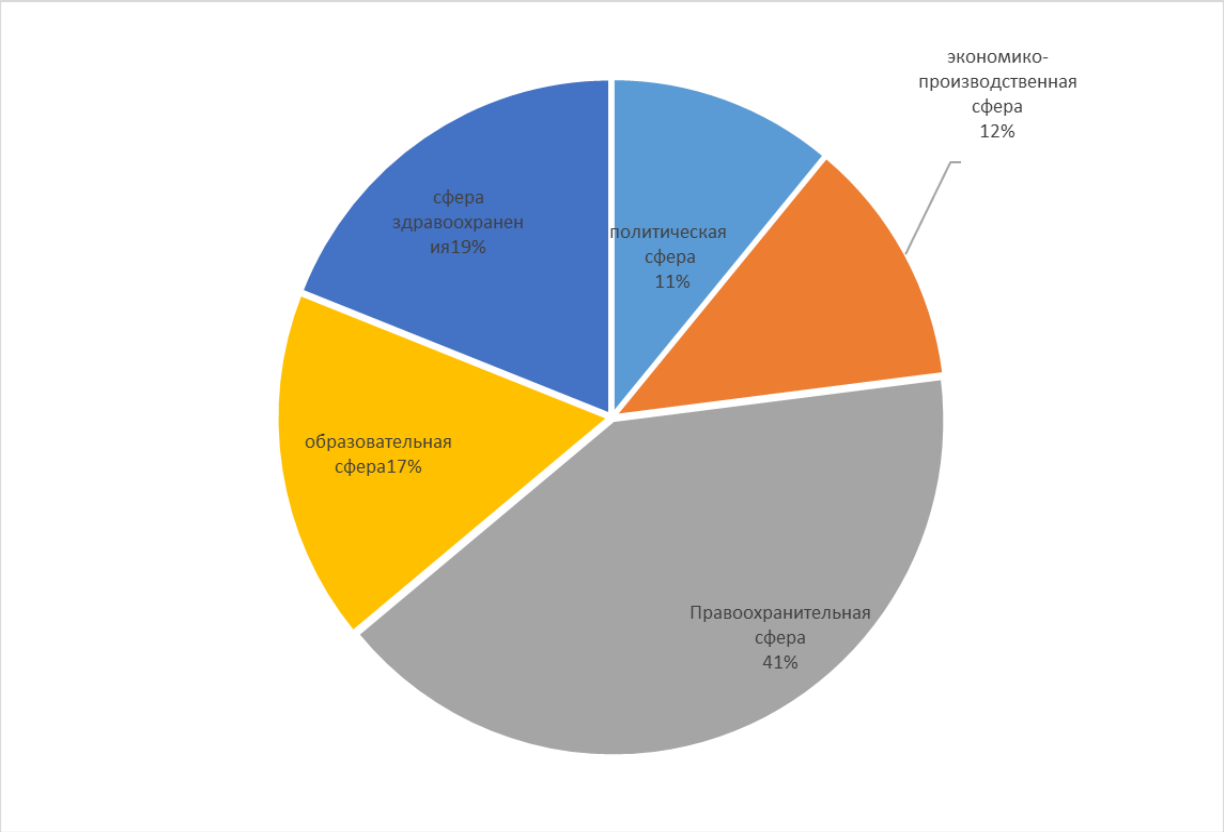

Рисунок 6. Диаграмма распределения ситуативного типа в сферах деятельности (в%).

Источник: составлено автором

Представитель случайного (предкриминального) типа вообще не является активным участником коррупционных преступлений. Н.Н. Магомедов считает, что «подобная личность, если ее понимать буквально, почти не встречается в связи с особенностями юридической природы состава преступления, предусматривающего возможность его совершения только с прямым умыслом, как правило, с корыстным мотивом и в связи с особенностями конструкции состава как формального. Тем не менее должностные лица нередко получают незаконное вознаграждение за действия

законного характера, в связи с проявленным вниманием, усердием, связанные с дополнительными затратами внеслужебного времени и интеллектуальными усилиями, когда никакой договоренности о вознаграждении не было»[188]. Данный тип можно назвать пограничным, так как его направленность может быть обусловлена дальнейшей заинтересованностью в регулярности и увеличении размера подарков.

Диаграммы на рис. 5 и 6 показывают, что последовательно-активный (системный) тип характерен для представителей политической сферы деятельности, их образ жизни, ресурсы и возможности диктуют условия активного, регулярного и последовательного выстраивания коррупционных отношений. Ситуативный тип присущ представителям правоохранительных органов, так как чаще всего представители данной сферы, осужденные за коррупционные преступления, отмечают прессинг со стороны сложившихся коррупционных отношений в коллективе, а также прямо указывают на коррупционное давление вышестоящего руководства.

Ориентируясь на у*ровень и устойчивость именно коррупционной направленности личности преступника*, Е.К. Волконская[189] выделяет следующие типы: инициативный (внеситуативный) тип, конформный тип, вынужденный (ситуативный) тип.

Само название *инициативного (внеситуативного) типа коррупционера* обусловливает его характер, т.е. лицо самостоятельно выходит с деятельными коррупционными предложениями. Коррупционность сознания предполагает «механизм конструирования субъективной реальности, который срабатывает после столкновения с травматической реальностью. Создание иллюзорной картины является некой психологической защитой, способом «бегства от реальности». Когнитивная структура человека не может долгое время оставаться дисгармоничной. Получение сигналов несоответствия вызывает

[188] Магомедов Н.Н. Типология личности преступника – взяткополучателя // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5. С.151.
[189] Волконская Е.К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. 2013. № 14.

нарушение психического баланса, что стимулирует реорганизацию когнитивной структуры с целью восстановления гармонии»[190]. Гармония же в данном случае достигается путем совмещения объективной и субъективной реальности с целью создания целостного восприятия гармоничной действительности, где коррупционная составляющая рассматривается как неотъемлемый элемент своего должностного положения и необходимый фактор достойного существования. Такой вид деформации сознания приводит к убежденности во всемогуществе, вседозволенности, а длительность его осуществления укрепляет веру в безнаказанность. Все это формирует устойчивое противоправное поведение, существенно повышая его общественную опасность. Такое поведение заключается в дестабилизирующем воздействии как на государственные институты, так и на общественные отношения.

Отмечая черты преступника данного типа, Н.Б. Завольская считает, что он настроен «на использование своей работы в корыстных и иных личных интересах, для реализации которых специально создает ситуации, провоцирующие действия физических и юридических лиц по даче ему вознаграждений»[191] (рис. 7).

[190] Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: ауто-мифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С.50.
[191] Завольская Н.Б. К вопросу о личности современного коррупционера // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2. С. 25.

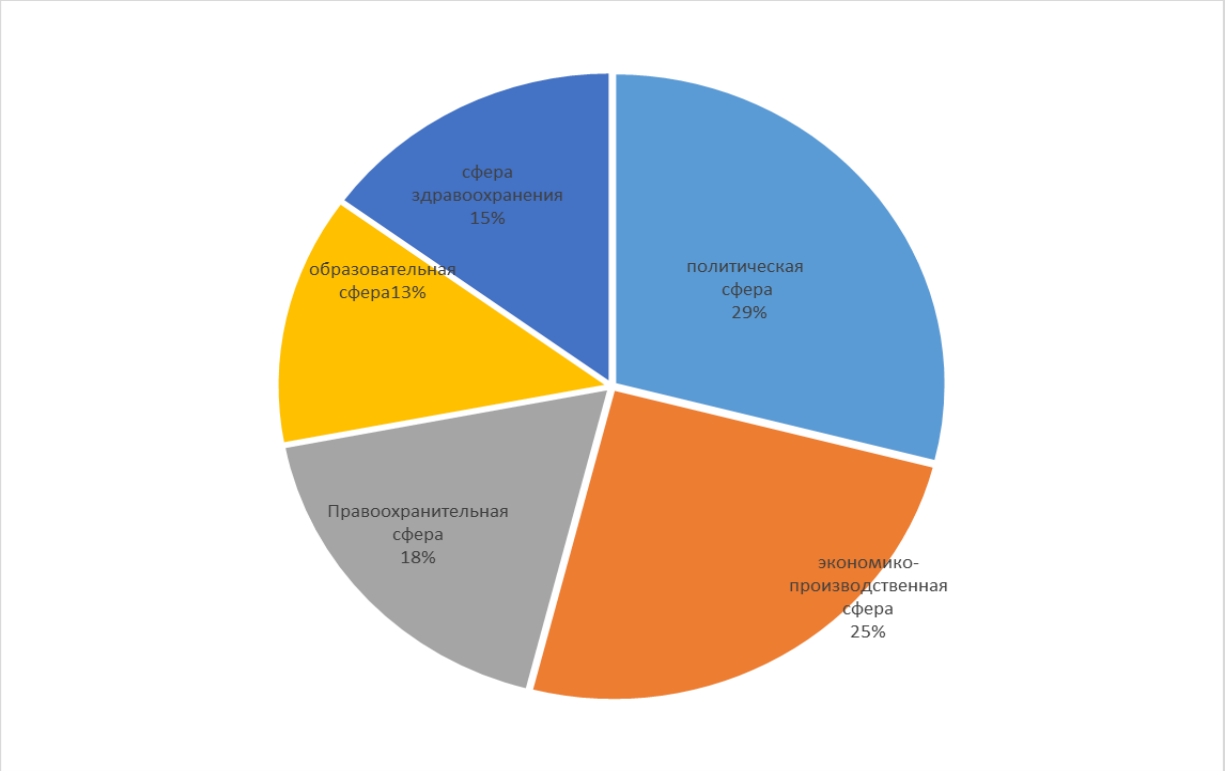

Рисунок 7. Диаграмма распределения инициативного (внеситуативного) типа в сферах деятельности (в %).

Источник: составлено автором

Если говорить о чувстве безнаказанности коррупционного преступника, то оно возникает и в силу неэффективности уголовного закона, который относится к определённому виду коррупционеров, видимо излишне мягко. Ниже приведены графики, свидетельствующие о том, как уголовный закон в реальности реагирует на взяточничество. На рис. 8 мы видим динамику числа лиц, осужденных за коррупционные преступления вообще и за получение/дачу взятки в частности, а на рис. 9 – динамику числа лиц, условно осужденных к лишению свободы по тем же категориям преступлений. Данные о числе осужденных лиц были почерпнуты из соответствующих статистических форм, размещенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, при том что статистический учет по этой категории преступлений включает большое количество составов[192].

[192] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150.

Если исходить из того, что взяточничество – это ядро коррупции (в понимании большинства населения это и есть коррупция), то глядя на приведённые на графиках цифры, мы убеждаемся в том, что получение взятки высокой наказуемостью и не отличается: осужденных взяткодателей больше нежели осужденных взяткополучателей.

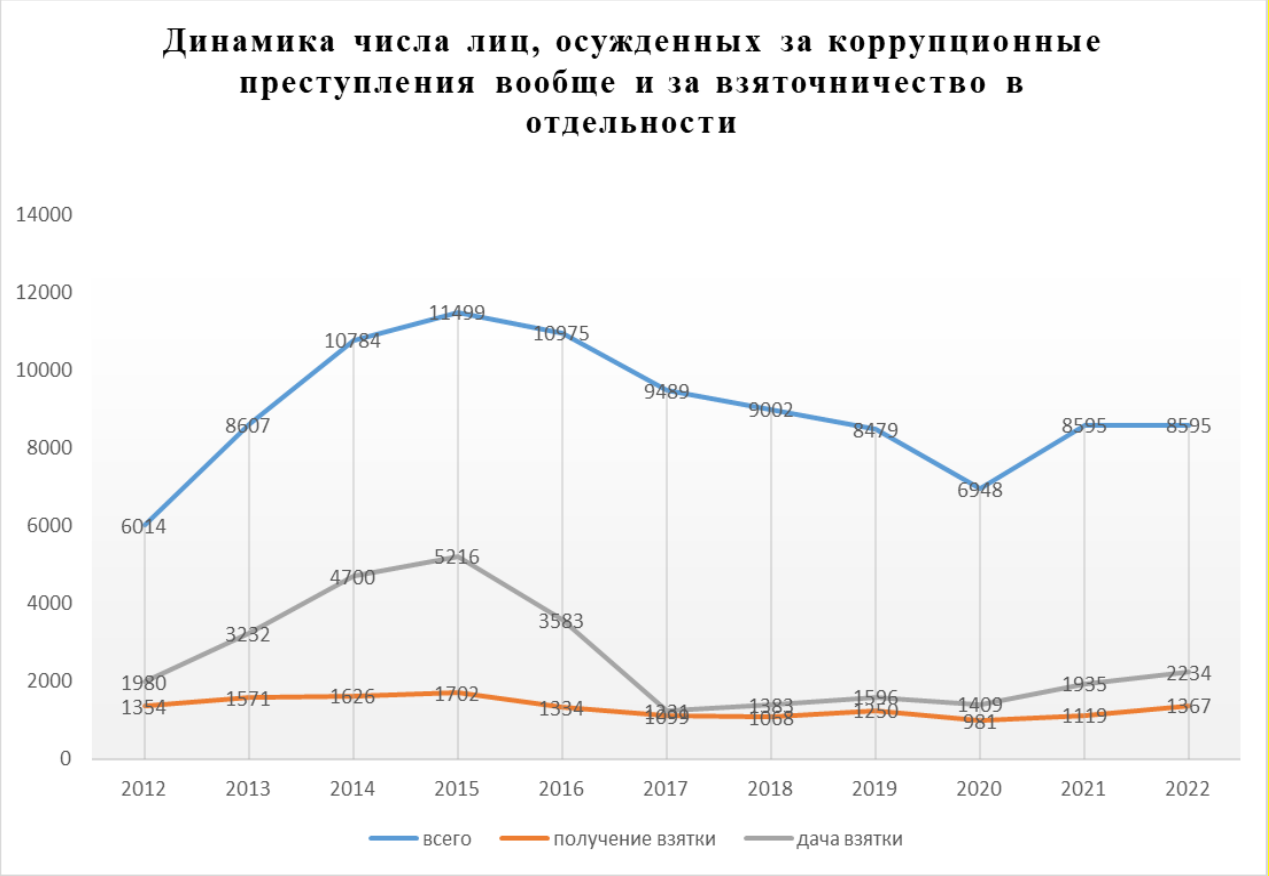

Рисунок 8. Динамика числа лиц, осужденных за коррупционные преступления вообще и за взяточничество в отдельности

Источник: составлено автором

В табличной форме ниже представлены данные по удельному весу (%) осужденных за получение взятки и за дачу взятки в общей структуре осужденных за коррупционные преступления соответственно.

Таблица 2. Удельный вес осужденных за получение/дачу взятки в общей структуре осужденных за коррупционные преступления

Коррупционное преступление	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Получение взятки	23	18	15	15	12	12	12	15	14	13	16
Дача взятки	33	38	44	45	33	13	15	19	20	23	26

Источник: составлено автором

Результаты говорят сами за себя: уголовный закон демонстрирует необъяснимую мягкость по отношению к коррупционерам-взяткополучателям, а ведь именно они олицетворяют коррупционного преступника вообще.

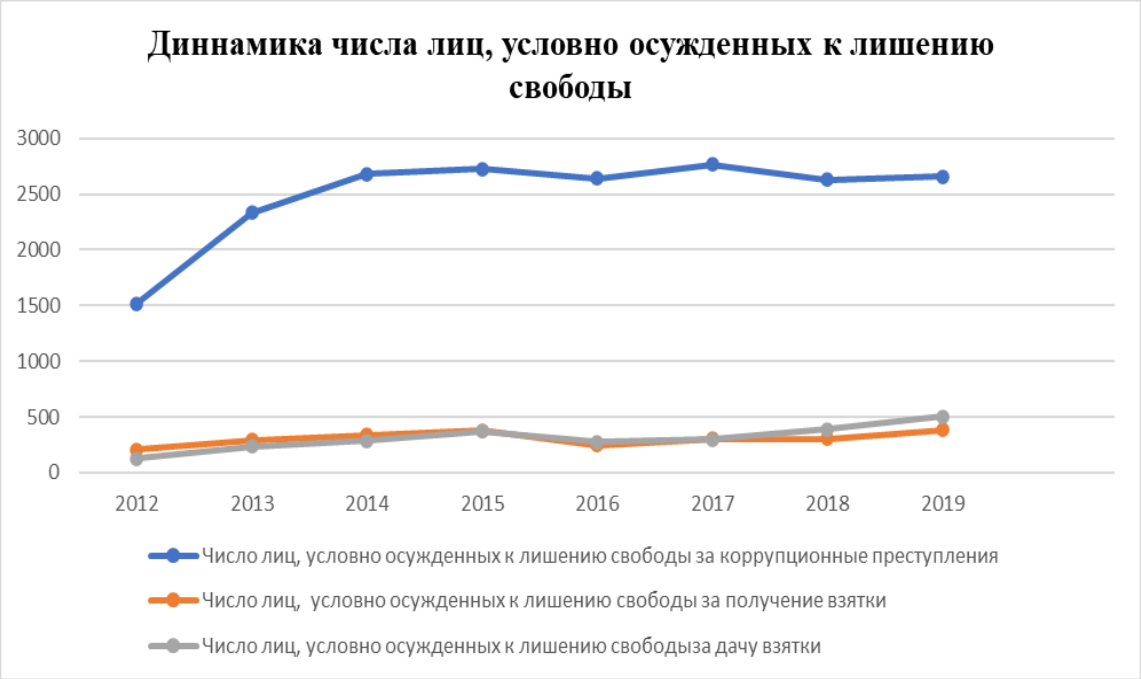

Рисунок 9. Динамика числа лиц, условно осужденных к лишению свободы.

Источник: составлено автором

Конформный тип приспособленческий тип, который изначально занимает нейтральную позицию относительно коррупционных преступлений. При этом отметим, что категорического антагонизма в отношении указанных деяний преступник данного типа не испытывает. Его дальнейшее поведение

напрямую зависит от общей социально-психологической окружающей обстановки. Описание конформного типа коррупционного преступника дает Р.А. Рамазанов: «Конформный коррупционер не имеет собственного мнения и легко подчиняется окружающим. Ранее не имея антиобщественных установок, работник, попадая в соответствующий коллектив, терпит и подстраивается под существующую на работе атмосферу, даже если она его не устраивает, либо перенимает общепринятое коррупционное поведение и внутренне соглашается с ним. Корыстный мотив у такой личности может вообще отсутствовать или быть очень слабо выраженным. Частота и степень общественной опасности совершаемых им преступлений зависят от «правопорядка», царящего в коллективе»[193] (рис. 10).

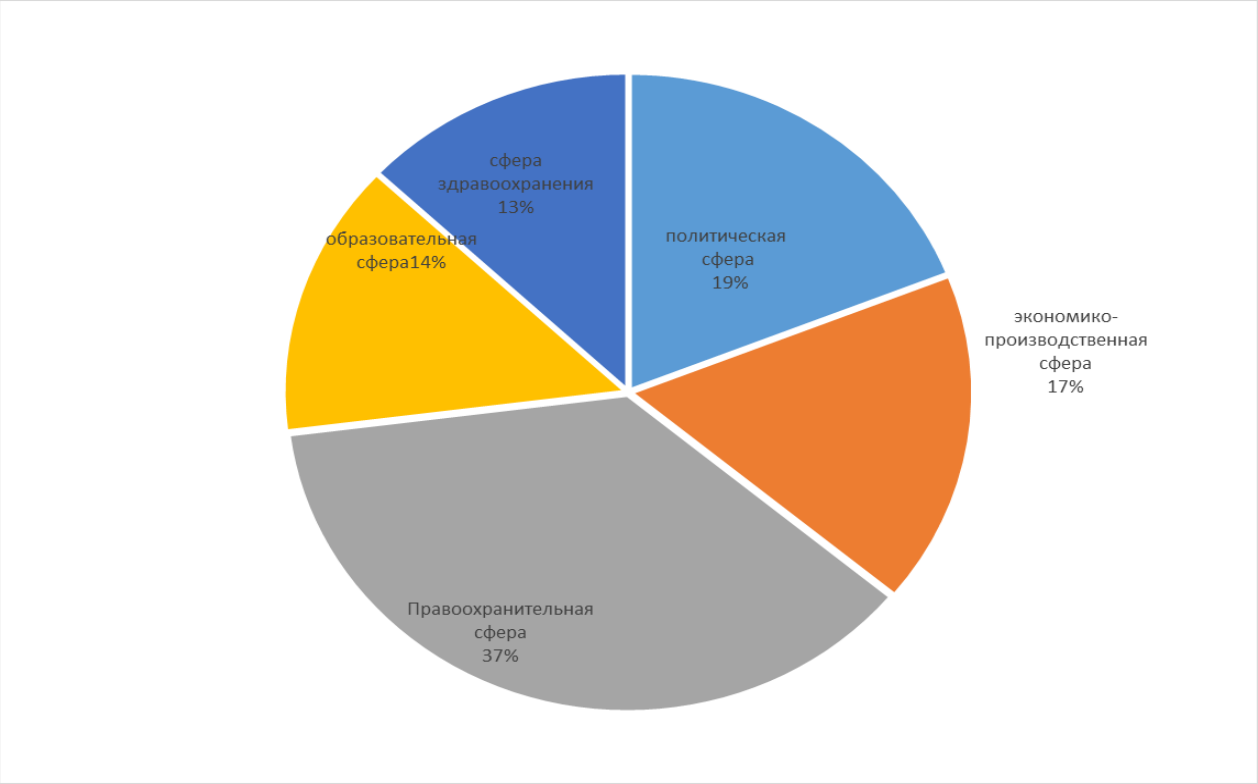

Рисунок 10. Диаграмма распределения конформного типа в сферах деятельности (в%).

Источник: составлено автором

Преступник вынужденного (ситуативного) типа является в определенной степени пассивным участником коррупционных отношений,

[193] Рамазанов Р.А. Об особенностях характеристики личности преступника по коррупционным преступлениям // Закон и право. 2013. № 10. С. 124.

так как активную роль в этих отношениях играет взяткодатель, который навязывает свою волю. Пользуясь слабым психологическим сопротивлением и возможностью своего сильного воздействия, взяткодатель вынуждает другое лицо принять вознаграждение за совершение (или воздержание от совершения) определенных действий. Такое влияние может быть также обусловлено зависимостью коррупционера от другого участника преступления. Психологическая слабость, зависимость от коррупtера либо страх перед возможными неприятностями в случае невыполнения условий коррупционной сделки, способствуют так называемой посадке на взятку[194], что является промежуточной стадией между переходом в другой тип личности коррупционного преступника.

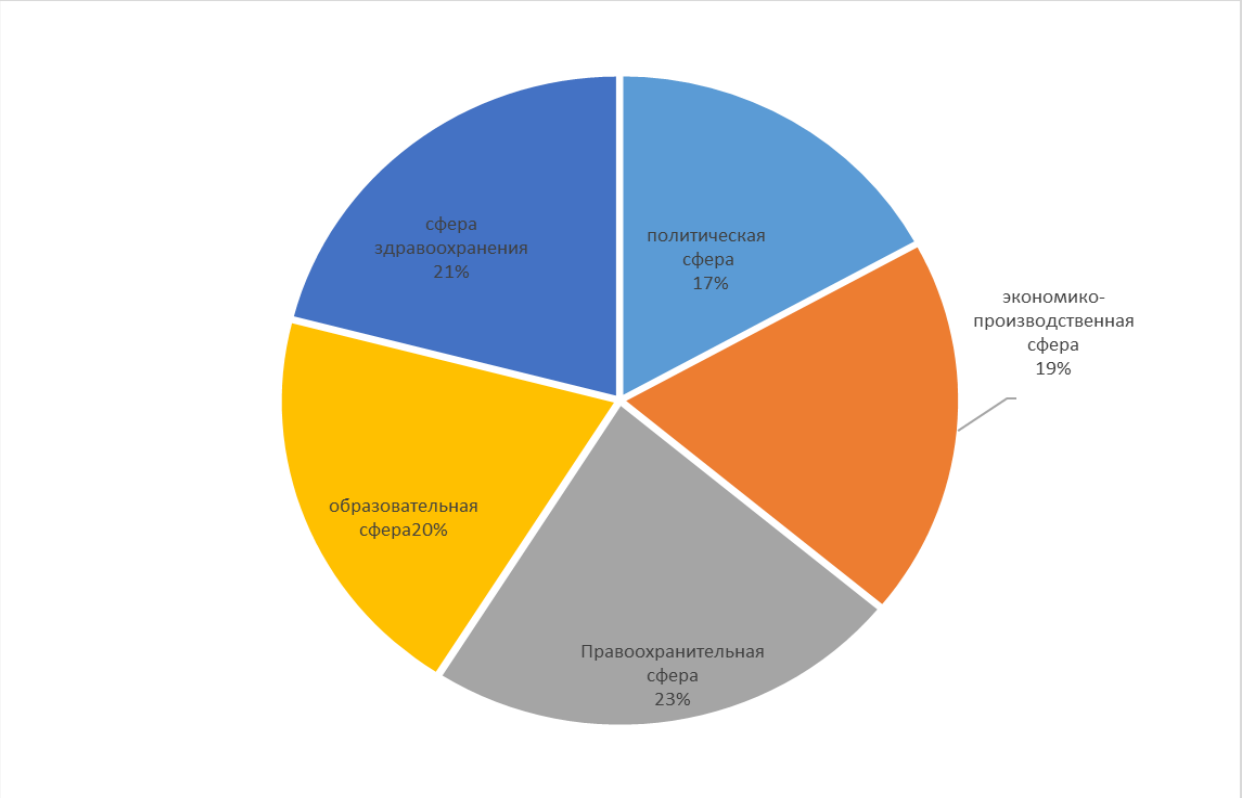

Рисунок 11. Диаграмма распределения вынужденного (ситуативного) типа в сферах деятельности (в %).

Источник: составлено автором

[194] См.: Завольская Н.Б. Указ. соч. С.26.

Типологии, предложенные Н.Н. Магомедовым и Е.К. Волконской отчасти перекликаются и имеют похожие черты, поэтому схожи и диаграммы, отражающие процент наличия того или иного типа коррупционного преступника в различных сферах деятельности.

Анализируя диаграммы, обратим внимание на то, что в инициативном типе также, как и в последовательно-активном (системном), лидируют представители политической и экономико-производственной сферы. Это объясняется сложными коррупционными схемами и более сложными коррупционными преступлениями, которые требуют активного участия и наличия определенного потенциала, что свойственно представителям политической и экономико-производственной сфер. В конформном типе на первом месте представители правоохранительной сферы, так как для данного типа большое значение имеет круговая порука, из которой, как правило, нельзя выйти добровольно без последствий для себя. Интересным представляется практически равное распределение по сферам деятельности преступников вынужденного (ситуативного) типа, которые, в свою очередь, отмечали в комментариях, что на каком-то этапе их деятельности происходило навязывание коррупционных отношений именно со стороны взяткодателя, что вынуждало их совершать данные преступления.

Предложенные типологии, конечно же, условны, и отмечается возможность отнесения личности коррупционного преступника сразу к нескольким типам, выделяя черты, присущие как одному, так и другому типу.

В заключение данного параграфа можно сделать обобщающие выводы, уточняющие образ личности коррупционного преступника.

1. Основные присущие каждому типу характеристики: *представители политической сферы* – высокое социальное положение, наличие и использование административных и законодательных ресурсов; *экономико-производственные коррупционеры* – представители управленческого состава производственной сферы и бизнеса нацелены на максимальное извлечение прибыли; *коррупционеры в правоохранительной сфере* – сращивание с

преступными элементами, использование силового ресурса, а также профессиональных знаний и опыта с целью эффективного сокрытия преступления; *коррупционеры в сфере образования* – формирование коррупционной модели поведения у обучающихся; *коррупционеры в сфере здравоохранения* – закрепление представления о невозможности бесплатного лечения; *коррупционеры военнослужащие* – ослабление обороноспособности и военно-промышленного комплекса вследствие коррупционных преступлений, должно приравниваться к государственной измене; *коррупционеры в сфере спорта* – нарушение принципов честной и равной конкуренции, что делает бессмысленным сами спортивные соревнования.

2. Место личности коррупционера в типологии личности преступников в целом выявило следующие типы с присущими им особенностями. *Корыстолюбивый, престижный и игровой типы* объединяет эгоцентризм личности коррупционного преступника, который стремится к удовлетворению личных интересов и потребностей (с разницей в самих интересах). Так преступник корыстного типа удовлетворяет в первую очередь материальные потребности, престижного типа реализует свои властные амбиции, а игрового получает удовлетворение от процесса противоправных коррупционных действий. Преступник *семейного типа* в противовес предыдущим нацелен не на личное благополучие, а на помощь близким и своей семье и является в определенной степени вынужденным коррупционером.

3. Глубина и характер асоциальной направленности ценностных ориентаций личности обозначили типичные черты представителей таких типов, как: *последовательно–активный* (система коррупционных связей, выстроенная в результате регулярности совершения коррупционных преступлений, что обусловлено определенными организаторскими способностями такого лица, мотивация которого заключается не только в желании финансовой стабильности, но и в повышении своей престижности); *ситуативный тип* (его деятельность зависит от ситуации, в которой он находится, при этом ситуацию может создавать как он сам, так и другие лица;

его морально-нравственные ориентиры неустойчивы, что говорит о неоднозначном разделении им коррупционных взглядов, а мотивация чаще всего обусловлена зависимостью от других лиц). *Случайный* (предкриминальный) тип является пограничным, так как его представители изначально не совершают коррупционных преступлений, но регулярные подарки (не отвечающие коррупционным признакам) развивают и укрепляют противоправное сознание, что впоследствии приводит к совершению непосредственно коррупционного преступления.

4. Уровень и устойчивость коррупционной направленности личности определили следующие типы и их признаки: *инициативный (внеситуативный)* тип характеризуется активной коррупционной позицией, обусловленной верой в безнаказанность и вседозволенность; *конформному* типу присуще зависимое состояние от более активных и решительных лиц коррупционной направленности, такой тип легко принимает сторону большинства; *вынужденный (ситуативный)* тип пассивный, с психологической слабостью, а также явной зависимостью от коррупттера.

§ 2.2. Социально-демографические особенности личности коррупционного преступника

Изучение личности преступника-коррупционера не позволит составить полный портрет такой личности, а значит, не даст возможность разработать эффективные меры предупреждения и пресечения коррупционных преступлений без выявления специфических характеристик указанных лиц.

Первые представления о количественно-качественных показателях личности коррупционного преступника (в том числе личности коррупционера) можно получить при изучении данных официальной статистики. Данные МВД России о коррупционных преступлениях начинают появляться в ежегодном статистическом отчете только с 2012 года, что говорит о выделении особого места коррупционных преступлений в общем количестве преступлений. Это

связано с решением Президента РФ и Правительства РФ усилить противодействие коррупционным проявлениям, что нашло отражение в Указе Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы»[195].

Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности[196]: в 2012 году – 49 513, в 2013 году – 42 506, в 2014 году – 32 204, в 2015 году – 32 455, в 2016 году – 32 924, в 2017 году – 29 634, в 2018 году – 30 495, , в 2019 году – 30 991, в 2020 году – 30 813, в 2021 году – 35 051, в 2022 году – 35 340.

График такой динамики см. на рис. 12.

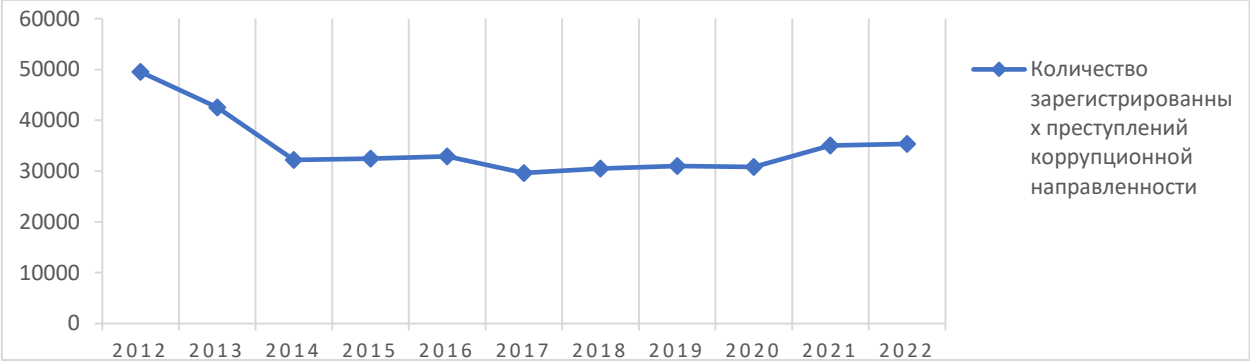

Рисунок 12. Динамика преступлений коррупционной направленности.

Источник: составлено автором

Как видим, за последние два года наблюдается увеличение числа случаев регистрации коррупционных преступлений.

Представляют интерес некоторые структурные показатели преступлений коррупционной направленности, а именно той ее части, которая связана с преступлениями коррупционного подкупа (взяточничеством и коммерческим подкупом)[197] (табл. 3).

[195] Российская газета. 2010. 15 апр.
[196] Состояние преступности в России. Архивные данные. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения 04.07.2023).
[197] Такая структура стала отдельно указываться в статистических сборниках ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России с 2017 года.

Таблица 3. Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (2017-2022 годы).

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общее количество	2963	30495	30991	30813	35051	35340
Связанные со взяточничеством	1211	12527	13867	14548	18591	19490
в том числе получение взятки	3188	3499	3988	4174	5020	5540
дача взятки	2272	2612	3174	3649	4499	4716
посредничество во взяточничестве	810	979	1297	1451	2041	1881
мелкое взяточничество	5841	5437	5408	5274	7031	7353
связанные с коммерческим подкупом	1018	968	1294	1444	1457	1555
в том числе коммерческий подкуп	840	740	990	1162	1216	1270
мелкий коммерческий подкуп	178	228	304	282	241	285

Источник: составлено автором

Количество выявленных лиц, совершивших коррупционные преступления[198]: в 2012 году – 13 565, в 2013 году – 16 167, в 2014 году – 15 895, в 2015 году – 16 926, в 2016 году – 16 680, в 2017 году – 15 940, в 2018 году – 15 908, в 2019 году – 15 773, в 2020 году – 16 529, в 2021 году – 17 495, в 2022 году – 18194.

[198] Состояние преступности в России. URL:https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения 01.08.2018).

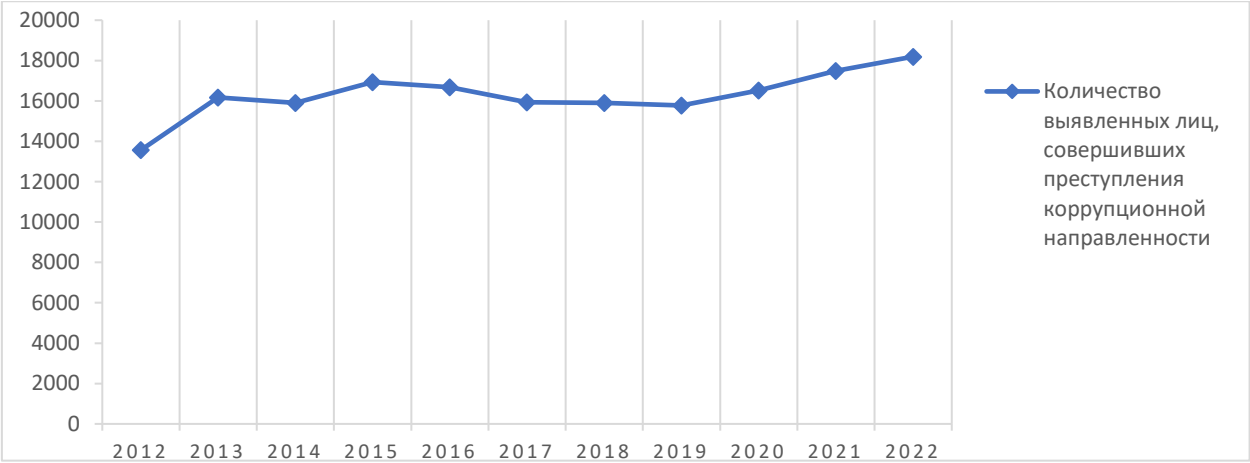

Рисунок 13. Динамика числа выявленных лиц, совершивших коррупционные преступления.

Источник: составлено автором

Если рассмотреть эти данные в следующем соотношении: количество совершенных преступлений коррупционной направленности и количество лиц, их совершивших, то получим следующие показатели: в 2012 году – 3,6, в 2013 году – 2,6, в 2014 году – 2, в 2015 году – 2, в 2016 году – 2, в 2017 году – 1,9, в 2018 году – 1,9, в 2019 году – 2, в 2020 году – 1,9, в 2021 году – 2, в 2022 году – 1,9.

Среднее количество преступлений коррупционного преступника, приходящихся на одного коррупционного преступника, составляет 2,2, что свидетельствует: каждый из выявленных лиц совершил не одно такое преступление.

Рисунок 14. Динамика числа осужденных за взяточничество, по приговорам вступившим в законную силу

Источник: составлено автором

Небезынтересно сравнить показатели общего числа осужденных за взяточничество с числом осужденных за взяточничество по приговорам, вступившим в законную силу.

На первый взгляд графики идентичны, однако если провести сравнительный анализ данных, то видно, что только в первые три года (2008–2010) совпадают количественные показатели, т.е. сколько было в общем осуждено за взяточничество, столько же и осужденных по приговорам, вступившим в законную силу. В последующем эти показатели перестали совпадать: общее число осужденных за взяточничество начиная с 2011 года всегда больше, чем число осужденных за взяточничество по приговорам, вступившим в законную силу (рис.16).

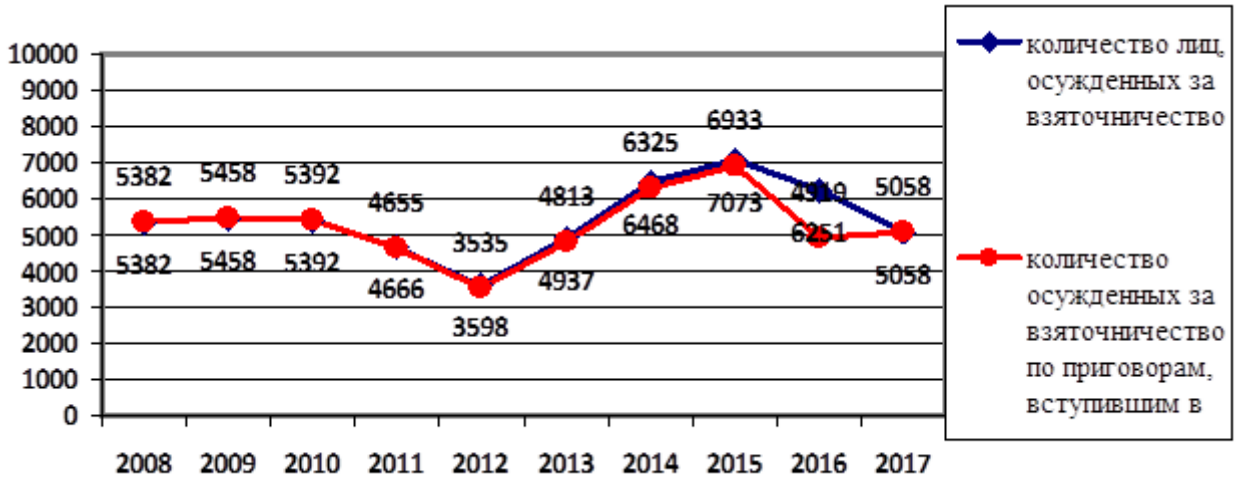

Рисунок 15. Динамика числа осужденных за взяточничество по приговорам, вступившим в законную силу

Источник: составлено автором

На наш взгляд, это связано с тем, что осужденные лица стараются обжаловать приговоры, это приводит к увеличению процессуальных сроков в рассмотрении коррупционных дел.

Относительно стабилен и удельный вес осужденных за взяточничество в общем числе осужденных. Соответствующие показатели, как мы видим,

микроскопичны: за последние 15 лет диапазон колеблется от 0,6 до 1,1%. (в 2008-2011 годах – по 0,6; в 2012 – 0,5; в 2013 году – 0,7; в 2014 и 2015 по 0,9; в 2016 и 2017 годах – по 0,7; в 2018 году – 0,8; в 2019 году – 0,9; в 2020 году – 0,8; в 2021 году – 1; в 2022 году – 1,1)[199]:

О том, какова динамика числа осужденных лиц за дачу/получение взятки в общем числе лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, мы уже сказали выше.

Заслуживает внимания структура судимости за преступления коррупционной направленности в 2020 году. Как сообщал, в свое время, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, чаще всего приговоры выносились обвиняемым в мелком взяточничестве. По этой статье было осуждено 22% всех обвинявшихся в коррупционных преступлениях, или около 1,7 тыс. лиц. На втором месте - осужденные за дачу взятки (18%, или около 1,4 тыс. человек), на третьем - за получение взятки (15%, или более 1,1 тыс. лиц). Далее идут осужденные за посредничество во взятках (4%), за коммерческий подкуп или посредничество в коммерческом подкупе (3%). При этом 38%, или почти 3 тыс. человек, были осуждены за иные коррупционные преступления[200].

Социально-демографические признаки коррупционера как преступника также позволяют более широко охарактеризовать личность с асоциальным коррумпированным поведением. Традиционно к социально-демографическим признакам в криминологии относят пол, возраст, образование, профессиональную принадлежность, семейное положение, принадлежность к городскому или сельскому населению, материальное положение[201]. Такие признаки, характеризуя конкретного человека, в общем статистическом выражении составляют информационную картину, позволяющую получить не

[199] См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008– 022 гг. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения 07.07.2023).
[200] См.: В 2020 году в России осудили 7,5 тыс. коррупционеров // https://tass.ru/obschestvo/10659605 (дата обращения: 15.02.2021).
[201] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 84.

только правильное представление о личности преступника-коррупционера, но и ценные сведения для противодействия коррупционной преступности.

Начиная анализ личности коррупционера с социально-демографических признаков, рассмотрим *половую принадлежность* таких преступников. Гендерный состав преступников в целом и преступников–коррупционеров схож. Большинством лиц, совершающих преступления являются мужчины, эмпирические данные выявили следующее их количество:

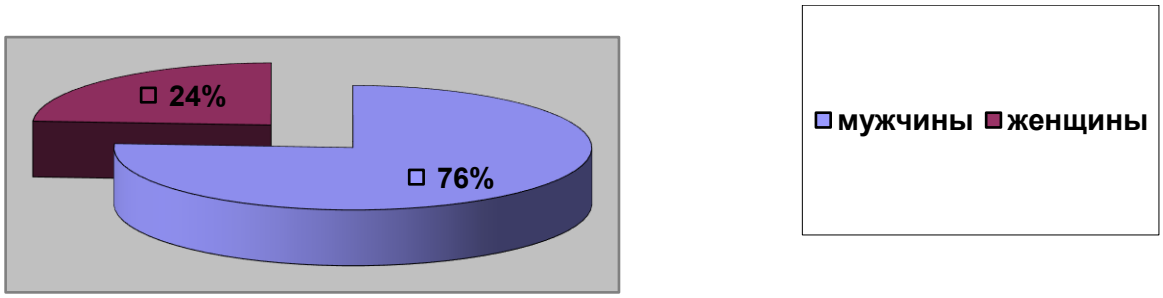

Рисунок 16. Гендерный состав преступников–коррупционеров

Источник: составлено автором

Похожие данные встречаются и в исследовании Н.А. Щебетиной, где процентное соотношение таково: 73 % - мужчины и 27 % женщины[202]. Подобная диспропорция объясняется тем, что лидирующее положение в общем числе лиц, занимающихся управленческой деятельностью, принадлежит мужчинам, а следовательно, коррупционные преступления совершают чаще представители именно мужского пола.

Изучение материалов уголовных дел показало, что пропорция среди осужденных за коррупционные преступления (по полу) между мужчинами и женщинами составила 80 к 20% соответственно.

В диссертационном исследовании «Личность преступника – взяткополучателя» Н.Н. Магомедов отмечает, что при преобладающем числе «женщин на государственной гражданской и муниципальной службе они в 4,7 раза реже привлекаются к уголовной ответственности за получение взятки, что объясняется гендерными различиями (в отличие от мужчин женщины, как

[202] См.: Щебетина Н.А. Личность преступника-коррупционера // Вестник Карагандинского юридического института МВД Республики Казахстан. 2011. № 1-2. С. 124-127.

правило, менее склонны к риску, менее инициативны, деловиты и предприимчивы)»[203]. Правда, в данном случае необходимо знать, какую гендерную окраску имеет тот или иной вид деятельности – преобладают ли в ней мужчины или женщины. Более того, несмотря на отмечаемую в научной литературе феминизацию той же государственной гражданской службы, Н.Н. Коростылева предлагает для исследования два интересных среза. Первый касается удельного веса женщин на должностях государственной гражданской службы федерального ровня и уровня субъектов Российской Федерации. Женщин в этом числе 70%[204]. Однако ситуация меняется, если берем т.н. вертикальный срез – должности, которые занимают мужчины и женщины на государственной службе. Например, в категории «руководитель» высшей группы мужчины составляют 63,8 %, тогда как женщины – 36,2 %. Ведущая группа должностей категории «помощники» (советники) также представлена в основном мужчинами: 71,5 % против 28,5 %[205].

Интересные данные относительно половой принадлежности коррупционеров в недалекой исторической ретроспективе приводит и С.Ш. Цагикян, его исследования касаются 1980-2004 годов. Им были получены следующие сведения: «по делам о получении взятки доля мужчин составляет 92%»[206].

Отметим, что изучение различных исследований в сфере коррупционной преступности выявило несколько представлений о *возрастных группах:* одни авторы предлагают взять за основу десятилетний период и выделяют следующие возрастные границы – 20-29 лет; 30-39 лет; 40-49 лет и старше 50 лет[207]; более дробным делением пользуется Ю.Г.

---

[203] Магомедов Н.Н. Личность преступника – взяткополучателя: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11.
[204] См.: Коростылева Н.Н. Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 13.
[205] Там же. С. 14.
[206] Цагикян С.Ш. Социально-демографическая характеристика личности коррупционеров // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2005. № 1. С. 108.
[207] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников. Криминолого-психологический анализ. М.: Норма. 2014. С. 89.

Касперович – 18-21 год; 22-25 лет; 26-30 лет; 31-40 лет и от 40 и старше[208]; другие предлагают возрастные группы, мало поддающиеся логическому объяснению: 16-19 лет; 30-39 лет; 40-45 лет; 46-55 лет и старше 55 лет[209].

Мы предлагаем следующие возрастные группы: 16-17 лет; 18-24 года; 25-29 лет; 30-39 лет; 40-49 лет; 50-59 лет и 60 лет и старше.

При этом сразу оговоримся, что, несмотря на общий возраст уголовной ответственности с 16 лет, субъекта первой категории мы не выявили. Представители второй группы - явление хотя и крайне редкое, но существующее, в связи с чем в основу данной категории был положен возраст так называемой молодежной преступности. Так, М.М. Бабаев и М.С. Крутер рассматривают в качестве молодежи лиц в возрасте от 18 до 29 лет[210]. Социологи разграничивают указанную возрастную категорию на представителей 18-24 лет (непосредственно «молодежь») и 25-30 лет («молодых взрослых»)[211]. Представителей взрослых возрастных категорий мы разделили на группы, исходя из десятилетнего жизненного цикла.

Наше исследование эмпирических данных выявило следующие возрастные показатели:

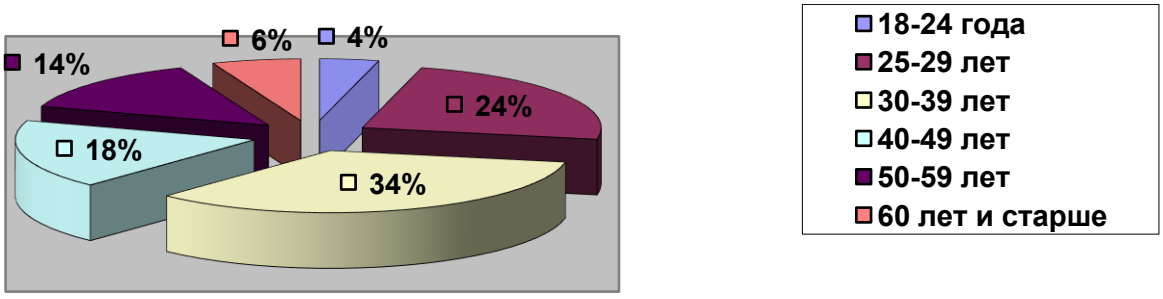

Рисунок 17. Возрастные показатели преступников–коррупционеров

Источник: составлено автором

[208] См.: Касперович Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 53.
[209] См.: Двоеглазов В.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления коррупционной направленности в фармацевтической сфере // Медицинское право. 2012. № 4. С. 28 - 32.
[210] См.: Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006. С. 382.
[211] См.: Белый О.И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/psix% (дата обращения: 29.08.2015).

Возраст - показатель во многом социальный, отражающий не столько физиологические изменения личности, сколько ее социальную зрелость, способность нести ответственность за свои поступки, а значит, и осознавать их последствия. Возраст определяет изменение сознания человека, его потребности и мотивы, обогащает его опыт, влияет на выбор поведения. Наиболее активный возраст совершения преступления коррупционерами приходится на период 30–39 лет[212], это обусловлено тем, что данная категория лиц уже во многом состоялась в своей профессии, достигла определенных должностей, которые используются в корыстных целях, наработала социальные связи, помогающие в решении вопросов, имеющих коррупционную составляющую.

Образование как социально-демографический фактор во многом определяет поведение личности, выбор способов достижения поставленных целей, а также их мотивацию. Тем не менее мы не можем согласиться с мнением, обозначенным в основах криминологии, согласно которому «высокий образовательный уровень проявляется как антикриминогенный фактор. Чем выше образование человека, тем менее вероятно совершение им преступления» [213]. В случае характеристики личности коррупционера наличие высшего образования во многом является необходимым фактором занятия той должности, возможности и полномочия которой могут быть связаны с ее коррупционным использованием. Преступление коррупционной направленности - достаточно сложное преступление по своему характеру и механизму реализации, что, в свою очередь, требует определенной профессиональной подготовки и уровня образования.

Наше эмпирическое исследование по материалам уголовных дел также подтверждает эти сведения: 78 % коррупционеров имели высшее образование на момент вступления приговора в законную силу; 11% имели среднее

[212] Выводы сделаны на основе анализа изученных эмпирических данных.
[213] Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., С. 127.

специальное образование; 10% имели неоконченное высшее профессиональное образование; 1% общее среднее образование.

Анализ образовательного уровня также выявил преобладание *юридического, экономического образования и образования в сфере государственного управления.* Наличие такого процента лиц с высшим образованием, по мнению О.Р. Абрамовской и А.В. Майрова, закономерено «поскольку аппарат органов власти и управления комплектуется квалифицированными специалистами»[214].

Такой высокий уровень интеллектуального развития во многом способствует совершению преступлений коррупционной направленности, осуществление которых происходит с наименьшим риском, особенно для тех коррумпированных лиц, которые обладают юридическим образованием и могут легко ориентироваться в несовершенстве законодательства и знать о том, как избежать ответственности за совершение коррупционных преступлений.

К социально-демографическим признакам относят и *семейное положение*. Оно характеризуется наличием у преступника семьи и брачных отношений, оказывающих существенное значение на поведение лица[215]. Выше мы даже выделяли семейный тип в качестве самостоятельного типа коррупционного преступника.

Семья может выступать как побуждающий к коррупционному поведению фактор, так и фактор сдерживания. Собранные нами данные выявили в целом благополучное семейное положение коррупционера. Так, 76 % из общего числа таких лиц состояли в браке на момент вступления приговора в законную силу (из них 78% имели детей, при этом 40% из них были несовершеннолетними); 9% находились в разводе; 13% - были неженатыми (незамужними).

---

[214] Абрамовская О.Р., Майоров А.В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37. (291). С. 55.

[215] Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. М., 1990. С. 6.

Из опрошенных нами лиц 63% процента признали, что совершали коррупционные преступления в том числе с целью обеспечить материальное благополучие своих семей. Интересно, что эти данные коррелируют с результатами исследований, проведенных Генеральной прокуратурой РФ в 2018 году: 67 осужденных коррупционеров заявили, что семья представляет для них главную ценность[216].

Определяя статус *городского и сельского жителя* среди коррупционеров, следует отметить процесс урбанизации, влияющий как на развитие общества в целом, так и отдельных его страт. Повышение роли городов усиливает формально-анонимные отношения, а также рост социальной обособленности. Всё это вызывает значительные общественные и личностные изменения[217]. Согласно полученным данным, доля городских жителей среди лиц, совершивших коррупционные преступления, составляет – 83%, сельских – 17%.

Обобщая результаты исследования социально-демографических признаков, можно сделать вывод о том, что усредненный портрет коррупционера выглядит следующим образом: *это женатый мужчина 30-39 лет, имеющий высшее образование и проживающий в городе.* Собственно, похожий портрет дало исследование Генеральной прокуратуры Российской Федерации: 40-летний имеющий высшее образование мужчина, не склонный к злоупотреблению алкоголем и нарушению общественного порядка[218].

Однако, в зависимости от различных сфер деятельности такие характеристики могут варьироваться, и достаточно существенно, ведь эти сферы во многом обусловливают особенности портрета личности коррупционного преступника, включая его социально-демографическую характеристику.

---

[216] См.: Нодельман В. Портрет коррупционера: энергичный, образованный 40-летний семьянин. В Генпрокуратуре провели исследование, которое выявило основные черты взяточников URL: https://iz.ru/821066/valeriia-nodelman/portret-korruptcionera-energichnyi-obrazovannyi-40-letnii-semianin (дата обращения: 03.03.2021).

[217] См.: Коган Л.Б., Колбановский В.В., Яницкий О.Н. Социальные проблемы урбанизации в СССР // Сб.: Социалистические исследования города. Информационный бюллетень. № 1 (16). М., 1969. С. 3.

[218] См.: Нодельман В. Указ. соч.

Если же рисовать социально-демографический портрет коррупционного преступника, исходя из разных сфер деятельности, то наблюдается следующая картина.

С целью более детального выявления соотношения представителей коррупционных преступлений женского и мужского пола со специальным субъектом, обладающим особым статусом, эмпирический материал был разделен и по сферам деятельности осужденных и фигурантов уголовных дел (табл. 3).

Таблица 4. Распределение осужденных и фигурантов уголовных дел по сферам деятельности (в %):

Сфера деятельности	**Пол**	
	Женский	**Мужской**
Политическая	7	93
Экономико-производственная	18	82
Правоохранительная	1	99
Образовательная	48	52
Здравоохранения	69	31

Источник: составлено автором

Подобное распределение в *политической сфере* объясняется процентным соотношением мужчин и женщин в депутатском корпусе и на руководящих должностях различных уровней исполнительной власти. Об этом свидетельствует и Т.В. Пермякова, приводя следующие данные: «Что касается политической сферы, то здесь статусные преимущества мужчин еще более очевидны. В действующей Государственной Думе Российской Федерации женщины составляют 13,5%»[219]. Несмотря на определённую феминизацию этой сферы деятельности, представители женского пола составляют незначительный процент в ней.

Это касается и *экономико-производственной сферы*, однако здесь очевидно незначительное изменение процентного соотношения мужчин и

[219] Пермякова Т.В. Гендерная статистика как отражение социальных проблем мужчин и женщин в современном российском обществе // Вопросы управления. 2012. № 21.

женщин, так как все больше женщин становятся руководителями различного уровня на предприятиях, заводах, фабриках, в фирмах и в иных экономических структурах.

Ситуация в *правоохранительной сфере* объясняется преобладающим количеством мужчин. В исследовании М.А. Багмета о противодействии коррупции в полиции отмечается, что среди совершающих коррупционные преступления сотрудников полиции мужчины составляют две трети[220].

Сфера же *здравоохранения,* наоборот, традиционно считалась «женской». Близкие с нашими данные приводит в своем исследовании В.А. Двоеглазов: «Процентное соотношение женщин и мужчин, совершающих преступления в сфере здравоохранения, распределяется как 80,3% и 17,7%. В системе здравоохранения России еще со времен существования Советского Союза преобладают преимущественно лица женского пола. К этому можно прибавить и тот фактор, что женщины, как правило, выбирают те профессии, которые позволяют больше времени уделять семье, поэтому и выбирают профессии врача, фармацевта, провизора, педагога»[221].

Образовательная сфера содержит практически равное количество мужчин и женщин, совершивших преступление обозначенной коррупционной направленности. Несмотря на то что в сфере образования преимущественно работают женщины, существенный процент коррупционеров составили мужчины, работавшие в системе высшего профессионального образования.

Таким образом, исходя из анализа гендерных характеристик личности коррупционера, можно сделать вывод об общем преобладающем количестве преступников-коррупционеров мужского пола. При этом существуют различные вариации такого соотношения в зависимости от сферы деятельности, где количество совершивших коррупционные преступления лиц различного пола зависит от их общего соотношения в той или иной сфере.

---

[220] См.: Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.
[221] Двоеглазов В.А. Указ. соч. С. 28 - 32.

Следующий социально-демографический признак – возраст. Возрастная характеристика личности преступника позволит определить степень проявления криминального поведения в различных возрастных группах. Возрастные особенности выступают факторами, определяющими интенсивность коррупционных проявлений того или иного лица.

Представители возрастной категории 18-24 года в *экономико-производственной, правоохранительной и образовательной сфере* составляют крайне незначительный процент, так как руководящие должности они занимают редко, но согласно сферам деятельности занимают определенные должности и обладают некоторыми полномочиями, позволяющими им выступать в качестве специального субъекта коррупционных преступлений, наделенных особым статусом.

Увеличение числа лиц в возрастной категории «молодых взрослых» объясняется тем, что происходит общее «омоложение» всех сфер деятельности, в том числе и государственного аппарата. Направление общественного развития на снижение возрастного «ценза» при занятии различных должностей приводит и к снижению возраста представителей «беловоротничковой» преступности, в том числе и коррупционной.

Большинство лиц коррупционной направленности находятся в возрастной группе 30–39 лет, что обусловлено максимальным сосредоточением должностных и иных возможностей у лиц указанных возрастных границ. Именно этот возраст характеризуется наибольшей степенью амбиций и притязаний, желанием получить престижную должность (в том числе и неправомерным способом), а также наименьшим опытом при решении указанных задач.

Возрастная группа представителей 40-49 лет составляет 18 %, что практически в два раза меньше предыдущей категории. Объясняется это тем, что, на наш взгляд, к данному возрастному периоду у большинства лиц карьера сложилась, были достигнуты определенные цели, в том числе и

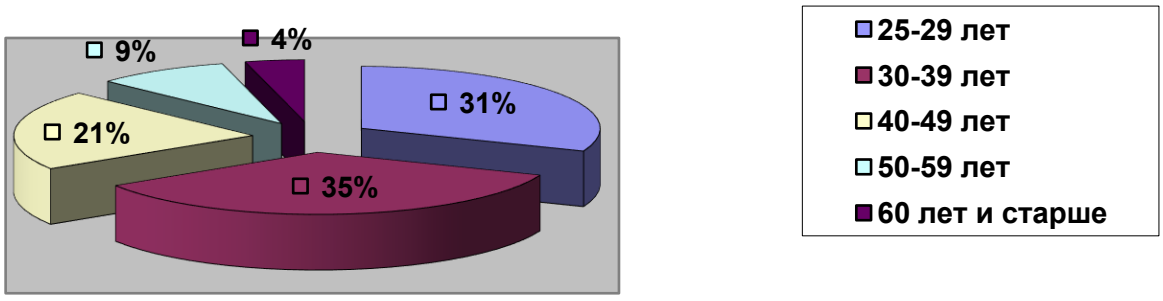
благодаря естественной ротации, а также лица указанных возрастных границ приобрели больший опыт в коррупционных схемах.

Незначительно количество коррупционеров в возрасте 50-59 лет. Снижение процента совершенных коррупционных деяний представителями этой категории нами объясняется следующими причинами, выявленными в ходе интервьюирования и анкетирования респондентов: а) наличие осторожности и продуманности в принятии неправомерных решений, опыт совершения подобных деяний, а также многочисленные связи в органах власти; б) указание опрашиваемых на наличие таких качеств у старшего поколения, как честность и порядочность.

Самой малочисленной категорией стали лица 60 лет и старше: такое малое их количество обусловлено снижением общего количества лиц, обладающих общим или особым статусом, в силу демографического снижения общего количества лиц этой возрастной группы.

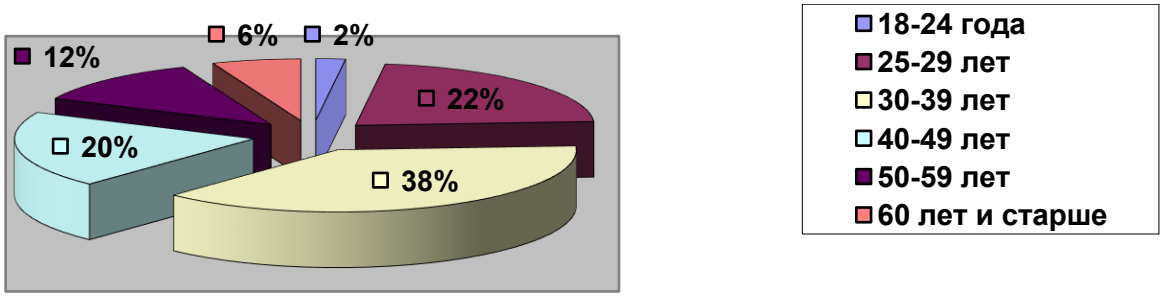
В криминологической литературе уже отмечается естественное демографическое «омоложение» взяточников (представителей наиболее распространенного коррупционного преступления), по данным на 1995 год, их средний возраст составил 37 лет, а по данным 2008 года – уже 33 года[222].

Распределение же возрастных категорий в зависимости от сферы деятельности показало следующие результаты в политической сфере деятельности:

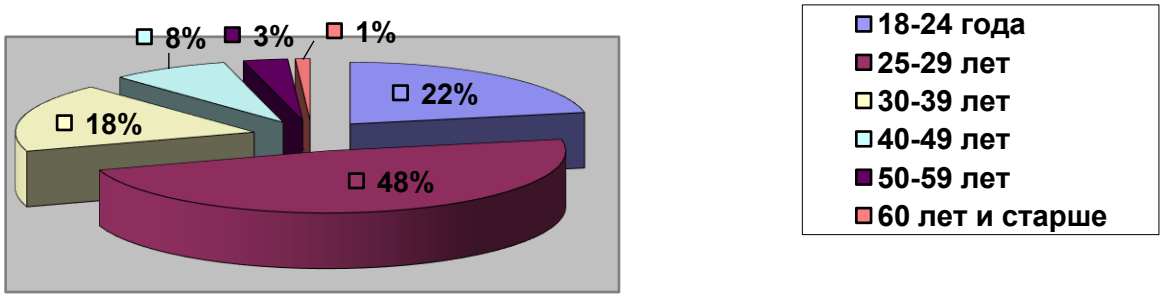

В экономико-производственной сфере:

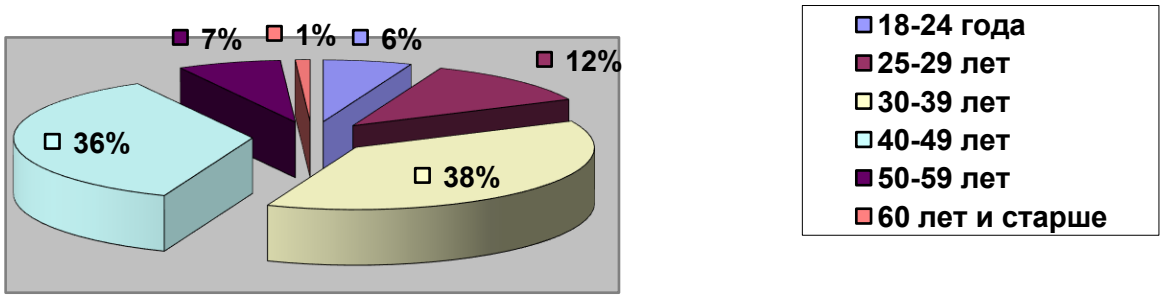
[222] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. С. 204.

В правоохранительной сфере:

В образовательной сфере:

В сфере здравоохранения:

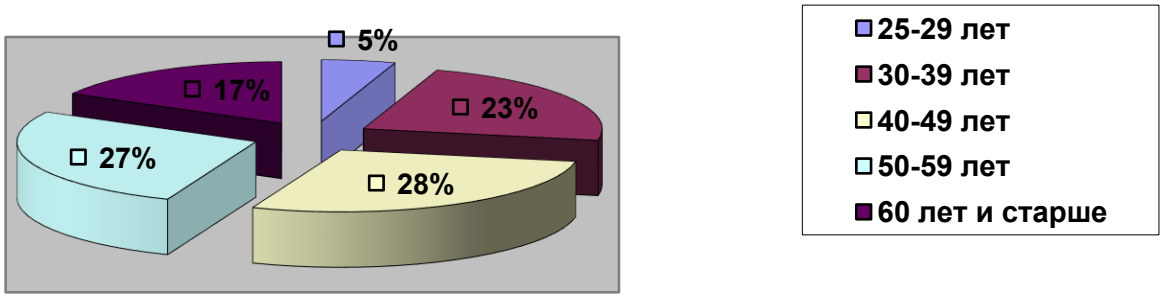

Рисунок 18. Возрастные группы преступников–коррупционеров по сферам деятельности.

Источник: составлено автором

Отсутствие возрастной категории 18-25 лет в политической сфере определяется незначительным представительством таких лиц на различных должностях, ее отсутствие в сфере здравоохранения объясняется тем, что длительное получение медицинского образования исключает эту возрастную группу из состава лиц, имеющих возможность совершить коррупционное преступление именно в указанной сфере.

Как видим, для большинства сфер деятельности характерно совершение основной массы коррупционных преступлений представителями возрастной группы 30-39 лет, что обусловлено общими тенденциями, свойственными коррупционным преступлениям в целом. Исключение составили представители правоохранительной сферы, где большинство совершенных коррупционных преступлений интересующим нас субъектом пришлось на возраст 25-29 лет.

Мы согласны с мнением Ю.Г. Касперовича, отмечающим следующее: «Преобладание лиц молодого возраста, имеющих звание лейтенанта (старшего лейтенанта) полиции, среди совершивших коррупционные преступления сотрудников можно объяснить тем, что в результате смены политической системы изменилась и система ценностей. Размывание ядра опытных сотрудников, имеющих прежние нормы морали и профессиональную этику, привело к тому, что в настоящее время на их место пришли молодые сотрудники, выросшие с другими, соответствующими современной ситуации общества принципами, иногда игнорирующие требования закона в целях извлечения материальной выгоды»[223].

В свою очередь, Е.В. Стебенева объясняет эту тенденцию тем, что в официальную статистическую отчетность попадает прежде всего «низовая коррупция», т.е. коррупция лиц, занимающих должности сержантского, младшего и среднего начальствующего состава. По понятным причинам эти

[223] Касперович Ю.Г. Указ. соч. С. 53.

лица довольно молоды, а вот коррупция высших должностных лиц правоохранительных органов более латентна[224].

Сфера же здравоохранения, наоборот, на первое место вывела представителей 40-49-летней возрастной группы, в связи с тем что им присуще в большей степени наличие общих характеристик, обусловленных особым статусом. Лица 60 лет и старше во всех сферах деятельности показали незначительное количество.

Обобщая сведения относительно возрастной характеристики коррумпированных преступников, отметим, что средний возраст такого преступника составил 34 года. Несмотря на «омоложение» коррупционных преступлений, для лиц-коррупционеров характерна социальная зрелость, обусловленная определенным возрастом. Для лиц предпенсионным возрастом характерны осторожность и опыт коррупционных интриг, что приводит к латентности таких преступлений, а также устойчивая морально-нравственная позиция законопослушных граждан.

Различные же сферы деятельности характеризуются некоторыми возрастными особенностями, объясняющиеся спецификой той или иной сферы.

Еще один социально-демографический показатель – образование. Нами под образованием понимается познавательная деятельность, направленная на получение знаний, умений, приобретение практического опыта, а также их совершенствование. Интеллектуально-образовательный уровень, влияя на круг интересов и направленность общения, определяет и характер преступления.

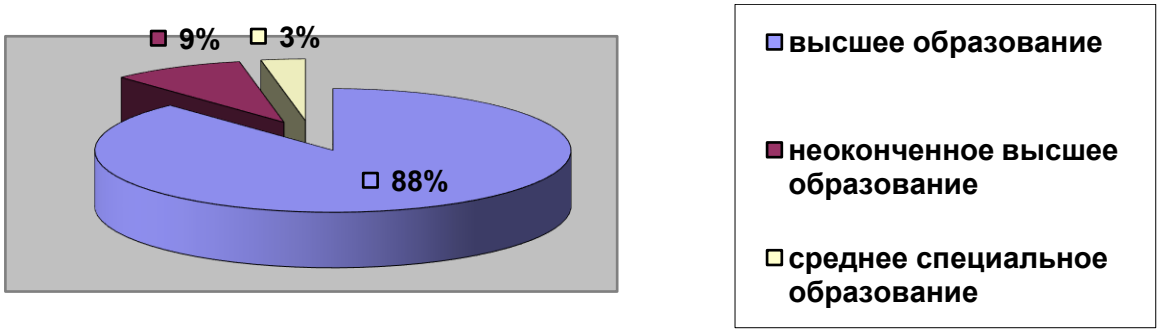
Проводя сравнительный анализ лиц с различным уровнем образования, В.Д. Малков пришел к выводу о том, что лицам с более высокой степенью

[224] См.: Стебенева Е.В. Криминологическая характеристика коррупционной преступности сотрудников ОВД России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С.71.

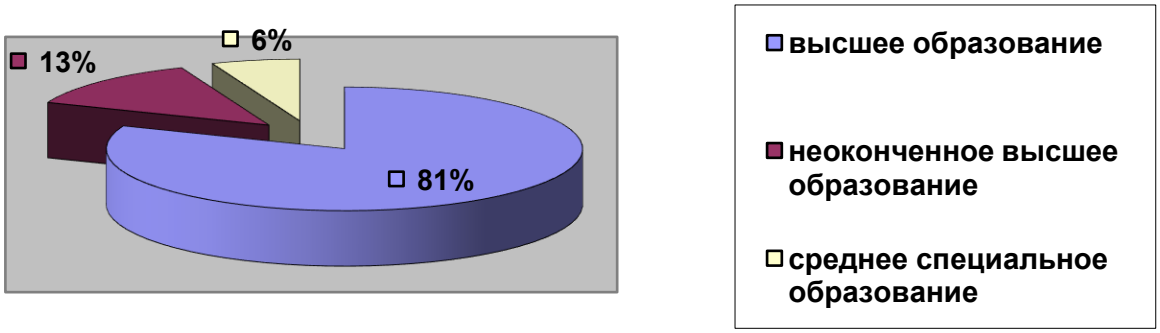
образования свойственно совершать должностные и экономические преступления[225].

Согласно сферам деятельности образовательный уровень коррупционных преступников распределился следующим образом.

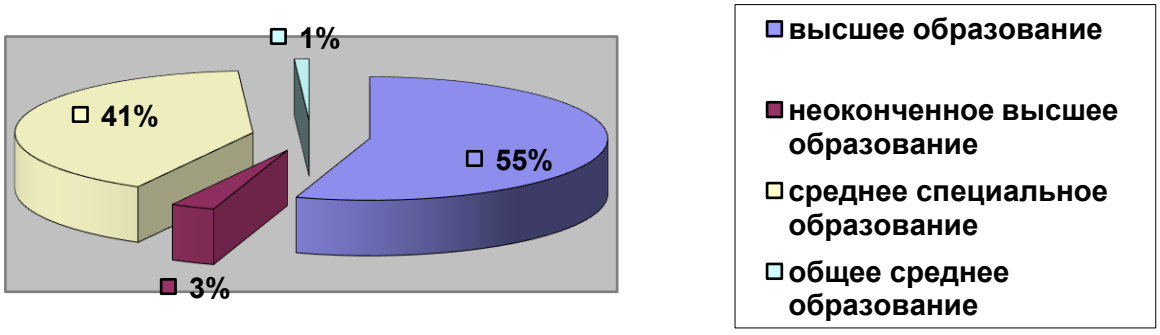
В политической сфере деятельности:

В экономико-производственной сфере:

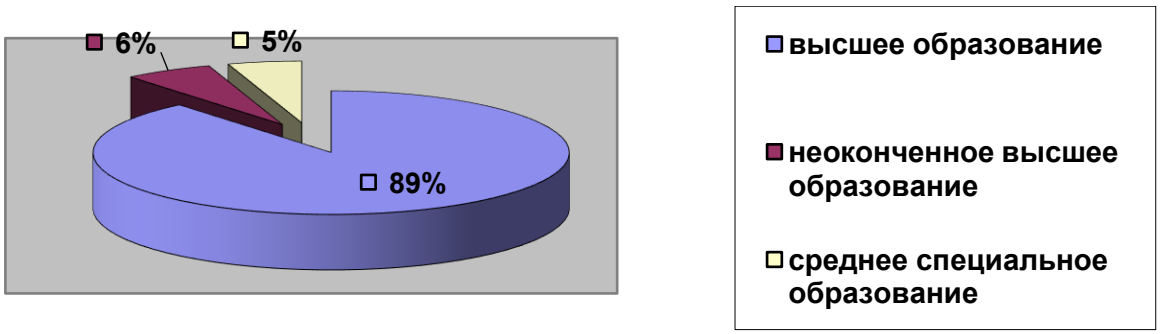

В правоохранительной сфере:

В образовательной сфере:

[225] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. С. 86.

В сфере здравоохранения:

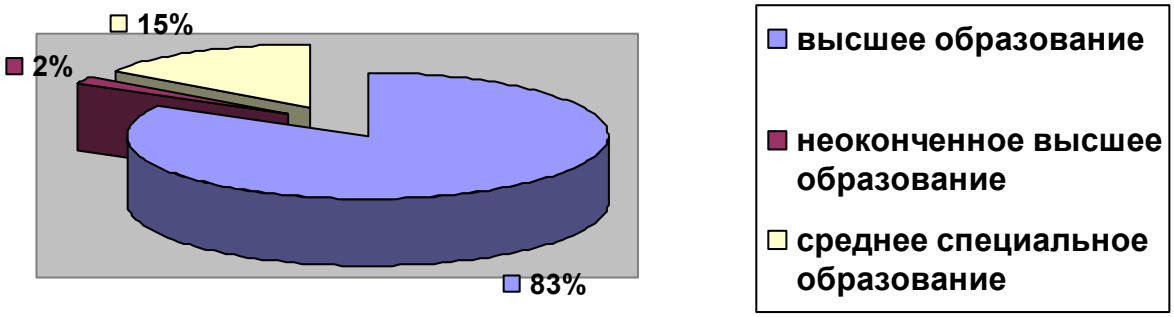

Рисунок 19. Образовательный уровень коррупционных преступников по сферам деятельности.

Источник: составлено автором

Как видим, в целом по сферам деятельности ситуация повторяется, однако есть и некоторые отличия. Отсутствие в большинстве сфер деятельности лиц с общим средним образованием объясняется тем, что коррупционные преступления предполагают наличие определенной профессии, должности, которые практически невозможно получить с общим средним образованием, однако незначительный процент таких лиц выявился в правоохранительной сфере деятельности.

На фоне похожих показателей по высшему образованию выделяются представители правоохранительных органов, где этот процент составил незначительное большинство. Служба в правоохранительных органах возможна и при наличии среднего специального образования[226]. В настоящий момент к сотрудникам правоохранительных органов предъявляются

[226] См.: Федеральный закон от 30 ноября 2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

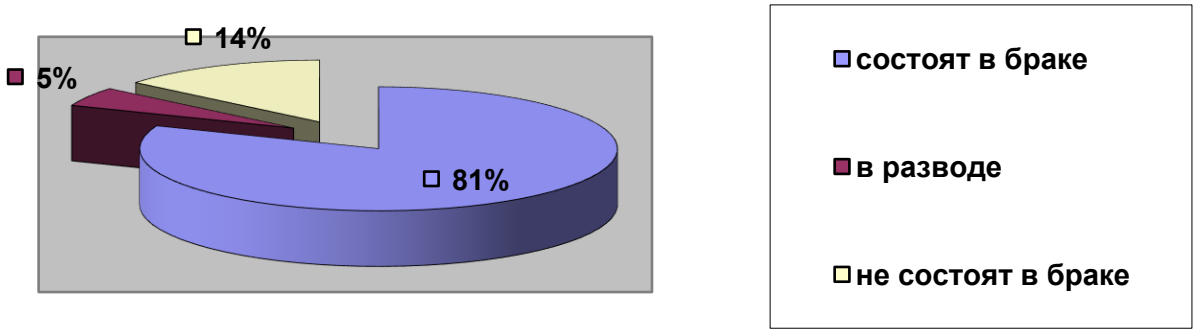
требования обязательного наличия у них высшего юридического образования[227].

Для сферы здравоохранения несколько повышенный процент лиц со средним специальным образованием объясняется совершением коррупционных преступлений лицами, имеющими среднее специальное медицинское и фармацевтическое образование.

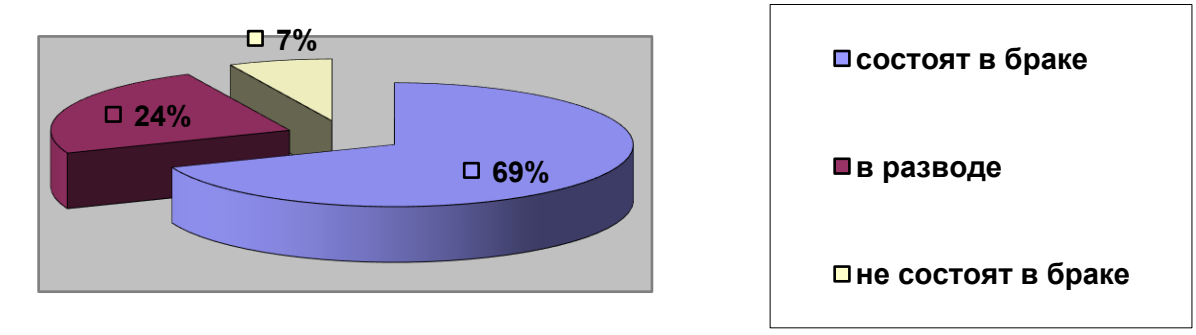
Семейное положение является еще одним социально-демографическим фактором.

Рассмотрим указанный признак исходя из сфер коррупционной деятельности:

В политической сфере деятельности:

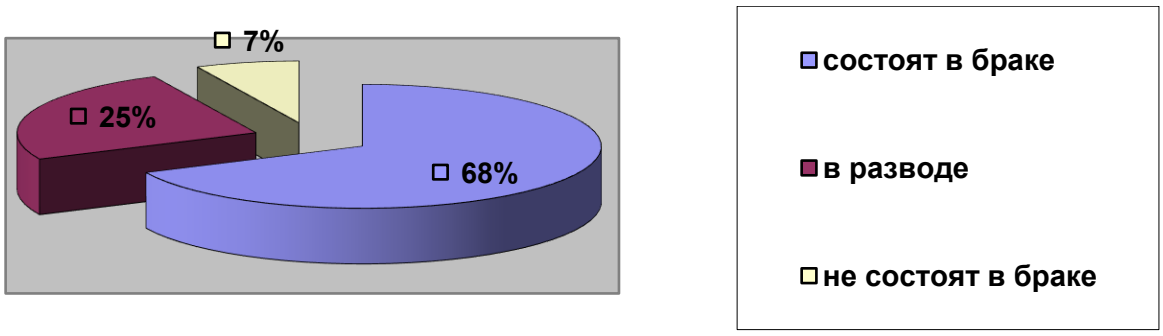

В экономико-производственной сфере:

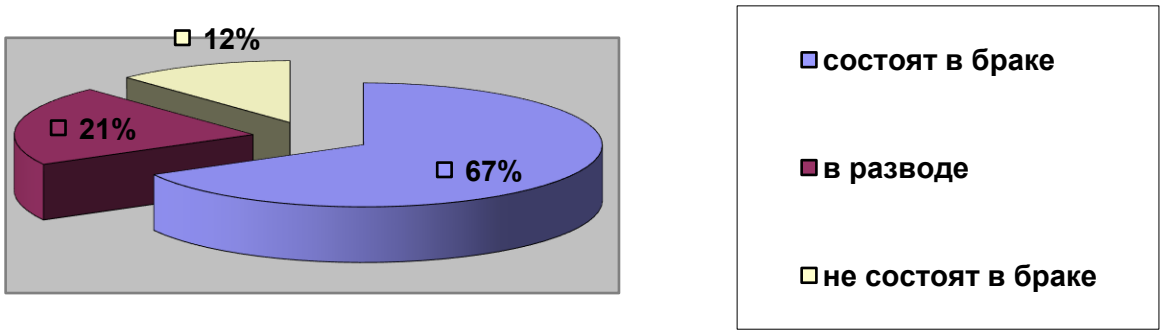

В правоохранительной сфере:

[227] Там же.

В образовательной сфере:

В сфере здравоохранения:

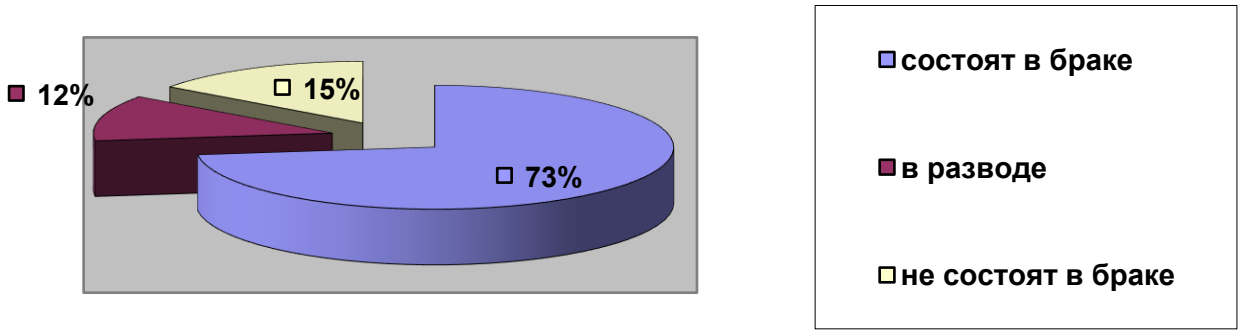

Рисунок 20. Семейное положение коррупционных преступников согласно сферам деятельности.

Источник: составлено автором

Очевидна общая тенденция превалирования семейных отношений во всех сферах деятельности. «Существенное влияние на поведение личности оказывают семейный статус, супружеские конфликты, психологический климат»[228]. При этом лидирующие позиции по наличию семейных отношений занимают политические коррупционеры. Связано это, на наш взгляд, с тем, что в политической среде принято позиционирование семейных ценностей, что выражается в наличии статуса семейного человека. Интересные сведения

[228] Шестаков Д.А. Указ. соч. С. 6.

приводит Е.В. Стебенева, исследующая с криминологических позиций сотрудников ОВД России, совершивших коррупционные преступления: «В основном осужденные воспитывались в полных семьях, где хотя бы один из родителей или близкий родственник имел отношение к органам внутренних дел либо к аналогичным сферам деятельности (юристы), что и повлияло на выбор службы»[229]. Склонность к совершению коррупционных преступлений в сфере здравоохранения среди семейных работников отмечает и Е.В. Червонных[230].

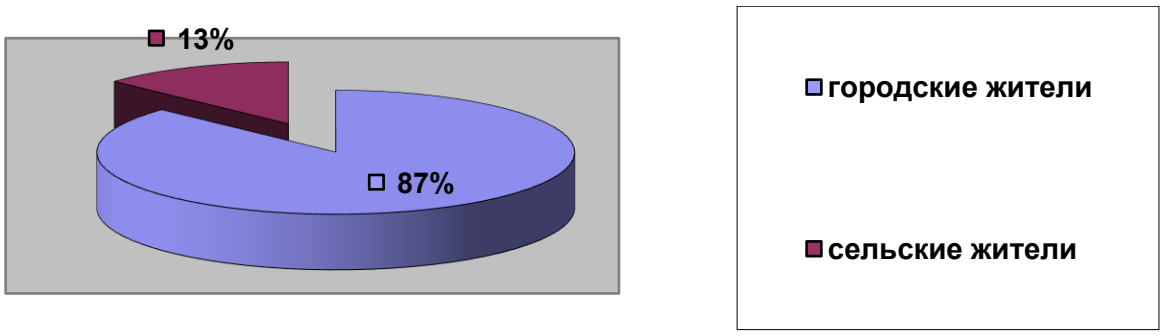
Семья оказывает существенное воздействие не только на развитие личности, но и на выбор поведения при определенных обстоятельствах, она является «спусковым крючком» при совершении преступлений коррупционной направленности. К сожалению, мы можем констатировать, что сдерживающим фактором при совершении коррупционных преступлений семья не является.

Как уже отмечалось, статус городского и сельского жителя также определяет особенности личности коррупционного преступника. Несмотря на то что превалирующими являются все-таки представители городского населения, число осужденных за преступления коррупционной направленности и их процентное соотношение тем не менее разнятся в зависимости от сфер деятельности.

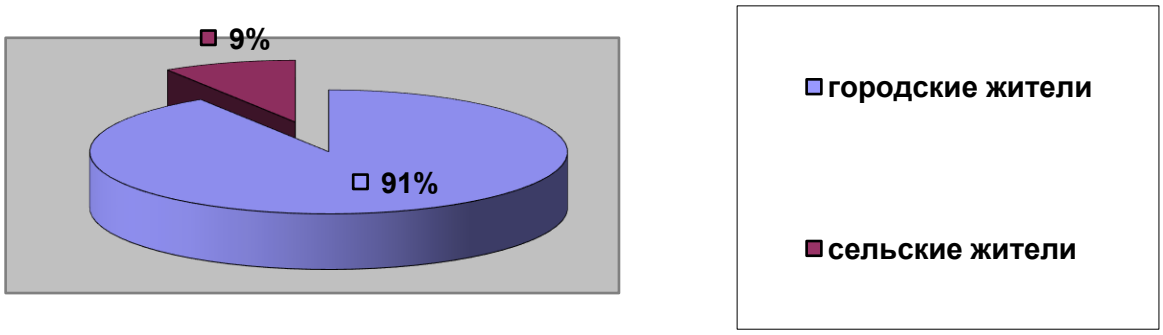
По обозначенным сферам деятельности были выявлены следующие результаты:

В политической сфере деятельности:

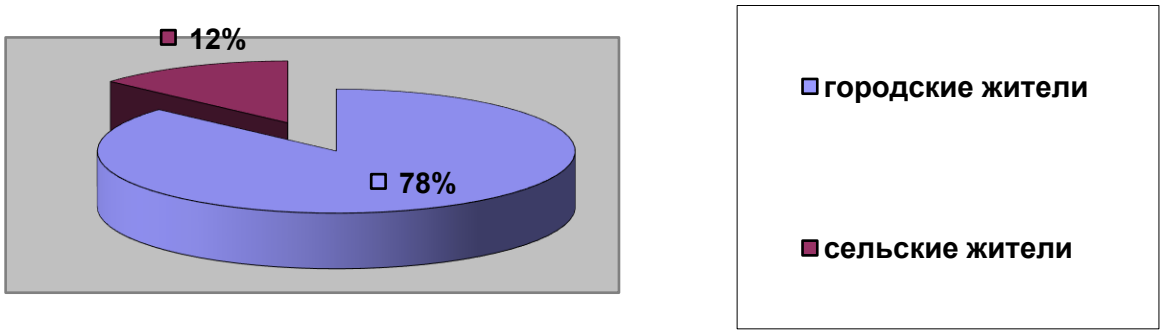
[229] Стебенева Е.В. Указ. соч. С.71.
[230] См.: Червонных Е.В. Криминологическая характеристика личности преступника - медицинского работника // Общество и право. 2008. № 3.

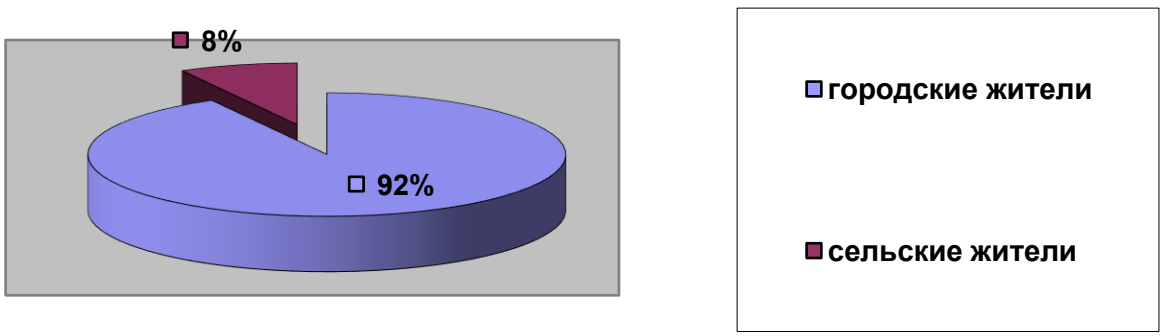
В экономико-производственной сфере:

В правоохранительной сфере:

В образовательной сфере:

В сфере здравоохранения:

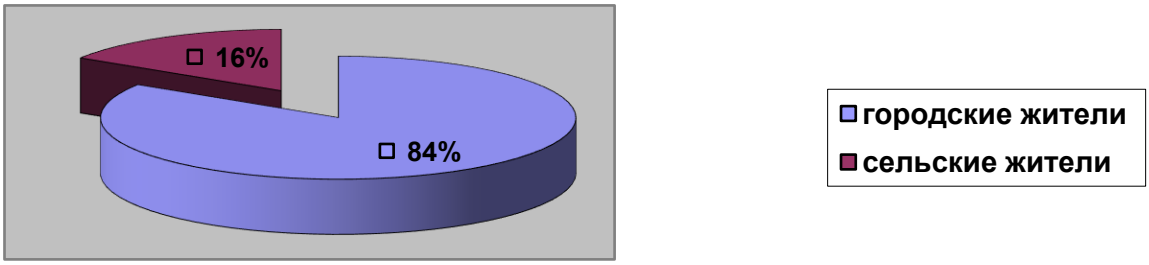

Рисунок 21. Соотношение коррупционных преступников, исходя из статуса городского и сельского жителя, по сферам деятельности.

Источник: составлено автором

Результаты в обозначенных сферах деятельности подтверждают общие показатели характеристики личности коррумпированного преступника. В растущих городах концентрируются указанные сферы деятельности. Высокий процент городских жителей, совершивших коррупционное преступление, обусловлен общим соотношением городского и сельского населения[231].

Не последнюю роль играют психологические особенности городских и сельских связей. Для сельских связей характерно знание жителями друг друга из поколения в поколение, при этом существенная разница в материальном положении может привести к потере авторитета перед односельчанами, что в целом может негативно сказаться на карьере лиц, обладающих общим и особым статусом. В городе такая разница стирается, обезличивается. Взаимоотношения таковы, что жители одного дома порой не знают друг друга. Мы согласны с мнением М.М. Бабаева, считающего, что объем социальных изменений, связанных с урбанизацией и миграцией, постоянно будет нарастать[232]. В следующих параграфах будет подтверждена правота такой позиции.

[231] См.: Симагин Ю.А. Соотношение городского и сельского населения в России // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 66-74.

[232] См.: Бабаев М.М. Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М. 1975. С. 22.

В завершение социально-демографического исследования личности коррупционера исходя из различных сфер его деятельности обозначим некоторые выводы.

1. Термин «личность коррупционного преступника» и его содержание можно рассматривать как некий типовой шаблон, теоретический конструкт, который в реальной жизни трансформируется лишь в неполную социально-демографическую характеристику тех лиц, которые были осуждены за коррупционные преступления (учитывая гиперлатентность коррупционных преступлений и почти тотальное преобладание среди осужденных коррупционеров представителей низшего и среднего звена).

2. Социально-демографические признаки, формирующие портрет личности коррупционера, позволяют определить типичные его черты. Так, большинство лиц коррумпированной направленности являются мужчинами, однако в образовательной сфере и сфере здравоохранения количество женщин либо приближается к количеству мужчин, либо превышает его (данные сферы считаются «женскими»).

3. Возрастные границы коррупционеров в 30-39 лет определяются периодом максимальной активности и возможности лиц с общим и особым социальным статусом. Распределение возрастных категорий по различным сферам деятельности выявило некоторые особенности. Так ни в одной сфере нами не было обнаружено представителей несовершеннолетних, а в политической сфере отсутствуют и лица в возрасте 18-24 лет, в правоохранительной сфере возраст личности коррупционера несколько снижен, сфера здравоохранения, наоборот, отмечена практически равным представительством трех возрастных групп.

4. Уровень образования коррупционера на современном этапе обусловлен всеобщим стремлением к получению высшего образования, а также необходимостью соответствия квалификационным требованиям для лиц, обладающих особым социальным статусом. Большинство лиц, совершивших коррупционные преступления со специальным субъектом,

обладающим особым статусом, получили высшее образование, юридической, экономической направленности или в сфере государственного управления. Наличие общего среднего образования в правоохранительной сфере объясняется квалификационными требованиями, которые допускают наличие обозначенного образования у сотрудников правоохранительных органов.

5. Наличие семьи у коррупционера определяет его социальное благополучие. Эмпирические данные выявили наличие семьи как характерный признак в целом для коррумпированного преступника, так и в зависимости от совершения преступлений в той или иной сфере деятельности. При этом семья не является сдерживающим фактором.

6. Социально-демографические характеристики преступника-коррупционера в зависимости от сфер деятельности выглядят следующим образом. В политической сфере это мужчина в возрасте 30-39 лет, имеющий высшее юридическое образование или образование в сфере государственного управления, женатый, имеющий детей и проживающий в городе. Аналогичные признаки характеризуют личность коррупционера и в экономико-производственной сфере. В правоохранительной сфере также превалируют женатые мужчины 25-29 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование и проживающие в городе. В образовательной сфере также есть определенные нюансы. Таким лицом может быть как мужчина, так и женщина в достаточно широком возрастном диапазоне 30-49 лет, имеющие высшее образование, состоящие в браке и проживающие в городе. Для сферы здравоохранения характерны в основном мужчины, однако их возрастной диапазон даже шире, чем у представителей образовательной сферы, и располагается в пределах 30 - 59 лет. Они состоят в браке, имеют высшее образование и являются городскими жителями.

§ 2.3. Психологические и ментальные особенности личности коррупционного преступника

Юридический анализ коррупции и юридическая оценка коррупционных преступлений не дают полного представления об этом общественно-опасном явлении. Как отмечает М.М. Решетников, «без психологически обоснованных подходов здесь (в области борьбы с коррупцией. – О.К.) вряд ли что можно сделать, ибо коррупция - *только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая»* (курсив мой. – О.К.)[233] .

В настоящее время происходит зарождение самостоятельной области исследования – психологии коррупции[234]. Мы согласны с тем, что психологическая характеристика личности преступника-коррупционера играет особую роль в формировании его портрета, раскрытие же особенностей психического развития личности даст возможность выявить различные проявления субъективного мира такой личности и предложить наиболее эффективные методы ее положительной корректировки. При этом отметим, что психологическая составляющая во многом присуща субъективной стороне преступлений, в том числе и коррупционной направленности. Эту же мысль разделяют И.В. Девятовская и Э.Э. Сыманюк, которые отмечают, что «изучение психологических предикторов коррупционного поведения позволит определить и разработать действенные технологии предупреждения коррупционного поведения личности с использованием психологических, социально-психологических технологий, методов и методик»[235].

В настоящее время происходит разработка различных психологических концепций, объясняющих феномен коррупции. Среди них можно выделить

---

[233] Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. С. 107.

[234] См.: Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3.

[235] Девятовская И.В., Сыманюк Э.Э. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 206.

теорию фрустрации[236] (в ее основе лежит необходимость преодоления существующих препятствий на пути достижения важных жизненных потребностей, например преодоление страха перед уголовным наказанием при совершении коррупционного преступления с целью увеличения своего материального благосостояния), *теорию «научения»*[237] (коррупционная социализация происходит под воздействием социально-одобряемых оценок такого поведения), *теорию неформальных институтов* (согласно ей «существуют четыре принципиально различных вида неформальных институтов, порождающих коррупционные формы поведения и основанных на устойчивых и универсальных характеристиках социума: институционализированные формы теневого рыночного обмена; неформальные механизмы обеспечения государственного аппарата; устойчивые межличностные связи групповой солидарности; процедурные институты функционирования государственной бюрократии)[238].

Существует несколько различных классификаций коррупционных проявлений в зависимости от отношения к ним в обществе. Так, профессор политологии Университета им. Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе А. Хайденхаммер предлагал разделять коррупцию на «белую», «серую» и «черную». В основу такой классификации был положен принцип *принятия или отрицания общественным мнением определенных видов коррупционного поведения*.

1. «Белая» коррупция. В общественном мнении складывается консенсус о практичности подобной деятельности, то есть такого рода деятельность интегрируется в культуру и не рассматривается как достойная порицания. Аналогичные действия не воспринимаются как проблема и угроза.

---

[236] См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2014.

[237] См.: Бандура А. Теория социального научения. Евразия, 2000.

[238] Старцев Ю.А. Функциональный анализ коррупции с позиции теории неформальных институтов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург., 2014. С. 78-87.

2. «Серая» коррупция в отношении подобных практик в общественном мнении отсутствует консенсус.

3. «Черная» коррупция. Представляет собой такое поведение, которое осуждается в любом обществе. Такого рода коррупция не получает поддержки в общественном мнении[239].

В криминологической литературе есть ряд позиций, касающихся того, что относить к психологическим свойствам личности преступника.

Например, О.В. Старков к психологическим особенностям личности преступника относит: а) негативные черты характера (примитивный «анархизм», агрессивность, грубость, жесткость, жестокость, цинизм, эгоизм, развязность, несдержанность, корыстолюбие, импульсивность, аффективность и т.п.), проявляющиеся в преступном поведении в виде внутренних причин или внутренних условий; б) нейтральные свойства человека, как, например, интеллект и степень его развития (так, большая часть преступников лишена способности к абстрактному мышлению); сила воли, двойственность натуры (например, хитрость) и иные свойства, играющие роль внутренних условий преступного поведения[240].

По мнению В.Д. Малкова, при характеристике психологической сферы человека «в первую очередь речь идет о мировоззренческих и нравственных чертах и свойствах: взглядах, убеждениях, ценностных ориентациях, жизненных стремлениях и ожиданиях. Характеристику личности преступника дополняют его интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства»[241]. В свою очередь, В.П. Ревин, О.А. Рыхлов, В.В. Ревина под нравственно-психологическими признаками понимают «отношение к соблюдению уголовно-правовых запретов, отношение к религии, а также множество самых разнообразных проявлений субъективного мира преступника, характеризующих внутренние свойства личности. Сюда также входят:

---

[239] См.: Heidenheimer A. M. Johnston. Political Corruption New Brunswick: Transaction Publishers, 1989. P. 23–24.
[240] См.: Старков О.В. Криминология. СПб. 2012. С. 217-218.
[241] Малков В.Д. Криминология. М., 2006. С. 89.

потребности, мотивы, взгляды, убеждения, уровень нравственного развития, ценностные ориентации, умения, знания, навыки и др.»[242].

Если же говорить о психологических особенностях личности именно коррупционного преступника, то эту личность понимают как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений человека о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия[243]. Нетрудно заметить, что все вышеназванные определения сходятся в одном: они выделяют эмоциональные, интеллектуальные и волевые свойства личности; делают акцент на побудительных элементах, а также нравственно ориентированных показателях.

Интересную концепцию личностных образований (через призму личностных детерминант преступного поведения) предлагает О.В. Ванновская, ее концепция включает пять структурных элементов: *уровень смыслов и ценностей* (жизненные цели, стремления, смыслы и ценностные ориентации); *когнитивно-нравственный уровень* (нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, структура ответственности и долга); *эмоциональный уровень* (удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, удовлетворенность личным статусом, само-отношение); *регулятивный уровень* (локус контроля, механизмы принятия решений); *поведенческий уровень* (ведущий тип реагирования)[244].

На основе рассмотренных психологических признаков Е.Д. Герцик составила следующий общий психологический портрет коррупциогенной личности, для которой характерно «осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья,

[242] Ревин В.П., Рыхлов О.А., Ревина В.В. Криминология: учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2011. С. 136.
[243] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников. Криминолого-психологический анализ. С. 88.
[244] См.: Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 109. С. 326.

неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок нравственного поведения, низкий уровень удовлетворенности жизнью, негативное самоотношение и неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, импульсивный тип реагирования. Каждая из этих характеристик повышает склонность к коррупции, которую можно описать как интегральный показатель»[245]. Подытожив всё вышесказанное, мы выделяем четыре сферы, лежащие в основе психологической характеристики личности преступника: а) мотивационная сфера; б) эмоциональная сфера; в) волевая сфера; г) поведенческая сфера.

Мотивационная сфера служит стержнем нравственно-психологической структуры личности преступника, интегрирующим интересы, потребности, ведущие отношения и активность[246] (включает в себя мотивы, потребности, интересы, влечения, мировоззрение, нравственные установки). Основой психологии коррупции выступает мотивация поведения – совокупность мотивов, т.е. осознанных потребностей, выступающих как побудительные причины коррупционной активности.

Эмоциональная сфера обусловлена позитивным и негативным восприятием объективной и субъективной действительности, где ключевым показателем является удовлетворенность и неудовлетворенность жизненных притязаний. Эмоции непосредственно определяются интуитивным смыслообразованием и спонтанным распознаванием первоочередных возможностей и необходимостей, в связи с этим являются механизмом стереотипного поведения в типовых ситуациях[247].

Волевая сфера личности проявляется в настойчивости, способности принимать решение, осуществлять его, в умении регулировать свою деятельность и направленность поступков. Продолжительный опыт

---

[245] Герцик Е.Д. Криминолого-психологическое исследование личности коррупционера в России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 112-116.

[246] См.: Ратинов А.Р. Личность преступника. Психологические аспекты // Юридическая психология: сб. научных трудов. М., 2009. Вып. 4. С. 7-16.

[247] См.: Ратинов А.Р. Указ. соч. С. 7-16.

нахождения человека в отдельных волевых состояниях приводит к развитию соответствующих качеств личности (например, коррупционных), которые затем уже сами влияют на его волевое состояние[248].

Поведенческая сфера определяется типом реагирования, в основу которого положены поступки и действия лица, направленные на получение личной выгоды путем злоупотребления своими полномочиями. Стоит отметить, что в социальных институтах, где коррупция стала массовым явлением, коррупционное поведение рассматривается как некая необходимая «норма», а законопослушное и добросовестное выполнение должностных обязанностей признается определенного рода девиацией[249].

Рассмотрим предметно указанные сферы в контексте изучения личности коррупционера.

Мотивационная сфера играет особую роль в выборе коррупционного поведения. Останавливаясь на мотивационной сфере, мы согласны с мнением В.В. Лунеева, считая, что можно объединить мотивы и цели, так как «мотивационная сфера является центром внутренней структуры личности, интегрирующим ее активность»[250].

В коррупционных преступлениях мотив чаще всего корыстный, т.е. направлен на извлечение материальной выгоды и обогащения, он согласуется с так называемым компенсационным мотивом.

По мнению Е.Д. Герцик, достаточно большую часть коррупционных преступников составляют люди, совершающие подобные действия по мотивам карьеризма или властолюбия. Им каждый раз необходимо завоёвывать авторитет среди окружающих, быть всё время на виду. Корысть, понимаемая в смысле личного обогащения, если она здесь есть, выступает в качестве лишь дополнительного мотива[251].

---

[248] Там же
[249] Там же.
[250] См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 107.
[251] См.: Герцик Е.Д. Указ. соч. С. 112-116.

Однако и в рамках корыстных мотивов выделяется их различная типология. Например, следующая: *накопительские (стяжательские) мотивы* подразумевают жажду накопления денег и материальных ценностей, алчность; *потребительские мотивы* (схожи с тунеядством, паразитизмом, когда субъект ориентирован на потребление материальных благ, на удовлетворение бытовых потребностей); *престижные мотивы* (стремление к материальному комфорту и благополучию, приобретению дорогих вещей, к «жизни не хуже других»); *утилитарные* (стремление к сиюминутной выгоде, пользе)[252]. Достаточно вспомнить одну из типологий личности коррупционного преступника, что мы давали выше, где выделяли корыстолюбивого преступника и преступника престижного, чтобы увидеть тесную взаимосвязь этих типологий.

Представляет интерес проекция мотивов собственно корыстных преступлений на мотивы преступлений вообще (имеем в виду в данном случае криминологическую классификацию). Так, А.И. Долгова на основе трудов других ученых[253] предлагает следующую классификацию мотивов: *общественно-политические, социально-экономические, насильственно-эгоистические, эмоционально-эгоистические, легкомысленно-безответственные*[254].

Понятно, что далеко не все из перечисленных здесь мотивов присущи коррупционным преступникам (например, насильственный мотив). В то же время *политические мотивы* (стремление получить власть либо удержать власть) нередко в своем генезисе имеют стремление к богатству как к синониму власти. Как отмечает, в связи с этим Ю.А. Нисневич, «даже власть ради власти неизбежно порождает меркантильные интересы и переплетается с жаждой материального богатства как важного символа и неотъемлемого

[252] См.: Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С.83-88.
[253] См.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М, 1972; Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982; Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения; Криминальная мотивация. М., 1986; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения; Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
[254] См.: Криминология: учебник для вузов / под общ. Ред. А.И. Долговой. С. 348.

атрибута господства над другими лицами»[255]. *Экономические мотивы,* без сомнения, окрашены корыстью, т.е. использование власти, связанной с должностными (служебными) правами и полномочиями, для достижения личного обогащения, прежде всего в экономической сфере. Ведь суть коррупции заключается именно в монетизации своих прав, полномочий, служебного (в широком смысле) положения для достижения личных (корпоративных) выгод. *Эмоционально-эгоистические мотивы*, по нашему мнению, тоже присущи коррупционерам. Например, эгоистичность как выражение самолюбия и желания материальных и нематериальных благ может лежать в основе генезиса политического и экономического мотивов. Лицо, обладающее определенными должностными полномочиями и властью в решении тех или иных вопросов, ощущая свою значимость, способно к совершению преступлений, связанных со злоупотреблением этими полномочиями. *Легкомысленно-безответственный* (легкомысленно-игровой) мотив подразумевает поверхностное отражение существующей действительности, а также небрежное отношение к своим обязанностям и последствиям, которые возникнут в результате совершаемых деяний. При этом мы считаем, что к данному типу мотива следует отнести и отношение к коррупции как к игре, т.е. некий игровой мотив, который определяет роль лица в некоей опасной и рискованной, но увлекательной коррупционной игре, где подчас присутствует и рейтинг участников. Таким образом, феномен круговой поруки в коррупции наиболее отчетлив. «Одна из самых опасных трансформаций игрового поведения связана со вседозволенностью, в результате которой человек оказывается «по ту строну добра и зла», нагло перешагивая границы общепринятого в виде правил, ограничений, закона и пр. присущих игре»[256]. Игровой мотив оказывает и прямое влияние на

[255] См.: Нисневич Ю.А. Указ. соч. С. 193-201.
[256] См.: Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 98.

поведение игрока, в коррупционной игре такое поведение будет иметь свои особенности, которые мы отметим ниже.

Выявляя предложенные виды мотивов через анкетирование осужденных коррупционеров, мы получили данные (табл. 4).

Таблица 5. Распределение мотивов по сферам деятельности (в %)

Сфера деятельности	**Мотивы**		
	Политический	**Экономический**	**Легкомысленно-игровой**
Политическая	91	7	2
Экономико-производственная	24	75	1
Правоохранительная	8	13	79
Образовательная	4	7	89
Здравоохранения	7	23	70

Источник: составлено автором

Приведенные данные выявили определенную закономерность: сфера деятельности напрямую связана с мотивом и конечной целью.

В политической сфере деятельности преобладает политический мотив, но имеет место и экономический, и легкомысленно-игровой. Это объясняется тем, что коррупционная составляющая политической деятельности в большинстве своем направлена на поддержание именно этой деятельности, дающей власть, позволяющей в том числе легитимно решать различного рода вопросы в личных интересах конкретного человека или группы лиц. Однако нашлись респонденты, которые отметили экономический мотив как главенствующий, пояснив, что основу коррупционных сделок составлял именно экономический (коммерческий) мотив, т.е. очевидно сращивание власти и капитала. И лишь незначительный процент отвечающих (один человек) назвал легкомысленно-игровой мотив, отметив, что для него ключевым моментом стало легкомыслие, т.е. определенная беспечность.

Экономико-производная сфера деятельности также выявила закономерность преобладания экономического мотива. Однако, значительный процент политической мотивации также подтверждает политическую заинтересованность в решении экономических проблем определенной

категории лиц. Процент легкомысленно-игрового мотива является настолько незначительным, что может быть рассмотрен в большей степени как случайный.

Правоохранительная, образовательная и здравоохранительная сферы деятельности выявили общие для всех вышеперечисленных сфер мотивационные показатели с незначительными отличиями. Так, наибольшие показатели политической мотивации имеют представители правоохранительной и медицинской сфер деятельности. Объясняется это необходимостью либо участия в политической деятельности, требующей дополнительных материальных средств, либо политического решения определенных интересов, связанных с той или иной сферой деятельности. Аналогичная тенденция свойственна и экономической мотивации. Определенная часть респондентов отметила заинтересованность в решении экономических направлений, связав это с продвижением того или иного бизнеса, участниками которого они являлись. Наиболее же значительный процент респондентов правоохранительной, образовательной и медицинской сфер деятельности выбрали легкомысленно-игровой мотив. Так, отвечающие считали, что, совершая преступление, легкомысленно рассчитывали на избежание негативных последствий, а также указывали, что ориентировались на других знакомых им лиц, работающих в этой сфере и успешно ушедших от ответственности за аналогичные преступные действия. Очевиден элемент соревновательной игры, которая для определенной категории лиц закончилась уголовно-наказуемым финишем.

Рассмотрев виды мотивов, которыми руководствовались лица, совершившие коррупционные преступления, охарактеризуем еще одну составляющую мотивационной сферы – их нравственные установки. Нравственные установки - явление социальное, напрямую зависящее от тех социальных отношений, в которые был вовлечен человек в разные периоды своего развития как личности. На нравственные установки также оказывают влияние извращенные или гипертрофированные интересы и потребности.

Жажда накопления и роскоши отодвигают на второй план социально значимые интересы. У коррупционеров чаще всего отмечались такие нравственно-психологические черты, как эгоизм, цинизм, проявление властности, хитрость и двойственность натуры. Рассмотрим наиболее типичные черты, характеризующие портрет коррупционного преступника.

Например, Л.В. Уварова предлагает следующий обобщенный психологический портрет коррупционера с характерными для него чертами: отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции, скрытая агрессия, общение с небольшим кругом людей (при этом он очень осторожен при установлении близких отношений), цинизм, толерантность к коррупции, ложное самоутверждение (через богатство, славу, власть)[257].

Другие авторы добавляют в этот портрет такие характеристики, как доминирование материальных ценностей, безответственность и безнравственность, жадность и двойные стандарты, артистичность и мимикрия[258].

Мы согласны с рядом предложенных характерных черт, свойственных коррупционным преступникам, и охарактеризуем отдельные из обозначенных наиболее свойственные коррупционерам черты.

Основной чертой портрета коррупционера является эгоизм, который может стать толчком в преобразовании законопослушной личности. При этом обратим внимание (опираясь на ответы респондентов), что эгоизм у коррупционных преступников может распространяться на близкий круг (например, на семью). Однако независимо от лиц, входящих в орбиту эгоистичного коррупционера, для эгоиста характерно то, что другие «индивиды рассматриваются и используются для достижения личных и своекорыстных целей»[259].

---

[257] См.: Уварова Л.В. Методика оценки антикоррупционной устойчивости при профессиональном психологическом отборе кандидатов на должности судей. URL: http://research-journal.org/featured/metodikaocenki-antikorrupcionnoj-ustojchivosti-pri-professionalnom-psixologicheskom-otborekandidatov-na-dolzhnosti-sudej.

[258] См.: Журавлев А.Л., Юревич А.В. Указ. сочинение С. 65.

[259] Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах современной России. Аналитический доклад. М., 2013. С. 13.

В ходе анализа уголовных дел была выявлена следующая иерархия видов деятельности в зависимости от размера получаемых незаконных вознаграждений (от наибольшего к наименьшему): политическая, экономико-производственная, правоохранительная, здравоохранения образовательная. При этом размер наиболее крупной взятки отличался от наименьшего размера в миллион раз. Конечно, и *материальные запросы у различных категорий коррупционеров разные, они напрямую зависят от возможных незаконных пополнений, но суть их тем не менее одинакова – это стяжательство, т.е. жажда улучшения своего материального положения.*

Самоутверждение как следующий штрих в портрете коррупционного преступника проявляется в «завоевании личностью социального статуса, престижа, авторитета, власти над другими членами общества. Утверждение на социально–психологическом уровне связано с завоеванием власти, стремлением личности добиться признания значимого окружения – семьи, друзей, коллег»[260].

Еще одна специфическая характерная черта современного коррупционера – это коррупционная мимикрия. Назначение коррупционной мимикрии – создание видимости правомерного поведения, прикрывающего коррупционные действия. Примером такой мимикрии является «маскировка коррупционной деятельности под благотворительность»[261], формальное и публичное обличение коррупции самими фигурантами коррупционных дел (классические «двойные» стандарты).

Не последнюю роль в формировании психологического портрета личности коррупционного преступника играет его мировоззрение, которое называют «базовым ядерным образованием личности», мировоззрение, выражаемое в «категориях смысла жизни»[262]. Жизненные же смыслы зависят

[260] Чернышева Е.В., Тюменцева А.А. Мотивация преступного поведения в совершении умышленных преступлений // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. С. № 12 (57).. 192.
[261] Антикоррупционный словарь. Бишкек, 2013. С. 46.
[262] Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н. Понятие личности преступника // Юридическая психология / под общ. ред. Т.Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001. С. 87.

от задач, которые ставит перед собой человек на том или ином этапе своей жизни.

Следующей психологической сферой развития личности является *эмоциональная сфера.* Следует помнить, что удовлетворенность или неудовлетворенность различными сферами жизнедеятельности напрямую коррелируются с антикоррупционной устойчивостью.

Лица, участвовавшие в анкетировании осужденных, отмечали, что зафиксированные в законах и иных нормативных-правовых актах права и гарантии в сфере социальной защищенности практически не соблюдаются. Больше всего на невыполнение социальных гарантий указывали лица, сфера деятельности которых была связана с правоохранительной системой, образованием и здравоохранением (табл. 5).

Таблица 6. Удовлетворённость соблюдением прав и гарантий в разных сферах деятельности (в %)

Сфера деятельности	**Уровень удовлетворенности**	
	удовлетворен	**не удовлетворен**
Политическая	93	7
Экономико-производственная	67	33
Правоохранительная	13	87
Образовательная	3	97
Здравоохранения	7	93

Источник: составлено автором

Наименьший процент неудовлетворенных соблюдением прав и гарантий показали лица, занимающиеся в политической сфере деятельности. На наш взгляд, их социальная защищенность в наибольшей степени обеспечивается государством именно в рамках борьбы с коррупционными проявлениями.

Процент удовлетворенности соблюдением прав и гарантий среди опрошенных осужденных (от меньшего к большему) распределился так: представители образовательной сферы, представители сферы

здравоохранения, представители правоохранительной сферы, представители производственно-экономической сферы, представители политической сферы:

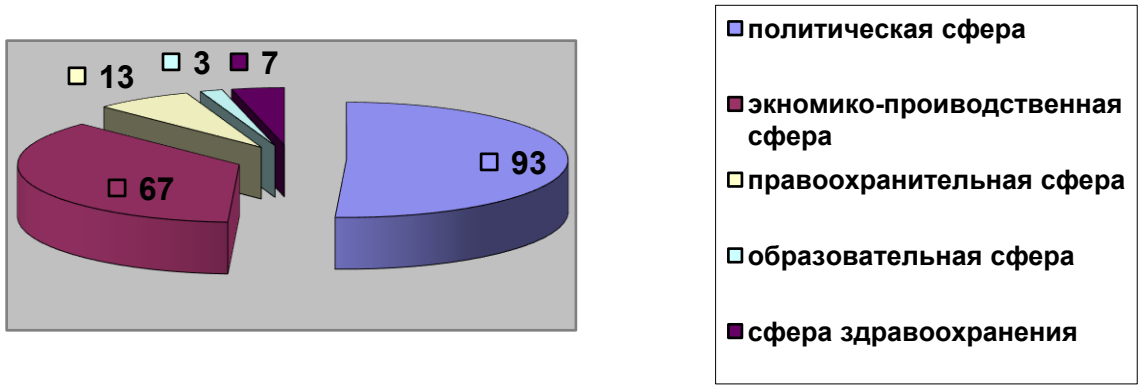

Рисунок 22. Процент удовлетворенности соблюдением прав и гарантий среди опрошенных осужденных.

Источник: составлено автором

Невыполнение прав и гарантий воспринимается и как некое оправдание своих преступных действий, как ответная реакция на неспособность государства позаботиться о своих членах, что вынуждает их компенсировать себе неполученные права и гарантии иными, в том числе криминальными, способами.

Неудовлетворенность также касается и своего социального положения или социального статуса (табл. 6). Представители политической сферы деятельности продемонстрировали также и наибольшую удовлетворенность своим статусом и положением, связано это с тем, что, как правило, такие лица занимали высокопоставленное положение.

Значительное число лиц правоохранительной сферы связывают реальную возможность продвижения по службе только с дачей материального вознаграждения лицам, от которых такое продвижение зависит, что также является «оправдательным» фактором для лиц, получающих коррупционное вознаграждение. Лица сферы здравоохранения также считают, что многие вопросы карьерного роста связаны с коррупционными составляющими.

Таблица 7. Удовлетворенность своим социальным положением и социальным статусом в разных сферах деятельности (в %)

Сфера деятельности	Уровень удовлетворенности	
	Удовлетворен	Не удовлетворен
Политическая	94	6
Экономико-производственная	78	22
Правоохранительная	29	71
Образовательная	17	83
Здравоохранения	19	81

Источник: составлено автором

Таблица 8. Ответы респондентов на вопрос «Были ли Ваши насущные потребности удовлетворены до момента совершения Вами коррупционного преступления?» (%)

Сфера деятельности	Уровень удовлетворенности	
	Были удовлетворены	Были не удовлетворены
Политическая	86	14
Экономико-производственная	71	29
Правоохранительная	44	54
Образовательная	23	77
Здравоохранения	32	68

Источник: составлено автором

Как видно из табл. 8, наиболее удовлетворены в насущных потребностях представители политической и экономико-производственной сферы, это объясняется уровнем государственной поддержки лиц, осуществляющих эти виды деятельности.

Необходимо отметить, что в образовательной сфере «деформированные потребности наблюдались лишь у четверти лиц, допускающих коррупционные действия. В остальных же случаях преступления были совершены для удовлетворения насущных потребностей»[263].

[263] Зиннатуллин Н.З. Особенности личности коррупционной преступности в системе высшего профессионального образования // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 46.

Таким образом, неудовлетворенные насущные проблемы также являются движущим психологическим фактором в совершении коррупционных преступлений.

Мотивационная сфера является элементом субъективной стороны преступления, в том числе и преступлений коррупционной направленности. Определив виды корыстного мотива, наиболее характерные для коррупционных преступников, мы выявили закономерность зависимости мотива от сферы деятельности коррупционера. Рассматривая нравственные установки и типичные психологические черты коррупционного преступника, мы выделили эгоизм, для удовлетворения которого происходит корыстное использование других лиц; стяжательство, выраженное в увеличении незаконных вознаграждений коррупционера (доминирующих в общей иерархии его ценностей), размер которых зависит от вида деятельности; самоутверждение, достигающееся посредством завоевания власти или авторитета в своем окружении; мимикрию, определяющую двойные поведенческие стандарты коррупционера, что отражает очевидный цинизм такого лица, влияющего на общее развитие его мировоззрения.

Психологический портрет личности коррупционера не может быть абсолютно универсальным, так как различные сферы деятельности вносят свои особенности в его общий вид, есть психологические черты, присущие личности коррупционера независимо от его сферы деятельности. В свое время В.В. Лунеев отметил, что «каждый слой общества совершает «свои» преступления, и высокопоставленным чиновникам нет необходимости заниматься кражами или разбоями, им достаточно намекнуть о своих потребностях. *Чиновники тысячекратно больше получат от продажи конфиденциальной информации или от лоббирования интересов теневой экономики, чем от совершения традиционных деяний* (курсив мой. – О.К.). Элитарные слои, как правило, совершают экономические и коррупционные преступления, а маргинальные – традиционные насильственно-корыстные деяния. Преступления нищеты, бедности и слабо адаптированных к жизни

людей легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а преступность власти, богатства и интеллекта почти не значится в орбите деятельности правоохранительных органов»[264].

Необходимо иметь в виду, что каждый слой общества совершает и «свои» коррупционные преступления, поэтому информация о «повально» выявляемых взятках, подкупах и злоупотреблениях среди сотрудников ГИБДД, медиков, преподавателей вузов и школ никого не должна вводить в заблуждение – угрожающая национальной безопасности коррупция гнездится не там, тем более что, по данным того же В.В. Лунеева, в России регистрируется не более 1% реального взяточничества[265].

Взгляд личности на социальную действительность проявляется в ее действиях, *обусловленных эмоциональной окраской.* Эмоции являются одной из форм восприятия сознанием реального окружающего мира. Эмоции отражают отношение человека к процессам и явлениям через призму их значения в сфере потребностей и мотивов поведения.

Одним из направлений эмоциональной сферы является восприятие субъективной действительности, т.е. отношение субъекта к самому себе.

По мнению О.В. Ванновской, «негативное самоотношение и неадекватная самооценка оказывают деформирующее воздействие на правовое поведение личности, активизируют комплекс неполноценности и поиск компенсаторных механизмов в виде повышения значимости личности за счет увеличения материальных благ»[266]. Самооценка личности определяет и положение личности в обществе. От самооценки зависит не только отношение к себе, выраженное в самокритичности, требовательности к себе, отношение к успешности своей деятельности, от самооценки также зависит то, как личность будет позиционировать себя для других участников отношений. При таком положении обязательства и требования для себя всегда занижены,

[264] Лунеев В. В. Преступность и теневая экономика // Экономическая наука современной России. 2005. № 1(28). С. 80.
[265] Там же.
[266] Ванновская О.В. Указ. соч. С. 326.

для других же участников правоотношений они, наоборот, завышены. Это позволяет переложить ответственность за совершенное коррупционное преступление, оправдывая его невозможностью правомерными способами реализовать существующие притязания, а также перейти к оправдательно–одобрительной оценке своего преступного поведения.

Подобного рода обстоятельства отмечают М.И. Марьин и А.А. Бочкова, акцентируя внимание на том, что «при низком оценочном отношении к правовым нормам сотрудник полиции не стремится нести личную ответственность за результаты своих действий, компенсируя установленные законом высокие образцы поведения внешней декларацией необходимых качеств с помощью свойственной им коммуникативной активности»[267]. Как видим, самооценка и ее уровень влияют на выбор направления профессиональной деятельности, перспективы ее развития.

Таким образом, «никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены на внутренние детерминанты человеческой активности»[268].

Еще одной психологической сферой развития личности является *волевая сфера.* Само понятие термина «воля», образующего основу волевой сферы, подразумевает сознательную, целенаправленную психологическую активность, связанную с преодолением препятствий[269].

Волевая сфера проявляется прежде всего в регулировании своей деятельности, которая определяется индивидуальной позицией личности. «Эта позиция устанавливается путем социально-психологического анализа, когда оценивается направленность человека, учитываются разнообразные влечения, желания, интересы, наклонности, сформированные идеалы, индивидуальное мировоззрение и понимание окружающего мира (ближнего окружения, окружения внешнего и социального окружения). В качестве

[267] Марьин М.И., Бочкова А.А. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 52.
[268] Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н. Указ. соч. С. 77.
[269] См.: Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991.

высшей направленности оцениваются убеждения человека (дается не только их качественная оценка, но и степень уверенности в них, готовность их отстаивания, убежденность в собственных суждениях»)[270].

Регулирование деятельности лица зависит во многом от убеждений человека. Убеждения же коррупционера заключаются в уверенности в собственной безнаказанности, наличие своего должностного или социального положения воспринимается как безграничная возможность в первую очередь удовлетворить свои личные корыстные потребности в противовес социальному служению. Такие убеждения определяют локус контроля, т.е. качество человека, приписывать ответственность за результаты своей деятельности либо внешним факторам, либо собственным усилиям. Для коррупционных преступников характерен экстернальный (внешний) локус контроля, когда коррупционер перекладывает ответственность за совершенное коррупционное деяние на внешние факторы (необходимость улучшения жилищных условий, воспитание и обучение детей и т.д.). Такая убежденность коррупционера поддерживается своеобразным механизмом защиты посредством ряда отрицаний, предложенных В.Фоксом[271] и интерпретированных А.А. Купленским и Л.В. Петелиной[272]:

- отрицание ответственности. Коррупционер, совершая противоправные действия, «считает себя скорее объектом, чем субъектом. Он – жертва обстоятельств»;

- отрицание вреда. Чиновник, получая взятку, считает, что в его действиях отсутствует вред. Например, взятка является своеобразной благодарностью за правильно принятое решение, в результате реализации которого будет принесена польза обществу;

- отрицание наличия жертвы. Коррупционные действия в отношении бизнесмена не рассматриваются как противоправные, поскольку чиновник,

[270] Мацкевич И.М. Личность преступного типа (нематематическое регулирование) // Lex russica. 2013. № 5.
[271] См.: Фокс В. Введение в криминологию. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. С. 152.
[272] См.: Купленский А.А., Петелина Л.В. Психология коррупции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1997. № 2. С. 60-61.

руководствуясь сложившимися стереотипами, полагает, что все бизнесмены – воры, уклоняющиеся от налогов, связанные с организованной преступностью, они предлагают деньги, нажитые преступным путем; взяв эти деньги, коррупционер никому не причиняет ущерба;

- осуждение осуждающих. В данном случае коррупционер руководствуется соображением, что «берут все». Это умозаключение он может подтвердить ссылками на своих коллег, начальство, слесаря-сантехника, министра;

- ссылка на высшие соображения. Моральные и этические нормы, бытующие в обществе, нейтрализуются или отрицаются. Чиновник руководствуется корпоративными соображениями. Например, отказ от взятки может быть «неправильно» истолкован его коллегами по работе, которые принимают подношения. Они сочтут, что он хочет подорвать традиции, сложившиеся в данном месте, внести нежелательные настроения в ряды просителей. Все это может в итоге привести к потере чиновником доходного престижного места.

Еще одним показателем волевого компонента характеристики личности коррупционера является склонность к риску как черта человека, регулирующего свои действия в ситуации, заранее неопределенной относительно успеха или неудачи. Регулирование риска в коррупционном поведении определяется либо ориентацией лица на успех своих действий, а также пренебрежением негативными последствиями (т.е. уголовным преследованием), либо зацикленностью на неудачах и максимальной их минимизацией путем всевозможных перестраховок (возможность уголовной ответственности является существенным фактором риска, сдерживающим регулирование коррупционной деятельности).

По мнению С.П. Глинкиной, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы и т.д. И чем многочисленнее сеть

участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения»[273].

Сознательный выбор человека между предполагаемой выгодой и потерями представляет собой модель психологических весов. На одну чашу весов ложится величина и размер наказания, закрепленного законодательно, на другую будет положен коррупционный доход. В случае если коррупционные поступления являются регулярными, то доходы неофициальные несоизмеримы с доходами официальными. Возможность у такого лица оказать в том числе финансовое давление на лиц, обладающих правом регулирования уголовного преследования, в еще большей степени облегчает лежащее на противоположной чаше весов уголовное наказание, делая его практически фикцией. Таким образом, если коррупционная составляющая деятельности лица ставится на поток, а не является случайностью, а его властные возможности достаточны для влияния на правоохранительные и судебные органы, то перевес чаши с коррупционным наполнением будет очевиден и лицо примет волевое решение к совершению коррупционного поступка.

По мнению В.Л. Васильева[274], воля человека также проявляется в его моральной воспитанности. При этом моральная воспитанность определяется тем, какие цели ставит перед собой человек, а также какими средствами он будет добиваться этих целей. Для лиц коррупционной направленности средства к достижению поставленной цели выбираются противоправные, моральные качества позволяют совершать коррупционные преступления, ложь и обман и при этом определенная решительность и смелость в совершаемом деянии позволяют достичь корыстных целей.

Следующая сфера – *поведенческая* – очень тесно переплетается с волевой сферой, так как она определяется типом реагирования, в основу

---

[273] Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние/ под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 443.
[274] См.: Васильев В.Л. Указ.соч.

которого положены поступки и действия лица, направленные на получение личной выгоды путем злоупотребления своими полномочиями, а волевая сфера предполагает принятие некоего волевого решения к совершению или несовершению тех или иных поступков, т.е. наличие коррупционной готовности, которая выразится в конкретных коррупционных действиях.

Поведение человека представляет собой совокупность поступков и действий должностного лица, которые по своим результатам затрагивают интересы отдельных людей, социальных групп, социальных общностей или общества в целом[275]. Коррупционное поведение является одним из видов отклоняющегося от нормы поведения. Однако само понятие коррупционной составляющей социума, как уже отмечалось ранее, становится практически нормой, а следовательно, и коррупционное поведение тоже становится приемлемым для большинства членов общества. Тем не менее коррупционное поведение влечет за собой уголовное преследование и наказание.

Коррупционное поведение отражает взаимоотношения индивида с социальной группой или обществом в целом. При этом коррупционному поведению могут предшествовать поступки, не являющиеся преступными, но способствующие нарушению дисциплины и обусловливающих дальнейшее делинквентное поведение. Так, по наблюдению Д.С. Сухова, предкоррупционное поведение сотрудников органов внутренних дел предваряли злоупотребления алкогольными напитками в быту и на работе, грубое поведение с гражданами, превышение служебных полномочий в ходе своей деятельности[276]. Другие авторы предлагают ориентироваться на следующие поведенческие особенности, характерные для сотрудников органов внутренних дел: *совместное проведение досуга с членами организованных преступных группировок, а также поддержание неделовых контактов с лицами, обоснованно подозреваемыми в противоправной*

[275] См.: Кобзарь Е.В. Коррупция как социальное явление и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации: учеб. Пособие: Ногинск. 2013. С. 24-25.
[276] См.: Сухов Д.С. Личность сотрудника ГИБДД, совершившего коррупционное преступление // Российский следователь. 2009. № 10.

деятельности; приобретение дорогостоящих предметов роскоши, частые поездки за рубеж, наличие крупных сумм денег; непринятие мер по явным фактам преступных действий отдельных лиц, консультирование лиц, пытающихся уйти от уголовной ответственности; неделовые связи с «разрабатываемым контингентом»; нарушение трудовой и служебной дисциплины, частые предъявления больничных листов и смена места службы [277].

Иным фигурантам коррупционных отношений присущи либо аналогичные, либо другие поведенческие маркеры. Так, для всех коррупционеров свойственно наличие дорогостоящих вещей, движимого и недвижимого имущества, общим также будет и злоупотребление полномочиями в своей сфере деятельности в частных целях. Однако для представителей образования и здравоохранения нехарактерны связи с представителями криминального мира, а для представителей политической и экономико-производственной сферы такие связи могут быть, но в незначительном количестве.

Поведение представителей чиновничьего и политического аппарата ставится в зависимость от тех схем, в которых они будут участвовать. Для чиновников и представителей политической категории лиц, обладающих особыми полномочиями, характерна связь с предпринимателями и представителями бизнеса, которые рассчитывают на помощь указанных лиц в интересах своего бизнеса или дела.

Например, Я.И. Кузьминов предлагает следующие варианты поведения обозначенных лиц, исходя из их взаимоотношений с иными сторонами: «Фирма, чьи коммерческие интересы зависят от деятельности определенного органа государственной власти, приобретает агента в лице ответственного служащего этого органа. Явный контракт этого служащего с государством дополняется явным или имплицитным контрактом с фирмой или с ее

[277] См.: Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). СПб., 2001. С. 255.

представителем. Ответные услуги «купленного» таким образом госслужащего варьируют от предоставления инсайдерской информации до «заказных сделок».

Высокопоставленный государственный служащий организует собственный бизнес, ставя его в заведомо привилегированные условия по отношению к конкурентам. Такие условия могут включать - в зависимости от отрасли - гарантию выигрыша конкурсов (путем отсечения от них по формальным предлогам сильных конкурентов), предоставление льготных кредитов и гарантий на них, снижение требований по качеству поставляемой продукции. Часто механизмы реализации прав реального собственника на свою фирму — это родственные или дружеские связи, позволяющие избегать формальных «связывающих» обязательств»[278].

Как видим, различные условия, в которых находится коррупционер, порождают его различное коррупционное поведение.

В исследованиях коррупционного поведения можно встретить различные модели, объясняющие коррупционное поведение: простые математические модели[279]; иные модели коррупции, где развитие коррумпированности объясняется с помощью задачи Коши для системы обыкновенных дифференциальных уравнений[280], либо краевой задачи для дифференциального уравнения с частными производными[281]; имитационное моделирование коррупционного поведения[282].

Особое место среди данных моделей может занять так называемая теория игр, применимая к коррупционному поведению. Основная идея игры, которая очень глубоко вошла в повседневный образ жизни через

---

[278] Кузьминов Я.И. Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ГУ-ВШЭ, 2002. С. 18-32.

[279] См.: Денин К.И. Математическая модель множественной коррупции в системе управления устойчивым развитием // Управление большими системами: сборник трудов. 2009. № 24. С. 179.

[280] См.: Rinaldi S., Feichtinger G., Wirl F. Corruption Dynamics in Democratic Societies // Complexity. 1998. Vol. 3. No. 5. P. 53–64.

[281] См.: Михайлов А.П. Моделирование коррумпированных властных иерархий // Математическое моделирование. 1994. Т. 6. № 6. С. 108–138.

[282] См.: Зенюк Д.А., Малинецкий Г.Г., Фаллер Д.С. Модель коррупционного поведения в бюрократической иерархии: результаты эксперимента // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 76-84.

многочисленные технические информационные приспособления, заключается в том, что всегда результат может обнулиться и можно без реального ущерба начать сначала. Более того, во всех играх есть маневры, которые разрешено использовать в целях достижения желаемого результата. Постоянное безнаказанное игнорирование этих правил приводит к устоявшейся мысли о том, что и в реальной жизни можно обойти предписания закона, проигнорировать их.

Описывая особенности игры, применимые к коррупционному поведению, Е.Л. Яковлева отмечает следующее: «… Элемент *неординарности и творческого подхода к ситуации*, где личность активно подключает фантазию и воображение, умение коммуницировать и импровизировать, тем самым искусно театрализируя свое поведение и подключая к этому высокие технологии, дающие ей неограниченные возможности манипуляции людьми.

Игра, интенсивно *смешивая реальное и ирреальное/фантазийное,* рождает азарт, кураж и блеф: человек, погруженный в игру и пользуясь ей как способом достижения определенной (коррупционной) цели, воспринимает ее как самое значительное дело, хотя знает, что это далеко не так, тем не менее в важности предпринятого он пытается убедить окружающих.

Модели коррупционного поведения и практик сегодня все чаще *эстетизируются,* что является также непременным атрибутом игры как феномена, но здесь эксплуатируется финальный аспект игрового, связанный с разрешением противоречий посредством коррупционного, в результате чего осуществляется достижение гламурного благополучия, являющего собой идеологию принудительного счастья»[283].

Наряду с моделями с названными особенностями коррупционных игр выявлены и разновидности отношения самих участников таких игр к происходящему процессу:

[283] Яковлева Е.Л. Указ. соч. С. 99.

1) привлекательность коррупционной игры ради самой игры как жизненного кредо, или принцип «*игры ради игры*»;

2) привлекательность коррупционного процесса как игры, где актор балансирует на грани законности и ее нарушения (поймают – не поймают, повезет – не повезет);

3) игровая идея попробовать себя в роли другого как элемент личной театрализации. Дело в том, что человек (*актор*), начиная игру, в первую очередь раздваивается: он расслаивает себя на, собственно, *себя* и *игрока*, что принципиально. В любой разновидности игры, особенно коррупционной, человек никогда не играет *целиком*. В связи с этим у него возникает рефлексивное осознание дифференциации *роли/маски*, живущей по законам игры, и внешнего человека/Я, играющего эту роль. Это сознательное расслоение на *себя самого* и на *себя-представителя* дарит ощущение остроты жизни и ее многогранности;

4) страх перед реальностью и привычка постоянного нахождения в особой, фантазийно–виртуальной среде, что рождает потребность создания игры и игровых отношений в действительности[284].

Таким образом, коррупционная игра рассматривается как некое интригующее и притягательное явление, не только позволяющее реализовать свои материальные мечты, но и дающее возможность игроку манипулировать людьми, примерять различные варианты масок и вживаться в различные роли.

В заключение параграфа изложим его основные выводы.

1. Успешное противодействие коррупции невозможно без тщательного изучения психологии коррупционного поведения, и сегодня есть все основания для выделения этого самостоятельного раздела в рамках психологической науки (юридической психологии, управленческой психологии и т.д.). Психологическая составляющая коррупционного

[284] Там же. С. 99.

поведения органически связана с субъективной стороной коррупционного преступления (мотивационная сфера, целеполагание).

2. Среди психологических теорий, объясняющих феномен коррупционной преступности, можно выделить теорию фрустрации, теорию научения, теорию неформальных институтов. Коррупционную преступность в той или иной части можно объяснить через призму всех трех теорий: теория фрустрации объясняет подавление страха перед наказанием за коррупционные преступления; теория научения рассматривает коррупцию как социально-одобряемое поведение (в каких-то случаях как поведение необходимое); теория неформальных институтов объясняет коррупционное поведение тем, что лицо встроено в систему отношений, которые без коррупционной составляющей существовать не могут, равно как и само лицо не может существовать в этой системе, если оно не приемлет коррупционное поведение.

3. Личность коррупционного преступника понимают как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы коррупционного реагирования и адаптивные механизмы коррупционного поведения, то есть систему представлений коррупционного преступника о себе, его межличностные отношения и характер социального взаимодействия, обусловливающие это коррупционное поведение. В основе психологической характеристики личности коррупционного преступника лежит четыре сферы: а) мотивационная; б) эмоциональная; в) волевая; г) поведенческая.

4. Мотивы коррупционного поведения не сводятся исключительно к корыстному мотиву (мотиву обогащения, экономическому мотиву), хотя он по понятным причинам является доминирующим в этой группе преступлений. Тем не менее возможны также политические мотивы, эмоционально-эгоистические и легкомысленно-безответственные мотивы, при том, что корыстный мотив в случае полимотивации, как правило, доминирует. Частота мотивов и их соотношение варьируются в зависимости от области совершаемых коррупционных действий: политическая, экономико-

производственная, правоохранительная, образовательная, здравоохранения. Несмотря на то что материальные запросы у различных категорий коррупционеров разные, они напрямую зависят от возможных незаконных пополнений, суть их одинакова – это стяжательство, т.е. жажда улучшения своего материального состояния.

5. Эмоциональная сфера как составляющая психологической структуры личности коррупционера, включая восприятие объективной и субъективной действительности, определяется удовлетворенностью или неудовлетворенностью в различных составляющих жизнедеятельности. В результате анкетирования была выявлена наибольшая неудовлетворенность в насущных потребностях (как движущего фактора в совершении коррупционного преступления) среди представителей сферы образования и здравоохранения, в большей степени удовлетворенность в насущных потребностях обозначили представители политической сферы деятельности. Аналогичная иерархия удовлетворенности сложилась и в области выполнения социальных гарантий государством, а также в удовлетворении своим социальным положением или статусом. Самооценка как восприятие субъективной действительности, влияя на выбор профессиональной деятельности, определяет и перспективы ее развития. Удовлетворенность или неудовлетворенность в различных сферах жизнедеятельности (важнейшие слагаемые эмоциональной сферы) коррелируются с антикоррупционной устойчивостью. На коррупционное поведение напрямую влияет уровень эмоционального отношения к своему материальному и служебному положению, возможностям удовлетворить насущные потребности свои и своих близких, достойным социальным гарантиям и т.д. Однако одной материальной неудовлетворённостью объяснить совершение всех коррупционных преступлений невозможно: многомиллиардные хищения и многомиллионные взятки невозможно объяснить только желанием материальных благ – у представителей элитно-властной коррупции (VIP-коррупции) или у их близких и родных никаких материальных затруднений

нет. Каждый социальный слой совершает «свои» коррупционные преступления, а потому объяснять одними и теми же причинами совершение коррупционных деяний инспектором ГИБДД и федеральным министром просто недопустимо.

6. Исследование волевой сферы личности коррупционера выявило обусловленность ее локус контролем, где лицо либо принимает ответственность на себя, либо перекладывает ее на другие факторы. Модель психологических весов определила, что чем больше коррупционной составляющей (уровень коррупционного дохода, увеличение властных полномочий и возможности оказать давление на других индивидов и т.д.), тем сильнее будет перевес на этих весах чаши, содержащей желание и возможность совершения коррупционного преступления.

7. Поведенческая сфера проявляется в поступках и действиях лица, направленных на получение личной выгоды путем злоупотребления своими полномочиями. Такому поведению предшествуют определенные поведенческие особенности, которые могут служить маркерами в выявлении лиц коррупционной направленности. Среди изученных моделей, объясняющих коррупционное поведение, выделена теория игр согласно которой коррупционное поведение объясняется с игровой позиции, позволяющей игроку реализовать в реальной действительности многие игровые акторы (риск, воображение, импровизацию, актерское мастерство и т.д.).

§ 2.4. Культурно-правовые и ментально-криминологические особенности личности коррупционного преступника

Коррупцию как феномен нельзя рассматривать в отрыве от общественного сознания, от его формирования в определенных *социально-исторических* и *культурных условиях,* а также динамики изменений в обществе.

«Воспроизводство» коррупционных преступлений и проступков связано как с объективными, так и с субъективными причинами, причем к субъективным причинам можно отнести и сложившиеся в обществе традиции коррупционных отношений, которые проникли настолько глубоко, что общество, формально осуждая коррупцию, на личностном уровне отдельных его членов воспроизводит очевидное коррупционное поведение. «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг»[285].

Приблизительно это же говорят такие выдающиеся российские криминологи как В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, когда, рассматривая проблему самодетерминации преступности, утверждают следующее: «…*четвертая форма самодетерминации преступности проявляется через психологию населения. Если преступность высока, а преступления часто безнаказанны… возникает особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий, а также представление о слабости, ничтожности законов* (курсив мой. – О.К.)»[286].

Далеко не последнюю роль в таких случаях играет поведение элит: если «верхи» считают коррупционное поведение совершенно приемлемым, то и «низы», глядя на такое поведение элиты, стремятся использовать аналогичные методы решения проблем в повседневной жизни.

У многих исследователей возникал и продолжает возникать следующий вопрос: если нормативно-правовые стандарты борьбы с коррупцией практически одинаковы во всех странах, если в международных договорах о борьбе с этим явлением (универсальных, межрегиональных, региональных, субрегиональных, двусторонних) участвует абсолютное большинство стран мира, то почему уровень коррупции в этих странах разительно отличается? Почему одни страны представляются (во всяком случае, официально) зонами,

[285] См.: Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе URL: http://www.ceninauku.ru/page_23202.htm. (дата обращения: 10.05.2018).
[286] Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., М.: Норма. Инфра-М. 2010. С.150.

свободными от коррупции, когда другие ею тотально поражены? Почему в одних странах при наличии антикоррупционного законодательства, сквозь пальцы смотрят на те практики, которые в других странах считаются неприемлемыми?

Коррупционная преступность, как и любая преступность вообще, представляет собой системное явление, имеющее внутренние и внешние системные связи. На состояние, уровень, динамику и характер коррупции воздействует множество факторов: социально-экономических, политических, правовых и т.д. В этом ряду крайне важными представляются *культурные факторы (факторы культуры).* Такие факторы, в свою очередь, могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, общепринятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству и т.д. Эти составляющие влияют и на законодательство о борьбе с коррупцией, а также на практику его применения. Ведь не случайно во всемирно известной работе С. Роуз-Аккерман «Коррупция и государство» содержится отдельная часть, которая так и называется: «Коррупция как культурная проблема»[287].

Как подчеркивает З. Момох, коррупция “against the rule” («коррупция, которая нарушает действующий закон») включает коррупционные деяния, которые запрещены законом страны, тогда как коррупция “according to rule” означает коррупционные практики, допускаемые законом страны[288]. Последнее может показаться нонсенсом, однако законодательство некоторых стран, действительно, разрешает такое поведение. Например, в Нигерии закон разрешает правительственным подрядчикам (contractors to government) требовать и получать определённый процент от цены контракта. К таким же «сомнительным» (а, по сути, коррупционным) практикам относится

[287] См.: Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. / пер с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос.: 2003. С. 120-147.
[288] См.: Momoh Z. Corruption and governance in Africa // Proceedings of the International Academic Conference for Sub-Sahara African Transformation & Development. 2015. March, 12-13. 3(6). p. 4.

вознаграждение (обычно в сумме 10% от цены контракта) для публичного служащего, который действует от имени правительства[289].

Учитывая, что сегодняшний мир глобален (как в прямом, так и в переносном смысле слова), а гигантские потоки ресурсов, знаний и людей перетекают через национальные границы, представляется крайне важным рассмотреть проблемы борьбы с коррупцией именно на культурно-правовом фоне. Это тем более важно, учитывая политику и практику мультикультурализма во всех его проявлениях, а также весьма активную (а иногда решающую) роль ТНК в современном мире – как известно, сами эти корпорации, во многом, построены на принципе мультикультурализма.

Как говорилось выше, коррупция представляет собой не только социально-экономическую, политическую и правовую проблему, но и проблему культурную. Достаточно сказать, что это явление рассматривалось не только в трудах юристов, экономистов, политологов, историков и философов, но также и в художественных произведениях классиков литературы, театральных постановках и т.д.

Проблема коррупции, как известно, отражалась в произведениях Чосера («Кентерберийские рассказы»), Шекспира («Венецианский купец», «Око за око»), Данте («Ад» и «Чистилище»). Еще семь веков назад Данте поместил коррупционеров в самые темные круги Ада. Историки объясняли его категорическое неприятие коррупции политическими соображениями – Данте считал взяточничество причиной падения итальянских республик и успешности своих политических противников[290]. Нельзя не вспомнить, какое внимание уделяли проблемам коррупции классики русской и советской литературы (А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, В.В. Маяковский, М.М. Зощенко), чтобы понять, насколько остро борьба с этим общественно опасным явлением ощущалась в нашей стране и беспокоила национальные элиты.

[289] См.: Momoh Z. Op. cit. P. 6-7.
[290] См.: Богданов И.Я., Калинин А.П. Указ. соч. С. 15

Чувствительность общества к случаям коррупции связана с применением специфического для каждого общества культурного кода[291].

Все большее количество исследований посвящено попыткам проверить и подтвердить эмпирически значение культурных факторов или «ценностей» для развития преступности вообще и коррупционной преступности в частности. Такие исследования моральных или культурных составляющих общества и их связи с коррупцией основываются на более ранних публикациях исследователей экономической теории о том, что коррупция основана на побудительных мотивах, оптимизации поведения, ценностях и предпочтениях[292]. Среди них необходимо особо выделить работы В.В. Кулыгина[293] и О.Н. Бибика[294].

Любое человеческое поведение, включая преступное, совершается в определённом культурном контексте. Более того, многие деяния признаются таковыми именно в таком конкретном контексте, тогда как в другом они не будут не только преступными, но и вообще хотя бы как-то порицаемыми[295]. В связи с этим, А.Э. Жалинский и А.А. Рёрихт отмечают следующее: *«…уголовно-правовые нормы можно перенять из-за границы. Однако их применение натолкнется на культурные барьеры. Уголовно-правовая норма может быть реализована, только если общество осуждает запрещаемое поведение, которое стоит за уголовно-правовой нормой. Нет согласия по этому поводу – норма не работает»* (курсив мой. – О.К.)[296]. Во многом похожее мнение высказывает А. Нашиц о том, что «…правовая идея не может быть принесена в социальную материю извне: её следует искать в самой этой

[291] См.: Заурвайн К.-Х. Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. 2012. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/01/17/1302898979/11_3_09.pdf (дата обращения: 04.05.2018).
[292] См.: Klitgaard R. Gifts and Bribes. Strategy and Choice. Cambridge. R. Zeckhauser (ed.) MA: MIT Press 1991, Corruption and Development. Annual World Bank Conference on Development Economics 1997. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Becker G. & Stigler G. Law enforcement, malfeasance, and the compensation of enforcers. Journal of Legal Studies. 1974. (III): P.1-19.
[293] См.: Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография. М., Юрист, 2002.
[294] См.: Бибик О.Н. Введение в культурологию уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2012; Он же. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
[295] См.: Бибик О.Н. Введение в культурологию уголовного права. С. 31-32.
[296] Жалинский А.Э., Рёрихт А.А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. С. 46.

материи, а право – это лишь частичный порядок в рамках общего социального порядка, органически связанный с другими уровнями общественных явлений»[297].

Как отмечает С. Роуз-Аккерман, например, в Таиланде практика подношения подарков пользуется в обществе благосклонностью, и простые люди убеждены, что, если чиновник справляется со своими обязанностями хорошо, его следует отблагодарить в знак признательности. Эти подарки рассматриваются как элемент взаимоотношений между госслужащим и простым гражданином, которые выстроены по схеме отношений между начальником и подчинённым[298]. Нужно ли говорить, что во многих странах Западной Европы такое поведение будет рассматриваться как исключительно коррупционное.

Говоря о влиянии факторов культуры на коррупционное поведение, следует помнить и об опасности чрезвычайного расширения понятия «культура» в современном мире. Ведь сразу же возникает вопрос: что можно отнести к факторам культуры как таковым? Каких сфер культуры они касаются вообще? И, следовательно, какие факторы будут влиять на коррупцию в интересующем нас контексте? Отмечая на эти вопросы, вспомним высказывание А.П. Семитко о том, что философская литература знает свыше пятисот определений понятия «культура», притом что количество их имеет тенденцию к росту[299], а немецкий философ И. Гердер заметил в свое время, что нет ничего менее определенного, чем слово «культура»[300].

Известная немецкая исследовательница коррупции и коррупционной преступности Б. Банненберг в своей книге «Коррупция в Германии и ее уголовной-правовой контроль» (“Korruption in Deutschland und ihre strafrechtliche Kontrolle“) посвящает этому отдельный (правда, небольшой по объему) параграф «Отступление: коррупция и культурное влияние» („Exkurs:

[297] Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М.: Прогресс, 1974. С. 21, 27.
[298] См.: Роуз-Аккерман С. Указ. соч. С. 121.
[299] См.: Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990. С. 12.
[300] См.: Гердер И. Идеи к истории философии человечества. М., 1977. С. 6-7.

Korruption und kulturelle Einflüss“) в гл. IV «Международная коррупция» („Internationale Korruption“), отмечая, что вопросы взаимосвязи особенностей культуры с коррупционным поведением уже рассматривались в различных исследованиях[301].

Сама Б. Банненберг предлагает выделить несколько показателей культуры, которые, по ее мнению, позволяют судить о том, какое влияние они оказывают на коррупционное поведение: стимулируют его либо, наоборот, предотвращают. По ее мнению, это, во-первых, *уровень доверия людей друг к другу в обществе*; во-вторых, *религия;* в-третьих, *социальная иерархия и близость к власти;* в-четвертых, *стремление к материальному благосостоянию*; в-пятых, *воспринимаемый уровень социальной незащищенности;* в-шестых – *гендер* [302].

По поводу последнего фактора Б. Банненберг отмечает, что многие исследователи приходят к следующему выводу: женщины в меньшей степени подвержены коррупции, хотя при этом они в меньшей степени представлены и на руководящих должностях[303]. Похожие выводы сделали в свое время А. А. Сщамы, С. Кнацк, Й. Лее, О. Азфар из IRIS-центра Университета Мэриленд: разрушительное воздействие меньше там, где женщины составляют большинство персонала и где женщины занимают больше мест в парламентах[304].

Думается, что поражаемость женщин коррупцией зависит и от того, какая роль отводится женщине в том или ином обществе, в том или ином государстве и насколько активно женщина принимает участие в решении тех или иных проблем. Конечно же, что активность женщины в различных сферах будет зависеть от множества факторов: религиозных, национальных, педагогических и т.д. Коррупция нередко рассматривают как способ (порой

---

[301] См.: Bannenberg B. Korruption in Deutschland und ihre strafrechtliche Kontrolle. Eine kriminologisch-strafrechtliche Analyse. BKA. Luchterhand, 2002. S. 33-36.
[302] I bid. S. 34-35.
[303] I bid
[304] См.: Swamy A., Knack S., Lee Y., Azfar O. Gender and Corruption. IRIS Center Working Paper. No. 232. 1999. P. 232.

единственный) решения той или иной проблемы, но если, в каком-либо обществе, решение проблемы есть исключительная прерогатива мужчин, то нет ничего удивительного в том, что именно они и будут совершать коррупционные преступления. Коррупционные сделки (не зависимо от их масштаба) всегда связаны с распоряжением деньгами, имуществом, и если женщина весьма ограничена в своих имущественных правах, то и ее участие в коррупционных сделках будет таким же.

Что касается такого фактора, как доверие людей друг к другу, то трактовать его можно двояко: люди могут не доверять государству, и потому стремятся найти «теневые» пути решения своих проблем, защиты своих интересов. Люди могут не доверять друг другу, а потому будут опасаться совершения той или иной коррупционной сделки из страха перед возможным разоблачением по причине «вероломства» своих коррупционных «контрагентов». Люди могут доверять только избранному кругу приближенных: близким родственникам либо иным лицам, состоящим с ними в любом родстве или свойстве; друзьям, знакомым, однокурсникам; любым иным лицам, с которыми сложились близкие отношения. Последняя форма как раз и открывает дорогу таким коррупционным практикам, как фаворитизм, непотизм, кронизм.

Раздача постов, должностей, привилегий, «доходных мест», выгодных контрактов и т.д. тем лицам, которые входят в т.н. ближний круг, которые являются друзьями или «друзьями друзей», весьма распространенная практика в тех странах, где имеет место т.н. “state capture” («захват государства»), что означает, противоправный контроль над государственной властью (государством), установленный группой корпораций, военными, политическими деятелями и т.д. с целью получения личных выгод путем коррумпирования государственных чиновников[305].

[305]См.: URL : https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/state-capture.

Примером могут послужить некоторые страны Ближнего Востока и Африки. Например, после событий «арабской весны» в Тунисе в 2011 году, когда со своего поста был смещен президент этой страны Бен Али, было конфисковано имущество (движимое и недвижимое, включая денежные средства на счетах), принадлежащее экс-президенту и его клану, на сумму, приблизительно в 13 млрд долларов США. Это более чем четверть всего ВВП Туниса в 2010 году. Масштабы грабежа собственной страны этим кланом огромны: около 220 предприятий, которыми владели Бен Али и его «семья», получали свыше 20% всей прибыли, которая производилась в частном секторе страны. Родственники бывшего президента вторгались в «зарегулированные» сектора: телекоммуникации, морской и воздушный транспорт, недвижимость, торговля, банковский сектор, отели, рестораны. Любая конкуренция подавлялась очень жестко. Например, на рынок в Тунис не смог «зайти» McDonald's, после того как передал франшизу «неправильному» контрагенту. В результате концерн оставил всяческие попытки попасть на тунисский рынок[306].

Специалисты уже обращали внимание на то, что неприятие противоправного поведения у тех или иных народов обусловливается различными факторами. Например, В.В. Кулыгин отмечает: «…принято считать, что для японцев, англичан и немцев характерен высокий уровень законопослушания. Но если для японцев это результат традиционного религиозно-эстетического воспитания, то для англичанина правомерное поведение связано прежде всего с обостренным сознанием своих прав. Немецкое законопослушание, в отличие от японского и английского, основано на идеях дисциплины, иерархии и подчинения, которые воплощаются в жесткой нормативной урегулированности общественной жизни и обилии запретов»[307].

---

[306] См.: Rijkers R., Freund C., Nucifora A. Tunisia's Golden Age of Crony Capitalism. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/03/27/tunisias-golden-age-of-crony-capitalism/ (дата обращения: 05.10.2020).

[307] Кулыгин В.В. Указ. соч. С. 7.

Разумеется, все факторы культуры, оказывающие влияние на коррупционную преступность, в итоге воздействуют на лицо, совершающее коррупционные преступления. Ведь недаром личность коррупционера в современной уголовно-правовой и криминологической науке обычно изучается в двух аспектах:

- во-первых, как объект социальных связей и влияний,

- во-вторых**,** как субъект, способный к активной, целенаправленной, преобразующей деятельности[308].

Рассматривая механизм противодействия коррупции, Т.М. Лопатина помимо экономических (надлежащее социальное обеспечение госслужащих) и организационных (соответствующая система контроля за деятельностью госслужащих) способов борьбы с коррупцией особо выделяет *укрепление моральных принципов как одну из целей антикоррупционной деятельности*.[309] Однако, учитывая социально-правовую, политическую и экономическую реальность, вряд ли эта цель достижима.

Профессор политологии Университета Мэриленда Э. Усланер утверждал, что коррупция вызывается не столько «плохими лидерами и слабыми институтами», сколько «культурой общества и распределением ресурсов»[310]. В целом можно говорить о том, что общественное поведение человека определяется законами, моралью и традициями. Неписаные нормы поведения, такие как этика, мораль, традиции, обычаи (всё это составляет т.н. нормативный менталитет), выступают в качестве основы для формирования общественных отношений и играют в некоторых случаях гораздо более важную роль нежели нормативно-правовые акты любого уровня.

До сих пор в науке не прекращаются дискуссии о наиболее полном и всестороннем определении коррупции, и одна из таких дискуссий ведется в

---

[308] См: Эминов В.Е., Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н. Личность преступника. СПб., 2004. С. 208.

[309] См.: Лопатина Т. М. Моральная составляющая противодействия коррупции // Российский криминологический взгляд. 2008. № 4(16). С. 203–206.

[310] См.: Uslaner E. The Bulging Pocket and the Rule of Law: Corruption Inequality and Trust: paper for presentation at the conference The Quality of Government: what it is, how to get it, why it matters Goteborg University. Sweden, November 2005.

отношении выбора между правовым определением и определением, основанным на общественном мнении[311]. Определение, основанное на общественном мнении, подчеркивает тот факт, что коррупцию следует рассматривать через призму общественного мнения и норм поведения, и то, что признается коррупционным поведением в одном обществе, не всегда будет считаться таковым в другом. Неформальные правила, а именно традиционные социальные нормы и глубинное нравственное самосознание, характерные для определенной страны, могут способствовать возникновению проблем. Кроме того, хотя с очевидностью можно сказать, что в любой стране существуют законы и инструкции в качестве формальных правил, они могут легко нарушаться, если их существенная часть противоречит естественным чувствам большинства населения[312]. В то же время отдельные исследователи уже обращали внимание на то, что «по своим социально-психологическим характеристикам лица, совершающие экономические (в том числе и коррупционные) преступления, в меньшей степени, чем другие категории преступников, отличаются от законопослушных граждан»[313].

Ранее уже неоднократно отмечалось, что существенное влияние на коррупционное поведение личности оказывает культурная среда в целом и ряд этико-культурных факторов в частности, а уровень коррупции в разных странах существенно отличается. Психологи С. Гёхтер и Дж. Шульц из Университета Ноттингема[314] в своем недавнем исследовании предложили представителям 23 стран сыграть в одну и ту же простую игру. В результате удалось установить, что те участники, которые были более склонны к нарушению правил игры для личной выгоды, проживали в более

[311] См.: Farrales M. J. What is corruption? A History of Corruption Studies and The Great Definitions Debate. Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=1739962 (дата обращения: 30.04.2018),

[312] См.: Manabu Suhara. Corruption in Russia: A Historical Perspective. URL: http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/sympo/03september/pdf/M_Suhara.pdf (дата обращения: 30.04.2018).

[313] Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1991. С. 23.

[314] См.: Gächter S. and Schulz J. Intrinsic Honesty and The Prevalence of Rule Violations Across Societies // Nature. Vol.531. P. 496–499 (24 March 2016) URL: http://www.nature.com/articles/nature17160 (lata обращения: 30.04.2018).

коррумпированных обществах. Это, конечно же, не может служить основой для каких-либо далеко идущих выводов, и тем не менее стоит прислушаться к словам Гёхтера о том, что коррупция и мошенничество совершаются в такой социальной среде постоянно, и это может способствовать формированию в обществе представления о том, что можно безнаказанно совершать подобные действия – «*Это нормально, все вокруг так делают!*». Хотя не следует забывать, что в любом государстве, любом обществе существуют «низовая коррупция» и коррупция уровня «топ» ("high level corruption"). Коррупция высокого уровня как часть элитно-властной преступности[315] активно «функционирует» во всех странах, включая и те, что демонстрируют неплохой индекс восприятия коррупции.

Канадские экономисты сомалийского происхождения А. Абдували и Ис. Ходан еще в 2003 году исследовали роль этнического происхождения в развитии коррупции и высказали гипотезу*, что сильно фрагментированные общества, в том числе по этническому признаку, более склонны к коррупции, чем однородные*[316].

Справедливости ради следует сказать, что еще раньше эту гипотезу выдвинул П. Мауро, указав что чем более страна мононациональна по составу, тем меньше она подвержена коррупции, и наоборот, чем сложнее этническая структура населения, тем больший риск коррупции существует[317]. Эта теория объясняется, в частности, тем, что государственные служащие и политики, принадлежащие к той или иной этнической группе, будут оказывать предпочтение представителям своей группы[318]. Кроме того, в случае опасности для какого-либо из членов этой этнической группы другие придут ему на помощь.

Данный тезис тем более интересен, учитывая, что в последнее десятилетие некоторые мононациональные государства Европы (либо

[315] См.: Криминология: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. С. 51-52.
[316] См.: Abdiweli M. Ali, and I.. Determinants of Economic Corruption: A Cross Country Comparison //Cato Journal 2003. 22 (3): P. 449-466.
[317] См.: Mauro P. Corruption and Growth //. 1995 Q J Econ. 110(3). P. 681-712.
[318] См.: Pellegrini L., Gerlagh R. Op.cit.

государства, чей национальный состав не отличался «пестротой») подвергаются серьезному наплыву мигрантов (легальных и нелегальных) из стран Африки, Азии и Ближнего Востока. В этой связи возникает вопрос: оказывает ли такой большой приток людей других культур, ментальностей, традиций, обычаев, религий какое-либо воздействие на состояние коррупции в странах-реципиентах (countries of destination)?

Например, большинство иммигрантов прибывают в Германию из других стран Евросоюза, прежде всего Румынии, Хорватии и Болгарии. Приехавших из этих стран в 2022 году было на 202 тыс. больше, чем уехавших. На втором месте - иммигранты из азиатских стран (аналогичный показатель - 118 тыс. человек), большую часть из них составляли выходцы из Сирии, Индии и Ирана. За ними следуют граждане европейских стран, не входящих в ЕС (85 тыс. человек), и африканских государств (34 тыс. человек)[319]. Индексы восприятия коррупции в Румынии, Хорватии и Болгарии и места, занимаемые этими странами в списке той же Transparency International (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации) следующие: 44 (70-е место), 47 (63-е место) и 43 (74-е место). Показатели Сирии, Индии, Ирана соответственно следующие: 13 (178), 41 (80) и 26 (146)[320]. Если же брать африканские страны, из которых прибывают беженцы в Европу (включая Германию), то это прежде всего Эритрея, Сомали, Нигерия, Гамбия, Судан[321]. Показатели этих сран следующие: 23 (160), 9 (180), 26 (146), 37 (96), 16 (173)[322].

---

[319] См.: Половину иммигрантов в ФРГ составляют граждане других стран ЕС URL: https://www.dw.com/rua-49605032/ (дата обращения: 05.10.2020).

[320] См.: Corruption perception index 2019. URL: https://images.transparencycdn.org/images/2019_CPI_Report_EN.pdf. (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)

[321] См.: Из каких стран Африки прибывает больше всего беженцев в Европу URL: https://www.dw.com/ru/a-18644319 (дата обращения: 05.10.2020)

[322] См.: Corruption perception index 2019 I bid (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)

К сожалению, содержательных исследований на тему какого бы то ни было влияния таких огромных человеческих потоков на состояние коррупции в странах-реципиентах, судя по всему, не проводилось, либо же они не были представлены широкой общественности.

Пока же, согласно теории П. Левитт, о передаче в страны исхода (countries of origin) положительных ценностей, усвоенных мигрантами в странах-реципиентах (migrants value transfer)[323], такое воздействие может быть как положительным, так и отрицательным. Например, по мнению адептов этой теории, мигранты, получив опыт положительных антикоррупционных практик в развитых странах, будут «транслировать» этот опыт в страны своего «исхода», влияя на членов своих семей, близких родственников и т.д. А такая трансляция идей, в свою очередь, якобы снизит коррупцию в этих странах. Тем более что в руках мигрантов такое средство мощного воздействия на «домашнюю коррупцию» (“domestic corruption”), как денежные переводы домой (“remittance”). И если, как считают А. Ивлевс и Р. Кинг, члены их семей не будут придерживаться этих новых «транслированных антикоррупционных стандартов», то мигранты могут в качестве «санкции» за такое несоблюдение пригрозить, что перестанут отправлять денежные переводы своим семьям в страны исхода[324].

Такие утверждения выглядят, на наш взгляд, просто наивными. Можно только представить себе, что ждет семьи таких мигрантов, которые лишатся хоть какой-то финансовой помощи, и как они воспримут отказ родственников отправлять деньги на родину. Более того, сторонники этой теории, забывают крепкие семейственные и клановые связи между мигрантами и их близкими, оставшимися в странах исхода.

Необходимо отметить, что исследования, касающиеся коррупционных преступлений в странах транзита миграционных потоков, все же, встречаются.

---

[323] См.: Levitt P. Social remittances: Migration driven local-level forms of cultural diffusion // International Migration Review. 1988. 32 (4). P. 926-948.

[324] См.: Ivlevs A., King M. Does Emigration Reduce Corruption? // Public Choice. 2017. 171. P. 389-408.

Согласно данным, которые приводят О. Меркле, Й. Реинолд, М. Сиегел, именно в странах транзита мигранты сталкиваются с наиболее интенсивными формами коррупции, поскольку должностные лица этих стран имеют возможность распоряжаться дальнейшей судьбой мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев: они могут либо позволить, либо не позволить им двигаться дальше. Пограничники и таможенники могут закрыть глаза на фальшивые документы, на паспорта, срок действия которых истек, а также могут сообщить важную для мигрантов информацию и т.д. К таким транзитным странам относятся, в частности, ряд государств Западной Африки, Турция, Болгария, Мексика. В тех случаях, когда у мигрантов недостаточно средств на взятки, им приходится расплачиваться «сексуальными услугами»: известны случаи, когда такие «услуги» оказывали дочери мигрантов. В качестве «живого товара» в подобных случаях выступали не только взрослые женщины, но и дети. Перевозчики мигрантов через границу также расплачивались с пограничниками и военнослужащими на пунктах пропуска женщинами-мигрантами. По информации от самих мигрантов, их заставляли заниматься проституцией в Греции и Испании, но самым печальным опытом было транзитное пребывание в Ливии[325].

Учитывая тот факт, что начиная с 2011 года Европейский союз столкнулся с небывалым наплывом мигрантов, добирающихся до Европы через т.н. центрально-средиземноморский маршрут (Central Mediterranean route), начальной точкой которого была и остается Ливия, Евросоюзом была принята Мальтийская декларация по миграции 2017 года, а правительство Италии заключило двустороннее соглашение с Ливией – Меморандум о взаимопонимании от 2 августа 2017 года, направленный на борьбу с нелегальной миграцией в рамках двусторонних отношений[326].

[325] См.: Merkle O., Reinold J., Siegel M. Corruption, Gender and Migration // 2018 OECD Global Anti-Corruption & Integrity Forum URL: https://www.oecd.org/corruption/integrity-forum/academic-papers/Merkle.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

[326] См.: The Malta Declaration and the Italy – Libya Memorandum: a troubled relationship with external partners in migration. URL: https://internationallaw.blog/2017/03/14/the-malta-declaration-and-the-italy-libya-memorandum-a-troubled-relationship-with-external-partners-in-migration/(дата обращения 06.10. 2020).

Совершенно очевидно, что наладить широко разветвлённый преступный бизнес по транспортировке нелегальных мигрантов в страны Западной Европы и Северной Америки можно только в том случае, когда в него вовлечены государственные чиновники всех стран нелегального маршрута: стран исхода, стран транзита и стран назначения. Например, использование работодателями труда незаконных мигрантов требует соответствующего коррупционного прикрытия (corruption shielding) со стороны государственных чиновников соответствующих ведомств[327].

Вполне возможно, что всё вышесказанное о меньшей уязвимости мононационального общества перед лицом коррупционной преступности по сравнению с обществом мультинациональным согласуется с теорией Т.Селлина, которую он изложил в книге «Конфликт культур и преступность». Работа была опубликована еще в 1938 году[328]. Суть теории конфликта культур заключается в том, что разные воззрения на жизнь, привычки, стереотипы мышления и поведения, различные ценности затрудняют взаимопонимание людей, затрудняют сочувствие и сопереживание, могут вызвать озлобление в отношении представителей иных культур. *В отдельных случаях правовые и моральные нормы, господствующие в обществе, могут оцениваться как выгодные лишь определённым социальным группам, поэтому их отрицание не вступает в противоречие с ценностями, распространёнными на других этажах общества*[329].

Исследования, проведенные в африканских и латиноамериканских странах, показали, что, в то время как в западных капиталистических обществах человек обычно рассматривается как отдельное физическое лицо, руководимое собственными интересами, во многих восточных и южных культурах человек представляет собой совокупность социальных связей и

---

[327] См.: Carling J., Paasche E., Siegel M. Finding Connections: The Nexus between Migration and Corruption. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/finding-connections-nexus-between-migration-and corruption#:~:text=The%20concept%20of%20a%20nexus,effects%20of%20migration%20on%20society. (дата обращения: 06.10. 2020).

[328] См.: Sellin T. Culture Conflict and Crime. N.Y. ,1938.

[329] См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА·М – НОРМА, 1997. С.168.

тесно связан со своим сообществом. Данные связи проявляются в таких социальных институтах, как обмен подарками, выплата подношений/дани и общая потребность в перераспределении благ, которые укрепляют более широкое социальное обязательство оказания взаимопомощи и императивное требование взаимности. Человек не может отказать в услуге, одолжении или исполнении просьбы члену своей семьи, соседу или человеку, пришедшему от них[330].

Указанные результаты были в дальнейшем подтверждены исследованиями, проведенными в другой части мира, в Европе, где антропологи Э.Пайсор и М. Гурвен усмотрели отрицательную корреляцию между тем, как человек себя идентифицирует с географической точки зрения, и тем, насколько он допускает коррупционное поведение, при контроле таких переменных как *пол, возраст, образование, зависимость от семьи и вера в бога*. Чем сильнее была географическая идентичность лица (то есть соотнесение себя со страной в целом против конкретной местности), тем менее вероятной становилась возможность допущения им коррупционного поведения. Было выдвинуто предположение, что участники коррупционных отношений учитывают, какое количество лиц (члены семьи, представители властей, члены их ближайшего окружения) будет затронуто их действиями. Исследователи обосновали свои выводы, используя эволюционную психологию, согласно которой история естественного отбора сформировала у человека возможность предугадывать эмоции других людей, разделяющих с ним национальную идентичность[331].

Аналогичным образом американские исследователи Ф.Флинн и Д. Купор совместно с профессором Университета Исландии М. Торфасоном усмотрели корреляцию между «на первый взгляд не связанными между собой

[330] См.: Olivier de Sardan J.P. A moral Economy of Corruption in Africa? // The Journal of Modern African Studies. 1999. 37 (1). P. 25-52; Perttula, A. Sosiaalisen pääoman muodot Nicaraguassa. Unpublished Master's Thesis, Department of Political Science, University of Helsinki? 2005.

[331] См.: Pisor A. C., & Gurven M. Corruption and the other(s): Scope of Superordinate Identity Matters for Corruption Permissibility. PLoS ONE. Review. 10(12). e0144542. URL: http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0144542 (дата обращения: 30.04.2018).

действиями» – добровольной уплатой чаевых и взяточничеством. По их мнению, «государства, в которых более ярко проявляется склонность к даче и получению чаевых, имеют более высокий уровень коррупции» — даже после того, как такие переменные, как ВВП и разница в доходах, были приведены к сходному уровню. Контекст, в котором совершаются указанные действия, может различаться, однако ожидание quid-pro-quo за качественное оказание услуг одинаково в обоих случаях[332].

Наверное, наиболее очевидным становится разрыв между формальными и неформальными установками в сфере права, для которой характерно установление законов различного уровня. Хотя формально доминирующее национальное или федеральное законодательство оказывает влияние на законодательство местного «частично автономного»[333] уровня, а иногда и вмешивается в него, местные власти способны сохранять свою достаточно независимую функцию по установлению внутренних правил, а также способность принуждать к их соблюдению. Коррупционные практики извлекают выгоду из подобной логики принятия решений особенно, из связанного с этим процесса торговли, что весьма характерно для мелкой коррупции. Французский антрополог О. де Сардан полагает, что ключ к проблеме коррупции в социологическом плане состоит в разрыве между формально-юридическим осуждением отдельных практик и частотой их использования, а также в ряде случаев их культурной легитимацией на местном уровне[334].

Религия, как часть культуры, также может влиять на коррупционное поведение в обществе. Нормы морали, которые в истории человеческой цивилизации базировались на религиозных учениях, могут играть весьма значительную роль в формировании личности. От осознанного соблюдения

[332] См.: Torfason M. T. Flynn F. J. and Kupor. D. Here's a Tip: Prosocial Gratuities Are Linked to Corruption." Social Psychological & Personality Science. URL: http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:9491448 (дата обращения: 02.05.2018).
[333] См.: Moore H,S.F. Law and Social change: the Semi-Autonomous social Field as an Appropriate Subject of Study. // Law and Society. 1973. 7 (4). P. 719-746.
[334]См.: Olivier de Sardan J.P. Pop. cit.

человеком моральных принципов зависит его позиция по отношению к коррупции. Каждая из основных мировых религий в своей основе содержит одни и те же эталоны поведения, нормы морали и нравственности, восприятие добра и зла. Эти моральные установки отрицают коррупционные взаимодействия, считают их проявлением зла, иногда приравнивают к воровству. Соответственно, теоретически глубоко верующий человек имеет минимальную предрасположенность к коррупции, так как воспринимает ее как грех. Однако исследования показали, что при тесном переплетении церковной и государственной власти создаются наиболее благоприятные условия для коррупционных действий как с той, так и с другой стороны[335].

Следует заметить, что на коррупционность ряда институтов римской католической церкви именно по причине исторически сложившегося тесного сплетения с государственной властью и концентрации у церкви большого количества собственности указывал еще в 1972 году Ав. Манхэттен в своей нашумевшей книге «Миллиарды Ватикана: 2000 лет накопления богатств от Цезаря до космической эры». В какой-то момент, на том или ином отрезке истории, понтифики становились гораздо более влиятельными и могущественными, нежели главы отдельных государств, и, естественно, монетизировали это свое превосходство. Тот же Манхэттен рассказывал о процветавшей в свое время практике торговли индульгенциями и т.д. Примечательно, что одна из глав этой книги так и называлась «Фондовая биржа индульгенций» (“Stock Exchange in Indulgences”). Да и другие главы тоже носили не менее красноречивые названия, например: «Чудеса, предзнаменования и знамения на продажу» (“Miracles, Portents and Wonder for sale”)[336].

В любом случае религия оказывает серьезное влияние на правовую систему государства, примером чего является исламское право, именно на

[335] См.: Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: дис. ... д-ра. социол. наук. М., 2014.
[336] См.: Manhattan A. The Vatican Billions. Two Thousand Years of Wealth Accumulation from Cesar to the Space Age. 1972.

основе религиозной приверженности складываются типы социума, в которых изначально присутствуют либо традиции беспрекословного подчинения закону, либо традиции его возможного игнорирования. Культура, религия, менталитет (мировоззрение), нравственность общества в совокупности влияют на предрасположенность жителей того или иного государства к коррупционному поведению. С другой стороны, искать жесткую корреляцию между исповедуемой религией и уровнем коррупции, на наш взгляд, безосновательно. Забегая вперед, скажем, что некоторые западные исследователи связывали низкий уровень коррупции в некоторых странах, как правило, с господствующей религией (религией, оказавшей существенное влияние на формирование такого государства) в лице протестантизма[337]. Однако, как будет показано ниже, для такого «обобщающего» вывода нет оснований (во всяком случае, в современных условиях).

Как известно, ислам жестко осуждает коррупционное поведение, и, как отмечают специалисты, Коран строго запрещает правоверным совершать какие бы то ни было коррупционные деяния: взяточничество, вымогательство и т.д. Правоверные не должны распоряжаться своим имуществом между собой нечестным способом и не давать взяток судьям, что может привести к сознательному поглощению собственности других. Пророк Мухаммед говорит о том, что и взяткодатель, и взяткополучатель и посредник между ними навлекут на себя гнев Всевышнего[338].

В то же время, к числу десяти самых коррумпированных стран относят семь, где большинство населения составляют мусульмане. Это Сомали, Южный Судан, Сирия, Йемен, Судан, Афганистан, Ливия[339]. В Нигерии, которая находится на 146-м месте в этом списке, больше половины населения исповедует ислам, при этом в Нигерии с 2000 года исламское право

[337] См.: Treisman D. The causes of corruption: a cross national study. Journal of Public Economics 2000. P. 76. 399-457.
[338] См.: Akhmetova E. Women and Corruption // Islam and Civilianization. 2014.V.5. N. 2. P. 273.
[339] См.: Corruption perception index 2019. (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)

распространило юрисдикцию шариатских судов на рассмотрение уголовных дел в 12 из 36 штатов страны[340].

При этом совершенно понятно, что эти страны испытывают колоссальное негативное воздействие гражданских войн, галопирующей нищеты, разрушение систем здравоохранения, образования, социального обеспечения, в плачевном состоянии находится национальная экономика, отмечается разгул преступности, продажность национальных элит и т.д. В таких условиях пресловутая дача взятки нередко становится просто способом биологического выживания не зависимо от того, каким этноконфессиональным составом характеризуется население страны. Самый наглядный тому пример – пандемия коронавируса COVID-19, разразившаяся в 2020 году по всему миру. Например, в Зимбабве отмечены случаи «коррупции за выживание» (“Überlebens-Korruption“), когда малооплачиваемый персонал берет взятки, например, за то лечение, которое жизненно необходимо пациенту в данный момент. Такие взятки могут приниматься, например, за подключение пациентов к аппаратам искусственной вентиляции легких, которых катастрофически не хватает. Например, в крупнейшей столичной больнице в Хараре таких аппаратов всего семь[341]. Следует добавить при этом, что Зимбабве находится на 158-м месте среди 180 стран по уровню восприятия коррупции[342].

Поэтому повторимся искать какую-либо жесткую корреляцию между исповедуемой религией и противоправным (в том числе коррупционным) поведением совершенно недопустимо.

Как отмечал еще С.В. Познышев, «преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается с особенностями его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности факторов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых

[340] См.: Islamic Approaches to Corruption URK: https://www.u4.no/publications/islamic-approaches-to-corruption/ (дата обращения: 09.10.2020).
[341] См.: Moki Kindzeka. Wie Corona und Korruption einander begünstigen URL: https://www.dw.com/de/wie-corona-und-korruption-einander-beg%C3%BCnstigen/a-54360223 (дата обращения: 11.12.2020).
[342] См.: Corruption perception index 2019.

слагается личный корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление – экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности»[343].

В заключении параграфа сделаем основные выводы.

1. Коррупция представляет собой не только социально-экономическую, политическую и правовую проблему, но и проблему культурную. С учетом многообразия культур (национальные культуры, корпоративные культуры, профессиональные культуры, криминальные и иные субкультуры, масскультура) каждая из них влияет на человеческое поведение, в том числе и на девиантные его виды. Особенности культурного кода того или иного человека (общности людей, не зависимо от их количества) зависят от многих факторов (эндогенных и экзогенных), а в криминологической и уголовно-правовой науке появился такой термин как «коррупционная ментальность», которая органически связана с таким понятием, как «правовая ментальность».

2. Культурные факторы (факторы культуры) могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, общепринятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству и т.д. Эти различия влияют и на законодательство о борьбе с коррупцией, а также на практику его применения. Любое человеческое поведение, включая преступное, совершается в определённом культурном контексте: многие деяния признаются преступными в одном культурном

[343] Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 7.

контексте, и не признаются таковыми в другом. Если предусматриваемые национальным уголовным законодательством нормы не воспринимаются национальной культурой, то эффективность уголовного закона будет достаточно низкой.

3. На коррупционное поведение оказывают влияние масс-культура во всех ее проявлении, различные субкультуры (включая криминальные субкультуры), кастовых культуры и корпоративные культуры. В то же время принадлежность лица к той или иной религии не может сама по себе служить основанием для выводов о большей или меньшей предрасположенности исповедующих такую религию к коррупционному поведению, тем более что все мировые религии осуждают коррупцию и считают ее тяжким грехом. Точно так же нет непосредственной строгой корреляции между уровнем коррупции и типом правовой семьи.

Глава III. Концепция коррупционной криминологической ментальности и противодействие коррупции посредством уголовно-правовых мер в зарубежных странах

§ 3.1. Социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности

Как справедливо отмечает А.Б. Марданов, одной из причин коррупции является *коррупционное сознание*.[344] Существует нравственная парадигма

[344] См.: Марданов А Б. Коррупционное сознание как одна из главных причин коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 64–66.

объяснения коррупции как результата разрушения нормативно-ценностной основы социума. В социогуманитарных исследованиях коррупцию также рассматривают как форму девиантного поведения и связывают с особенностями менталитета и исторического развития[345]. Как утверждал один из крупнейших американских социологов Р. Мертон, *«именно наличие несоответствий между социальной структурой («организованной совокупностью общественных отношений») и культурой («организованной совокупностью нормативных ценностей») выделялось в качестве детерминант, продуцирующих девиантное поведение* (курсив мой. – О.К.)».[346]

Думаем, что следует согласиться с В.Н. Синюковым, который, предпочитая оперировать понятием *«правовая ментальность»***,** а не «правосознание», отмечает, что *«категория ментальности позволяет вовлечь в исследование аспекты, которые до сих пор вообще мало интересовали теоретиков правосознания* (курсив мой. – О.К.)»[347].

Многие ошибочно понимают под ментальностью только особенности мышления отдельной личности или группы, как предполагал французский социолог и историк Л. Февр, который ввел в начале XX века данный термин в оборот в качестве социально-исторической характеристики[348]. Однако это понятие охватывает более широкую область сущности человека. Менталитет – это устойчивая совокупность оценок, стереотипов, переживаний, установок, которые передаются от поколения к поколению[349]. Если в жизненном восприятии общества заложены некоторые основы коррупционного поведения, представлены различные виды его проявления, то искоренение данного вида правонарушения будет одной из сложнейших задач. Образ

---

[345] См: Антанович Н.А. Концепция «политической ренты» в анализе коррупции // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия: сб. материалов круглого стола, 4 марта 2017 г., редкол.: Г. А. Василевич [и др.] Минск: БГУ, 2017.

[346] Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2-4. С. 118-124.

[347] См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 1994. С. 181.

[348] См.: Февр Л. Бои за историю М. Наука, 1991.

[349] См.: Толковый словарь русского современного языка. URL: www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-34304.htm (дата обращения 10.05.2018).

жизни того или иного общества формируется веками и тысячелетиями, традиции и догмы передаются из поколения в поколение. Как справедливо отмечал американский экономист Д. Норт, *«хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям* (курсив мой. – О.К.)» [350].

Коррупционная ментальность, по мнению Э. Усланера, включает в себя *суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность граждан к решению своих личных вопросов и проблем путем подкупа обладателей публичных и иных управленческих полномочий.* Этот вид деформаций понимается как толерантность общества к коррупции, готовность коррупtера стать участником коррупционных отношений в случае возникновения такой ситуации. Им корреспондирует и соответствующая готовность носителя публичных полномочий вступить в коррупционные отношения, оцениваемая и воспринимаемая потенциальными участниками «двухсторонней» сделки как норма взаимоотношений, естественное и разумное правило поведения. Наличие таких искажений, прежде всего, выступает социально-психологической детерминантой коррупционных отношений[351].

На наш взгляд, *коррупционная ментальность* включает в себя *также внутреннюю готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп. Такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее необходимости, составляют важную часть коррупционной ментальности.* Особенно остро эта готовность будет проявляться тогда, когда слабость

[350] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 21.
[351] См.: Степанова И.Б. Нравственно-психологические коррупции // Научный поиск. 2015. № 1.5. С. 45-47.

государственных институтов и неэффективность механизмов официальной защиты могут быть компенсированы только неформальными связями (национальными, профессиональными, корпоративными, религиозными, прочими). Это ярко проявилось, например, в период крушения социалистических режимов в странах Восточной Европы и становления демократий в этих странах. В одном исследовании, посвященном Болгарии, говорилось следующее: «Государственные служащие Министерства финансов Болгарии до сих пор считают, что они должны защищать интересы своих коллег, работающих в таможенной службе, а не заниматься расследованием случаев коррупции среди таможенных чиновников»[352].

В США, где очень развит лоббизм тех или иных этнических групп, крайне болезненно стоит проблема между нативизмом и этническими привязанностями. Учитывая, какую мощнейшую силу имеют национальные диаспоры в США, а также их влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов, вопрос этот приобретает поистине глобальное значение[353]. Данная проблема становится предтечей еще одной, едва ли не более острой проблемы двойной лояльности, которая также может усугубляться коррупционными факторами.

Анализ особенностей коррупционного поведения личности, основанного на особенностях коррупционной ментальности, в зарубежных странах можно провести inter alia, исходя из таких факторов, *как существующий в этом государстве тип правовой семьи и господствующие в нем религиозные воззрения, и культурные особенности населения.* Руководствуясь одной из классификаций А.Х. Саидова, выделим следующие правовые семьи: романо-германская, скандинавская, латиноамериканская, англосаксонская, мусульманская, индусская, дальневосточная, социалистическая, а также семья обычного права[354].

---

[352] См.: Tony Verheijen and. Dmitrova A. Private Interests and Public Administration: The Central and East European Experience // International Review of Administrative Sciences. 1996. N 62. P. 205-206.

[353] См.: Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М.: Международные отношения. 2004. С. 29-31, 52.

[354] См.: Саидов А.Х. Введение в основные правовые системы современности. Ташкент? 1988. С. 30

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что сама по себе принадлежность страны к той или иной правовой системе не может a priori служить индикатором большей или меньшей коррумпированности государства. На коррупцию, как уже неоднократно подчеркивалось, оказывают влияние большое количество факторов: правовых, экономических, политических, социальных, культурных, духовных, демографических. Каким бы совершенным ни было антикоррупционное законодательство, общеизвестно, что эффективность борьбы с преступностью вообще и с коррупцией в частности зависит не столько от существования правовых норм, сколько от их применения.

На коррупционное поведение может оказывать влияние масс-культура во всем многообразии ее проявлений, различные субкультуры (включая криминальные субкультуры), кастовые культуры и т.д.

Например, для многих жителей Индии свойственно традиционное мировоззрение, для которого официальное законодательство имеет второстепенное значение. В частности, это отражается на отношении индусов к кастовой системе. Затрагивая эту проблему, М.К. Кудрявцев пишет: «Кастовой системой никто не управляет, она функционирует традиционно и автономно от всяких властей». Эта система в Индии жива и охватывает 80% населения[355]. Как уже не раз отмечалось в литературе, если официальное право непосредственно сталкивается с глубоко укоренившейся практикой, «его эффективность почти нулевая»[356].

Справедливость всего вышесказанного о сложности комплекса культурно-правовых детерминант коррупционного поведения можно подтвердить на примере весьма пестрой палитры азиатских стран, чьи социально-экономические, политические и технологические успехи нередко, противоположны, равно как и успехи в борьбе с коррупцией. Азия

[355] См.: Кудрявцев М.К. Кастовая система Индии. М.: Наука, 1992. С. 5,21.

[356] Сайгитов У.Т. Основы противодействия организованным формам преступной деятельности в условиях традиционно-национального и религиозного возрождения в Республике Дагестан: автореф. дис…канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. С. 28; Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дис…канд. юрид. наук. Ростов-н/Д. 2009. С. 20.

простирается от Японии через Китай, Индонезию, Филиппины, вплоть до Ближнего Востока. Народы, населяющие ее, исповедуют все мировые религии, в частности: христианство на Филиппинах, ислам в Малайзии, Пакистане, Индонезии, индуизм в Индии и Непале, буддизм в Мьянме, Шри-Ланке, Таиланде. Политические системы азиатских стран резко отличаются друг от друга: от ориентированных на строительство социализма Китая и Вьетнама до монархического правления, например, в Малайзии. Экономическая ситуация в этих странах также диаметрально различается между собой: от Японии, Сингапура и Южной Кореи до Бангладеш, Мьянмы и Филиппин[357]. Сингапур считается одной из наименее коррумпированных стран мира (делит место со Швецией), в то время как Бангладеш занимает 147-е место, а Северная Корея и вовсе на 178-й позиции[358].

Следует, правда, отметить, что и в Сингапуре коррупционные обвинения имеют место даже в отношении представителей бизнес-элиты. Как стало известно СМИ, сингапурский магнат-отельер (один из богатейших людей в этой стране) Онг Бенг Сенг и его компания Hotels Properties Limited (HPL) хотели получить несколько мальдивских островов в аренду. С этой целью магнат лично встретился с президентом Мальдив А. Ямином и А. Адибом и тогдашним министром туризма. В итоге сделка обошлась всего в 5 млн долларов США за оба острова (лицензия на аренду второго острова была получена бесплатно). Всё дело в том, что, во-первых, такие сделки должны заключаться только по итогам открытых торгов, а во-вторых, в это же самое время двум вышеупомянутым чиновникам и их семьям было представлено бесплатное пребывание (gift of accommodation) в отелях класса «люкс» на Мальдивах и в Сингапуре. Отели эти принадлежали компания Hotels Properties Limited. Впоследствии деньги в сумме 5 млн долларов США были переведены

[357] См.: Юмашев Ю.М. Азиатские ценности: между моралью, политикой и правом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 30

[358] См.: Corruption perceptions index 2022. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2022. (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)

банк на Мальдивах на подставной счет, после чего они были похищены Адибом и его соучастником. Позже было установлено, что через этот подставной счет (формально им владела компания друга Адиба) было похищено минимум 79 млн долларов США, поступивших по сомнительным сделкам с лицензиями на аренду островов[359].

Говоря о странах Азии и об их «восприятии коррупции», нельзя не отметить успехи королевства Бутан – страны, «окруженной» Индией и Бангладеш, которые, как известно, являются высококоррумпированными государствами. Однако Бутан поставлен на 25-е место среди 180 стран по индексу восприятия коррупции[360]. Успехи королевства в борьбе с коррупцией связывают прежде всего с изменением властно-политического ландшафта (большинство полномочий короля в 2006 году переданы правительству и избираемому парламенту), вовлеченностью всего общества в борьбу с коррупцией, поиском и внедрением лучших антикоррупционных практик с учетом национальных особенностей. Антикоррупционная стратегия, которая проводится королем, политиками и гражданскими служащими, является частью общей программы Всеобщего Национального Благоденствия (Gross National Happiness)[361].

«Азиатские ценности» (термин, который впервые употребил знаменитый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю) сформировались и развивались на основе ряда важнейших положений: исторической роли западных правовых и политических институтов в Азии (теория «азиатских ценностей» исходит из того, что западные и азиатские политические институты и идеология, культура и ментальность отделены друг от друга и исторически не соотносятся);

---

[359] См.: Aubrey Belford and Zaheena Rasheed. Files implicate President, ex-Tourism Minister, and Singapore Billionaire in Island Deal URL: https://www.occrp.org/en/paradiseleased/files-implicate-president-vp-and-singapore-billionaire-in-dodgy-island-deal (дата обращения: 22.10.2020).

[360] См.: URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2022. (включена в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации)

[361] См.: Venard B. What can the Kingdom of Bhutan Teach us about Fighting Corruption URL: https://theconversation.com/what-can-the-kingdom-of-bhutan-teach-us-about-fighting-corruption-109676 (дата обращения: 22.10.2020).

отрицания или модификации западных инфраструктур (степень отрицания или модификация сильно отличаются в каждом из государств); интернационализации и идеологизации основных понятий человеческого достоинства и прав человека[362].

Как еще раз можно убедиться, на коррупционную ментальность влияет огромное количество факторов и обстоятельств.

В научной литературе, посвященной проблемам борьбы с коррупцией, выделяют «цивилизационные классификации», характеризующие, в общих чертах, состояние коррупции в стране в целом или в группе стран[363]. Например, Саед Хуссейн Алатас, классифицируя коррупцию по масштабам и характеру, дает следующую классификацию.

Первый уровень. Коррупция сравнительно ограничена и не имеет влияния на обширные сферы социальной жизни. Коррупция в основном сосредоточена на верхнем уровне.

Второй уровень. Коррупция становится весьма распространённой и охватывает все сферы жизни.

Третий уровень. Коррупция разрушает общественный строй[364].

А. Хейденхэймер рассматривает *четыре культурных типа*, в рамках которых различается коррупция[365]:

1) система, основанная на традиционных семейственных (родственных) отношениях;

2) система, основанная на традиционных отношениях «патрон-клиент»;

3) система, основанная на современных отношениях «лидер-последователь»;

4) система, основанная на отношениях гражданской культуры

[362] См.: Юмашев Ю.М. Указ. соч. С. 30-33.
[363] См.: Антикоррупционная политика / под ред. Г.А. Сатаров и др. С. 76.
[364] См.: Saed Hussein Alatas S.H. The Problem of Corruption. Singapore: Pang Guck Cheng, 1986. P. 25.
[365] См.: Heidenheimer A. J. Perspectives on the Perception of Corruption // Political Corruption. Concepts& Contexts. 3rd ed. Routledge; L. and N.Y., 2002. P. 141-154.

В любом случае, разделять страны по коррумпированности, которое основано на оси Запад – Восток, недопустимо. Исторические исследования дают многочисленные примеры того, как коррупция заносилась в восточные колонии западными колонизаторами. Индонезию «инфицировали» корруцией чиновники голландской Ост-Индской компании; на Филиппины коррупцию «завезли» испанские колонизаторы, а в Индию – британская администрация[366].

Если спуститься с уровня стран на уровень более низкого социального порядка, то выделяют три групповые стратегии поведения больших социальных групп, в которых проявляется коррупция: Это стратегия адаптации; стратегия уклонения; стратегия захвата государства (стратегия захвата бизнеса) [367].

Стратегия адаптации предполагает решение гражданами своих бытовых проблем при помощи взяток. В рамках этой же стратегии действуют предприниматели, преодолевающие административные барьеры своему бизнесу. Таким образом, с помощью коррупции, компенсируются дефекты государственного регулирования. *Стратегия уклонения* выступает продолжением правового нигилизма общества, и в этом случае взятка рассматривается как плата за возможность нарушить закон или уклониться от некоторых обязанностей или обременений. *Стратегия захвата государства (state capture)* включает в себя корпоративные или индивидуальные стратегии поведения бизнеса, направленные на установлвение теневого контроля за принятием властных решений на разных уровнях и ветвях (теневой лоббизм в органах власти, покупка президентских указов или постановлений правительства, установление коррупционного контроля над политиками и партиями). Родственная этой стратегии – *стратегия захвата бизнеса (business capture)*. Это совокупность стратегий и тактик власти, с помощью которых власть в лице своих представителей (организаций) стремится обеспечить теневой контроль над бизнесом с целью коллективного или индивидуального

[366] См.: Антикоррупционная политика / под ред. Г.А. Сатаров и др. С. 50-51.
[367] Там же. С. 80-81.

извлечения административной ренты. В этом случае рента обеспечивается не получаемыми взятками, а непосредственными источниками, на которых они произрастают – бизнесом и доходом от него[368]. Иными словами, мы наблюдаем (на примере этих стратегий), какими могут быть последствия этой коррупционной ментальности, во-первых, а во-вторых, какие слои общества берут на вооружение ту или иную стратегию. Совершенно очевидно, что, например, стратегия захвата государства (бизнеса) характерна для представителей т.н. элиты (политической, деловой, культурной).

Полагаем, что независимо от континента нахождения, географического положения государства, формы правления, состава населения, исповедуемой религии и иных факторов именно эти стратегии, а также классификации Алатаса и Хейденхэймера позволяют определить интенсивность влияния коррупции на государственный аппарт и на общество.

В заключение параграфа изложим те выводы, к которым мы пришли при его написании.

1. Коррупционная ментальность выступает основным триггером коррупционного поведения. Такая ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность государственных чиновников, управленцев в коммерческих организациях и иных граждан к решению своих личных либо корпоративных вопросов и проблем путем подкупа обладателей публичных и иных управленческих полномочий и готовность последних к принятию роли подкупаемых. Иными словами, речь идет о двусторонней готовности стать стороной коррупционной сделки. Коррупционная ментальность включает также внутреннюю готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп. Такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее

[368] См.: Антикоррупционная политика / под ред. Г.А. Сатаров и др. С. 80-81.

необходимости составляют важную часть коррупционной ментальности. Ярким примером этому является лоббизм этнических групп в законодательных органах суверенных государств, когда происходит коллизия между нативизмом и этническими привязанностями.

2. Коррупционная ментальность может зависеть от следующих факторов: существующий в государстве тип правовой семьи, господствующие в нем религиозные воззрения, культурные особенности населения. Если говорить о культурных особенностях, то необходимо помнить о влиянии на коррупционное поведение масс-культуры во всем многообразии ее проявлений, различных субкультур (включая криминальные субкультуры), кастовых культур, корпоративных культур.

3. Сама по себе принадлежность страны к той или иной правовой системе не может a priori служить индикатором большей или меньшей коррумпированности государства, поскольку на коррупцию, как уже неоднократно подчеркивалось, оказывают влияние большое количество факторов: правовых, экономических, политических, социальных, культурных, духовных, демографических. Примером этому являются страны Азии, которые разительно отличаются друг от друга и по охвату территории, и по численности населения, и по исповедуемой большинством населения религии, и по политическому устройству, и по организации экономики. Если говорить об антикоррупционной репутации стран Азии, то Сингапур относится к числу наименее коррумпированных государств, в то время как Бангладеш и Северная Корея считаются странами с высочайшим уровнем коррупции. В связи с этим обращают на себя внимание успехи королевства Бутан – несмотря на общую границу с Индией и Бангладеш (высококоррумпированными странами), коррупционная ситуация в нем весьма благоприятная.

4. Совершенно недопустимо разделять страны по уровню коррупции, основываясь на некой цивилизационной оси Запад - Восток: принадлежность страны к условному Западу или условному Востоку не может ни при каких обстоятельствах служить индикатором большей или меньшей

коррумпированности (история изобилует примерами, когда коррупцию в восточные колонии экспортировали западные колонизаторы).

5. Коррупционная ментальность общества в итоге воплощается в следующих основных коррупционных стратегиях: стратегия адаптации, стратегия уклонения, стратегия захвата государства (стратегия захвата бизнеса). Исходя из превалирующей стратегии, выделяют три типа коррупции по содержательному масштабу: 1) коррупция сравнительно ограничена, не влияет на обширные сферы социальной и сосредоточена на верхних «этажах»; 2) коррупция становится весьма распространённой, охватывает все сферы жизни и здесь особо актуальной для населения становится проблема «низовой» коррупции; 3) коррупция разрушает государство, подрывает общественный строй и становится реальной угрозой национальной безопасности и государственному суверенитету.

§ 3.2. Противодействие коррупционным проявлениям с учетом криминологической ментальности субъектов в странах англо-саксонской правовой семьи

Как известно, к странам англосаксонской правовой семьи (семьи общего права) принято относить прежде всего США, Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию[369].

Голландские исследователи Л. Пеллегрини и Р. Герлах, изучая релевантность различных теорий, помогающих предсказать коррупционное поведение, пришли к далеко не бесспорному выводу о том, что *уровень*

[369] См.: Павлова Н.Г. Курс лекций по сравнительному правоведению: учеб. пособие. 2-е изд. М.: РУДН, 2009. С. 70.

коррупции в стране напрямую связан с ее правовой системой. При этом они смело заявили*, что в странах общего права, присоединившихся к англосаксонской правовой семье, уровень коррупции обычно ниже, чем в странах романо-германской или исламской правовых систем*.[370] Постараемся опровергнуть эти заявления.

По мнению А.В. Оболонского, английская система управления воплощала в себе альтернативу иерархической, управляемой из единого центра «идеальной рациональной бюрократии» французского образца. Такой «антикомандный» характер системы — следствие господства в стране общего права[371]. Американский политолог Г. Питерс, связывая тип правоприменения с характером и типом администрации через культурные характеристики, отмечал: «Рационалистической культуре может быть противопоставлена культура прагматическая, или эмпирическая, характерная для Соединенного Королевства… В такой культуре общие положения являются производными от серий индивидуальных решений. Эта культура не благоприятствует развитию бюрократии или безличных решений. Каждое дело в определенной степени рассматривается как новый случай, и его конкретные индивидуальные обстоятельства могут послужить достаточным основанием для того, чтобы скорректировать или пересмотреть даже бесспорное общее положение. Таким образом, административные и правовые решения почти неизбежно приобретают там персональный характер, и, хотя власть принадлежит прецеденту, в каждом случае он может быть оспорен на индивидуальной основе... Она [бюрократия] склонна быть менее жесткой и безличной в этой индуктивной культуре, чем в более дедуктивной континентальной системе. Концепция индивидуальности и индивидуальных прав, как один из компонентов эмпирической культуры, делает работу бюрократа более трудной и заставляет его уделять больше внимания специфике, чем общим

[370] См.: Pellegrini L., Gerlagh R. Op. cit.
[371] См.: Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

характеристикам того или иного дела... По сравнению с другими индустриально развитыми странами Европы культура Соединенного Королевства более личностная и менее бюрократическая, чем у других наций, находящихся на сходном уровне развития»[372].

Действительно, люди, разделяющие ценности индивидуализма, видят себя независящими от остальных (собственное я), в то время как люди с коллективистскими ценностями чувствуют взаимозависимость с другими и ведут себя в рамках принятых социальных норм и структур (мы). Индивидуализм благоприятствует инвестициям, предпринимательству и экономическому развитию, а также способствует поддержанию независимости судебной системы и оказывает влияние на поведение бухгалтеров и аудиторов, которые с большей вероятностью будут сообщать об актах коррупции. Однако высокая степень индивидуализма может привести к чрезмерной жадности и создать больше побудительных причин для коррупции. Аналогичным образом в высокоиндивидуалистичных государствах репутационные издержки, связанные с выявлением участия лица в коррупционных практиках, будут существенно ниже, чем в коллективистских государствах. Таким образом, индивидуализм обладает рядом позитивных аспектов, способствующих сокращению коррупции, однако крайне высокая степень индивидуализма может породить чрезмерную жадность, которая в совокупности с отсутствием коллективистского сознания и более низкими репутационными издержками при выявлении коррупционных актов может способствовать развитию коррупции[373].

Ряд ученых полагают, что развитию индивидуалистической прагматичной культуры в странах общего права, и прежде всего в Англии, способствовали классический средневековый феодализм и господство протестантской религии. Действительно, средневековый феодализм характеризовался высокой степенью децентрализации. Немецкий социолог и

[372] Peters G. The Politics of Bureaucracy. 5th ed. N.Y.; L., 2004
[373] См.: Triandis H.C. Individualism & Collectivism. Westview Press, 1995.

политэкономист М. Вебер отмечал, что «отношения лояльности между лордом и вассалами основывались на свободных контрактах с людьми из различных кланов», а также подчеркивал, что такого рода контракты устанавливали крепкие договорные правоотношения, что, в свою очередь, создавало серьезную почву для развития «индивидуализма»[374].

К аналогичному заключению пришел и известный американский социолог Б. Мур. Он указывал, что некоторые концепции, складывавшиеся во взаимоотношениях лорда и зависящих от него вассалов в рамках западного феодализма, в частности «концепция права на противостояние несправедливой власти» или «концепция контракта как взаимного предприятия, в которое свободно вступают свободные люди», привели к формированию идеи о том, что если закон применяется правителем (королем) произвольно или содержит ряд неблагоприятных условий для всех жителей государства, кроме правителя, то такой закон должен быть заменен на справедливый и рациональный[375].

По мнению ряда ученых, важную роль в распространении в британском обществе антикоррупционного мировоззрения, базирующегося на идеалах честного и добросовестного поведения, играла и играет *англиканская церковь*.

Американский политолог Д. Трейсман также изучал взаимосвязь религии и коррупционного поведения и также выдвинул тезис о том, что в государствах с более низким уровнем коррупции в большинстве случаев господствующей религией, или религией, оказавшей существенное влияние на формирование такого государства, является протестантизм. Это в основном протестантские государства – бывшие британские колонии, принадлежащие к англосаксонской правовой семье, с унитарной формой правления[376].

Однако сегодня есть веские основания сомневаться в правоте такого суждения – для этого достаточно посмотреть, в каких странах превалируют

[374] См.: Weber M. Hindukyo to bukkyo (Hinduism and Buddhism) Tokyo: Nichibo-shuppansha, 1983 P. 377-378.
[375] См.: Moore Jr. B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Peregrine Books 1977. P. 415.
[376] См.: Treisman. Op. cit. p. 2000. 399-457.

христиане-протестанты, и изучить коррупционную ситуацию в этих странах. Среди этих государств: Кения (протестантов здесь 24 млн человек, а это почти 48 % всех христиан в стране; христиане составляют 84 % всего населения), Демократическая Республика Конго (95 % населения страны исповедуют христианство, 48 % из которых – протестанты, причем число последних составляет 32 млн человек), Нигерия (в этой стране насчитывается 85 млн христиан, 60 млн из которых протестанты, притом что общая численность населения Нигерии составляет 195,5 млн человек)[377]. Нет нужды подробно говорить о том, что сегодня это одни из наиболее коррумпированных стран мира.

Массовое распространение коррупции в Европе начинается с Раннего Средневековья, когда стали быстро развиваться денежные отношения, росла численность государственного аппарата и происходило сращивание ветвей государственной власти вопреки принципам римского права. При этом заметим, что понятие «коррупция» в христианской теологии приобретает значение греха или «дьявольского обольщения». Сама Библия осуждает коррупцию: «Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную! И весь народ скажет: Аминь!»[378] или «Руки их обращены к тому, чтоб уметь делать зло; начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело»[379]. Однако, как писал Фома Аквинский, коррупция в те времена привычно рассматривается как проявление самой сущности общества[380].

Американский политолог Р. Инглхарт совместно с немецким политологом К. Вельцелем в 2010 году проанализировали взаимосвязь между уровнем коррупции в государстве и преобладанием в нем ценностей выживания против ценностей самовыражения, а также традиционных

---

[377] См.: 10 стран с наибольшим количеством христиан-протестантов. URL: https://batop.ru/10-stran-s-naibolshim-kolichestvom-hristian-protestantov (дата обращения: 06.10.2020.

[378] Втор. 27:25

[379] Мих. 7:3

[380] См.: Каздым А. В Ветхом Завете слово «взятка» уже встречается… История коррупции. URL: http://argumentua.com/stati/v-vetkhom-zavete-slovo-vzyatka-uzhe-vstrechaetsya-istoriya-korruptsii (дата обращения: 03.02.2021).

ценностей против светских рациональных ценностей, в их определении, данном тем же Р. Инглхартом и другим американским социологом У.Бейкером в 2000 году[381]. Результаты их исследования показали, что преобладание в обществе ценностей самовыражения может существенно снизить побудительные мотивы к участию в коррупционных практиках, поскольку в таких обществах публичный интерес представляется более важным, чем личная выгода[382].

В настоящее время в законодательстве **Великобритании** под коррупцией понимают «требование взятки или получение или согласие на получение подарка, ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, как средства побуждения служащего сделать что-либо или воздержаться от выполнения чего-либо»[383].

Как известно, ключевым статутом, предусматривающим уголовную ответственность за взяточничество в Великобритании, является *Закон о взяточничестве 2010 года* (Bribery Act 2010). До его принятия ответственность за это преступление была предусмотрена 13-ю различными статутами и нормами общего права, однако, и после принятия Закона о взяточничества 2010 года продолжают действовать ряд антикоррупционных норм в Законе о народном представительстве 1983 г., Законе о политических партиях, выборах и референдумах 2000 г., Законе о серьезной преступности 2007 и т.д.[384]

Закон 2010 года содержит два общих вида взяток: предложение, обещание или предоставление финансовой или иной выгоды (активное взяточничество) и требование, согласие получить или получение финансовой выгоды или иной

---

[381] См.: Inglehart R.F. and Welzel C. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. // Perspectives on Politics/ 2010. 8(2). P. 551-567.

[382] См.: Inglehart R. Baker. W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review; Feb. 2000; 65, 1; ABI/INFORM Global pg. 19. URL: http://my.fit.edu/~gabrenya/cultural/readings/Inglehart-Baker-2000.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

[383] Закон о взяточничестве в публичных организациях 1898 г. Studme. org. URL: http://studme.org/ (дата обращения: 08.04.2016).

[384] См.: Уголовное право зарубежных стран: 3 т. Т. 3: Особенная часть: учебник для бакалавриата и магистратуры отв. ред. Н.Е. Крылова. 5-е изд., М.: Юрайт, 2017. С. 76-77.

[384] Там же С.77.

выгоды (пассивное взяточничество)[385]. Закон не определяет содержание термина «финансовая или иная выгода (преимущество)». Поэтому, как сказано в Совместном руководстве по применению Закона 2010 г., изданном директором публичных преследований и директором Службы по борьбе с крупным мошенничеством, его содержание должно определяться исходя из здравого смысла, и прокуроры должны термин «выгода (преимущество)» понимать в его обычном, повседневном смысле. Сходным образом сформулирована ответственность за пассивную взятку[386]. Кроме того, этот Закон ввел ответственность за взятку иностранному государственному должностному лицу с целью получить или удержать бизнес или получить преимущества в ведении бизнеса на иностранной территории (ст. 6) и новую форму корпоративной ответственности за непредупреждение взяточничества коммерческой организацией, приведшее к взяточничеству коммерческой организацией, совершенному от имени компании лицами, связанными с ней (ст. 7)[387].

Истинное положение дел относительно коррупции в Великобритании не такое радужное, как может показаться – достаточно внимательно изучить нашумевшую работу Д. Вайта «Насколько коррумпирована Британия?» (“How corrupt is Britain”)[388]. Как указывает Вайт, «только за последние пару лет мы стали свидетелями того, что несколько национальных газет вовлечены в дачу взяток офицерам полиции и в прослушивание телефонных переговоров, мы увидели обвинения в систематическом незаконном фиксировании цен в индустрии энергоснабжения, масштабные расследования Еврокомиссии манипуляций цен ключевыми игроками нефтяного рынка, включая «Шелл» и «Бритиш Петролиум». Мы стали свидетелями грандиозного скандала в пищевой промышленности относительно маркировки продукции, когда конина продавалась под видом говядины супермаркетами и британскими

[386] См.: Уголовное право зарубежных стран: в 3 т. Т. 3. С.77-78.
[387] Там же. С.78.
[388] См.: Whyte D. How corrupt is Britain. L: PlutoPress. 2015.

торговыми марками. Когда эта книга поступила в печать, концерн GlaxoSmithKline (британская крупнейшая фармацевтическая компания. – О.К.) был оштрафован на 297 млн фунтов стерлингов, а один из руководителей был приговорен к тюремному заключению и административному выдворению за дачу взяток китайским чиновникам. Продолжается расследование таких же действий руководства «Роллс-Ройса» в Китае и в Индонезии. Банковский сектор также втянут во всевозможные коррупционные скандалы»[389].

Пример **Соединенных Штатов Америки** также заставляет усомниться в правильности теории о меньшем уровне коррупции в бывших британских колониях. Выше мы уже приводили примеры коррупционной пораженности некоторых правоохранительных служб США.

Действительно, стремление освободиться от пресса и контроля со стороны любой власти, светской или духовной, лежало в основе «идеальной», внеэкономической части мотиваций действий как первых, так и последующих поколений американских колонистов. Принцип самоуправления «свободных людей на свободной земле» лег в основу того уклада, который называют «великим американским экспериментом».[390] Однако, как мы понимаем, сколь бы ни были радужными и светлыми идеи, их реализация всегда отличается (а иногда разительно) от первоначальных замыслов.

В США понятие коррупции должностных лиц включает ряд противоправных деяний, предусмотренных в основном в четырёх главах разд. 18 Свода законов: *гл. 11 «Взяточничество, незаконные доходы и конфликт интересов»* (§§201-227); *гл. 5 «Государственные органы и их служащие»* (§101-11001); *главе 41 «Государственные контракты»* (§101-8707); *гл. 52 «Голосование и выборы»* (§10101-30146).

Определение самого понятия коррупции и ответственности за нее изложено в гл. 11 разд. 18 Свода законов США.

[389] Op. cit.1-2.
[390] Оболонский А.В. Указ. соч.

Статья 201 гл. 11 устанавливает уголовную ответственность за предложение или обещание взятки в обмен на совершение незаконных действий должностным лицом. В этой статье предусматривается и ответственность должностного лица, которое «…прямо или косвенно требует в качестве подкупа, добивается, получает, принимает или соглашается принять какую-либо ценность лично либо для какого-нибудь другого лица или организации» в обмен на какие-то незаконные действия или бездействие по службе[391]. Согласно закону, чиновник может получать вознаграждение только официально от правительства. Данное нарушение наказывается штрафом или лишением свободы до двух лет. Устройство на государственную службу за деньги или имущественные блага также наказуемо лишением свободы на один год или штрафом в размере требуемой суммы[392].

При этом следует отметить, что антикоррупционное законодательство США носит системный характер и состоит из ряда правовых актов, которые регламентируют лоббистскую, банковскую и биржевую деятельность.

В 1977 году в США был принят *Закон о коррупционных практиках за рубежом (FCPA),* который стал первым законодательным актом, криминализующим подкуп зарубежных чиновников. Данным актом устанавливается гражданская и уголовная ответственность за подкуп должностных лиц иностранных государств, членов политических партий и кандидатов на государственные должности в целях получения выгод для бизнеса. В отношении как национальных, так и иностранных компаний, акции которых публично торгуются на территории США, устанавливается обязанность сообщать о любых незаконных выплатах. Последующие поправки к FCPA, принятые в связи с присоединением США к международным конвенциям о борьбе с коррупцией, расширили сферу

[391] См.: Кутлиярова Р.Ф., Кутлияров А.Н. Паевые взносы – основной источник формирования имущества сельскохозяйственного кооператива // Молодежная наука и АПК: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (16-17 ноября 2011 г.). Уфа: Башкирский ГАУ, 2011. С. 218-221.

[392] См.: Дементьева А.Г. Практика принятия решений в глобальном бизнесе: учеб. пособие. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014.

применения акта путем установления ответственности за любые выплаты, сделанные в целях «обеспечения каких-либо неправомерных преимуществ»; распространения действия акта на иностранных физических и юридических лиц, действующих на территории США в целях содействия получению взятки из-за рубежа; включения сотрудников международных организаций в понятие «иностранное должностное лицо»; добавления альтернативной юрисдикции, основанной на гражданстве; применения уголовных наказаний к иностранным сотрудникам, нанятым или действующим в качестве агентов американских компаний.

Помимо уголовного антикоррупционного законодательства на федеральном уровне уголовные кодексы штатов США также содержат нормы об уголовной ответственности за должностные преступления. В частности, УК штата Нью-Йорк отводит должностным преступлениям раздел, который называется «Преступления против публичного управления». Он объединяет все статьи, предусматривающие уголовную ответственность за неправомерное поведение должностных лиц и воспрепятствование осуществлению должностных обязанностей, взяточничество и примыкающие к нему правонарушения, а также преступления против правосудия[393].

Уголовная ответственность за должностные преступления, в частности за взяточничество, установлена и в других штатах – например, в Калифорнии и Пенсильвании. Например, калифорнийский УК все должностные преступления подразделяет на две группы: 1) преступления, совершенные представителями исполнительной власти штата и направленные против исполнительной власти; 2) преступления, направленные против законодательной власти. В первую группу включены такие преступления как взяточничество, незаконное получение доходов, подарков или вознаграждений; запрещение требовать или получать их должностными лицами органов или служащими этих органов; предложение и дача

[393] См.: Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. М.: Юрид. лит., 1994. С. 69-70

вознаграждения, а также получение вознаграждения в обмен на назначение на должность. Во вторую группу включены только преступления, относящиеся к даче и получению взятки в сфере законодательных органов власти[394]. В УК штата Пенсильвания ответственность за должностные преступления предусмотрена нормами, включенными в раздел «О преступлениях против публичного порядка». Это статьи об ответственности за взяточничество, преступления против правосудия, обструкцию правительственных действий, побег из мест заключения и злоупотребление должностью. Например, норма об ответственности за взяточничество (§ 4701), в отличие от законодательства двух других вышеназванных штатов, формулируется в общей форме, без выделения ее видов ни по субъекту, ни по объекту посягательства[395].

Приоритет публичных ценностей над личными может сыграть и дурную шутку – исследования показали в таких обществах наличие коррупции, вызванной «благими намерениями». Так, преподаватель Австралийской школы бизнеса Э. Мэйтланд проводила исследование мотивов рационализации коррупции, то есть каким образом сотрудникам организаций удается убедить себя в том, что их коррупционное поведение является приемлемым. Экономические модели коррупции основаны на предположении о том, что индивиды принимают рациональные решения об участии в коррупционных практиках и взвешивают издержки, связанные с раскрытием их деятельности, в сравнении с потенциальными выгодами от злоупотребления служебным положением. Предполагается, что преступники совершают незаконные действия сознательно, понимая их противозаконность. Однако исследование Мэйтланд выявило абсолютно другие процессы принятия решений, согласно которым коррупционное поведение рационализируется как нормальное, некриминальное, а «издержки» коррупции вообще не имеют решающего значения при принятии решения.

[394] См.: Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. С. 73.
[395] Там же. С. 75.

Изучая когнитивные процессы поддержки коррупции, Мэйтланд проанализировала то, каким образом индивид становится добровольным участником глубоко укоренившихся коррупционных схем, на примере элитного подразделения Департамента полиции Лос-Анджелеса (LAPD), которое стало коррумпированным в ходе борьбы с гангстерскими группировками. Подразделение «Общественные силы против уличной преступности» (Community Resources Against Street Hoodlums, CRASH) оправдывало свои действия как легитимное поведение, направленное на полезные организационные цели. В наиболее экстремальных случаях коррупции, подразделение CRASH на протяжении многих лет покрывало жестокие злоупотребления полицейских. Офицеры фальсифицировали доказательства и ордера на арест, избивали задержанных, выставляли информаторов преступниками и расстреливали подозреваемых заодно с невиновными прохожими. Все указанные действия оправдывались как необходимые для «защиты общества от преступности», а также совершались под лозунгом «раз они действуют без правил, значит и мы можем их нарушить». Исследователи применили к данному поведению теорию ситуационного восприятия, согласно которой человеческое сознание формируется социальным контекстом и встраивается в него. То, как люди думают и ведут себя, является результатом взаимодействия текущего социального контекста и ментальных схем, используемых ими для осознания окружающего мира[396].

Аналогичный случай полицейской коррупции известен и Великобритании. Там объектом расследования стал Специальный показательный отряд (Special Demonstration Squad, SDS), расформированный в 2008 году, однако впоследствии реформированный в Национальное подразделение по борьбе с внутренним экстремизмом (National Domestic

[396] См.: Bribery and Corruption: How Good Guys Go Bad. University of New South Wales Business School. September 07, 2010 URL: https://www.businessthink.unsw.edu.au/Pages/Bribery-and-Corruption-How-Good-Guys-Go-Bad.aspx (дата обращения: 06.05.2018).

Extremism Unit). Данное подразделение отличалось крайне расистскими взглядами и являлось глубоко коррумпированным, однако полицейские оправдывали свои действия разгулом терроризма и необходимостью изменить правила игры после трагедии 11 сентября 2001 года в США[397].

Учитывая все вышесказанное о якобы зависимости уровня коррупции от типа правовой семьи и о меньшей коррумпированности стран, входящих в систему общего права, возьмем в качестве примера **Индию.** Как известно, лидеры Индии получали образование в Англии – в лондонской Высшей школе экономики и политики, в знаменитых университетах Кембриджа и Оксфорда. И бывшие, и нынешние руководители этого государства по образованию в том числе юристы, а Верховный суд Индии поддерживает либеральные демократические права. Более того, Индию даже называют самой большой (по населению) демократической страной мира[398]. А вот что касается противодействия коррупции в этой стране и соблюдения антикоррупционных стандартов поведения то эти как говорится, оставляет желать лучшего несмотря на то, что уже в древнеиндийском трактате по искусству управления государством «Артхашастра» (IV в. до н. э.) подчеркивается, что важнейшей задачей, стоящей перед царем, является борьба с казнокрадством. В трактате перечисляется 40 способов хищения казенного имущества и делается вывод о том, что легче угадать путь птиц в небесах, чем уловки хитроумных чиновников. В нем также содержится констатация того факта, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом». Основным средством борьбы с казнокрадством становилась слежка[399]. Законы Ману, составленные в Древней Индии одной из брахманских школ между II в. до н. э. и II в. н. э., представляют собой памятник древнеиндийского права, сборник предписаний и правил,

[397] См.: Jones E. E. Everyone is Shocked By the Inquiry into Police Corruption – Except the Public. Institutional Racism Hasn't Gone away Just because We Have a Shiny New Report. Independent, 7 March 2014 URL: https://www.independent.co.uk/voices/comment/everyone-is-shocked-by-the-inquiry-into-police-corruption-except-the-public-9177270.html (дата обращения: 06.05.2018).
[398] См.: Юмашев Ю.М. Указ. соч. С. 32.
[399] См.: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / под ред. З. М. Черниловского. М., 1994.

регламентировавших поведение индийца в частной и общественной жизни в соответствии с религиозными и этическими догматами брахманизма, также они содержат наставления об управлении государством и по судопроизводству. В частности, Законы Ману призывали судейских чиновников «руководствоваться правилами судопроизводства» и помнить, что «несправедливым решением можно лишить себя вечного блаженства, заключающегося в достижении неба»[400].

Если говорить о нынешнем status quo, то Индия занимает 85-е место по индексу восприятия коррупции[401].

Индия, несмотря на свой колоссальный экономический потенциал, до сих пор не может его использовать в полную силу, и далеко не последним препятствием на этом пути является многомиллиардная коррупция, в которой замешаны высшие руководители страны. Страну часто сотрясают коррупционные скандалы – один из таких скандалов касался бывшего министра финансов Индии и члена парламентской партии П. Чидамбарама, считавшегося ранее неприкосновенным[402]. В отношении чиновника было возбуждено уголовное дело и проводится расследование, а осуществляют его два мощных следственных органа: специальный следственный департамент Министерства финансов и Центральное бюро расследований Индии (главное следственное полицейское ведомство). Бывшего министра финансов обвиняют в коррупционных преступлениях, выводе средств за рубеж, отмывании денег и иных уголовно наказуемых деяниях. Расследование выявило широкомасштабную коррупционную схему, которая повлекла серьезные последствия с точки зрения геополитики и безопасности Индии. Например, стало известно, что Чидамбарам и его коррупционная сеть благоволили Национальной фондовой бирже в Индии (NSE) и хотели сделать ее доминирующей в стране, а конкурирующие биржи подвергались властно-

[400] Там же.
[401] См.: URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2022.
[402] См.: Paskal C. "The Strategic Implications of Indian Corruption. The massive network of corruption now being unraveled has major geopolitical and security implications that reach far beyond India URL: https://thediplomat.com/2020/05/the-strategic-implications-of-indian-corruption/(Дата обращения: 22.10.2020).

силовому прессингу: арестам, проверкам, конфискации имущества и т.д. Полученные незаконным путем доходы от операций на этой бирже выводились за рубеж[403]. Спусковым крючком к началу уголовного преследования Чидамбарама стала его деятельность еще на посту министра финансов Индии. Возглавляемое им министерство было ответственно за одобрение заявок, поданных в Совет по содействию иностранным инвестициям (FIPB). Когда владельцы компании INX Media обратились с просьбой ускорить одобрение заявки, то министр посоветовал им обратиться за помощью в консалтинговую фирму его сына Карти. Сын министра оказал «консультационную помощь» в обмен на 1 млн долларов США, после чего просьбу компании удовлетворили[404].

Индийский исследователь С. Кумар горько заметил, что коррупция в Индии всепроникающая и сплетена в том числе с феодальным мировоззрением. Коррупция в публичных органах власти (public corruption) процветает настолько, что обычный человек (aam admi) вполне уверен в ее необходимости: она естественная часть государственного управления. Коррупция в Индии существует на каждом уровне государственного управления, а коррупция в частном секторе также очень распространена[405].

Бизнес-аналитик исследовательского института POSCO Ким Ми-Су замечает, что взятки в Индии стали обычной практикой ведения бизнеса, а поиск участников бизнес-проектов через открытые конкурентные процедуры сулит дополнительные трудности. Это ведет к тому, что взяточничество процветает в серьезных строительных и инфраструктурных проектах. Нет сомнений что такой победитель конкурса (тендера) будет снижать качество выполняемых работ, чтобы покрыть непредвиденные расходы на взятки (например, использовать строительные материалы худшего качества)[406].

---

[403] См.: Paskal C. Op.cit.

[404] См.: Paskal C. Op.cit. What Is Inx Media Case. URL: https://www.business-standard.com/about/what-is-inx-media-case (Дата обращения: 22.10.2020).

[405] См.: Kumar S. Indian Corruption: Characteristics and Responses URL: POSRI Chindia Quarterly. Winter. 2012. P. 043.

[406] См.: Kim Mi-Su: Eradicating Corruption, a New Mission for Economic Growth // POSRI Chindia Quarterly. Winter. 2012. P. 052.

Другой серьезнейшей коррупционной проблемой в Индии стали астрономические суммы, выведенные из страны и хранящиеся в банках Швейцарии. На эту тему в стране идут бесконечные дебаты, а между тем уже известно, что именно индийцам принадлежит самое большое число секретных счетов в швейцарских банках, открытых на держателей-иностранцев. Есть подозрение, что представители элиты, включая высокопоставленных чиновников и представителей деловых кругов, отправляли деньги за рубеж с целью уклонения от налогов и формирования «фонда взяток». По имеющимся сведениям, на счетах в швейцарских банках находится 1,45 трлн долларов США[407].

В Индии *Акт о предупреждении коррупции* был принят Парламентом 9 сентября 1988 г.[408] в целях борьбы с коррупцией в государственном секторе и государственном бизнесе. Индия приняла Акт о предупреждении коррупции задолго до принятия и вступления в силу международных конвенций в данной области, поскольку была озабочена ростом коррупции в рамках своих национальных границ. Территориальная юрисдикция данного Акта распространялась на всю территорию Индии за исключением штатов Джамму и Кашмир. По кругу лиц действие Акта распространялось на всех граждан Индии, в том числе за рубежом, однако в нем отсутствовали положения, позволяющие привлечь к ответственности за коррупционную деятельность вне национальных границ. Согласно данному Акту к ответственности могут быть привлечены публичные должностные лица, принявшие вознаграждение, отличное от законной заработной платы, за совершение официальных действий. Принятие вознаграждения, выплаченного в качестве коррупционного или иным образом незаконного средства влияния на государственного служащего (sec. 8) и принятие вознаграждения в целях оказания личного давления на государственного служащего (sec. 9) также

[407] I bid.

[408] См.: The Prevention of Corruption Act, 1988. Act No. 49 of 1988 [9th September, 1988.]. URL: http://lawmin.nic.in/ld/P-ACT/1988/The%20Prevention%20of%20Corruption%20Act,%201988.pdf (дата обращения: 03.03.2018).

являются преступлениями, наказуемыми в соответствии с Актом. В случае если государственный служащий получает ценный подарок от лица, заинтересованного в совершении каких-либо действий, либо когда такой государственный служащий сам задействован в коммерческой деятельности, он подлежит ответственности согласно Акту (sec. 11). Наказанием за совершение вышеуказанных преступлений либо за содействие их совершению является лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет и штраф, который может назначаться совместно с лишением свободы.

В индийской религии широко распространена концепция толерантности и прощения. Даже самым последним грешникам могут быть отпущены грехи, если они произнесут перед смертью имя бога Нараяны. По мнению индийского исследователя П. Вармы, в индуизме отсутствует какой-либо обязательный или универсальный кодекс поведения, который отдает несомненное преимущество моральным ценностям. «Индийские традиции со всей их философской надменностью всегда позволяли выбирать наиболее удобный ответ на моральные императивы. *Этика концептуально вытекает из утилитарного основания, где не существует бесспорного определения хорошего и плохого. Единственная настоящая забота проявляется лишь о результате. В ходе преследования желаемой цели моральность не столько осуждается, сколько прагматически понижается в значении* (выделено мной. – О.К.)».

Другой индийский исследователь, бывший государственный служащий, занимавший высокие посты в правительстве, Н. Витталь отмечал, что, во многом, индийская коррупция может быть объяснена, помимо прочего, крепкими семейными связями, особым положением государственной службы, традицией брачного выкупа, а также растущим консьюмеризмом и утратой некоторых традиционных ценностей[409].

[409] См.: Vittal. N. Corruption in India: The Roadblock to National Prosperity. Academic Foundation, 2003.

Многие исследователи отмечают тот факт, что в государстве с более чем миллиардным населением очень велика конкуренция. Принимая во внимание, что более 480 млн из них являются низкооплачиваемыми рабочими, необходимость доступа хотя бы к возможности получения работы провоцирует коррупционные проявления.

Во время и после свержения колониализма индийский народ много страдал и смирился как со своими, так и с чужими страданиями. Поэтому в конкурентной борьбе утрачивается сочувствие и не обращается внимание на проигравших. Развивается присущий колониальному режиму чрезмерный индивидуализм, то есть забота лишь о собственных интересах, и коррупционные пути победы в конкуренции рассматриваются как приемлемые. Когда коррупция поддерживается на всех уровнях, отдельные индивиды легко адаптируются к такому поведению, так как это единственная возможность выжить. «Поскольку жизнь - гонка, не будешь бежать достаточно быстро – упадешь». Коррупция является простейшим путем, чтобы добраться до вершины [410]. По мнению ряда ученых, в стране утрачивается культура заботы о нуждах окружающих, уважение базовых ценностей, таких как честность и неподкупность. Происходящий в последние годы в Индии экономический рост привел к большей ориентации молодого поколения на получение денег, чем на выражение сочувствия. Отсутствие этики деловых отношений и преобладание коррупции тянут страну назад[411].

Еще одним аргументом, «опрокидывающим» теорию об изначально меньшей коррумпированности стран англосаксонской системы права, выступает пример бывших британских колоний в Африке – Египта, Судана, Нигерии, Зимбабве и т.д.

---

[410] См.: What Are the Reasons behind the Corruption in India and the Mentality that Supports It? URL: https://www.quora.com/What-are-the-reasons-behind-the-corruption-in-India-and-the-mentality-that-supports-it (дата обращения: 12.11.2019).

[411] См.: Chowdhury S. Listen, Enrich, Optimise // Business Today. 2014. Jan 19 // URL: https://www.businesstoday.in/magazine/cover-story/subir-chowdhury-on-how-india-can-be-transformed/story/201825.html (дата обращения: 12.11.2019).

Одни лишь рассуждения о том, что, дескать, сама по себе система общего права наименее подвержена коррупции, а ее «неудачи» в странах бывшего британского владычества можно объяснить изъянами только этих стран (клановостью, неразвитостью, неготовностью к восприятию достижений цивилизации), весьма опасны, поскольку готовят почву для неких новых теорий изначального «превосходства одних над другими».

В заключение параграфа остановимся на некоторых основных его выводах.

1. Утверждения некоторых исследователей о том, что в странах общего права (англосаксонской правовой семьи) уровень коррупции ниже, чем в странах иных правовых семей. беспочвенны. Аргументы о том, что культура Великобритании («колыбели» системы общего права) является менее бюрократизированной и более личностной, а потому более резистентной к коррупции, тоже не убедительны: излишняя эгоцентричность и индивидуализм порождают и стремление решить свои проблемы любым способом, невзирая на интересы общества, государства и других людей.

2. Утверждения ряда западных специалистов о том, что в странах, исповедующих протестантизм, уровень коррупции ниже, также беспочвенны, примером чему могут выступать некоторые страны Африканского континента, уровень коррупции в которых высочайший, а большинство населения исповедует протестантизм.

3. Антикоррупционное уголовное законодательство в Великобритании основывается на Законе о взяточничестве 2010 года (Bribery Act 2010), предусматривающем уголовную ответственность за активный и пассивный подкуп. Предмет взятки (финансовая или иная выгода) не имеет легального определения, а потому является оценочным признаком. Помимо этого акта, ответственность за коррупционные преступления в Соединенном Королевстве предусмотрена и нормами других статутов, регулирующих те или иные отношения. В то же время хорошие антикоррупционные показатели Великобритании, отмеченные в различных рейтингах, судя по всему, не

отражают реального положения дел – некоторые беспристрастные исследователи говорят о довольно высокой коррупционной поражённости британского общества.

4. Коррупционная ситуация в США также опровергает тезис о меньшей предрасположенности стран англосаксонской системы права к восприятию коррупции. Коррупционные скандалы в США, в т.ч. на самом высоком уровне, не редкость, равно как и коррупционные разоблачения в правоохранительных службах США. Примерами этому могут послужить громкие коррупционные происшествия в рядах Службы пограничного контроля США на границе с Мексикой, в элитном подразделении департамента полиции Лос-Анджелеса (LAPD) и т.д.

5. Антикоррупционное уголовное законодательство США существует как на федеральном уровне (нормы четырех глав разд. 18 Свода законов США; соответствующие статуты о биржевой, лоббистской, банковской деятельности; Закон о коррупционных практиках за рубежом - FCPA), так и на уровне штатов. Особое внимание следует обратить на экстратерриториальное действие FCPA 1977 – его действие распространяется на любые компании, акции которых торгуются на Нью-йоркской фондовой бирже. В законодательстве некоторых штатов (Калифорния) уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от того, к какой ветви власти (законодательной или исполнительной) принадлежит специальный субъект преступления. В штате Пенсильвания ответственность за взяточничество предусмотрена в общей норме, без указания какой-либо специфики объекта и субъекта преступления.

6. Широкое распространение коррупционных практик в Индии также демонстрирует несостоятельность утверждений повышенной резистентности стран общей системы права к коррупции – Индия (как и США) является бывшей британской колонией, а государственный истеблишмент Индии связан с современной Великобританией неразрывно – лидеры этой страны получали образование в лучших университетах Соединенного Королевства, и

многие из них являются юристами по образованию. Индия считается одним из наиболее коррумпированных государств Азии, притом, что религия, исповедуемая в этой стране, и памятники древнего права осуждают коррупцию крайне жестко. Индийские коррумпированные чиновники активно влияют на внутриэкономическую ситуацию, патронируя близкие им компании и устраняя конкурентов последних. По мнению индийских специалистов, коррупция в Индии процветает во многом, благодаря феодальному мировоззрению, коррупцию рассматривают как естественную необходимость, и она поразила все уровни общества. Коррупцию в Индии объясняют, помимо прочего, утилитарной этикой – не существует бесспорного определения хорошего и плохого, но важен лишь тот результат, которого человек стремится достичь. Кроме того, на уровень коррупции оказывают влияние семейно-клановые и кастовые связи. В то же время индийское законодательство о борьбе с коррупцией содержит все необходимые нормы о борьбе с этим явлением, а сам Акт о предупреждении коррупции был принят в 1988 году – задолго до появления соответствующей Конвенции ООН.

§ 3.3. Особенности уголовно-правового воздействия на коррупционеров в государствах романо-германской правовой семьи

Принято считать, что континентальная европейская модель восприятия коррупции характеризуется относительно невысоким уровнем коррупции при почти полном отсутствии коррупции низовой.

Низкий уровень коррупции поддерживается комплексом мер – институциональных, организационных, правовых - наряду с эффективным действием традиций, культуры и институтов гражданского общества. Следует подчеркнуть, что страны, в которых реализуется эта модель, проходят, как

правило, этап исторического развития, характеризующийся весьма высоким уровнем коррупции[412].

Социальная теория либеральной демократии основана на идее о том, что достаточно однородное общество рациональных индивидов (национальное государство и его граждане) составляют закрытую социальную сеть, характеризуемую прозрачностью, подотчетностью и эффективностью. По мнению Ж.П. Оливье де Сардана, связанные с этим правила государственной службы, а также понятие коррупции, которое сейчас предложено в качестве международного, основаны на европейском историческом опыте государственного строительства в XIX веке. В основе своей они эгалитарны и индивидуалистичны, и опираются на жесткое разделение публичных и частных интересов[413].

Напомним, что Р. ла Порта и его коллеги в 1998 году провели эмпирическое исследование роли религии и правовой системы в развитии коррупции[414]. В результате, как мы помним, был высказан крайне сомнительный тезис о том, что в менее развитых странах, странах с преимущественно католическим или мусульманским населением, а также странах романо-германской правовой системы (системы писаного права) качество работы государственных институтов ниже, а уровень коррупции выше по сравнению с протестантскими странами англосаксонской правовой семьи. О несостоятельности этого тезиса мы уже подробно говорили выше.

В то же время отдельно было изучено влияние правовых моделей стран-колонизаторов: испано-французская и социалистическая против английской как основы для развития институтов, которые являются предпосылкой для экономического роста и контроля коррупции. Результаты также показали, что в рамках романо-германской системы государства, где правовые традиции

---

[412] См.: Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учеб. пособие. Ульяновск: Печатный двор, 2010. С.101.

[413] См.: Olivier de Sardan Op. cit.; P. Chabal and Daloz J.P. Africa works. Disorder as a Political Instrument. Oxford: James Currey, 1999.

[414] См.: La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A. & Vishny R. Law and Finance Journal of Political Economy 1998 (106): P. 1113-1150.

следуют германскому образцу, принимают лучшие меры по контролю коррупции, чем государства с французскими правовыми традициями. Эта гипотеза (а иначе ее назвать нельзя) требует дальнейшего изучения, тем более что и страны германской правовой традиции (та же ФРГ) весьма далеки от статуса “Korruption frei“ (стран, свободных от коррупции).

Говоря о континентальной европейской модели восприятия коррупции и борьбы с ней, заметим, что **Германия** прошла в своем историческом развитии этап высокой коррумпированности. История сохранила свидетельства того, что еще в период Средневековья как в светских государственной органах Германии, так и в церкви процветала коррупция. Например, в 1514 году король Иоаким I решил обеспечить своему брату Альберту, уже являвшемуся к тому времени архиепископом Магдебурга и Хальберштадта, весьма влиятельное архиепископство Майнца. Следует отметить, что в этот период император Священной Римской империи избирался коллегией выборщиков, в число которых входил архиепископ Майнца, и это делало данный пост крайне престижным и влиятельным, а также весьма прибыльным. Поскольку занятие нескольких епископских престолов одновременно запрещалось каноническим правом и Альберт был слишком молод для получения престола архиепископа Майнца, когда престол оказался вакантным в 1514 году, для его получения потребовалось заплатить крупные суммы взяток папе римскому и курии; эти средства были взяты в долг у семьи Фуггеров (чрезвычайно богатой семьи купцов из Аугсбурга). С тех пор на протяжении всей своей жизни Альберт был вынужден получать и давать взятки. В 1519 году два претендента на корону Священной Римской империи – французский король Франциск I и король Германии Карл V заплатили за его голос внушительные суммы. Позднее, в 1541 году, он получил 500 тыс. флоринов от жителей Магдебурга и Хальберштадта, которые добивались свободы вероисповедани[415].

[415] См.: The Emperor and the Electors in Late Medieval Germany. URL: http://www.medievalhistories.com/the-emperor-and-the-electors-in-late-medieval-germany/ (Дата обращения: 19.05.2018).

Историки часто упоминают о том, как Франциск I и Карл V вложили существенные суммы в подкуп выборщиков, чтобы получить титул «избранным император». Король Максимилиан I еще при жизни хотел передать императорскую корону Карлу. Он взял взаймы огромные средства, по большей части у того же Якоба Фуггера, чтобы перекупить выборщиков у Франциска. Франциск подкупил семь выборщиков, однако Карлу при поддержке Максимилиана удалось перекупить их, заплатив большую сумму, и 28 июня 1519 года Карл V был избран королем Рима, а в 1530 году в Болонье состоялась его коронация папой римским как императора Священной Римской империи. Известно обращение Максимилиана I к Карлу V: «Чтобы увенчать Вас короной Рима, мы взяли на себя обязательства перед некоторыми князьями, которые доверяли мне и, возможно, более никому; мы дали вашим комиссарам крупную сумму наличными, большую часть которых мы получили от своих друзей. Очевидно, что без моей помощи Ваше Почтенное Величество не получил бы Короны Рима»[416].

Прусский король Фридрих II подозревал, что австрийская императрица Мария Терезия подкупает его министров, в связи с чем посчитал возможным оказывать министрам Марии Терезии сопоставимую «материальную поддержку».

С первым канцлером объединенной Германии О. фон Бисмарком связаны «фонды пресмыкающихся» — *reptillienfonden*, которые буквально «золотыми буквами» вписаны в историю немецкой коррупции. Бисмарк счел себя свободным от обязательства выплачивать деньги королю и образовал из них секретные фонды, направлявшиеся на подкуп[417].

Коррупция была распространена и в фашистской Германии. Взятки давались за освобождение от повинностей, за доступ к государственным деньгам. Руководители Третьего рейха использовали служебное положение

[416] См.: URL: https://www.encyclopedia.com/people/history/german-history-biographies/charles-v-holy-roman-empire (дата обращения:18.05.2018).
[417] См.: Мучеряева А.Б. Социально-исторические предпосылки возникновения коррупции // Наука через призму времени. 2017. №5.

для личного обогащения, причем Гитлер относился к этому очень снисходительно. Г. Манн, известный историк, сын писателя Т. Манна, писал, что высокопоставленные лица в Третьем рейхе имели множество квартир, поместья, охотничьи замки. Заметим к слову, коррупция расцветала и в Испании времен генерала Франко, в Советском Союзе, который многие причисляют к тоталитарным государствам коррупция была распространена весьма широко, особенно в позднесоветское время[418].

В настоящее время в Германии, как принято считать, практически полностью изжита низовая коррупция, хотя коррупция среди высокопоставленных государственных чиновников еще имеет место. Но так ли всё «безоблачно» на самом деле?

Как иронично замечают журналисты медиа-холдинга, «Deutsche Welle», «были времена, когда Германия считалась страной, где борьба с коррупцией была бескомпромиссна, где даже намек на коррупцию мог похоронить политическую карьеру или карьеру государственного служащего. Но больше этого нет»[419]. В 1999 году немцев потряс скандал с нарушением финансирования Христианской демократической партии. А в 2005 году в стране грянул коррупционный скандал о договорных футбольных матчах, а также о высокопоставленных политиках «на содержании» у крупных компаний. Этот скандал еще больше поставил под сомнение «белоснежную» антикоррупционную репутацию Германии. Пресс-секретарь профсоюза сотрудников криминальной полиции Германии У. Долата в 2005 году заявил следующее: «Утверждение о том, что в Германии нет проблем с коррупцией, не имеет абсолютно ничего общего с реальностью, скорее лишь пять процентов от всей коррупции становятся достоянием гласности»[420].

---

[418] См.: Левин М. Мифы о коррупции, которые мешают с ней бороться // Форбс. 13.01.2012. URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/78365-mify-o-korruptsii-kotorye-meshayut-s-nei-borotsya (Дата обращения: 18.05.2018).

[419] The German Problem with Corruption. URL: https://www.dw.com/en/the-german-problem-with-corruption/a-1489467 (дата обращения: 12.04.2015).

[420] The German Problem with Corruption. URL: https://www.dw.com/en/the-german-problem-with-corruption/a-1489467 (дата обращения: 12.04.2015).

В свое время бывший президент Германии (до 2012 года) и бизнесмен К. Вульф обвинялся в 28 эпизодах «злоупотреблений властью» и получении «личной выгоды от служебного положения» во время нахождения на посту. В частности, экс-президента обвинили в том, что его проживание в отеле Байеришер Хоф было за него оплачено знакомым бизнесменом в обмен на поддержку одного из коммерческих проектов[421]. В 2014 году Христианско-демократический союз, возглавляемый канцлером Германии А. Меркель, получил пожертвование в 690 тыс. евро от семейства Квандт, контролирующего BMW. Перевод, ставший крупнейшей выплатой такого рода в этом году, удивительным образом совпал по времени с отсрочкой ужесточения в ЕС нормативов по выбросу CO_2 в атмосферу для автопрома, которой добилась Германия[422].

Уголовное уложение Германии (StGB) предусматривает наказание за ряд коррупционных преступлений, включая подкуп и взяточничество в публичном секторе (ст. 331-335). Под коррупцией в публичном секторе понимаются авансовые финансовые выплаты лицам, оказывающим государственные услуги (§ 334 «Дача взятки» и § 332 «Получение взятки»), либо предоставление неправомерных преимуществ в обмен на услугу (§ 331 «Принятие преимущества» и § 333 «Предоставление преимущества»). Подкуп государственного политика в узком смысле предусмотрен ст. 108e Уголовного уложения Германии. Gesetz zur Bekämpfung der Korruption (Закон о борьбе с коррупцией от 13 августа 1997 г.) и Gesetz zu dem Übereinkommen vom 17. Dezember 1997 über die Bekämpfung der Bestechung ausländischer Amtsträger im internationalen Geschäftsverkehr (Закон о Соглашении от 17 декабря 1997 г. О борьбе с коррупцией иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях) расширяют возможности государства по борьбе с коррупцией в рамках существующей законодательной базы.

---

[421] См.: Тихонов С. Антикоррупционный миф. «Expert Online» 2013. URL: http://expert.ru/2013/11/22/antikorruptsionnyij-mif/ (дата обращения: 18.05.2018).

[422] См.: URL: https://www.rbc.ru/newspaper/news/562949989255363 (Дата обращения: 12.04.2015)

Не так давно в Уголовное уложение ФРГ были внесены дополнения, касающиеся усиления борьбы с коррупцией: ст. 299, 299a и 299b. Эти нормы устанавливают, соответственно, уголовную ответственность за получение/дачу взятки в сфере деловых отношений, получение взятки в сфере здравоохранения и за дачу взятки в сфере здравоохранения. Статья 300 предусматривает ответственность за вышеуказанные преступления, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах.

Исследователи из Высшей школы экономики разработали шкалу ценностей, от которых зависит уровень приемлемости коррупции в обществе. Взаимосвязь между личностными ценностями и уровнем приемлемости коррупции довольно существенна, хотя и не является основным определяющим фактором. Существует две ценности («подчинение–правила» и «универсализм–забота»), наличие которых в обществе снижает приемлемость коррупции. В отношении ценности «подчинение-правила» можно сказать, что налагаемые ею ограничения являются скорее внешними и связаны с желанием следовать формальным правилам. Что же касается ценности «универсализм-забота», она снижает уровень приемлемости коррупции в результате скорее внутренней, чем внешней мотивации, благодаря определенным моральным нормам. В одних культурах внешняя мотивация и нормативное регулирование играют решающую роль, а в других уже внутренняя мотивация выражена более существенно. Ценности, призванные обеспечивать развитие общества, а также соблюдение законов и правил, снижают уровень приемлемости коррупции. Приемлемость коррупции в большей степени связана с ценностью «власть-ресурсы» и с ценностью «власть-доминирование»[423].

Одной из основных детерминант для классификации феномена коррупции в социально-политическом контексте Федеративной Республики

[423] См.: Tatarko A., Mironova A. Values and Attitudes Towards Corruption: A Cross-Cultural Study In Four European Countries. National Research University Higher School of Economics. Basic Research Program Working Papers Series: Psychology WP BRP 61/PSY/2016. URL: https://wp.hse.ru/data/2016/06/07/1116895624/61PSY2016.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

Германия, является разница в степени важности, придаваемой институциональной и политической культурой анализу полезности затрат на коррупционные действия и восприятию коррупции обществом. Хотя легитимность политической системы основывается на преобладающих среди граждан ожиданиях того, что государство, являющееся правовым, будет соблюдать свои системные требования, существует разительные отличия между политикой и государственным управлением в плане отношения и восприимчивости к незаконной деятельности. Обученные в соответствии с веберовской трудовой этикой административно-технической профессионализации публичные должностные лица и государственные служащие вызывают у граждан большое уважение в связи с высокими стандартами эффективности, которым они должны постоянно соответствовать[424]. Если добавить к этому такие статусные характеристики, как срок пребывания в должности, бюрократическая тщательность, профессиональная задача служить на благо общества и отсутствие партийных приверженностей, немедленно становится очевидным, почему гражданские служащие Германии практически никогда не демонстрируют «девиантного поведения», за исключением случаев, когда выгоды такого «девиантного поведения» столь велики, что они перевешивают риск раскрытия и уголовного преследования за коррупционные деяния[425]. Также очевидно, что анализ полезности затрат устанавливает слишком высокие барьеры для желания государственных служащих нарушить свой долг. И наоборот, анализ вероятности выигрыша и проигрыша среди политиков необязательно может быть отрицательным, поскольку, хотя они и могут стать объектом уголовного преследования, они защищены иммунитетом, который защищает парламентариев от вмешательства как исполнительной, так и судебной власти[426]. Таким образом, относительная «неуловимость» политиков,

[424] См.: Weber M. Die drei Typen der legitimen Herrschaft // Soziologie, Weltgeschichte Analysen, Politik / J. Winkelmann (Hrsg.). Stuttgart, 1964. P.152.
[425] См.: Seibel W. Corruption in the Federal Republic of Germany before and in the Wake of Reunification / Della Porta D. and Mèny, Y. (eds.) / Democracy and Corruption in Europe L., 1997. P. 85-102.
[426] См.: Wieselmann B.Wenn aus der Tasse Kaffe schwere Untreue wird // Der Tagesspiegel. 26.02.2008.

послужившая толчком для достаточно травматичных событий в истории немецкой демократии, приводит к тому, что политики чувствуют себя более преданными партийному аппарату, чем населению страны.

В таких странах, как **Нидерланды, Швеция или Норвегия,** низовая коррупция, как принято считать, также практически исключена (заметим, что Швеция и Норвегия относятся к северной правовой семье).

Дело в том, что в общественном сознании там культивируется вызывающий уважение образ чиновника как человека, который выполняет важную задачу – проводит политику государства и обслуживает население. Даже если чиновник работает в правительстве, его не меняют с приходом нового премьер-министра. Поэтому основная задача чиновника – сохранить лояльность государству, а не конкретному лицу. Как отмечалось ранее, среди факторов коррупции значительную роль могут играть определенные традиции и обычаи, пережитки, которые до некоторой степени программируют поведение личности. «Не считай себя важнее других», «сделай что-нибудь на благо всего общества», «не ленись» — эти принципы актуальны в Скандинавии и сегодня.

В рамках правовой системы **Нидерландов** термин «коррупция» не имеет формального юридического значения. Вместо этого голландский законодатель криминализирует подкуп (взяточничество), в том числе подкуп публичных должностных лиц. Уголовному кодексу Нидерландов известны три вида подкупа: активный подкуп публичного должностного лица (дача взятки) – книга 2, титул 8 «Преступления против общественного порядка» (Misdrijven tegen het openbaar gezag), ст. 177, 177a, 178, 178a; пассивный подкуп, совершаемый публичным должностным лицом (получение взятки) – книга 2, титул 28 «Преступления государственных служащих» (Ambstmisdrijven), ст. 362 - 364; и частный подкуп – книга 2, титул 25 «Мошенничество» (Bedrog), ст. 328ter.

В **Норвегии** коррупция криминализирована, включая дачу взяток за рубежом, а международные конвенции по борьбе с коррупцией

инкорпорированы в единый Уголовный кодекс 1902 года (Straffeloven 1902). Уголовной ответственности подлежат как физические, так и юридические лица. В 2003 году в УК Норвегии были включены специальные нормы о борьбе с коррупцией, что явилось следствием имплементации Конвенции ООН о борьбе с коррупцией. Более того, слово «коррупция» УК Норвегии до 2003 года вообще не употреблял, несмотря на то что нормы об ответственности за подкуп государственных служащих существовали. В УК этой страны были включены нормы 276a, 276b, 276c, которые устанавливали ответственность за соответственно коррупцию, коррупцию в крупном размере и торговлю влиянием[427]. В новом УК королевства эти преступления предусмотрены статьями 387 («Коррупция»»), 388 («Коррупция с отягчающими обстоятельствами») и 389 («Торговля влиянием»)[428].

Практически единственным источником уголовного права **Швеции** является Уголовный кодекс (Brottsbalken). Нормы о коррупционных преступлениях заключены в гл. 10 «О растрате и других должностных преступлениях». Статья 5a предусматривает ответственность за получение взятки, получение обещания взятки и требование взятки. Статья 5b запрещает дачу взятки, обещание дать взятку или предложение взятки. В свою очередь, ст. 5d предусматривает ответственность за торговлю влиянием, а ст. 5e – за предоставление по неосторожности средств для дачи взятки[429]. В кодексе не проводится формальное разграничение между коррупцией в публичном и частном секторе, хотя очевидно, что он защищает различные интересы.

Как отмечалось выше, самый низкий уровень коррупции зафиксирован в Скандинавских странах, однако на юге Европы сложилось так называемое *проклятье юга*: в государствах, взявших за образец французскую модель правовой системы, уровень коррупции значительно выше.

---

[427] https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/no/no122en.html
[428] https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2#KAPITTEL_2
[429] См.: URL: https://www.dlapiper.com/en/us/insights/publications/2019/09/bribery-offenses-guide/sweden/ (дата обращения: 30.10.2020).

Францию часто называют государством чиновников, а само французское государство представляет собой эталон развитой и глубоко укорененной в национальной почве бюрократической системы, корни которой уходят во времена абсолютизма, а в определенном смысле и гораздо дальше. Ведь французская концепция государства прежде всего как единой централизованной административной системы, обеспечивающей эффективное управление страной из столицы, использовала в качестве образца Римскую империю, принципы организации которой были восприняты и развиты средневековыми французскими легистами[430].

В средневековой Франции закон строился вокруг сословных привилегий и «вложенного» права феодальной собственности на землю. Коррупцию во Франции поощряло «государственное разгильдяйство», свойственное абсолютистской королевской власти. Первую перепись населения провел лишь Наполеон в начале XIX века, а до этого французские короли просто не знали, сколько у них подданных, и уж конечно, не знали, сколько у них имущества, поэтому налоги распределялись «на глаз», что и способствовало коррупции - королевские чиновники, от которых зависело установление суммы налога, могли резко снизить её за подношение «лично им в карман».

Ш.Монтескье, яркий представитель философии французского Просвещения, в ряде своих работ затрагивал проблему сосуществования и взаимодействия морали и закона в обществе. Он, в частности, отмечал: *«...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела…* (курсив мой. – О.К)». Корень всех преступных деяний (в том числе и взяточничества) он видел не только в неэффективности и слабости законодательной базы, но также и в отсутствии твердых моральных устоев, низкой общественной нравственности. Поэтому, по мнению Монтескье, борьба с любыми проявлениями преступности должна начинаться

[430] См.: Оболонский А.В. Указ. соч.

не с ужесточения законов, а прежде всего с привития и поддержания в обществе высоких этических и нравственных норм[431].

Первым французским политиком, попавшим в тюрьму за коррупцию, был Жан-Батист Тест (1780-1852). В 1830-е годы он был министром публичных работ Карла X. Верховный суд Франции приговорил Теста к трем годам тюрьмы, штрафу в 94 тыс. франков и лишению гражданских прав за то, что он предоставил право разработки месторождения каменной соли за взятку.

В настоящее время французское антикоррупционое законодательство занимается борьбой с должностными преступлениями госслужащих, которые принимают политико-административные решения. Также в сферу его интересов входит противодействие деятельности политических партий, которые применяют незаконные методы финансирования и проведения своих избирательных кампаний. В УК Франции есть статья, которая запрещает госслужащим после отставки в течение пяти лет работать в контролируемой ими компании. Такое коррупционное преступление, как торговля влиянием, наказуемо лишь в отношении национальных должностных лиц (ст. 433-1 УК) и неприменимо к иностранным должностным лицам, за исключением сотрудников международных организаций (ст. 435-4 УК) и членов международных судебных органов (ст. 435-10 УК). Следует отметить, что в основном французское антикоррупционное законодательство работает на предотвращение коррупции и применяются чаще административные, а не уголовные меры наказания.

Взрыв коррупции в современной Франции пришелся на 90-е годы прошлого века. Арестам все новых и новых политиков давно уже перестали удивляться: счет пошел на двузначные цифры. Самая развращающая своего обладателя должность — мэр. В группе риска также руководители политических партий (под следствием находились два бывших партказначея),

[431] См.: Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955. С. 169−187.

министры (трое подали в отставку, поскольку обвинения в коррупции стали уж слишком доказательными) и, наконец, просто крупные бизнесмены[432].

В 2016 году экс-президент Франции Н.Саркози стал фигурантом очередного уголовного дела. На этот раз ему предъявили обвинения по делу PR-агентства Bygmalion, занимавшегося информационным сопровождением его избирательной кампании. По данным следствия, часть оплаты услуг агентства осуществлялась по поддельным счетам с целью скрыть превышение максимально допустимого законом бюджета кандидата в президенты. Отмечается, что по данной схеме PR-агентству было переведено около 10 млн евро.[433] В начале марта 2021 года французский суд признал бывшего президента Франции Н. Саркози виновным в коррупции и попытке подкупа судьи: будучи еще президентом Франции, Саркози пытался получить информацию о ходе расследования по делам о нарушениях при финансировании его же избирательных кампаний. С этой целью он предложил судье Ж. Азиберу повышение и хорошую должность в Монако в обмен на соответствующие сведения[434].

Представляет интерес попытка психологов выделить ситуации, которые лежат в основе противоречивого определения коррупционного поведения у французов. Выявлены четыре типа отношения граждан Франции к политикам и к фактам их коррумпированности. Первые два типа демонстрируют несогласие с нормативными требованиями государства, другие два, наоборот, согласны с государственными нормативами и, как следствие, являются сторонниками более жесткого наказания коррупционеров[435].

Коррупция в **Греции** является одним из древнейших явлений. Так, в 320-е годы до н.э. Клеомен, греческий наместник Египта, назначенный на это место Александром Македонским, использовал свое положение для того,

---

[432] См.: Повальная коррупция во Франции // КоммерсантЪ. 1995. 22 апр.

[433] См.: Коррупция во Франции: Саркози предъявлены новые обвинения // Pasmi.ru 17.02.2016. URL: https://pasmi.ru/archive/133312/ (дата обращения: 20.05.2018).

[434] См.: Экс-президент Франции Николя Саркози признан виновным в коррупции. https://news.mail.ru/politics/45394815/?frommail=1&exp_id=828 (дата обращения: 01.03.2021).

[435] См.: Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // Perspectives on European Politics and Society. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 24-38.

чтобы манипулировать поставками зерна из Египта в Грецию. Греция в те времена не производила достаточно зерна и импортировала его в больших количествах, в основном из Египта. Клеомен создал искусственные препятствия на пути этих поставок, что привело к острому дефициту зерна в греческих городах, цены на зерно в Греции выросли во много раз, а население Греции оказалось на грани голодной смерти (голод в Греции продолжался с 329 г. по 325 год до н.э.), сам же греческий наместник Египта заработал на спекуляции зерном огромное состояние. В III веке до н.э. самым богатым государством, намного богаче Рима, был Карфаген, что тем не менее не мешало ему быть и самым коррумпированным государством Античности. Как писал греческий историк Полибий, «…в Карфагене ничто не считается позорным, что ведет к прибыли… претенденты на государственные посты получают их путем открытой уплаты взяток…»[436].

Аристотель в работе «Политика» выделял коррупцию как важнейший фактор, способный привести государство если не к гибели, то к вырождению. Борьбу с коррупцией Аристотель считал основой обеспечения государственной стабильности: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»[437].

Статьи 235 и 236 современного Уголовного кодекса Греции охватывают соответственно такие деяния, как пассивная и активная коррупция публичных должностных лиц. Пассивная и активная коррупция судей влечет за собой наказание согласно ст. 237 УК. Статьи 159 и 159А содержат положения о пассивной и активной коррупции политических функционеров. Об активной и пассивной коррупции иностранных публичных должностных лиц говорится также в ст. 235 и 236 УК. Статья 237А с поправками, внесенными Законом № 4254 от 7 апреля 2014 года, и изменениями, предусмотренными Законом №

[436] Цит. по: Каздым А.А. История коррупции. URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1446&Itemid=32 (дата обращения: 20.08.2018).

[437] Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / под ред. З.М. Черниловского.

4258 от 14 апреля 2014 года, устанавливает уголовную ответственность за пассивное и активное злоупотребление влиянием в корыстных целях. Положения, касающиеся предупреждения и пресечения отмывания денег и финансирования терроризма, содержатся в Законе 3691/2008. Статьи 257 и 258 УК Греции предусматривают уголовную ответственность за использование публичными должностными лицами находящихся в их ведении активов и за совершение ими хищения указанных активов. Статья 259 УК устанавливает уголовную ответственность за злоупотребление служебными полномочиями[438].

В настоящее время коррупция в Греции широко распространена и многие становятся жертвами настоящего рэкета со стороны недобросовестных чиновников.

Считается, что около по меньшей мере 30% богатств, которые производятся в Греции, совершенно не облагаются налогами[439].

Бурю негодования в Греции вызвали оправдательные приговоры, вынесенные апелляционным судом в отношении бывших чиновников компании Сименс. Дело относится к концу 1990-х годов, когда в стране модернизировалась телефонная сеть. Между Сименс и государственной электроэнергетической компанией были подписаны завышенные контракты, а менеджерам немецкой компании, а также греческим политикам были выплачены взятки. По словам представителей греческого филиала Сименс, было выплачено 130 миллионов немецких марок в виде подкупа. В 2011 году, в разгар экономического кризиса, парламентская комиссия по расследованию подсчитала, что этот скандал обошелся стране примерно в 2 миллиарда евро.

В итоге, после 16 лет разбирательств, Апелляционный суд Афин своим решением от 26 сентября 2022 года оправдал 20 человек, первоначально

---

[438] См.: Конференция государств – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/ImplementationReviewGroup/ExecutiveSummaries/V1600123r.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

[439] См.: Каздым А.А. Коррупция по-европейски. URL: http://www.kontinent.org/article.php?aid=5139ad25793f7 (дата обращения: 20.08.2018).

приговоренных в 2019 году к 15 годам тюремного заключения за коррупционные преступления. Даже бывший глава греческого филиала Siemens Михалис Христофоракос, сбежавший в Германию в самом начале расследования, избежал наказания в связи с истечением срока давности[440].

Не менее одиозной является итальянская коррупция. Историю коррупции в **Италии**, а также борьбы с ней условно можно разделить на три этапа.

К *первому* относится период существования Римского государства. Именно в римском праве слово «коррупция» приобрело юридическое значение. Примером этому служит один из древнейших сводов римского права – Законы XII таблиц (V в. до н. э., лат. *leges duodecim tabularum*), где термин «corrumpere» используется в значении обмена за деньги показаний в суде и подкупа судьи: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении (для разбирательства дела) и были уличены в том, что приняли денежную мзду по этому делу?»[441].

Однако римляне уже тогда умели жертвовать законом ради общественной пользы: «грохот оружия заглушал голос закона». Цицерон выделял два основных средства, необходимых для успеха кандидата на выборах: преданность друзей и расположение народа. По Цицерону, преданность друзей является следствием благодеяний, старинных связей, естественной услужливости и любезности. Он советовал кандидатам быть щедрыми на дружбу и приобретать друзей во всех слоях общества[442]. Согласно Плутарху, римский консул Гай Марий, например, своего шестого консульства «домогался так, как другие не добиваются и первого; обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе,

---

[440] Rafenberg M. Anger mounts over endless Greek corruption scandals // URL:// https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/10/03/anger-mounts-over-endless-greek-corruption-scandals_5998949_4.html (дата обращения: 22.06.2023)

[441] См.: Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало, 1997.

[442] См.: Кругликова Г.И. К истории выборов и политтехнологий в Древнем Риме. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/1446/56.pdf (дата обращения: 21.05.2018).

лишенной этих свойств»[443]. Более того, раздав деньги по трибам, т.е. по 35 избирательным округам, Марий купил себе это шестое, ставшее ненавистным гражданам, консульство.

Римская республика была далеко не правовым государством и управлялась аристократией. Власть принадлежала богатым гражданам, которым исполнение государственных функций не оплачивалось, в связи с чем взяточничество и иные способы «кормления» процветали. Коррупция, развивавшаяся уже тогда, оказывала существенное негативное влияние на жизнь чиновников, а также общества и государства в целом.

Весьма показательным примером использования грязных политических технологий и коррупции в Древнем Риме является судебный процесс против Гая Верреса, бывшего претором (наместником) в провинции Сицилии в 73-71 годах до н.э., и привлеченного в начале 70 года до н.э. к суду городскими общинами Сицилии. Цицерон, который был на этом процессе обвинителем, так характеризовал его в своей речи: «...Этот великий муж, вместе со своим любезным и податливым сынком, стал бегать от трибы к трибе, созывать всех приятелей своего отца, то есть раздатчиков денег, и постоянно встречаться с ними. Пока этот муж был претором, сицилианцы не могли воспользоваться ни собственными законами, ни декретами нашего Сената, ни обычными правами, свойственными любому народу. Каждому на Силиции было оставлено только то, что либо прошло незамеченным, либо не было принято во внимание этим самым алчным и безнравственным мужем. В течение трех лет все правовые решения принимались по единственному основанию – его воле; ни одному человеку не было оставлено какой-либо собственности – даже если он унаследовал ее от отца и деда, он был лишен ее по распоряжению сего мужа <...>; крупнейшие преступники были оправданы в судах через взяточничество; самые честные и благородные мужи, будучи обвиненными в

[443] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В двух томах. Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1994. С. 473.

их отсутствие, были признаны виновными и высланы без какого-либо шанса быть услышанными»[444].

В *период Средневековья* в Восточной Римской империи (Византии) стали быстро развиваться денежные отношения, рост численности государственного аппарата и сращивание ветвей государственной власти вопреки принципам римского права. И именно в этот период появляется принципиально новое понимание коррупции как антисоциального явления, пронизывающего все общество сверху донизу, и как первоосновы любого отступления от закона[445]. Важный импульс к осмыслению коррупции в нынешнем понимании дают труды итальянского мыслителя и политического деятеля Н. Макиавелли (1469–1527). В работе «Государь» (1513) он определял коррупцию как «использование публичных возможностей в частных интересах», сравнивал коррупцию с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легче лечить, а когда она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Этот флорентийский мыслитель отмечал, что борьба за власть, использование власти и ее сохранение открывают дверь для различных стратегий демократической и авторитарной систем, которые не обязательно ограничиваются правовыми и этическими нормами, существующими в обществе. Это позволило функционалистам утверждать, что коррупция, хотя и является аморальной, может оказывать положительный эффект на политическую систему. Коррупция «смазывает колеса системы» в тех странах, где бюрократический административный аппарат перегружен и помогает нестабильным системам сохраняться. Макиавелли утверждал, что наибольший ущерб коррупция наносит в первую очередь не закону, а общественному благу, а когда начинает разрушаться общественное благо, тогда разрушаются и основа и атмосфера для ведения здоровой политики; в

[444] Цицерон. Речи. Речь против Гая Верреса [Вторая сессия, книга V, “О казнях”. 70 г. до н.э.], 25. https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1267350004 (дата обращения: 21.05.2018).
[445] См.: Монгуш Т. М. История зарождения и борьбы с коррупцией в Италии // Молодой ученый. 2017. №11. С. 351-354.

результате патриотизм и любовь к родине (как противовес «личной наживе») ослабляются [446].

Третий относится к Новейшему времени. В это время в Италии коррупция приобретает высокоорганизованный характер: происходит сращивание государственного аппарата с организованной преступностью, следствием чего явились повсеместные коррупционные проявления, включая важнейшие сферы экономики страны. Необходимо отметить, что «организованная мафиозная преступность в Италии отличалась высоким уровнем уголовного профессионализма, строгой иерархической структурой, распределением ролей»[447]. То есть коррупция, в сущности, стала высокопрофессиональной.

Уголовным законодательством Италии предусматривается ответственность за взяточничество и подкуп граждан Италии, а в 2012 году был принят Закон № 190/12 «Положения о борьбе с коррупцией и незаконной деятельностью в государственной администрации и их предотвращении», которым УК Италии был дополнен ст. 322 bis распространившей ответственность также на подкуп иностранных должностных лиц. Однако это не помогло остановить коррупцию.

В целом УК Италии предусматривает уголовную ответственность за должностные преступления в нормах гл. 1 «О преступлениях должностных лиц», которая находится в разделе II «О преступлениях против публичной администрации». Следует подчеркнуть, что в действующем УК Италии разграничены понятия «должностное лицо» и «исполняющий обязанности должностного лица»[448]. Действующий итальянский Уголовный кодекс относит к должностным преступлениям присвоение (ст. 314, 316), взяточничество (ст. 317), подкуп (ст. 318-320), подстрекательство к

[446] См.: Макиавелли Н. Государь. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 656.
[447] Папунина Д.А. Антикоррупционные меры: зарубежный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3. С.133–136.
[448] См.: Уголовное право зарубежных стран; в 3 т. Т. 3. С.322.

совершению подкупа (ст. 322), злоупотребление служебным положение (ст. 323) и ряд других[449].

Несмотря на известную на весь мир антикоррупционную операцию 1990-х годов «Чистые руки» (“Mani Pulite”), многие в Италии скептически оценивают успехи в борьбе с коррупцией. По заявлению бывшего члена знаменитой следственной бригады прокуратуры М. Пьеркамилло Давиго (ныне возглавляет Национальную ассоциацию магистратов (ANM) и одну из коллегий Верховного суда Италии), уровень коррупции в Италии практически не изменился. Давиго заявил буквально следующее: «Страна погибает. Имеет место недоверие, люди более не идут голосовать»[450]. Давиго также заявил, что антикоррупционная следственная бригада миланской прокуратуры не совершила существенных ошибок. «Она сделала то, что могла. *Если бы законы не были изменены в ходе игры, мы продвинулись бы далеко вперед. Многие законы могут носить имена конкретных подсудимых* (курсив мой. – О.К.)»[451]. Весьма примечательно, что инициировал и продвигал законы, освобождающие от уголовной ответственности чиновников высшего ранга тогдашний премьер-министр С. Берлускони, которому такая ответственность грозила непосредственно[452].

Это уже напоминает стратегию «захвата государства» (capture state), о которой мы говорили выше. Во многом солидарен с этими словами (во всяком случае такое впечатление создается) А. Мерли, который кратко описывает результат операции «Чистые руки»: «…с политической точки зрения операция Mani Pulite обезглавила две партии, из числа правящих на тот момент партию христианских демократов и партию социалистов, и создала вакуум власти, который по большей части заполнил новичок в политике - медиамагнат и магнат в сфере недвижимости Сильвио Берлускони. Когда же и сам

[449] Там же.
[450] Цит. по: Старцев С. Италия "погибает" от коррупции, заявил участник антикоррупционной операции // РИА Новости. 13.02.2017. URL: https://ria.ru/world/20170213/1487870519.html (дата обращения: 22.05.2018).
[451] Цит. по: Старцев С. Указ. соч.
[452] См.: Сучков Е. За что судили высших политиков: Взятки, секс-вечеринки, принудительная стерилизация // КП. 2021.10 марта. С. 8.

Берлускони оказался втянутым в несколько коррупционных расследований, то начался открытый конфликт между политической системой и правосудием. Эта ситуация, отчасти, вызвала реакцию против следственных магистратов и повлекла принятие ряда законов, которые ограничили их полномочия. Однако с экономической точки зрения операция Mani Pulite первоначально привела к снижению случаев коррупции и стоимости государственных проектов – их цена «надувалась» из-за «откатов». Однако многие государственные проекты, которые возникли за последние несколько лет, свидетельствуют о том, что коррупция широко распространена в Италии»[453].

Спустя 20 лет после окончания операции «Чистые руки» возникли новые антикоррупционные резонансные расследования (например, строительство плотин в Венеции компанией MOSA, строительство Экспо в Милане и т.д.), которые продемонстрировали, что коррупция в Италии «жива-здорова» и по-прежнему угрожает политической системе. Вслед за этими скандалами последовало «обновление» антикоррупционного законодательства, направленное на обретение баланса между репрессией и превенцией (начиная с Закона Северино 2012 года). Была учреждена и укреплена специальная антикоррупционная служба – Italian National Anticorruption Authority[454].

По мнению профессора Болонского университета Д. Пачитти, абсолютное отсутствие морали и общественного сознания, принцип обмена одолжениями, излишняя озабоченность властью и деньгами, циничное неуважение к закону и строгое соблюдение кодекса молчания привели к широкому распространению мафии, даже в университетах. Однако доказательством того, что мафиозное сознание заложено не «в крови итальянцев», а в системе, является то, что итальянцы часто утрачивают эти привычки после нескольких лет жизни за рубежом, и наоборот иностранцы приобретают их после нескольких лет, проведенных в Италии[455].

---

[453] См.: Merli A. Op. cit. P. 341.
[454] См.: Merli A. Op. cit. P. 345.
[455] См.: Pacitti D. Bolognese Flavored Corruption. July 10, 1998 URL: https://www.timeshighereducation.com/news/bolognese-flavoured-corruption/108191.article (дата обращения: 04.05.2018).

Немецкий социолог Н. Луман, характеризуя систему отношений в Италии, особенно на юге, отмечал, что схема мышления в категориях помощи, поддержки и ожидаемой благодарности просто переносится на общение с современными организациями. Ресурсы в данном случае берутся не как это было раньше, из социального капитала, доставшегося по рождению, из унаследованного статуса или использования межрегиональных контактов региональных элит, а из служебной компетенции тех, кто располагает важными позициями в организации[456].

Особо следует остановиться на коррупции в государствах Восточной Европы, бывших «странах социалистического содружества», особенно на Балканах, где «проклятие юга» Европы накладывается на социалистическое прошлое. В Восточной Европе и на Балканах коррупция глубоко уходит корнями во времена Оттоманской империи. Слово «хараци» («взятка» по-турецки) все еще достаточно часто используется на Балканах. Считается, что наибольшую проблему в плане коррупции в Восточной Европе представляют государства Западных Балкан.

В **Румынии** коррупция и взяточничество проникли практически во все аспекты общественной жизни: медицинскую помощь, правосудие, образование, даже религию. В одном недавнем деле, получившем широкий общественный резонанс, репортер газеты Romania Libera Р. Чирута вместе со своим коллегой явились под прикрытием к церковному иерарху в качестве будущих священников. Они записали на видео свою встречу с архиепископом Теодосиусом Константским, одним из высочайших иерархов румынской православной церкви, который согласился продать им должности приходских священников.

Антикоррупционный координатор румынского научно-исследовательского центра «Академическое общество Румынии» Л. Стефан полагает, что коррупция настолько глубоко проникла во все слои общества,

[456] См.: Luhmann N. Kausalität im Süden // Soziale Systeme. 1995. Nr. 1. S. 7–28.

что в это трудно поверить. «Мы боремся не только с коммунистическим менталитетом и сложившимися коммунистическими связями, которые все еще присутствуют в обществе. Мы боремся с сознанием, которое существует столько же лет, сколько вся история Румынии. …Мы все еще боремся с коммунистическим менталитетом, когда воровство у государства считалось хорошим поступком, поскольку при тоталитарном режиме люди искали любые возможности улучшить свою жизнь. Однако, по моему мнению, через 20 лет после революции пришло время этому менталитету поменяться», отмечает Л. Стефан[457]. Представляется, что с течением времени некоторые практики превратились в социальные традиции, глубоко укоренившиеся в обществе. Сети связей и интересов, распространившиеся на все сферы формальной общественной организации, представляют собой серьезный фундамент для коррупции. Социальный капитал может иногда играть негативную роль в развитии коррупции, поскольку связи могут быть использованы неконструктивно, особенно ситуации, характерной для Румынии. Во время коммунистического правления недостаток ресурсов в стране привел к созданию сетей неформальных социальных связей, при помощи которых происходило перераспределение редких поставок товаров из государственной системы гражданам.

Опрос, проведенный в Румынии в рамках Шестой рамочной программы Европейской комиссии, показал, что историческое наследие страны является одним из основных факторов, способствующих развитию коррупции. Вес, придаваемый этому фактору, различался в зависимости от мнений, выраженных участниками исследования. Ряд опрошенных называли историческое наследие в качестве фундаментальной причины поведения румын в целом и их коррупционного поведения в частности. Другие отмечали ограниченное влияние данного элемента на коррупцию. «По моему мнению, исторические и культурные традиции оставляют свой след в жизнях людей

[457] Цит. по: Westervelt E. Corruption Mars Romania's Post-Communist Progress. November 12, 2009. URL: https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=120290631 (Дата обращения: 04.05.2018).

⟨... ⟩Наша история и культура начинаются еще с даков и римлян, продолжается турецким завоеванием, в общем, это вся история Балкан. Это необходимо принимать во внимание. Нельзя сказать, что после революции мы сразу перешли на другую сторону, переключились на западные ценности. Это в нас заложено генетически. Ты хочешь что-то сделать, но потом тебе это надоедает – можно назвать это балканизмом, туркизмом и т.д.»[458] .

Наследие особенно важно в отношении так называемой культурной коррупции, отмечает один из представителей правозащитной НКО. Этот вид коррупции восходит к раннему периоду социального развития страны, и поэтому имеет исторические корни. Непотизм также рассматривается как одна из форм коррупции, которая коренится в определенных социальных отношениях, когда все еще важны даже дальние родственники, особенно если речь идет о поддержке семьи. Оказание теми, у кого есть власть, помощи своим родственникам и знакомым в доступе к государственным благам считается обычным подходом в румынском обществе и является приемлемым во всех его слоях.

Социализацию, проводившуюся в коммунистический период, также, по мнению экономистов, экспертов НКО и журналистов, можно рассматривать в качестве одной из основных причин современной коррупции. В те времена люди научились вырабатывать стратегии выживания в своей частной жизни, которые, за малым исключением, входили в противоречие с внешним миром, не вызывавшим доверия. Более того, данный разрыв между гражданами и государством внес свой вклад в ослабление отношений внутри общества. Моральные нормы не распространялись на государство, а культивировались лишь в небольших группах, таких как семья или близкие друзья, внутри которых создавались крепкие связи[459].

[458] Precupetu I. On the Nature and Causes of Corruption in Romania Evidence from a Grounded Theory Approach. Sixth Framework Programme Of The European Commission. Discussion Paper Series No. 13. 2008. URL: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11416/On%20the%20nature_Precupetu.pdf (дата обращения: 11.02.2019).
[459] Там же.

Уголовный кодекс Румынии содержит ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность за коррупционные преступления. Это, в частности, ст. 246 «Удаление из публичных торгов», статьи разд. V «Коррупция и преступления, совершаемые должностным лицом» (289 «Получение взятки», 290 «Дача взятки», 291 «Продажа влияния», 292 «Покупка влияния»)[460].

В еще большей степени проблема коррупции затрагивает такие балканские государства, как Косово, Македония и Сербия.

Группа исследователей из Норвегии провела опрос об отношении граждан этих государств к закону, правилам и институтам. «В целом жители этих трех стран продемонстрировали очень низкий уровень доверия властям. Частично это можно объяснить тем, что исторически данный регион долгое время находился под иностранным господством. Более того, в социалистический период государственные ресурсы считались общей собственностью, поэтому многие не видели ничего зазорного в их присвоении. Очень многие тенденции в современном поведении жителей данных стран могут быть объяснены этим», - отмечает глава исследовательского проекта «Правовая культура и антикоррупционная реформа: ситуация на Западных Балканах», сотрудник исследовательского фонда FAFO А. Берит Грёделанд. Также на Западных Балканах существует традиция присматривать за членами своей семьи или друзьями. В культурных традициях заложена помощь родственникам. Данный менталитет также может наносить ущерб другим, не входящим в семейно-дружественный круг[461].

Самым древним упоминанием о взяточничестве в **Сербии** являются записи XVIII века епископа Мойсея Петровича, в которых зафиксированы все расходы епископского подворья, включая подарки и подношения. Епископ в ходе официального визита в Вену в 1731 г. отмечал, что все ожидали от него

[460] См.: URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-REF(2018)042-e (дата обращения: 30.10.2020).
[461] См.: Corruption in the Western Balkan countries. The Research Council of Norway. URL: https://www.forskningsradet.no/servlet/ (дата обращения: 30.10.2020).

подарков или подношений. В сербских традициях отношение к взяточничеству и подкупу является весьма гибким, однако имеется полное осознание их существования, а также того, что данный феномен вряд ли может быть искоренен. Традиционные моральные нормы определяют церемонии и ритуалы вручения подарков, и предписывают их как обязательные. Эти традиции обычно связывают с жизненным циклом (рождение, крещение, свадьба) и с празднованием крупных и важных вех в жизни семьи (строительство дома, или так называемое новоселье). В этих обстоятельствах вручение подарков в любой форме не рассматривается как взятка. Взяточничеством также не считается ситуация, когда кто-то помог кому-то в работе, и после этого его пригласили на обед или подарили ему небольшую сумму денег. Это считается выражением благодарности. Согласно традиционным нормам человек даже обязан выразить свою благодарность материальным способом. Если этого не произойдет, общество будет считать его неблагодарны[462].

В обществе сложилось двоякое отношение к взяткодателям, которое формируется применительно к конкретным случаям. Если для взяткодателя это является единственной возможностью разрешить свой законный вопрос, тогда традиционное общество их не осуждает. Общественные традиции негласно оправдывают и демонстрируют большое понимание в отношении лица, которое путем дачи взятки старается ускорить или получить определенное решение, поскольку известно, что государственные административные органы, власти в целом или должностные лица, представляющие власти, могут всегда найти предлог для несоблюдения правил. Кроме отношения к властям существуют и экономические мотивы. Поскольку проситель обычно является выходцем из деревни, а все государственные органы расположены в городах, для просителя проще и дешевле подкупить какого-нибудь клерка, чем несколько раз ездить в город за

[462] См.: Begović B. and Mijatović B. (ed.). Corruption in Serbia. Center for Liberal-Democratic Studies, Belgrade / См.: URL: http://www.clds.rs/pdf-e/e-korupcija.pdf (Дата обращения: 30.10.2020).

одним и тем же. Данный вид дачи и получения взятки существует на этой территории веками, и его очень тяжело искоренить, потому что он практически стал частью фольклора и происходит ежедневно[463].

Уголовный кодекс Сербии также предусматривает уголовную ответственность за коррупционные преступления. В УК этой страны содержится гл. 33 «Преступления против порядка исполнения должностных обязанностей». Статья 367 Кодекса предусматривает уголовную ответственность за требование взятки либо ее получение, а ст. 368 – за дачу взятки либо за предложение взятки[464].

Распространена коррупция и в **Словакии**. Выступая на словацком радио, и.о. премьер-министра И. Радицова заявила, что *«искоренение коррупции, которая у нас под кожей, из нашего менталитета, из нашей политики и основных институтов, часто выглядит борьбой Дон Кихота с мельницами* (курсив мой. – О.К.)». Она отметила, что так происходит частично потому, что в такой маленькой стране вырабатываются тесные связи между бизнесменами и политиками[465].

На выборах в парламент Словакии в феврале явилось около 3 млн человек (65,81% от всех избирателей)[466] – люди пришли на выборы с требованием широкомасштабного очищения от глубинной коррупции и организованной преступности, которые представляют прямую угрозу демократии[467].

Как заявил шеф-редактор Расследовательского центра имени Яна Куцяка А. Солтеш, «коррупция является почти основной необходимостью в Словакии. Здесь всё по-прежнему, начиная с 90-х годов». Аналитики обсуждают, как 40 лет коммунизма приучили словаков принимать и даже обожать коррупцию,

---

[463] Там же.

[464] См.: URL: https://www.legislationline.org/download/id/5480/file/Serbia_CC_am2012_en.pdf (дата обращения: 27.10.2020).

[465] См.: Radicova: Corruption Rooted in Slovak mentality. The Daily.sk Jan. 9, 2012. URL: http://www.thedaily.sk/radicova-corruption-rooted-in-slovak-mentality/ (дата обращения: 30.10.2020).

[466] См.: Elections Guide. Democracy Assistance & Elections News. URL: https://www.electionguide.org/countries/id/194/ (дата обращения: 30.10.2020).

[467] См.: Gosling T. Slovakia Seeks Escape from Corruption Black Hole. URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/2/26/slovakia-seeks-escape-from-corruption-black-hole(дата обращения: 30.10.2020).

как бессильно основанное на стандартах Совета Европы антикоррупционное законодательство[468].

Страну то и дело сотрясают коррупционные скандалы, такие, например, как дело «Горилла». Это дело произвело эффект разорвавшейся бомбы в 2011 году и стало примером коррупции в Словакии на самом высшем уровне. В Интернет тогда попали записи «прослушки» телефонных переговоров, которую, как утверждалось, осуществляла Служба государственной безопасности Словакии. Записи фиксировали секретные переговоры между ведущими политиками страны и Я. Хашчаком, главой могущественной финансовой группы «Пента» (Penta financial group). Обсуждались различные «теневые» сделки, включая сделки по приватизации. Эти встречи, как сообщалось, часто посещал и Р.Фицо – тогдашний премьер-министр Словакии[469].

В обществах, где коррупция практически легальна, как, например, клиентелизм, выступавший в качестве консолидирующей силы в коммунистической системе, гораздо тяжелее изменить образ мысли и действий населения. Как и во многих других восточно- и южно-европейских государствах, уголовное законодательство Словакии предусматривает самостоятельную ответственность за коррупционные преступления: УК этой страны содержит раздел третий «Коррупция». В данном разделе располагаются ст. 328-331, предусматривающие ответственность за «пассивное взяточничество». В свою очередь, ст. 332-335 запрещают «активное взяточничество», а ст. 336 – торговлю влиянием[470].

В заключение параграфа изложим основные выводы.

1. Представление о том, что в западноевропейских государствах романо-германской правовой семьи достаточно низкий уровень коррупции, представляется ошибочным, равно как и мнение о том, что страны германской

[468] Ibid.
[469] См.: Gosling T. Op. cit.
[470] См.: URL: https://www.legislationline.org/download/id/3763/file/Slovakia_CC_2005_en.pdf (дата обращения: 30.10.2020).

правовой традиции менее коррумпированы, нежели страны романской правовой традиции: история той же Германии демонстрирует весьма слабую резистентность к коррупции, притом что в коррупционные практики была активно вовлечена католическая церковь. Несмотря на распространенное мнение о том, что в авторитарных режимах уровень коррупции минимален, времена гитлеровского рейха, франкистского режима и прочих доказывают обратное.

2. Германия, вопреки вполне благоприятным антикоррупционным рейтингам этой страны, поражена коррупцией. Также оценки дают сами немецкие исследователи: с конца 1990-х годов эту страну потрясают коррупционные скандалы в самых разных сферах – от политической до спортивной. В коррупционных схемах были замешаны и представители высшей политической элиты Германии. Уголовное законодательство Германии, как законодательство частично кодифицированное, предусматривает ответственность за коррупционные преступления и в Уголовном кодексе, и в отдельных законах (Закон о Соглашении от 17 декабря 1997 г. О борьбе с коррупцией иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях). Не так давно немецкий УК был дополнен специальными нормами о борьбе со взяточничеством в сфере здравоохранения, что демонстрирует особо тревожную ситуацию распространения коррупции именно в этой сфере. С другой стороны, уровень коррупции в Германии существенно ниже, чем во многих других западноевропейских странах, экономическое поведение большинства граждан он не определяет, а традиционное законопослушание и ментальность немцев выступают эффективным барьером для ее распространения.

3. Уровень коррупционной преступности в таких европейских странах, как Швеция, Норвегия и Нидерланды, как принято считать, довольно низкий – во всяком случае в отношении низовой коррупции (Швеция и Норвегия относятся к северной правовой семье). Низкий уровень коррупции в странах Северной Европы принято среди прочего объяснять ментальностью северных

европейских народов, которая отвергает неблаговидные практики для достижения личных целей, не способствует эгоцентризму, ориентирует на упорный труд и рассматривает чиновника только как «слугу государства». В этих трех странах уголовное законодательство инкорпорировало нормы международных конвенций о борьбе с коррупцией.

4. Страны Европы, которые восприняли романскую модель, считаются более коррумпированными, притом, что они находятся, преимущественно, в южной части Европы («проклятье юга»). В этом случае показательна ситуация во Франции, Греции и Италии. Французская Республика, управление в которой серьезно забюрократизировано, неоднократно сотрясалась громкими коррупционными скандалами. Недавний обвинительный приговор экс-президенту Франции Саркози - наглядное тому подтверждение. Еще Монтескье считал, что всякий облеченный властью человек склонен ею злоупотреблять, и бороться с коррупцией необходимо не столько жесткостью законов, сколько привитием строгих морально-нравственных императивов. Обладающая развитым антикоррупционным законодательством Франция испытывает серьезные проблемы именно в сфере топ-коррупции: несмотря на многочленные аресты и уголовные преследования высоких чиновников, ее уровень не снижается: наиболее часто к ответственности привлекаются мэры городов. В группе повышенного коррупционного риска также партийные функционеры, в том числе отвечающие за финансирование, и министры.

5. Коррупция в Греции известна с античных времен, а рецепты по ее искоренению давал еще Аристотель. В Греции распространен подкуп государственных чиновников налоговых служб с целью уклонения от уплаты налогов, а коррупционные разоблачения в стране нередки. Учитывая коррумпированность греческой элиты, те социальные слои греческого общества, что располагаются ниже, сами начинают копировать их коррупционное поведение, притом что уголовное законодательство этой страны содержит все необходимые нормы об ответственности за коррупционные преступления. Находящаяся в Южной Европе Италия, увы,

печально знаменита своей разветвленной коррупцией. Выделяют три основных периода существования коррупции: а) период Римской империи; б) период Средневековья; б) современный период. Именно третий период знаменует становление системной коррупции в Италии – высокопрофессиональной, высокоорганизованной и переплетенной с организованной преступностью. Все необходимые уголовно-правовые средства для борьбы с коррупцией в этой стране есть, что отчасти подтвердила известная на весь мир антикоррупционная операция «Чистые руки». Отсутствие моральных ограничителей, принцип обмена одолжениями, циничное неуважение к закону, корыстолюбие неиссякаемо подпитывают итальянскую коррупцию. Однако суждения о какой-либо предрасположенности итальянцев к коррупционному поведению совершенно беспочвенны и опровергаются теми из них, кто выезжает в другие менее коррумпированные страны и принимает местные антикоррупционные стандарты поведения.

6. Бывшие социалистические страны на Балканском полуострове демонстрируют свою коррупционную специфику – «проклятье юга» усугубляется «язвами» социалистического прошлого. Коррупция в этих государствах проникла в самые разные сферы - от сферы приватизации государственного имущества до здравоохранения. За годы социализма и полного отсутствия частной собственности у многих жителей этих стран сформировалось стойкое убеждение, что незаконное обогащение за счет государственного имущества и занимаемых должностей является вполне оправданным и пусть и негласно поощряемым. В культуре многих народов балканских стран подношения и подарки рассматривались как абсолютно правильный и необходимый ритуал.

§ 3.4. Личная ответственность коррупционеров за содеянное в государствах мусульманского права

Наиболее ранние упоминания о коррупции восходят к древним восточным цивилизациям, существовавшим на территории современного Арабского Востока. Различные литературные источники указывают, что коррупция существовала со времен учреждения государственной службы, возникновения государственных должностей и формирования доверия к государственным должностным лицам. Одним из первых свидетельств существования коррупции являются архивы Древнего Вавилона (вторая половина XXIV века до н. э.). Согласно данным архивам Урукагин – шумерский царь города-государства Лагаш (территория современного Ирака) во второй половине XXIV века до н. э. стал первым руководителем, боровшимся с коррупцией. Он жестоко наказывал за растрату и взяточничество[471].

В древнеегипетском труде «Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», датируемом XXII веком до н. э., отец объясняет сыну, что вельможи нуждаются в «подношениях».

Согласно более поздним источникам права, а именно Законам вавилонского царя Хаммурапи (XIX век до н.э.), за коррупционные деяния должно следовать конкретное наказание: «§ 5. Если судья разобрал дело, вынес решение и изготовил документ с печатью, а затем решение свое изменил, то этого судью следует изобличить в изменении решения, которое он постановил, и исковую сумму, имевшуюся в этом деле, он должен уплатить в двенадцатикратном размере; кроме того, в собрании его должны согнать с его судейского кресла, и он не должен возвращаться и заседать вместе с судьями в суде»[472].

Данные слова оказались правдивыми, как следует из 150 клинописных табличек, найденных датскими археологами в городе Рака, Сирия и представленных научному миру в декабре 1997 года Таблички показали, что в

[471] См.: Кобзарь Е.В. Коррупция как социальный феномен и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации: учеб. пособие. Ногинск, 2013. С. 16.
[472] Цит. по: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие. / под ред. З.М. Черниловского.

этом месте находился административный центр ассирийской цивилизации, существовавшей в XIII веке до н. э. Археологи обнаружили специальный архив, принадлежащий органу, эквивалентному современному Министерству внутренних дел, где содержались данные о чиновниках, берущих взятки[473].

Особое внимание уделялось проблеме подверженности взяточничеству сотрудников суда. Не случайно исламская религия прежде всего заклеймила подкуп судей. В Коране можно прочитать следующие строки: «Не присваивайте незаконного имущества друг друга и не подкупайте судей, чтобы намеренно присвоить часть собственности других людей» (Коран 2:188).

В арабской и исламской традиции признается, что коррупция создана людьми. В Коране говорится: «Зло появляется на суше и на море по причине того, что совершают людские руки, чтобы они вкусили часть того, что они натворили, и чтобы они вернулись на прямой путь». (Коран, сура «Ар-Рум», 30:41).

Известен также и такой хадис: «Каждый является попечителем и ответственным за кого-либо. Правитель – это попечитель своих подданных, он ответствен за них. Муж – это попечитель для семьи, он отвечает за неё. Жена является ответственной за дом своего мужа. Слуга отвечает за имущество своего хозяина. Поэтому каждый из вас является попечителем и должен со всей ответственностью подходить к тому, что находится в вашем ведении»[474]. Толкователи хадисов полагают, что именно это высказывание является одним из оснований для осуждения коррупции, поскольку коррумпированный государственный чиновник, стремясь получить личную выгоду, безответственно относится к находящемуся в его попечении государственному имуществу.

[473] См.: Measures to Prevent Corruption, Study of European Centre for Parliamentary Research and Documentation in the EU Member States. Strasbourg, 1999. P. 36-42.
[474] Сборник хадисов имама Аль Бухари. URL: https://islam.global/obshchestvo/ekonomika/korruptsiya-islamskiy-vzglyad/ (дата обращения: 26.05.2018).

Тунисский теолог и политик доктор М. Тлили отмечал, что коррупция существует в различных формах и проявлениях – *социальная, политическая, экономическая, административная, а также коррупция в сфере электронных данных и информации*. Коррупция противоречит морали, и религиозные ценности также запрещают ее. Доктор Мунир подчеркивал, что распространению «феномена коррупции» на всех уровнях способствуют травля религиозных институтов, отказ от их посещения и отход от ценностей ислама. Другой тунисский теолог доктор Мохаммед Хантати указывал, что несколько стихов Корана и хадисов осуждают зло и поощряют добродетель, а также отмечал, что как Коран, так и Сунна (хадисы) криминализуют коррупцию.[475].

В тафсире «Аль-Бахр аль-Мухит» Абу Хайяна аль-Гарнати, где содержится мнение ибн Атийи об осуждении взяточничества Кораном, дается определение взяточничества с точки зрения исламского права: взимание должностным лицом денег за работу, исполнение которой входит в круг его обязанностей, или взимание денег за то, что является нарушением этих обязанностей и что это должностное лицо ни в коем случае не должно делать, является взяткой[476].

Исламское религиозное право различает простое воровство и коррупцию. Воровство наказывается отрубанием руки (если минимальная стоимость похищенного соответствует 1.07 грамма золота), в то время как наказание за коррупцию состоит в большей степени в денежных выплатах, то есть это может быть штраф, либо в публичном унижении, либо даже телесном наказании (порка) или лишении свободы[477]. Основанием для такого различия в наказаниях является следующее: 1) воровства избежать невозможно, однако предательство доверия или вверенных кому-либо интересов можно

[475] См.: The Role of Religion and Islamic Values in the Fight against Corruption and Bribery. The Center for the Study of Islam and Democracy (CSID). URL: https://www.csidtunisia.org/en/?p=42 (дата обращения: 25.05.2018).
[476] См.: Мухамеджанов И. Как ислам относится к коррупции? // IslamToday. 9.02.2016. URL: https://islam-today.ru/blogi/ildar-muhamedzanov/kak-islam-otnositsa-k-korrupcii/ (дата обращения: 25.05.2018).
[477] См.: Konsultasi Syariah Korupsi TIDAK sama dengan mencuri. 2012. URL: https://konsultasisyariah.com/11286-korupsi-tidak-sama-dengan-mencuri.html (дата обращения: 30.04.2018).

предотвратить (например, не наделяя лицо полномочиями по защите каких-либо интересов или лишая его доверия); 2) коррупционеры не воруют деньги напрямую из казначейства, а пользуются занимаемой должностью; и 3) средства, ставшие результатом коррупционных действий, не находятся под должным попечением[478]. Предусматривается также исключение запрета взятки: если взяткодатель вынужден давать взятку иначе он, например, не получит причитающегося ему права, ему разрешается так поступить[479].

Следует, однако, иметь в виду, что исламские юристы не едины в том, что составляет коррупцию в нормах шариата. Некоторые ученые считают, что именно взяточничество (Rashwa) является основной формой коррупции, и определяют его как то, что передается для того, чтобы лишить права (Haq) или придать силу права обману или мошенничеству (Batil). Другие полагают, что взятка – это подношение имущественной или денежной форме, которое вручается судьям или иным лицам, выносящим решения, чтобы обеспечить благоприятный для себя результат. Так или иначе, но большинство специалистов исламского права рассматривают взяточничество как воплощение коррупции – взятка существует в материальной или нематериальной форме, в виде денег или иных выгод и передается от подкупающего подкупаемому[480]. Если говорить об общем определении коррупции, то ее можно охарактеризовать как влияние на вопросы государственного управления, принятие решений, судебных актов через злоупотребление доверием, оказанным официальным лицам, посредством принятия подарков, незаконного изъятия или хищения имущества (в т.ч. государственного), нарушения закона в обмен на получение взяток, по рекомендации или совету семьи или клана. Запрещены также дача рекомендаций и советов в обмен на взятки. Все названное поведение подпадает под определение взяточничества (Rashwa)[481].

---

[478] Ibid.
[479] Макасиб мухаррама. Б. 184. С. 5.
[480] См.: Aina-Obe Shamsuddin Bolatito. The Muslim-Ethical Norms Combat against Corruption? Are Islamic Perspective been Met in Practice? // International Journal of Science and Research. Vol. (5). Issue 5. 2016. P. 2.
[481] Ibid.

Очень тесно к взяточничеству (Rashwa) примыкают и другие формы поведения, которые могут быть коррупционными: Al-Soht (“Illegal Earnings”), Al-Hadiya (“Gifts”), Al-Sadaqah (“Charity”), Al-Ga_al (“Salary”). Рассмотрим эти коррупционные формы более подробно.

Al-Soht представляет собой запрещенное получение доходов или максимизацию прибыли посредством незаконных действий: взятка дается свидетелям за показания, судьям за вынесение решений. В Коране это коррупционное поведение описывается как любовь к лживым речам или пожирание чего-либо запретного. Al-Hadiya означает передачу чего-либо без какой-либо компенсации в денежной или иной имущественной форме, что запрещается Кораном: и взятка и подношение означают переход какой-либо выгоды от одного лица другому, хотя сам подарок и не предполагает какого-либо встречного возмещения. Al-Sadaqah означает благотворительность в пользу бедных людей, с тем чтобы получить благословение и прощение Всевышнего – именно это является истинной целью Al-Sadaqah. Если же благотворительность делается во имя своих частных интересов, то такая форма перестает быть Al-Sadaqah и становится взяточничеством. Al-Ga_al буквально переводится как «заработная плата». Такая заработная плата в исламе означает определённое денежное обязательство за определённую работу. Несмотря на то что изначально плата разрешалась за любую работу (известную или неизвестную), некоторые школы исламского права (ханафитская и шафи) запрещали выплачивать такую зарплату в отдельных случаях: если это маскирует мошеннические денежные переводы, например, или если она выплачивается судьям или их представителям чтобы создать препятствие для реализации публичного законного интереса. Запрет основывается на том, что при получении взятки взяткополучатель может рассматривать ее как свою заработную плату за то, что помог достичь взяткодателю своих личных целей[482]. Коррупция во всех ее формах, как мы

[482] См.: Aina-Obe Shamsuddin Bolatito. Op. cit. P. 3.

уже говорили, осуждается исламом и запрещается исламским правом в таких его источниках, как Коран, Сунна и Иджма.

Специалисты всех школ исламского права (как классических, так и современных) единодушны в поиске эффективных путей борьбы с коррупцией. Богатейшее исламское наследие свидетельствует о том, что «три основных колонны» в борьбе с коррупцией – это образование, право и административная реформа[483]. Дело в том, что право устанавливать наказания за коррупцию делегируются в исламе самому правителю или судье (кади). Речь идет о наказаниях и преступлениях тазир (Ta′azir). Следовательно, коррупционные преступления будут относиться именно к тазир (Ta′azir). Традиционно наказания этой группы включают лишение свободы и денежные наказания[484].

В **Саудовской Аравии** в обществе существуют некоторые обстоятельства, которые способствуют развитию коррупции. Это становится очевидным, исходя из племенного и традиционного восприятия государственной собственности как «трофея», который может быть завоеван победителем. Кланам и членам влиятельных кругов выгодно такое отношение, поскольку оно позволяет им заявлять свои «права» на государственную собственность[485].

Исторически региональные сепаратистские вожди кланов (или военачальники) весьма успешно создавали альянсы с региональными и международными властями. Например, каждый клан в **Ливане** имеет de facto своего регионального или международного «защитника».

Существует блестящий анализ взаимоотношений между сепаратистскими военачальниками и классом торговцев[486]. Основополагающей единицей правящей в Ливане элиты является семья. Семьи создают альянсы и устанавливают персоналистское правление в своих регионах, а также имеют

[483] См.: Aina-Obe Shamsuddin Bolatito. Op. cit. P.4.
[484] Ibid.
[485] См.: al-Ḥasan, Ḥ. “Dirāsat al-ḥlah al-Saʿūdīyah”. In Corruption and the good governance in Arab countries [Conference Papers]. Beirut: Centre for Arab Unity Studies. CAUS, 2004. P. 648.
[486] См.: Dib K. Warlords and Merchants: the Lebanese Political and Business Establishment. N.Y.: Ithaca Press, 2006.

сравнительную автономию в мирные времена и полную независимость в периоды нестабильности и войн. Класс торговцев в большей степени заинтересован в заключении сделок и получении комиссии за счет государственных средств. Такой меркантильный подход восходит к временам Античности, когда финикийцы кочевали по Средиземноморью. Именно меркантильность не позволила местному капитализму развиться и создать экономику, основанную на производстве. Вместо этого экономика страны оказалась ориентированной на получение ренты, которую принято называть «услугами». Так же как и класс военачальников, класс торговцев основан на семейном устройстве и заключает альянсы с другими семьями посредством браков в целях доминирования в экономическом секторе.

В **Пакистане**, где большинство населения исповедует ислам, хотя существует некоторое влияние индуизма, сравнительно недавно на YouTube появилось сенсационное видео, в котором один из министров, представляющих правящую партию, в телевизионном ток-шоу в ответ на достаточно непростой вопрос от модератора дискуссии по поводу коррупции сделал невероятное заявление: «Коррупция — это наше право» (“*Corruption hamara haq hai”*). Данное заявление министра должно быть всесторонне проанализировано, поскольку оно является ключом к лучшему пониманию менталитета, стоящего как за крупной, так и за мелкой коррупцией в стране. Когда модератор и другие гости попросили министра объясниться, он сбивчиво продолжил: «Смотрите, разве же коррупция не наше право? Коррупция давно стала частью нашей культуры. Подумайте обо всех тех, кто участвует в коррупционной деятельности. Если мы не продолжим этим заниматься, разве это не приведет к потерям? Если тысячи людей участвуют в коррупции, тот, кто не участвует, только делает себе хуже»[487]. Невозможно точнее определить движущие мотивы коррупции, основанные на традициях страны.

[487] Цит. по: The psychology of corruption.URL: https://www.dawn.com/news/840296.

Индонезия, где до 87% населения являются мусульманами, до 1945 года была оккупирована Португалией, Британией, Голландией и Японией, что привело к недовольству империализмом в Индонезии, достигшему своей высшей точки в виде Национального пробуждения в августе 1945 года[488]. Исламские корни Индонезии уходят в период колонизации. В результате националистического восстания сформировалось семь радикальных группировок, которые призывали к построению исламского государства. Как отмечал австралийский военный эксперт Д. Килкуллен, эти радикальные боевики возникли как побочный продукт японской военной подготовки, которая проводилась во время оккупации в ходе Второй мировой войны: в попытке создать антикоалиционные джихадистские войска японцы искали поддержку у мусульманского населения и проводили его военную подготовку[489]. Колониальное наследие оставило в Индонезии вакуум власти, который быстро заполнили фаворитизм элит и олигархический патернализм что привело к многочисленным системным дестабилизациям. Оставаясь незамеченными, данные изъяны постоянно укрепляли друг друга и создали неразрывный цикл коррупционных практик и непредсказуемого развития.

В силу исторических и культурных традиций сложились следующие предпосылки для развития коррупции: 1) культура демонстрации уважения султанату или властям в виде вручения подарков или оказания услуг (в целях продвижения по службе или прохождения гражданским служащим аттестации), 2) отсутствие жесткого разделения социальных ролей. До тех пор, пока главы регионов (в чьих руках находится политическая власть) выступают в качестве судей, вождей и военачальников (выполняя социальные, экономические и юридические функции), весьма проблематично что-либо изменить, поскольку сама система, в которой они существуют, формирует коллективизм и безличность[490].

---

[488] См.: Vickers A. A Modern History of Indonesia. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 85-95.
[489] См.: Kilcullen D. The Political Consequences of Military Operations in Indonesia 1945-1999: A Fieldwork Analysis of the Political Power-Diffusion Effects of Guerrilla Conflict. PhD diss. University of New South Wales, 2000. P. 37.
[490] См.: Pryhantoro E. H. Korupsi dalam perspektif teori sosial kontemporer. Jakarta: Spasi, 2016.

Формально в Индонезии согласно Закону Республики № 31 от 1999 года с изменениями, внесенными Законом Республики № 20 от 2001 года, существует семь категорий уголовных коррупционных деяний: 1) финансовые потери государства; 2) подкуп; 3) растрата средств, доверенных лицу по службе; 4) вымогательство; 5) манипуляция; 6) конфликт интересов при закупках товаров и услуг; и 7) гратификация (взятка). Данные семь категорий распространяются и на преобладающие коррупционные практики в частном секторе[491].

Таким образом, проблемы Индонезии с построением правового государства и исполнением законов могут быть объяснены сращиванием ее постколониального наследия[492] с азиатскими ценностями[493] и националистической идеологией[494].

Для понимания причины коррупции в **Малайзии**, где ислам суннитского толка является официальной религией, необходимо установить причины коррупционного поведения отдельного человека. В ходе исследований было выявлено три основных причины такого поведения, а именно власть, возможность и моральная нечистоплотность. Что еще более интересно, склонность к совершению коррупционных деяний увеличивалась при совпадении двух из указанных факторов. Анализ полученных данных указал на интересную связь между властью и возможностью. Более половины опрошенных отмечали, что совокупность властных полномочий и

[491] См.: Komisi Pemberantasan Korupsi. Memahami untuk membasmi: Buku saku untuk memahami tindak pidana korupsi. Jakarta: Komisi Pemberantasan Korupsi. 2006. URL: http://acch.kpk.go.id/documents/10180/11245/Buku_saku_Memahami+utk+Membasmi.pdf/2285e4b6-d814-4359-897b-f5404cfa4f45 (дата обращения: 30.04.2018).

[492] См.: Randall Peerenboom. Varieties of Rule of Law: An Introduction and Provisional Conclusion // Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. ed. Randall Peerenboom. L: Routledge, 2004. P. 23.

[493] См.: Vitit Muntarbhorn. Rule of Law and Aspects of Human Rights in Thailand: From Conceptualization to Implementation? Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. ed. Randall Peerenboom. P. 354-355.

[494] Конституция Индонезии закрепляет ряд демократических свобод, однако исторически государством поддерживаются идеалы Панча Шила, предложенные президентом Сукарно, и интегрализма, и сохранение этих идеалов и поддержание порядка осуществляются любой ценой, даже за счет ущемления политических прав. См.: Lindsey T., Indonesia: Devaluing Asian Values, Rewriting Rule of Law // Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. / ed. Randall Peerenboom. P. 290-293.

возможностей увеличивает стимулы к совершению коррупционных действий. Эмпирические данные показали, что именно данная совокупность влечет высокий уровень коррупции. В то же время при дальнейшей проверке этого утверждения было выявлено, что наличие одной лишь возможности не придает людям уверенности, однако в совокупности с официальными властными полномочиями объемы и частота коррупционных актов увеличиваются в связи с высокой уверенностью в исходе подобных действий. Сделанные выводы можно подтвердить и таким утверждением, что официальные властные полномочия способствуют совершению коррупционных актов, поскольку лица, облеченные такими полномочиями, имеют право доступа к системе и знают нужных людей, в связи с чем способны легко манипулировать ситуацией. Таким образом, можно легко заметить лживость системы, поскольку лица, обладающие властными полномочиями, обычно имеют над ней полную власть и могут объяснить создавшуюся возможность отсутствием внутреннего контроля и пробелами в системе. Кроме того, опрошенные обычно в своих ответах указывали, что лица, имеющие богатство, высокое положение по службе и политическое влияние, сами создают такие возможности благодаря политическим, властным и контрольным полномочиям. Дополняют такие возможности пробелы в правовой и судебной системах, которые становятся тихими гаванями для лиц, совершающих акты коррупции[495].

В заключении сформулируем некоторые выводы, которые мы сделали в ходе работы над данным параграфом.

1. Религия ислам жестко осуждает коррупцию и считает ее тяжким грехом. С позиций исламского права взятка (ришва) – это взимание должностным лицом денег за работу, исполнение которой входит в круг его обязанностей, или взимание денег за то, что является нарушением этих обязанностей, и что это должностное лицо ни в коем случае не должно делать.

[495] См.: Zaleha Othman, Rohami Shafie, Fathilatul Zakimi Abdul Hamid. Corruption – Why Do They Do It? // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Vol. 164. 31 December 2014. P. 248-257.

Исламское право различает простое воровство и коррупцию, наказуемые по-разному, при этом коррупционер рассматривается как предатель доверия, который пользуется своей должностью. Взяткодатель освобождается от ответственности, если только путем дачи взятки он может получить причитающееся ему право.

2. Фракционность общества во многих арабских странах способствует коррупции, когда, получив политическую власть, тот или иной клан (семья, группа) начинают использовать ее для личного обогащения, предоставления возмездных преференций тем или иным бизнесменам. Как известно, стран, исповедующих ислам, достаточно много – от Аравийского полуострова до Юго-Восточной Азии, при этом в каждой из них коррупция (равно как и борьба с ней) обладает своими специфическими особенностями.

3. В некоторых странах мусульманской правовой семьи, несмотря на прямой запрет коррупции шариатом, коррупция (причем на самом высоком уровне) воспринимается как неотъемлемое право облеченных властью лиц для личного обогащения. Те страны, которые сегодня раздирают внутренние противоречия и военные конфликты, имеют военизированную клановo-семейную структуру, где каждый клан является активным актором на рынке коррупционных услуг.

4. Коррупционные преступления в исламском праве можно отнести к преступлениям категории тазир (Ta′azir). Коррупционные преступления воплощаются прежде всего в получении/дачи взятке, однако к взяточничеству тесно примыкает ряд коррупционных практик, которые непосредственно связаны с подкупом.

5. Страны Юго-Восточной Азии, исповедующие ислам, имея определённое колониальное наследие, подвергаются вредоносному воздействию коррупции, «замешанной» на местных социально-культурных традициях и пережитках колониального наследия. В целом же противодействие коррупции в странах мусульманской правовой семьи

лишний раз доказывает безосновательность корреляций между религией и уровнем коррупции.

§ 3.5. Уголовно-правовой опыт противодействия коррупционным преступлениям в государствах дальневосточной правовой семьи и в африканских странах

Преобладание в государственной идеологии стран Дальнего Востока таких учений, как конфуцианство, буддизм и таоизм, а также относительная однородность населения позволяют политическим течениям легитимизировать власть и влияют на политическую культуру соответствующих государств. Например, по западным социальным стандартам практика использования родства и знакомств считается коррупционной (во всяком случае, так преподносилось до недавнего времени), однако не каждая страна мира рассматривает это аналогичным образом. Ряд государств Дальнего Востока в своей политике придерживаются отличных от «традиционного» Запада взглядов на подобные явления.

Так, в странах конфуцианской цивилизации, для которых характерен культ государства, существует сильная общекультурная установка, запрещающая доносить на близких людей. В «Беседах и суждениях» Конфуция, в частности, содержится следующая притча: «Князь Шэ сказал Конфуцию: «В моей деревне был один прямодушный человек. Его отец украл барана, и он донес на своего отца». Конфуций же ответил: «В моей деревне прямые люди отличаются от ваших. Отцы там покрывают сыновей, а сыновья – отцов. В этом прямота и состоит»[496].

Для азиатской модели восприятия коррупции характерно отношение общества к коррупции как к явлению, обусловленному культурными

[496] Конфуций. Беседы и суждения. М.: Эксмо, 2015. URL: https://mybook.ru/author/konfucij/suzhdeniya-i-besedy/ (дата обращения: 27.05.2018).

традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. В рамках данной модели коррупция (в её «классическом» западном понимании) не воспринимается как явление противозаконное и нередко расценивается как атрибут функционирования государства[497].

Конфуцианская доктрина лучше всего подходит для использования стоящими у власти силами, желающими централизации власти, поскольку именно конфуцианство учит подчиняться власти. Американский философ А.Ф. Райт отмечал, что «ролевая иерархия была неотъемлемой частью установления идеального порядка, однако конфуцианцы настаивали на том, что жизненно необходимые роли функционера (чиновника) и носителя культурного наследия могут быть доверены только людям высокоморальным. Монарх, находящийся на вершине иерархической пирамиды, когда-то, в отдаленные античные времена, избирался за свои заслуги. Таково строение социополитической пирамиды в азиатских странах».[498]

На Востоке и в странах Азии, где сильно конфуцианское влияние, большое значение имеет концепция того, что коррупция зависит от отношения с окружающими. В частности, в учении Конфуция отмечается: «Ценность или важность таких добродетелей, как правда, честность, справедливость и рациональность, зависят от качества отношений между людьми»[499]. Однако применительно, например, к **Южной Корее** данная концепция означает, что рационализм и справедливость могут быть подчинены «ценности дружбы и родственных отношений», которые и вызывают коррупцию (то есть коррупция рассматривается в позитивной коннотации)[500].

В случае Южной Кореи коррупция распространена среди представителей властей, большого числа публичных должностных лиц или бюрократов,

[497] См.: Качкина Т.Б., Качкин А.В. Указ. соч. С.101.
[498] Wright A.F. Confucian Personalities, Stanford: Stanford University Press, 1962.
[499] Moon Y.-L., & McLean, G. N. The Nature of Corruption Hidden in Culture: The Case of Korea // Fighting corruption in Asia: Causes, effects and remedies / In J. Kidd & F.-J. Richter (eds.). Singapore: World Scientific, 2003. P. 297-315.
[500] Ibid.

бизнесменов и даже простых людей. Сама история Кореи является примером того, какую роль политика и президенты играли в развитии коррупции. Как только путем коррупции устанавливались связи между элитами различных групп, когда бюрократы и политики начинали принимать политические решения, на сцене появлялись взятки и влияние, и решения принимались в пользу тех, кто подкупил принимавших эти решения. Коррупция в Корее и принятие ее населением демонстрируют, как культура может оказывать влияние на менталитет народа. Так, историческое прошлое страны оказывает серьезное влияние на ее политическую культуру. Некоторые паттерны, которые прослеживаются в корейской политике и обществе, включая подчинение власти, иерархический взгляд на жизнь, коллективную пассивность, централизацию управления, ориентацию на прошлое/традиции, на ритуалы/формализм, преданность и выбор идеалистических решений, основываются на историческом прошлом страны[501].

На протяжении всей своей истории Корея была известна как страна достаточно однородной культуры. Люди различного происхождения и с различными биографиями формируют связи на основании сходных биографий – по принципу образования, проживания в одном регионе и т.д. То, что корейцы называют *юнг*, выходит за пределы семейных связей и означает объединение разных индивидуумов на основании сочувствия, включения и полной вовлеченности. Корейский исследователь В. Ки Пайк утверждал, что значение *юнг* сходно с концепцией *уири*, что означает «мы». Он описывал концепцию *уири* как традицию отвечать добром на добро, но при этом отмечал, что «если кто-то откажет в оказании услуги тому, кого хорошо знает, или если при использовании собственности он отделяет свое от чужого», такое поведение другие будут считать неэтичным[502]. *Юнг* способствует

[501] См.: Young Jong Kim. The New Paradigm of Anti-corruption Policies in Korea: A Focus on the Lobbying Disclosure Act // GovNet eJournal, Vol. 1, No. 1. Oct-Nov, 2007. P. 10-21. URL://https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/340280/99-163-1-PB.pdf?sequence=1 (дата обращения: 27.05.2018).

[502] См.: Paik W. Modernization of Korean Bureaucracy (Ph.D. Dissertation). Tallahassee: The Florida State University. 1972. 1-200.

формированию специальных связей, среди которых важны ассоциации выпускников и землячества. Ассоциации выпускников объединяют людей, закончивших один университет, а землячества – по месту рождения.

Обращение за одолжениями и признание личных связей в местных органах власти и управления распространяются также на деловые и политические круги в местных сообществах. Известны случаи, когда бизнес предпочитал нанимать бывших высокопоставленных должностных лиц в целях установления нужных связей. В прошлом высокопоставленные чиновники, работающие на бизнес, способны просить об одолжениях у должностных лиц, занимающих серьезные посты, связанные с принятием решений[503]. Различные объединения также способны просить о политических одолжениях благодаря связям своих членов с сокурсниками, земляками. *Юнг* или личные связи заставляют последних оказывать такие одолжения.

В последние несколько десятилетий страну сотрясали громкие судебные процессы по обвинению руководителей государства в различных коррупционных преступлениях. Например, в 2017 году (через три недели после импичмента) Пан Кын Хе, занимавшая пост президента Республики, была арестована по обвинению в коррупции, злоупотреблении властью, давлении на бизнес и разглашении государственных секретов и приговорена судом к 25 годам лишения свободы и штрафу в размере 17,8 млн долларов. В 1996 году Ро Дэ У, возглавлявший Южную Корею в 1988-1993 годах, был осужден к 22 годам лишения свободы за получение взяток, а его предшественник на посту президента, Чон Ду Хван, был и вовсе приговорён к смертной казни за коррупционные преступления (позднее оба были амнистированы). Судьба еще одного бывшего президента – Но Му Хёна – сложилась куда более трагично: уже не будучи президентом он покончил с

[503] См.: Kim Young Jong. New Korean Public Administration and Corruption Studies. 2nd ed. Seoul: The Hyung Seul Publishing Co, 2003.

собой 23 мая 2009 года в связи с обвинениями в получении взятки в 5 млн долларов[504].

В то же Южная Корея занимает 39-е место среди 180 стран по индексу восприятия коррупции. Уголовное законодательство этой страны содержит достаточно антикоррупционных норм: в гл. VII «Преступления, связанные с обязанностями должностных лиц». В этой главе находятся, в частности, ст. 129 «Получение взятки и обещание получения», ст. 130 «Взятка третьему лицу», ст. 131 «Неправомерные действия после получения взятки и последующее взяточничество», ст. 132 «Получение взятки через добрые услуги», статья 133 «Предложение взятки и тому подобные действия»[505].

Некоторые ученые оспаривают негативный эффект конфуцианства для общества и тот факт, что конфуцианская ментальность способствует коррупции. Они полагают, что конфуцианство в целом помогло общественному развитию и способствовало политической демократизации. Многие из них разделяют мнение о том, что конфуцианская рабочая этика, которая направлена на поддержку работающих много и тщательно, а также подчеркивает важность образования, социальной гармонии и преданности властям, сыграла важную роль в создании так называемого восточноазиатского экономического «чуда». Однако большое число экспертов придерживается мнения о том, что конфуцианская система ценностей явилась скорее препятствием, чем положительным фактором в демократическом развитии. Например, американский ученый С. Хантингтон полагает, что конфуцианская демократия — это оксюморон[506].

Описанные выше признаки коррупционной ментальности, свойственные конфуцианству, прослеживаются и в **Китае**. Политический деятель Китая XII века Ванг Анши указывал в числе основных причин коррупции плохое

[504] См.: Сучков Е. Указ. соч.
[505] См.: Уголовный кодекс Республики Корея / науч. редактирование и предисловие А.И. Коробеева; пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 103-106.
[506] См.: Huntington S. Political Corruption and Political Order in Changing Society, New Haven: Yale University Press, 1968.

законодательство и плохих чиновников[507]. Хотя в Китайской Народной Республике существует более 1200 законов, правил и директив, их исполнение в основном неэффективно, а число отправившихся в тюрьму коррумпированных чиновников не превышает 3%.[508] Существует *четыре элемента,* которые играют основополагающую роль в китайском обществе: *социальные связи* (гуан си), *одолжения* (ренкин), *лицо* (мьянцзы) и *офисные стандарты* (гуан бен вей).

При изучении китайской культуры следует более подробно остановиться на «дифференциальном режиме ассоциации», предложенном китайским исследователем С. Феем в работе 1947 года[509]. Данная теория описывает характер межличностной близости в Китае. В центре каждой сети социальных связей находится человек, и личные круги каждого связаны между собой[510]. В закрытом сельском обществе большая часть социальных взаимодействий происходит в его ядре, то есть между отдельными индивидами и семьей, между семьей и местным сообществом. В Китае индивиды стараются создать связи с высокопоставленными лицами и совершают различные поступки ради дружбы и связей. Китай долгое время являлся обществом, основанном на связях, что характерно для межличностных взаимоотношений и взаимодействий, исторически сформированных доминированием сельского хозяйства в экономике и закрытостью общества. Дифференциальные ассоциации со случайными знакомыми способствуют интеграции индивидов в общество, основанное на социальных сетях[511]. В обществе, ориентированном на связи, границы между подарком и взяткой размыты. В результате изучения феномена взяточничества в сфере иностранных инвестиций канадский ученый А. Смарт[512] отмечал, что подарки, взятки и предметы потребления не являются

[507] Цит. по: Есембаева Ж. Е. Правовые средства борьбы с коррупцией: маг. дис. – Астана, 2013.
[508] См.: Pei M. Corruption Threatens China's Future. Carnegie Endowment for International Peace. 2007. URL: http://carnegieendowment.org/2007/10/09/corruption-threatens-china-s-future/1m68 (дата обращения: 27.05.2018).
[509] См.: Fei X. T. Rural China (in Chinese). Shanghai Watch Press, 1947.
[510] См.: Fei X. T. From the Soil: the Foundation of Chinese Society. University of California Press, 1992.
[511] См.: Wu F. L. Retreat from a totalitarian society: China's urbanism in the making (Chapter 61) // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Blackwell Publishing Ltd, 2011.
[512] См.: Smart A. Gifts, Bribes, and Guanxi: A Reconsideration of Bourdieu's Social Capital // Cultural Anthropology. 1993. 8(3). P. 388-408.

реальными объектами, которые можно проверить, подвести под формальное определение и приклеить ярлык. На формирование сетей социальных связей серьезное влияние оказала особая китайская *культура родственных связей гуан си*. Основываясь на китайской национальной культуре, которая не способствует четкому разделению публичной и частной жизни, сеть личных связей используется и в публичных делах, в том числе в бизнесе.[513] Член сети *гуан си* обязан помогать и предоставлять ресурсы своим семейным или групповым связям. Цепочки взаимовыгодных действий обычно превращают *гуан си* в прочную связь.

***Одолжения* (*ренкин*)** представляют собой центральную концепцию китайской культуры и выступают в качестве основы для поддержания социальной гармонии в обществе. Объем одолжений прямо пропорционален близости межличностных связей. *Обычной практикой укрепления межличностных связей является дарение подарков, проведение банкетов и оказание личных услуг.* Обязательная взаимность при поддержании таких отношений помогает развитию и поддержанию коррупции. Оказание помощи близким друзьям и соседям воспринимается не как нарушение, а как неотъемлемая часть китайских социальных норм[514].

Концепция «лица»* (*мьянцзы*)** также является весьма распространённой в китайской культуре. Эту концепцию тяжело объяснить в терминологии западного общества – ***она может включать чувство собственного достоинства, честь, репутацию и уважение. Другой канадский исследователь М. Янг в работе 1989 года отмечал: «Лицо особенно важно для китайской культуры, поскольку это не только вопрос престижа, но и признак личной идентичности… Нетронутое лицо является источником чувства преуспевания, самоуважения и безопасности»[515]. Человек, имеющий

[513] См.: He Z. Corruption and Anti-Corruption in Reform China // Communist and Post-Communist Studies. 2000. 33: 243–270.
[514] См.: Chugh D., Bazerman M. H., and Banaji M. R. Bounded Ethicality as a Psychological Barrier to Recognizing Conflicts of Interest. Conflicts of Interest: Challenges and Solutions in Business, Law, Medicine, and Public Policy / ed. by D. A. Moore, D. M. Cain, G. Loewenstein, and M. X. Bazerman. Cambridge University Press, 2005.
[515] Yang M. M.-H. The Gift Economy and State Power in China // Comparative Studies in Society and History. 1989. 31(1).

репутацию «крупного лица», связи которого могут быть использованы для реализации больших дел, становится привлекательным для установления связей. Этот символический капитал облегчает таким людям завязывание отношений с любыми интересующим их лицами[516]. В Китае достижением гармонии считается передача своего лица другим. От других ожидается взаимность при передаче лица в том же объеме. Отказ в исполнении просьбы, отклонение предложения или приглашения могут рассматриваться как отказ передать свое лицо другим. *Отказ от подарка или приглашения на банкет может повлечь унижение (то есть потерю лица).* В связи с этим коррупция часто оправдывается фразой «любезность требует взаимности».

Кроме того, исторические традиции, такие как «офисные стандарты» (*гуан бен вей*), сложившиеся в период централизованной бюрократической иерархии династии Цинь (с 221 по 206 год до н. э.), способствуют коррупции. *Понятием «офисные стандарты» обозначается культурный и политический феномен приоритета официального ранга лица в государственных структурах как основы для определения социального статуса*[517]. Система квалификационных экзаменов при приеме на гражданскую службу в Китае существовала еще 1300 лет назад и поощряла интеллектуалов, выбирающих государственную карьеру, например в качестве сотрудника суда. Сдача экзамена на имперскую государственную должность была настолько важным событием повседневной жизни, что рассматривалась как часть традиционных «четырех наибольших радостей».

Китай располагается ниже всех других азиатских стран в рейтинге индивидуализма. Причиной этого может быть традиционное конфуцианство, а также существующая в настоящее время политическая доктрина КНР. Как отмечалось, Китай исторически являлся сельской, аграрной страной, где

[516] См.: Smart A. Gifts, Bribes, and Guanxi: A Reconsideration of Bourdieu's Social Capital // Cultural Anthropology. 1993. 8(3). P. 388-408.
[517] См.: Liu J. Z. Corruption Psychology of Corrupted Officials: A Study of Corruption Psychology (in Chinese). CPC Central Party School Press, 2013.

всегда делался акцент на коллективных усилиях в рамках семьи или фермы[518]. Поэтому, придание большого значения социальным сетям вносит вклад в развитие коррупции. И, наконец, внимание Китая к конфуцианскому динамизму, или долгосрочной ориентации, еще более способствует необходимости исполнения социальных обязательств.

Ключевые черты китайской культуры, включая связи, одолжения, лицо и офисные стандарты, легли в основу построения общества, в центре которого находятся социальные связи. Данные культурные черты размывают границы между нормальными межличностными связями и коррупционным поведением, что делает коррупцию аспектом традиционного китайского общества[519].

Кроме того, нельзя забывать, что и сам Китай по своему административно-территориальному делению не однороден: такие специальные административные районы страны, как Гонконг (бывшая британская колония) и Макао (бывшая португальская колония), в самом деле являются весьма специфичными частями КНР. В Гонконге действует отдельный статут – Ордонанс о предупреждении взяточничества 1971 года, а в Макао ответственность за коррупционные деяния предусмотрена собственным Уголовным кодексом. Кстати говоря, УК Макао весьма схож с Уголовным кодексом Португалии как по юридической технике, так и по архитектонике.

Примечателен по сравнению с УК КНР «разброс» по части строгости наказаний в уголовных законах этих особых районов Китая за коррупционные преступления. Так, в вышеупомянутом Ордонансе Гонконга в ст. 12 перечислены наказания за те коррупционные преступления, которые этим актом предусмотрены. Самым строгим является наказание в виде тюремного

[518] См.: Gallo F. T. Business Leadership in China: How to Blend Western Best Practice with Chinese Wisdom. John Wiley & Sons, 2011.
[519] См.: Winnie Tong. Analysis of Corruption from Sociocultural Perspectives // International Journal of Business and Social Science Vol. 5. No. 11(1). October 2014. // URL: https://ijbssnet.com/journals/Vol_5_No_11_1_October_2014/2.pdf.

заключения на срок 10 лет и штрафа в 1 млн долларов США[520]. В УК Макао гл. V «Преступления, совершенные в процессе исполнения публичных обязанностей» включает, в частности, ст. 337 «Пассивный подкуп за совершение незаконных деяний», 338 «Пассивный подкуп за совершение правомерного поведения», 339 «Активный подкуп». Наиболее строгое наказание за вышеназванные преступления предусмотрено именно ст. 337 – лишение свободы на срок от одного до восьми лет[521]. В УК КНР есть гл. VIII «Растрата и взяточничество», которая насчитывает 14 статей, предусматривающих несравнимо более строгие наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы, а Дополнительные положения, касающиеся наказаний за растраты и взяточничество, и вовсе допускают смертную казнь в определённых случаях (при отягчающих обстоятельствах)[522].

В **Японии** наиболее глубокие причины институционализации коррупции коренятся в печально известном «железном треугольнике», состоящем из министерской бюрократии, бизнеса и консервативных политиков. «Железная» незыблемость этого переплетения интересов – за рамками институциональной базы – в большой степени поддерживается независимостью политиков в исполнении функций глав фракций, на которых не распространяются политические механизмы партийного контроля. Их влиятельное положение внутри партии основывается исключительно на размерах поддерживающей их фракции, в связи с чем роль формализованных процессов принятия решений практически сводится к нулю, если в партии отсутствует содержательная и программная ориентация. С социологической точки зрения можно сказать, что в основе фракционности лежит японская ментальность *«мура-ишики» (общественная ментальность).* Вне зависимости от того, как распределяется вес факторов внутри треугольника, остается неизменным тот факт, что внимание необходимо обращать не на его индивидуальные компоненты как

[520] См.: URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap201?xpid=ID_1438402825110_001#.
[521] См.: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2235536.
[522] См.: URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/lawsdata/chineselaw/200211/20021100053254.shtml.

таковые, а на преобладающие между ними связи, которые позволяют существовать различным или противоречащим друг другу возможностям рационального выбора (рынок - государство, публичное - частное, формальное - неформальное), которые необходимо примирить между собой. Неформальные отношения, которые возникают, когда высокопоставленный гражданский служащий решает продолжить карьеру в политике или бизнесе и на государственном или частном предприятии (*амакудари*), рассматриваются как основа «железного треугольника» и определяющий фактор для доминирования той или иной властной структуры[523]. Нижеследующие положения могут рассматриваться в качестве основных характеристик символических взаимосвязей внутри треугольника:

- общие социальные рамки, определяющим внутри которых является консенсус, а не правовые процедуры;
- исключительная ценность, придаваемая личным связям;
- центральное положение ценностей, таких как преданность и доверие;
- социальная однородность[524].

Японская культура во многом основывается на традиции *гири*, то есть существующей на культурном уровне обязанности уравновешивать полученные и оказанные услуги путем создания «закрытого пространства обязательных социальных взаимоотношений»[525]. Любая заинтересованность сопровождается подарком (*мейсигавари*), который рассматривается в качестве выражения признательности за оказанную услугу. Сеть взаимоотношений, основанных на оказании услуг, предлагает взаимную услугу и, поддерживая свое существование подобным образом, создает социально-культурную среду обитания, где тяжело провести границы между обменом услугами и коррупционностью.

---

[523] См.: Prestowitz C.V. Jr. Trading Places: How we Allowed Japan to take the Lead. N.Y., 1988. P.113.
[524] См.: Okimoto D.I. Between MITI and the Market: Japanese Industrial Policy for high Technology. Stanford, 1989. P. 157.
[525] Bouissou J.-M. Gifts, Networks and Clienteles: Corruption in Japan as a Redistributive System // Democracy and Corruption in Europe, Della Porta D. and Mèny, Y. (eds.). L., 1989. P. 138; Blechinger V. Politische Korruption in Japan. Ursachen, Hintergründe und Reformvorschläge, Hamburg. Mitteilungen des Instituts für Asienkunde, 1998. Bd. 291. P. 88.

Уголовный кодекс Японии содержит отдельную гл. 25, которая называется весьма красноречиво «Преступления, состоящие во взяточничестве» (ст. 193-198). Примечательно, что далеко не все эти нормы устанавливают ответственность, собственно, за взяточничество. Например, ст. 193 запрещает злоупотребление присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица, а ст. 195 предусматривает уголовную ответственность за насилие либо оскорбительное или дурное обращение со стороны публичного должностного лица, представляющего суд, полиции или прокуратуру[526].

Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует клановый подход, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования[527].

Поскольку Африка является подлинным клондайком различных природных ресурсов, необходимых всему остальному миру, то за Черный континент развернулась настоящая война между ключевыми геополитическими игроками: США, Китаем, странами-донорами Евросоюза, Великобританией. Расхищение природных богатств Африки и экспорт их за пределы континента невозможны без тотальной коррупции в африканских «сырьевых» странах. Конечно же, такое «рукотворное истощение» Африки, ее богатств и народов, ее населяющих, имеет корни и в колониальных традициях нещадной эксплуатации континента.

Примечательно, что в ст. 21 Африканской хартии прав человека и народов от 21 октября 1986 года говорится следующее: «1. Все народы свободно распоряжаются своим национальным богатством и природными

[526] См.: Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисловие А.И. Коробеева. СПб. Юридический центр Пресс: 2002. С. 117-123.
[527] См.: Качкина Т.Б., Качкин А.В. Указ. соч. С.101.

ресурсами. Это право используется исключительно в интересах народа. Ни в коем случае народ не может быть лишен этого права. 2. В случае грабежа своего достояния обездоленные народы имеют право на законное возвращение его, а также на соответствующую компенсацию. 3. Свободное распоряжение национальным богатством и природными ресурсами осуществляется без ущерба для обязательства развития международного экономического сотрудничества, основанного на взаимном уважении, справедливом обмене и принципах международного права. 4. Государства — участники настоящей Хартии индивидуально или коллективно пользуются правом свободно распоряжаться своим национальным богатством и природными ресурсами для укрепления африканского единства и солидарности. 5. Государства — участники настоящей Хартии обязуются ликвидировать все формы иностранной экономической эксплуатации, особенно те, которые практикуются международными монополиями, с тем чтобы использовать свои природные ресурсы полностью на благо своих народов»[528].

Как отмечает З. Момох, проблемы бедности в Африке связаны с проблемой коррупции на институциональном уровне – чтобы бороться с коррупцией на континенте, усилия должны быть направлены именно на борьбу с бедностью. Внутри стран Африки коррумпированные руководители используют весь набор коррупционных практик[529].

Например, в **Кении** никому не известная компания “Anglo Leasing” получила от правительства несколько контрактов, которые не были выполнены по одной простой причине – этой компании никогда не существовало. Anglo Leasing Finance получила около 30 млн евро за поставку кенийскому правительству системы для печати новых высокотехнологичных паспортов; другим фиктивным компаниям, участвовавшим в афере, были предоставлены деньги для снабжения военно-морских судов и лабораторий судебной экспертизы. В итоге на скамье подсудимых оказались шесть бывших

[528] URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html.
[529] См.: Momoh Z. Corruption and governance in Africa. Op. cit.

правительственных чиновников, среди которых и бывший министр финансов страны[530].

В **Малави** в свое время разгорелся очередной громкий коррупционный скандал, которому было дано наименование “Cashgate”. Это событие стало предметом дебатов в парламенте страны. Пользуясь различными коррупционными возможностями, правительственные чиновники похитили из бюджета около 10 млн долларов США. Тогдашний вице-президент страны Кашале, выступая в парламенте, заявил, что такое хищение стало возможным во многом благодаря изъянам платежной системы (IFIMS), которую правительство использовало с 2005 года. «Проверки показали, что огромные суммы денег просто утекали с правительственных счетов, при этом использовались компании и физические лица, у которых никаких контрактов с правительством на поставку товаров, работ и услуг не было». Однако представители оппозиционных партий не вняли этим объяснениям, обратив внимание парламента на то, что сам вице-президент владеет компанией по закупкам, которая причастна к этому скандалу[531].

Бывший диктатор Конго Мобуту Сесе Секо, как отмечают зарубежные СМИ, выстроил сверх-централизованную систему управления страной, а его режим был печально известен своим непотизмом и коррупцией. Например, Мобуту любил летать в Париж на шопинг на реактивном самолете «Конкорд» и был одним из крупнейших получателей финансовой помощи из США[532].

В Африке есть и свои «выдающиеся» бизнес-леди. Например, дочь бывшего президента Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуша Изабель, ставшая недавно гражданской России, названа журналом Forbes самой богатой женщиной в Африке. Состояние дочери бывшего главы государства

---

[530] См.: Kenyan Officials Charged over Anglo Leasing Scandal // URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-31733052 (дата обращения: 15.07.2020).

[531] См.: Lameck Masina Malawi Parliament Demands Action on Corruption Scandal. URL: https://www.voanews.com/africa/malawi-parliament-demands-action-corruption-scandal (дата обращения: 15.07.2020).

[532] См.: Ishaan Tharoor. Top 15 Toppled Dictators. URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2097426_2097427_2097458,00.html (дата обращения: 15.07.2020).

оценивается в размере 2,2 млрд долларов США[533]. Так, в 2006 году государство купило 49% акций цементной компании Nova Cimangola за 74 млн долларов США, а спустя непродолжительное время эти акции были переданы в бизнес-империю Изабель. Таким образом, государство потеряло всё, что инвестировало в эту сделку[534].

Всеобъемлющим актом о противодействии коррупции на Черном континенте является Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 года. Помимо этого регионального акта, действует еще и акт субрегионального характера - Протокол против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 года.

Один из аргументов, в оправлении коррупции в Африке, предлагаемых марксистской теорией, состоит в том, что коррупция в постколониальных странах — это метод, используемый классом капиталистов, вышедших из колониализма, в целях накопления капитала. Апологеты данной теории полагают, что чрезмерное раздувание сумм контрактов, выставление завышенных счетов, получение «откатов» и распродажа государственных предприятий по бросовым ценам являются примитивными средствами накопления капитала, используемыми нарождающейся буржуазией в постколониальных странах. Они также считают, что в колониальный период государственные органы этих стран не были прозрачны и подотчетны африканскому народу. «Если и присутствовала йота подотчетности, то они были подотчетны Лондону, Парижу или Лиссабону, но не африканскому народу и местным институтам. Именно поэтому после объявления

[533] См.: Mfonobong Nsehe. Africa's Richest Woman Isabel dos Santos Might Resign From Sonangol. URL: https://www.forbes.com/sites/mfonobongnsehe/2017/03/05/africas-richest-woman-isabel-dos-santos-might-resign-from-sonangol/#25b2f25778bd (дата обращения: 27.12.2019); 2020 Billionaires Net Worth Isabel dos Santos. URL: https://www.forbes.com/profile/isabel-dos-santos/#54394323523f (дата обращения: 27.12.2019).

[534] См.: Mundenga T. State of Corruption in the 21st Century Southern Africa: The Case Study of Angola, Malawi, Zimbabwe and South Africa. URL: https://www.academia.edu/12940249/State_of_Corruption_in_the_21st_Century_Southern_Africa_The_Case_Study_of_Angola_Malawi_Zimbabwe_and_South_Africa (дата обращения: 27.12.2019).

независимости постколониальные государственные органы остались чужими для африканцев»[535].

Нигерийские исследователи Обианьо и Эмесибет, объясняя размывание границы между исконным и современным гражданским обществом в **Нигерии**, указывали: «Постколониальное государство и его управляющие «нигеризировали» культуру эксплуатации, привилегий и неравенства, унаследованную ими от колониальных управляющих, и использовали ее в целях создания колоссальных возможностей для укрепления личной власти, а также для того, чтобы там и тогда, где и когда это возможно, получать от многочисленных сообществ – членов семьи, друзей, этнических/религиозных групп – молчаливую поддержку в их борьбе за первоначальное накопление капитала путем разграбления государства»[536]. Другими словами, как точно подметил другой нигерийский ученый, Нта, пост-колониальная нигерийская семья уже не та, что была раньше. «Индивидуализм пришел на смену [исконной] семейной системе…. Общество теперь молится на деньги и выказывает весьма мало уважения образованию и неподкупности».[537]

Ряд экспертов полагает, что именно традиционная культура поддержки близких и выражения благодарности за оказанные услуги способствует росту коррупции на Африканском континенте. Отвечая на заявление о том, что коррупция стала частью африканской культуры, президент Нигерии Олусегун Обасанджо отметил: «Я содрогаюсь, думая о том, как неотъемлемая часть нашей культуры может быть использована в оправдание столь недостойного поведения. В рамках африканской концепции признательности и гостеприимства подарок обычно является памятным символом. Его не требуют, и его ценность определяется не материальной стоимостью, а оказанным вниманием. Обычно подарки вручаются открыто и никогда не скрываются. Если подарок чрезмерен, это считается оскорбительным, и его

[535] Michael Angel Folorunso. Dynamics of Political Communication: A Treatise in Honour of Asiwaju Bola Tinubu // Political Science. 2013
[536] Цит. по: Kempe Ronald Hope, Sr. Corruption and Governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria // Political Science. 2017
[537] Ibid.

сразу возвращают. Именно этот аспект нашей культуры коррупция извратила и разрушила прежде всего»[538].

В **Танзании** текущая коррупционная ситуация является спорной. В то время как уровень низовой, ежедневной коррупции снижается (по сравнению с худшими годами экономического кризиса) именно это форма коррупции продолжает оказывать серьезное влияние на большинство простых танзанийцев, несмотря на то что освещение в прессе в основном получает политическая коррупция на высшем уровне.

В части создания необходимой правовой базы для противодействия коррупции Танзания в последние годы ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Африканского союза о предупреждении и противодействии коррупции. Конституция Объединённой Республики Танзания предусматривает исключительное право парламента на принятие законов и независимость судебной власти. Она также закрепляет принципы господства права, разделения властей и многонациональности политической системы. Конституция Республики, а также ее законы и подзаконные акты четко устанавливают, что коррупция в любых ее проявлениях является незаконной. За совершение коррупционных деяний может быть назначено наказание в виде штрафа или лишения свободы либо оба этих наказания в совокупности. Существуют различные механизмы, препятствующие вовлечению в коррупцию государственных служащих, включая Регламент правительства 1994 года, Акт о государственных закупках 2001 года, и жесткие процедуры в отношении конфликта интересов, регистрации и раскрытия активов. Акт Танзании о Кодексе этики публичных лидеров был специально принят для установления единых этических стандартов, которые обязано соблюдать каждое публичной должностное лицо. Данным Актом вводится должность Комиссара по этике и создается его Секретариат,

[538] Obasanjo O. Corruption, Democracy and Human Rights in Africa // Corruption, Democracy and Human Rights in West Africa, the Keynote Address at the African Leadership Forum (ALF) held in Contonou, Benin Republic, 19-24 September, 1994 / Aderinwale A. (ed.) Ibadan: ALF Publications, 1994.

уполномоченный расследовать деятельность политических лидеров и налагать на них санкции за нарушение Кодекса. Также был расширен мандат Бюро по предупреждению коррупции (Prevention of Corruption Bureau, PCB), а его сотрудники были рассредоточены по региональным и районным отделениям, финансирование и штат которых были существенно увеличены[539].

Во многих обществах часто наблюдается два вида культуры: «то, что есть», то есть существующие культурные практики, и «то, как должно быть», то есть идеальные культурные ценности. С распространением «глобальной деревни»[540] и созданием «единого мира» культурные практики начинают все больше доминировать над культурными ценностями.

Либерия не является исключением из данного современного феномена. Для того чтобы лучше понять историю возникновения коррупции в этой стране, необходимо исследовать происхождение специфичных для нее незаконных практик. В результате невозможно представить причины укрепления коррупции в Либерии без проведения анализа исторического развития различных видов взаимодействия, которые в настоящее время являются коррупционными, однако их предшественники считаются неотъемлемой частью культуры страны. Хотя данные практики могут формально объявляться незаконными, они все еще считаются приемлемыми с моральной точки зрения для большинства населения в определенных обстоятельствах.

До появления в стране западных форм правления политическая власть и социальный престиж в основном приобретались посредством «патронажа». Неписаный социальный контракт предусматривал, что небольшая группа лиц контролирует ресурсы и власть, перераспределяя богатство среди своих родственников и друзей. Таким образом, политические и традиционные лидеры управляли страной без какой-либо подотчетности народу, в то время

[539] United Nations Development Programme (UNDP) (2003). UNDP case studies in anti-corruption: Tanzania. (Mimeo).

[540] Термин введён канадским социологом М. Маклюэном и характеризует мировое сообщество в современных условиях, когда массовые коммуникации формируют характер общества, в котором возникает идиллия свободного общения людей.

как народ боготворил их и преклонялся перед ними. Это объясняет то, почему народ оправдывает действия воров, крадущих государственные средства, но инвестирующих их внутри Либерии, и осуждает тех, кому удалось бежать с незаконно полученными средствами в другие страны. По мнению либерийцев, одна группа воров, которая позволяет народу получать некоторые блага, может быть оправдана, поскольку в конце концов в той или иной форме инвестированные средства дойдут до народа, однако другая группа, миссией которой является «пришел-схватил-сбежал», всячески осуждается.

Одним из наиболее влиятельных факторов, способствующих развитию/снижению коррупции, является степень безнаказанности. Как отмечал либерийский исследователь Аба Гамильтон - Доло: «безнаказанность есть то зерно, которое, упав на плодородную почву, способствует бурному произрастанию коррупции»[541]. Коррупционные действия совершаются в основном в интересах получения экономической выгоды, поэтому размер коррупции зависит от объема экономической выгоды, получаемой сторонами коррупционной сделки, и вероятности их безнаказанности. К сожалению, в либерийском обществе безнаказанность процветает. По мнению Аба Гамильтона - Доло, превалирование безнаказанности может быть частично отнесено на счет преимущественно восстановительных форм правосудия, которые исторически сложились в культуре либерийского народа. В прошлом, а нередко и сейчас многие споры разрешаются «старейшинами», которые видят большую ценность в «гармонизации» отношений между нарушителем и потерпевшим, нежели в наказании нарушителя. Хотя в настоящее время судебная власть в Либерии является рациональной и руководствуется законом, некоторые культурные изъяны все еще продолжают оказывать на нее влияние. Если нечестные сделки на протяжении длительного периода выглядят приемлемо и люди даже не думают их скрывать, такое поведение широко

[541] См.: Aba Hamilton-Dolo. The Nexus between Culture and Corruption: Liberia’s Burden. Front Page Africa Online, Oct 29, 2017. URL: https://frontpageafricaonline.com/opinion/the-nexus-between-culture-and-corruption-liberia-s-burden/.

распространяется в обществе и его принятие становится социальной нормой. Это объясняет общую толерантность к коррупции в Либерии. «Многие добрые либерийцы хотели бы поступать правильно и не становиться частью коррупционных синдикатов. Однако коррупционные практики и их принятие разъедают наше общество как рак. Мы празднуем незаконно полученные доходы и называем экономических преступников «умными людьми». Мы прославляем разграбление наших ресурсов и тянем руки, чтобы подхватить хотя бы крошки со стола тех, кто насилует нас экономически, социально и морально. Общество более не интересуется происхождением доходов, а если и интересуется, то закрывает глаза и раскрывает объятья для клептократов»[542].

По мнению некоторых исследователей, коррупция в африканских странах — это миф, поскольку там исторически ожидается демонстрация признательности за оказанную услугу. Если государственный чиновник предлагает кому-то работу или контракт, бенефициар будет обязан продемонстрировать свою признательность такому чиновнику либо в денежном выражении, либо натурой, также как они бы это сделали в отношении вождя деревни, выделившего им участок для посевов или строительства жилья. Коррупция – миф, поскольку в этой культуре взяточничество является взаимной доброй волей.[543]

Таким образом, можно утверждать, что во многих развивающихся странах, особенно африканских, существует очевидный разрыв между институциональной базой и преобладающей социально-культурной основой, которая является синкретической. Хотя социокультурные сети не отображают возрождения «традиционалистских», или предколониальных, культурных моделей, они обычно состоят из трансформированных глубинных культурных элементов, рекомбинированных и слитых из элементов, унаследованных от колониального прошлого и приобретенных в период независимости.

---

[542] Aba Hamilton-Dolo. Op. cit.

[543] См.: Maduagwa M.O. Nigeria in Search of Political Culture: the Political Class, Corruption and Democratisation // Ngboyeda A. Corruption and Democratisation in Nigeria, Ibadan: Fredrick Ebert Foundation and Acbo Are Publishers, 1996.

Если говорить о конкретных коррупционных деяниях, распространённых в **Анголе**, то к ним относят активный и пассивный подкуп, незаконное обогащение, конфликт интересов, фаворитизм, непотизм, кроунизм (назначение на ключевые посты друзей), злоупотребления при государственных закупках, хищение государственных денежных средств[544].

Всем в Анголе памятно публичное высказывание министра здравоохранения, а впоследствии губернатора провинции Маланже: «Козел может питаться лишь там, где его привязали». В тяжелейшие 90-е годы прошлого века это заявление должно было быть воспринято как разрешение делать и получать что-либо ради выживания, даже если это нарушало закон и этические нормы. А следовательно, доступ к рабочим местам, государственным услугам, школам, здравоохранению прекратился на бесплатной основе и стал возможен «в обход» за «маржу» (levy – португал.), алкоголь (drink), фруктовую газированную воду (gasosa – португал.). В школах стали предлагать мзду в виде “gasosa”, чтобы повысить оценки за обучение, неуспевающие студенты предлагали деньги преподавателям, которые были не в силах бороться с искушением. Каждый гражданин ожидал какого-либо вознаграждения (пусть и косвенного) за выполнение им своих профессиональных обязанностей. Людям не оказывали в больницах надлежащей медицинской помощи, и многие умерли из-за невозможности оплатить “drink”. Врачи, трудившиеся в государственных медицинских учреждениях, организовывали частные консультации, где принимали тех, кто был способен заплатить больше. Учителя в государственных школах стали вести частные уроки для своих же собственных учеников, жалующихся на плохое качество образования. Нарушение правил дорожного движения или отсутствие необходимых документов компенсировалось «выпивкой» для офицера полиции[545].

---

[544] См.: Angola Corruption Report // URL: https://www.ganintegrity.com/portal/country-profiles/angola/ (дата обращения: 12.10.2019).

[545] См.: Paulo dos Santos. Genesis of corruption in Angola. URL: https://www.academia.edu/37846739/GENESIS_OF_CORRUPTION_IN_ANGOLA (дата обращения: 12.12.2019).

В то же время Уголовный кодекс Республики Ангола содержит все необходимые нормы для борьбы с коррупцией: в Особенной части есть гл. IV «Преступления, совершаемые во время выполнения публичных обязанностей и причиняющие вред публичным обязанностям» (ст. 343-361). Эта глава, в свою очередь, входит в Разд. V «Преступления против государства» УК Анголы.

Статья 343 предусматривает ответственность за *активную коррупцию (активный подкуп) публичного служащего.* В соответствии с ч.1 данной статьи ответственность несет любое лицо, которое предлагает, обещает или гарантирует незаконную выгоду публичному служащему либо лицу, которое специально уполномочено на осуществление публичных функций, за совершение акта, который входит в его обязанности. Это преступление наказывается тюремным заключением на срок до года либо штрафом в размере до 120 штрафо-дней. Часть 2 предусматривает ответственность за то же деяние, совершенное с целью побудить подкупаемых лиц на совершение незаконного акта. Это преступление влечет тюремное заключение сроком от одного до трех лет либо денежный штраф в размере от 120 до 360 штрафо-дней. Если такой незаконный акт был совершен, то виновному грозит тюремное заключение на срок от одного года до пяти лет, если более строгое наказание не установлено иным уголовным законом[546]. Статья 344 УК Анголы содержит специальный состав активного подкупа – *активный подкуп судьи или судьи арбитражного суда (árbitro).* В случае дачи взятки за совершение правомерных действий или за уже совершенные действия такого характера виновному грозит тюремное заключение на срок до трех лет либо денежный штраф в размере 360 штрафо-дней. То же деяние, осуществленное с целью побудить подкупаемых лиц совершить неправомерное деяние, наказывается тюремным заключением на срок от одного года до пяти лет. Если же неправомерное деяние было совершено, то виновному грозит тюремное

[546] См.: Anteprojecto do código penal angolano. URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/pt/ao/ao026pt.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

заключение на срок от трех до десяти лет, если более строгое наказание не установлено иным уголовным законом[547].

Статья 345 УК Республики Ангола предусматривает *ответственность за пассивный подкуп публичного служащего.* Согласно ч.1 данной статьи, несет ответственность публичный служащий либо лицо, специально уполномоченное на осуществление публичных функций, которое просит, требует либо получает обещания выгоды либо выгоду, не связанные с выполнением его функций (иными словами, речь идет о любом вознаграждении, которое не причитается такому лицу по закону). В этом случае виновному грозит тюремное заключение на срок до двух лет либо денежный штраф в размере до 240 штрафо-дней. Если такие просьба, требование или получение обещания осуществлены за совершение незаконных деяний, то виновному грозит тюремное заключение на срок от одного года до пяти лет. Если же такое незаконное деяние было совершено, то виновному назначается тюремное заключение на срок от двух до восьми лет, если более строгое наказание не установлено иным уголовным законом[548]. Статья 346 ангольского Уголовного кодекса предусматривает ответственность за пассивный подкуп судьи либо судьи арбитражного суда.

Остальные нормы Гл. IV УК Анголы предусматривают ответственность, inter alia, за следующие преступления: растрата (ст. 347), растрата в виде незаконного использования (ст. 378), незаконное участие в разрешенной предпринимательской деятельности (ст. 349), торговля влиянием (ст. 351), нарушение неприкосновенности жилища публичным служащим (ст. 352), использование силовых полномочий против исполнения закона или законного приказа (ст. 353), отказ от сотрудничества (ст. 354), пытки, а также жестокое и унижающее обращение (ст. 355). Деяние, предусмотренное ст. 355 УК Анголы, совершается не просто специальным субъектом (публичным служащим), а тем лицом, которое наделено полномочиями по

[547] Ibid.
[548] Ibid.

предупреждению, уголовному преследованию и расследованию преступлений, охране и наблюдению за лицами, лишенными свободы, и т.д.

Нетрудно заметить, что основными коррупционными преступлениями в ангольском УК называются составы активного и пассивного подкупов, причем такие преступления охватываются *общими* (ст. ст. 343, 345) и *специальными* (ст. 344, 346) нормами.

В заключение работы над параграфом сформулируем некоторые выводы.

1.Преобладание в государственной идеологии стран Дальнего Востока таких учений, как конфуцианство, буддизм и таоизм, а также относительная однородность населения влияют на политическую культуру соответствующих государств. По западным социальным стандартам практика использования родства и знакомств считается коррупционной (во всяком случае, так преподносилось до недавнего времени), однако не каждая страна мира рассматривает это аналогичным образом. Некоторые государства Дальнего Востока в своей политике придерживаются отличных от «традиционного» Запада взглядов на подобные явления. Для азиатской модели восприятия коррупции характерно отношение общества некоторым формам коррупции как к явлению, сосуществующему с культурными традициями, и, обусловленному экономической необходимостью.

2.В Южной Корее коррупция распространена среди представителей властей, большого числа публичных должностных лиц или бюрократов, бизнесменов и даже простых людей. Сама история Кореи является примером того, какую роль политика и президенты играли в развитии коррупции. Как только путем коррупции устанавливались связи между элитами различных групп, когда бюрократы и политики начинали принимать политические решения, на сцене появлялись взятки и влияние, и решения принимались в пользу тех, кто подкупил принимавших эти решения.

Определенные проблемы коррупционной ментальности свойственны китайскому обществу. Существует четыре элемента, которые играют

основополагающую роль в китайском обществе: социальные связи (гуан си), одолжения (ренкин), лицо (мьянцзы) и офисные стандарты (гуан бен вей). Эти элементы в той или иной степени, могут выступить и драйвером коррупции. В Японии наиболее глубокие причины институционализации коррупции коренятся в т.н. «железном треугольнике», состоящем из министерской бюрократии, бизнеса и консервативных политиков. «Железная» незыблемость этого переплетения интересов – за рамками институциональной базы – в большой степени поддерживается независимостью политиков в исполнении функций глав фракций, на которых не распространяются политические механизмы партийного контроля. Исследуемые государства Дальнего Востока имеют развитое антикоррупционное уголовное законодательство, самое жесткое из которых – в Китайской Народной Республике.

3.Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует клановый подход. Власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования. Проблемы бедности в Африке связаны с проблемой коррупции на институциональном уровне – чтобы бороться с коррупцией на континенте, усилия должны быть направлены именно на борьбу с бедностью. Внутри стран Африки коррумпированные руководители исповедуют весь набор коррупционных практик. Марксистская теория небезосновательно утверждает, что коррупция в постколониальных странах — это метод, используемый новым классом капиталистов, вышедшим из колониализма, в целях накопления капитала. В государствах Африки существует довольно развитое антикоррупционное уголовное законодательство, хотя оно (само по себе) не способно улучшить ситуацию.

4. Правящие кланы в ряде стран Африки попросту «приватизировали» государство и все его ресурсы – природные, финансовые, оборонные и т.д. Такие формы, как коррупционный непотизм, фаворитизм и кроунизм, развиты

в Африке чрезвычайно широко. С другой стороны, окорыствление общественных отношений, традиционная культура поддержки близких и оказание благодарностей за услуги способствуют коррупционным практикам на африканском континенте. Однако не меньший разрушительный вклад в процветание коррупции в Африке вносят западные страны в лице своей политической и бизнес-элиты (начиная от подкупа правительственных чиновников африканских государств, заканчивая предоставлением широкого спектра услуг со стороны финансовых учреждений Европы и Америки, укрывающих капиталы, полученные коррупционным путем).

Глава IV. Субъект коррупционных преступлений в контексте теории коррупционной криминологической ментальности

§ 4.1. Субъект коррупционных преступлений: отличительные признаки, виды, проблемы законодательной конструкции

К субъектам коррупционных преступлений относятся, не только исполнители, но и иные соучастники: их субъектами являются и те лица, которые не смогли довести преступление до конца по независящим от их воли обстоятельствам.

Субъекта коррупционных преступлений мы будем рассматривать в качестве самостоятельного подынститута российского уголовного права.

Существует немало точек зрения относительно того, что следует понимать под институтом уголовного права. Например, Э.С. Тенчов понимает под ним объективно складывающуюся внутри отрасли совокупность юридических норм, регулирующих ответственность за посягательства против группы однородных общественных отношений (институты Особенной части) либо определяющих принципы, функциональное назначение, основания или отдельные стороны возложения на граждан позитивной или ретроспективной уголовной ответственности[549]. В свою очередь, Т.В. Кленова определяет институт уголовного права как «сложное образование, объединяющее выраженные в УК РФ уголовно-правовые нормы и (или) предписания определённого вида, воздействующие на относительно самостоятельную часть общественных отношений, отнесенных к предмету уголовно-правового регулирования, которые нацелены на решение определённой отраслевой задачи»[550].

[549] См.: Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 60-61.
[550] Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 187.

В уголовно-правовой литературе содержится отдельное определение института Общей части уголовного права. Например, В.П. Коняхин определяет его как закрепленный в рамках отдельной статьи, группы статей, главы или раздела Общей части уголовного закона структурный элемент системы уголовного права, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленной группы отношений, возникающих по поводу или в результате установления наиболее общих условий (признаков) преступности и наказуемости общественно опасных деяний[551]. Следует обратить особое внимание на то, что в определениях Т.В. Кленовой и В.П. Коняхина содержание института уголовного права не исчерпывается только нормами уголовного закона, но представляет собой систему уголовно-правовых нормативных предписаний[552].

В связи с этим, само собой, возникает вопрос о структуре института уголовного права. Обратимся к работе М.С. Жука, который представил такую его структуру: 1) идеи и принципы, на основе которых право с помощью норм регулирует соответствующие отношения; 2) нормативный материал отечественного уголовного законодательства; 3) регулируемые институтом общественные отношения, что проявляется в их реализации в общественную практику[553].

Что касается идей и принципов, то, как указывал М.И. Бажанов, «вполне правомерно говорить не только о принципах уголовного права в целом, но и о принципах отдельных институтов уголовного права»[554]. Нормативный материал включает в себя нормы Уголовного кодекса РФ (его Общей и Особенной части); нормы Конституции Российской Федерации; нормы международного права (в тех случаях, когда это допустимо); правовые

[551] См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 168.
[552] См.: Коняхин В.П. Указ. соч. С. 164.
[553] См.: Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание / под науч. ред. В.П. Коняхина. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2010. С. 96-118.
[554] Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев: Вища школа, 1980. С. 10.

позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в его постановлениях и определениях; постановления Пленума Верховного Суда РФ. Регулируемые институтом общественные отношения, реализованные в общественную практику – это означает преломление института в реальную жизнь через правоприменительную (судебную) практику, которая, в свою очередь, воплощается в решениях судов всех инстанций по конкретным уголовным делам. Давая характеристику такого уголовно-правового института, как соучастие, И.В. Горемычкин включил в него (на наш взгляд, обоснованно) доктринальные (научные) положения, которые могут выступать в необходимых случаях важнейшим руководством для правильного применения норм о соучастии[555].

Помимо *институтов* в уголовном праве существуют и *подынституты* (*субинституты*)[556]. В контексте нашей работы будем основываться на позиции Ю.Е. Пудовочкина, который к числу институтов уголовного права относит институт преступления, детализируемый, в свою очередь в *институтах элементов состава преступления*, соучастия и стадий совершения преступления[557].

В *зависимости от субъекта преступления* все коррупционные преступления мы предлагаем разделить на следующие четыре группы:

1) *коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом;*

2) *коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами* (представителями власти и иными должностными лицами, причем в эту категорию попадут и специальные субъекты, обладающие дополнительными признаками);

---

[555] См.: Горемычкин И.В. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис…канд. юрид. наук. М., 2020. С. 11.

[556] См.: Пудовочкин Ю.Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи (Глава II) // Энциклопедия уголовного права. Т.1: Понятие уголовного права. 2-е изд. СПб, 2008. С. 220; Коняхин В.П. С.172.

[557] См.: Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С. 217.

3) *коррупционные служебные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях* (лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях);

4) *иные коррупционные служебные преступления* (совершаемые государственными служащими или муниципальными служащими; арбитром (третейским судьей); работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок).

Обоснованность такой классификации отчасти подтверждалась ранее в известных монографических работах П.С. Яни[558], А.Я. Асниса[559] и Б.В. Волженкина[560], а также в докторской диссертации Т.Б. Басовой[561].

В зависимости от того, к какому публичному порядку принадлежит соответствующее должностное лицо, выделяют *должностных лиц российского публичного порядка, иностранного публичного порядка и международного порядка.*

Особый интерес представляет группа коррупционных преступлений, совершаемых *специальным субъектом с дополнительными признаками*. Например, в зарубежном уголовном праве к таким коррупционным преступлениям относят деяния, *совершаемые судьями, представителями конкретных правоохранительных органов*. Например, УК Республики Ангола содержит ст. 346 «Пассивный подкуп судьи или судьи-арбитра», устанавливающую ответственность за получение взятки этими лицами[562]. Еще В.Н. Кудрявцев указывал, что «интересы правосудия» (объект преступления) будут выступать в качестве элемента нормальной деятельности государственного аппарата[563], поэтому ряд преступлений против правосудия

---

[558] См.: Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: Бизнес-школа «Ител-Синтез», 1997. С. 99-121.
[559] См.: Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М.: Центр ЮрИнфор. 2004.
[560] См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000.
[561] См.: Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы в Российской Федерации: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005.
[562] См.: Anteprojecto de Código PENAL.URL: http://www.pensamientopenal.com.ar/etiquetas/anteproyecto-codigo-penal (дата обращения: 19.03.2020).
[563] См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений.М., 1972. С. 257.

можно считать, по существу, должностными преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов правосудия[564].

В отечественном уголовном законодательстве мы тоже можем найти примеры этому, причем как в границах общих норм о коррупционных преступлениях, так и в рамках специальных составов. Например, к особо квалифицирующим признакам получения взятки отнесено совершение этого преступления лицом, занимающим *государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления.* В рамках же самостоятельных норм квалифицируется, например, подкуп *работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок*, *незаконное получение подкупа арбитром (третейским судьей)*.

Рассмотрим проблемные вопросы подынститута «субъект коррупционного преступления»

Вопрос о единообразном понимании должностного лица в нормах уголовного закона и в нормах иных отраслей права. В примечании 1 к ст. 285 УК РФ прямо говорится о том, что понятие должностного лица дается для статей Гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», однако упоминание о должностном лице как о субъекте преступления мы находим в статьях Особенной части УК РФ, размещенных и в других главах (например, в ст. 169 УК РФ, где субъектом основного состава преступления является должностное лицо). Означает ли это, что в ст. 169 УК РФ речь идет о каких-то «иных» должностных лицах? Здравый смысл и логика подсказывают однозначно отрицательный ответ, но тогда необходимо внести изменения в текст примечания 1 к ст. 285 УК РФ: слова «в статьях настоящей главы» необходимо заменить на слова «в статьях настоящего Кодекса». Кроме этой

[564] См.: Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев: Наукова Думка, 1978. С. 19.

внутриотраслевой рассогласованности в понимании должностного лица существует и межотраслевая: достаточно обратиться к примечанию к ст. 2.4. Кодекса РФ об административных правонарушениях «Административная ответственность должностных лиц», чтобы убедиться в этом. Примечание к этой статье, в котором перечисляются лица, рассматриваемые в качестве должностных, явно не совпадает по содержанию с примечанием к ст. 285 УК РФ.

В связи с этим в уголовно-правовой науке возникла дискуссия о том, как подобные коллизии можно устранить. Например, некоторые специалисты призывали выработать единое (базовое) для всех отраслей права понятие должностного лица, которое может корректироваться в зависимости от той или иной отрасли[565]. О необходимости дать единое понятие должностного лица, поместив его определение в Общую часть УК РФ, говорил А.В. Шнитенков[566]. Как полагает В.А. Волколупова, понятие должностного лица как субъекта уголовной ответственности является самым информативным, самым емким по содержанию, и именно в силу этого легальное (законодательное) понятие должностного лица в уголовном праве должно исключать всякую возможность для его распространительного толкования. Таким образом, социальное и «служебное» назначение понятия должностного лица в уголовном праве объективно требует ограничительного толкования данного понятия и, соответственно, точного и строгого определения в законе правового статуса рассматриваемого субъекта[567].

Для решения этого вопроса следует обратиться к опыту налогового права: как сказано в ст. 11 части первой Налогового кодекса Российской Федерации, институты, понятия и термины гражданского, семейного и других

---

[565] См.: Волколупова В.А. Проблемы регламентации понятия и правового статуса должностного лица в уголовном и административном праве // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.): в 3 ч. / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. Уфа, 2011. С.130.

[566] См.: Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы. Автореф. дисс…докт. юрид. наук. Омск. 2006. С. 10.

[567] См.: Волколупова В.А. Указ. соч. С.133

отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в Налоговом кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено самим Налоговым кодексом. Учитывая тот факт, что понятие должностного лица не содержится в каких-либо единых общих актах, и то, что уголовное право является самостоятельной отраслью права, мы определяем должностное лицо только на основании примечания 1 к ст. 285 УК РФ. Соглашаясь с А.В. Шнитенковым в том, что Уголовный кодекс РФ должен содержать единое понятие должностного лица, полагаем, что предложенный им способ решения проблемы маловероятен в ближайшее время: ученый предлагает дать определение должностного лица в специальной норме Общей части УК РФ, которая будет называться «Разъяснения некоторых терминов, используемых в настоящем Кодексе»[568]. Не вдаваясь в дискуссию о целесообразности данной нормы (в том или ином виде такие разъяснения, действительно, необходимы), полагаем, что более реалистичным (по крайней мере в ближайшем будущем) будет предложенный нами выше вариант: новая редакция примечания 1 к ст. 285 УК РФ (см. приложение 2 к настоящей диссертации).

Вопрос о рассогласованности нормативных предписаний в УК РФ и постановлениях Пленума Верховного суда РФ. Изучение соответствующего нормативного, эмпирического и научного материала показывает серьезную рассогласованность между нормами уголовного законодательства об ответственности за коррупционные преступления и нормативными предписаниями, предусмотренными в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о коррупционных и должностных преступлениях.

Речь, в частности, идет о вопросах уголовной ответственности за взяточничество. Например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года N 24 предписывает: в случае признания получения взятки либо

[568] См.: Шнитенков А.В. Указ. соч. С. 10.

предмета коммерческого подкупа организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, квалифицировать по соответствующей части ст. 290 или ст. 204 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. Преступление признается оконченным с момента принятия незаконного вознаграждения любым членом организованной группы[569]. Нетрудно заметить, что такое правило квалификации (пусть и обоснованное) будет противоречить буквальному толкованию ст. 32-35 УК РФ: ни в одной из них нет указания на то, что при такой форме соучастия, как организованная группа, исключается соучастие с разделением ролей.

Более того, этот постулат постановления никак не согласуется и со ст. 34 УК РФ в частности. Получается, что, когда в организованную группу будут входить лица, не являющиеся должностными, они всё равно будут признаваться соисполнителями получения взятки, что уже никак не согласуется с правилами ч. 4 ст. 34 УК РФ. В связи с этим следует привести слова Б.В. Волженкина, отмечавшего, что «законодательное положение, сформулированное в ч. 4 ст. 34 УК РФ, не является абсолютным, применимым ко всем без исключения случаям соучастия в преступлении, совершаемым специальным субъектом. В связи с этим возникает серьезное сомнение в целесообразности включения в уголовный закон этого и подобного ему положения теории уголовного права, нуждающихся в дополнительных уточнениях и оговорках»[570]. Соответственно, это противоречие должно быть устранено на законодательном уровне: наш вариант мы отобразили в Приложении 2 к настоящей работе.

Вопрос об уголовной ответственности за коррупционные преступления «негодного» субъекта. Как говорится в постановлении Пленума Верховного

[569] См.: Российская газета. 2013. 17 июля.
[570] Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С.12-16.

Суда РФ от 16 октября 2009 года N 19, если лицо, назначенное на должность с нарушением требований или ограничений, установленных законом или иными нормативными правовыми актами к кандидату на эту должность (например, при отсутствии диплома о высшем профессиональном образовании, необходимого стажа работы, при наличии судимости и т.п.), из корыстной или иной личной заинтересованности использовало служебные полномочия вопреки интересам службы либо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то такие действия следует квалифицировать соответственно как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий.

Обратимся к известному в 90-х годах прошлого века «казусу Ильюшенко». Напомним, что тогдашний Президент РФ Б.Н. Ельцин своим Указом от 26 февраля 1994 года назначил А.Н. Ильюшенко исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ[571], а после (12 марта и 24 октября того же года) дважды вносил его кандидатуру в Совет Федерации для утверждения его на должность Генерального прокурора Российской Федерации, однако верхняя палата оба раза отказалась его утверждать. И Указом же Президента РФ от 8 октября 1995 года Ильюшенко был освобожден от должности исполняющего обязанности Генерального прокурора[572]. Вся эта процедура с президентскими указами напрямую противоречила действовавшим тогда нормативным актам, обладающим большей юридической силой, и, в частности, ст. 12 «Назначение на должность Генерального прокурора Российской Федерации» Закона «О прокуратуре» в действовавшей тогда редакции[573]. Впоследствии в отношении Ильюшенко было возбуждено уголовное дело о должностном преступлении.

---

[571] См.: Указ Президента РФ от 26 февраля 1994 г. N 391 "О Генеральном прокуроре Российской Федерации" // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994 . N 9. ст. 710.
[572] См.: Указ Президента РФ от 8 октября 1995 г. N 1027 "О Ильюшенко А.Н." // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995 . N 41. ст. 3896.
[573] См.: Российская газета. 1992. 18 февр.

Согласно действующему законодательству, Генеральный прокурор РФ занимает государственную должность Российской Федерации[574]. Случись нечто подобное сейчас, действие условного Ильюшенко следовало квалифицировать, например, по ч. 3 ст. 290 УК РФ или по ч. 2 ст. 295 УК РФ (среди субъектов – лица, занимающие государственные должности Российской Федерации).

Однако, на наш взгляд, Верховный Суд РФ проявил в этом вопросе известную непоследовательность – относительно ответственности негодного субъекта преступлений, предусмотренных ст. 201 и 204 УК РФ, ничего не сказано, поэтому необходимо внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ соответствующее указание на то, что эти правила распространяются и на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях и назначенных на свои должности с нарушением действующих правил (в приложении 2 к нашему диссертационному исследованию мы предлагаем соответствующий вариант).

Вопрос о бессистемности и нечеткости изменений в примечание 1 к ст.285 УК РФ, где описывается понятие должностного лица как субъекта соответствующих преступлений. До внесения в УК РФ соответствующих изменений[575] к должностным лицам не относились управленцы государственных внебюджетных фондов. К должностным лицам не относились, в частности, те, кто выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в различных государственных внебюджетных фондах.

Согласно действующему законодательству, фонды как таковые тоже относятся к некоммерческим организациям, но в данном случае, как отмечает В.В. Ровнейко, речь шла о выполняющих социально значимые функции государственных внебюджетных фондах, выплата отчислений в которые

[574] См.: Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. N 32 "О государственных должностях Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 17 янв.
[575] См.: Федеральный закон от 24 февраля 2021 N 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская газета. .2021. 26 февр.

установлена федеральным законодательством[576]. Согласно соответствующим нормативным правовым актам Пенсионный фонд России был образован в целях государственного управления финансами пенсионного обеспечения в России, являлся самостоятельным финансово-кредитным учреждением и его денежные средства находятся в собственности Российской Федерации[577]; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования является самостоятельным государственным некоммерческим финансово-кредитным учреждением, а его имущество является федеральной собственностью и закрепляется за ним на праве оперативного управления[578]; в свою очередь, Фонд социального страхования управлял средствами государственного социального страхования Российской Федерации и являлся специализированным финансово-кредитным учреждением при Правительстве Российской Федерации[579]. В настоящее время путем реорганизации Пенсионного фонда Российской Федерации с одновременным присоединением к нему Фонда социального страхования Российской Федерации создан и функционирует Единый государственный внебюджетный Социальный фонд России (СФР)[580].

Как видим, все вышеуказанные фонды являются государственными, но внебюджетными учреждениями, при этом слово «фонд» в их названии не отражает их специфики: теперь их управленцы относятся к числу должностных лиц.

Не меньше вопросов до недавнего времени вызывало и отнесение к должностным лицам управленцев в акционерных обществах, контрольный

---

[576] Там же

[577] См.: Постановление Верховного Суда РФ от 27 декабря 1991 г. N 2122-I "Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России)" (вместе с "Положением о Пенсионном фонде Российской Федерации (России)", "Порядком уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России)") // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1992. N 5. ст. 180.

[578] См.: Постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. N 857 "Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования" // Российская газета. 1998. 9 сент.

[579] См.: Постановление Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. N 101 "О Фонде социального страхования Российской Федерации" // Российская газета. 1994. 22 февр.

[580] См. подробнее: Ровнейко В.В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «должностное лицо» в российском уголовном праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и правое. Т. 26. Вып. 6. 2016. С. 117-123.

пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиях. Дело в том, что формально-юридического определения понятия «контрольный пакет акций» законодательство не содержит, а предлагаемые методики расчетов этой доли вызывали споры среди представителей юридической и экономической науки[581]. И только Федеральный закон от 24 февраля 2021 года N 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» [582] эти противоречия снял.

Вопрос об уголовной ответственности за превышение полномочий управленцами коммерческих и иных организаций. В гл. 23 УК РФ, которая была призвана криминализировать аналогичные должностным деяния, но совершаемые в коммерческих или иных организациях, отсутствует норма об ответственности за превышение полномочий. Если опираться на соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года N 19, то превышение полномочий образуют действия, которые: относятся к полномочиям другого управленца (вышестоящего или равного по статусу); могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; совершаются управленцем единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим компетентным лицом или органом; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

На сегодня в гл. 23 ответственность за превышение полномочий установлена лишь для частных детективов или работников частных охранных организаций, и объективная сторона этого преступления представляет собой «частный случай» превышения полномочий как таковых. К превышению полномочий (в рамках ст. 203 УК РФ) относят действия, которые: относятся к

[581] См., например: Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц // Извест. Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015 № 4-2. С. 109; Крылова А.В. Злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации: автореф. дис…канд. юрид. наук. М., 2017. С. 15.
[582] Российская газета. 2021. 26 февр.

полномочиям должностного лица правоохранительного или иного органа власти; могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать[583].

Рассмотрим гипотетический пример, который может возникнуть и в реальной жизни. Например, генеральный директор акционерного общества, владеющий к тому же 85% акций этого общества, потратил деньги из премиального фонда общества – выписал себе некую премию, которую позже потратил на приобретение дорогого автомобиля. Возникает вопрос: совершил ли этот директор какие-либо уголовно - наказуемые действия? Если обратиться к Федеральному закону от 26 декабря 1995 года N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» то делать этого генеральный директор не имел права: согласно п. 12 ч. 1 ст. 65 Закона использование резервного фонда и иных фондов общества относится к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. Тот факт, что у этого лица одновременно находится и контрольный пакет акций общества, ничего не меняет – юридическое лицо является самостоятельным собственником своего имущества, на которое акционеры не имеют права. Ответственности за превышение полномочий управленцами в коммерческих и иных организациях гл. 23 УК РФ не предусматривает, следовательно, описанный нами случай подпадает под нормы об уголовной ответственности за хищение (в зависимости от формы). Необходимо помнить, что отсутствие нормы об ответственности за превышение полномочий лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, не означает отсутствие уголовной ответственности вообще.

Вопрос о противоречивости норм об ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена

[583] См. подробнее: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. N 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201[1], 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2021. 16 июля.

комиссии по осуществлению закупок. В ст. 200[5] УК РФ субъектами получения подкупа назван среди прочих контрактный управляющий, а условием применения этой нормы является отсутствие в действиях подкупаемого и подкупающего лица состава преступления, предусмотренного ст. 290 и 291 УК РФ. Каким образом можно соблюсти эти требования, учитывая тот факт, что контрактный управляющий прямо отнесён действующим законодательством к должностным лицам, что создает непримиримую коллизию между вышеназванными тремя нормами[584]? Это тем более странно, что еще до внесения соответствующих изменений в УК РФ в науке преступления в сфере госзакупок рассматривались как должностные, а соответствующую норму предлагалось включить в гл. 30 УК РФ, а не в гл. 22 УК РФ[585].

Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. В последние два десятилетия этот вопрос активно дискутируется среди российских специалистов уголовного права, при этом и среди российских ученых-криминалистов, и среди сотрудников правоприменительных органов есть как сторонники, так и противники этого института. Институт уголовной ответственности юридических лиц воспринят законодательством различных стран безотносительно их принадлежности к той или иной правовой семье (Австрия, Испания, Франция, Англия, США, Китай, Иордания, Албания, Латвия, Казахстан). В число сторонников этого института входит и глава Следственного комитета России А.И. Бастрыкин[586], а на сайте этого ведомства был опубликован соответствующий законопроект.

Не будем сейчас касаться сути теоретических разногласий между сторонниками и противниками этого института[587] (возможность

---

[584] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета .2013. 12 апр.

[585] См.: Скосырская Ю.В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок: автореф. дис…канд. юрид. наук. М. 2011. С. 9-12.

[586] См.: Бастрыкин А.И. Модернизация уголовной политики в сфере экономики: первые итоги реформы и дальнейшие шаги по ее реализации // Преступность и уголовная политика России. Пятые Кудрявцевские Чтения: сб. научных трудов. науч. ред. С.В. Максимов. М.: ИГП РАН, 2013. С. 8.

[587] См.: Цирин А.М. Имплементация положений международных антикоррупционных конвенций: итоги и перспективы // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в

/невозможность соблюдения принципа личной виновной ответственности, установления mens rea, необходимость пересмотра всей системы принципов уголовного права либо отсутствие такой необходимости)[588].

В ряде стран принимается специальное законодательство об ответственности юридических лиц за конкретные виды преступлений (в сфере здравоохранения, экологической безопасности, безопасности (безвредности) пищевых продуктов). Компании могут быть привлечены к ответственности, когда действия, бездействие или знания сотрудников могут быть отнесены к деятельности корпорации. Обычно в странах общего права, для целей установления взаимосвязи между деятельностью преступника и его компанией-работодателем применяется ряд тестов (например, *идентификационный тест, на выгоды*[589], *на руководящий разум* или *alter ego*), которое доказывают, что сотрудник занимал такую позицию в компании, что его действия можно считать действиями компании. Помимо этих тестов выделяют еще и т.н. тест «доктрины коллективного знания», который использовался в уголовном деле «Соединенные Штаты против Банка Новой Англии» (United States v Bank of New England (1987) 821 F2d 844)[590].

На международном уровне, как уже отмечалось ранее, растет количество международных и региональных конвенций, налагающих на государства-участники обязательства по введению или рассмотрению возможности введения в свое законодательство положений об ответственности юридических лиц. К таким конвенциям можно отнести Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (ст. 10); Конвенцию ООН против коррупции (ст. 26); Конвенцию ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц (ст. 2); Конвенцию Совета Европы

российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина. М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2011. Ч. 1. С. 84. Горелик А.П. Конвергенция международного и российского антикоррупционного законодательства. Там же. С. 88.

[588] См.: URL: https://www.usip.org/sites/default/files/MC1/MC1-Part1Section8.pdf (дата обращения 25.03.2019).

[589] См.: Capuano A. Catching the Leprechaun: Company Liability and the Case for a Benefit Test in Organic Attribution // Australian Journal of Corporate Law. Vol. 24. No. 2. 2010.

[590] I bid

об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 18)[591]; и Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (ст. 10).

В то же время *большинство международных конвенций не требуют от государств-участников установления именно уголовной ответственности юридических лиц, поскольку гражданская и административная ответственность удовлетворяет критериям конвенции.* В частности, согласно ст. 26 Конвенции ООН против коррупции государствам-участникам следует принять меры для установления ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений, которая не обязательно должна быть уголовной.

Мнение о том, что уголовное право считается лучшим средством сдерживания по сравнению с гражданским или административным правом, далеко не всегда имеет под собой основание, и ряд специалистов полагают, что решить проблему юридической ответственности юридических лиц за совершение правонарушений (в т.ч. коррупционного характера), можно с помощью административно-правовых, гражданско-правовых мер[592].

В частности, среди административных правонарушений коррупционного характера выделяют деяния, предусмотренные статьями 19.28 и 19.29 КоАП РФ (соответственно, «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего»). К административным правонарушениям, косвенно обнаруживающим коррупционную составляющую, относят и деяние, предусмотренное ст. 7.29 КоАП РФ «Несоблюдение требований

[591] Конвенция денонсирована Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. N 42-ФЗ "О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Российская газета, 2023. 2 марта.

[592] См.: Абдрахманов С.З. Субъект коррупционных преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Карагандинская юрид. акад. «Фемида». Караганда, 2002. С.19.; Астанин В.В. Нормы антикоррупционных конвенций и устои национальных правовых систем в характеристиках соотношения и взаимоучета // Юрид. мир. 2009. № 3. С. 23; Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема: в вопросах и ответах // Следователь. 2008. № 8. С.35.

законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя)»[593] Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В то же время, как мы уже говорили, среди представителей уголовно-правовой науки есть и убежденные сторонник института уголовной ответственности юридических лиц (включая коррупционные преступления) и признания юридического лица субъектом уголовного права[594]. Очевидно, что дискуссии и споры о целесообразности введения этого института в российское уголовное законодательство будут продолжаться и впредь. Однако, со своей стороны, мы хотели бы предостеречь от поспешных и необдуманных шагов по рецепции в отечественную нормативно-правовую базу любых положений из зарубежного и международного права без предварительного скрупулёзного социально-криминологического анализа. Ведь с позиций уголовного права мы столкнемся с колоссальной проблемой криминализации огромного числа деяний, исходя из того, что появится совершенно новый актор – юридическое лицо.

Уже сейчас ясно, что никаких предварительных криминологических экспертиз этого уголовно-правового института нет. Нет никаких исследований относительно того, как будут соблюдены многочисленные критерии криминализации (а это именно криминализация по признаку специального субъекта[595]). Никто не проводил никаких предварительных оценок возможных

---

[593] См.: Сморчкова Л.Н. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения с коррупционной составляющей // Сборник научных трудов по противодействию коррупции / отв. ред. А.М. Воронов, И.И. Бутрим. М., 2019. С. 177-185.

[594] См.: Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Безопасность бизнеса. 2009. № 2. С. 14; Лукашев А. В. Преступление как основание административной ответственности юридических лиц // Уголовное право. 2012. № 1. С. 125–130; Макаров А.В., Жукова А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: вопросы имплементации международных норм и введение финансовых санкций за коррупционные преступления в отечественное уголовное законодательство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т.9. С. 162.

[595] См.: Нечаев А.Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 112.

последствий этого шага (как благоприятных, так и неблагоприятных). Никто не поинтересовался экспертным мнением представителей гражданского, предпринимательского, корпоративного, трудового права по поводу целесообразности этого института. Судя по всему, эти проекты и предложения даже не обсуждались с представителями бизнес-сообщества, которое и так переживает довольно трудные времена. Никто не знает, насколько мощным будет коррумпированное воздействие некоторых силовиков на предпринимателей с помощью этого института и не будет ли он использован для передела собственности и отъема бизнеса. До сих пор непонятно, юридические лица каких хозяйственно-правовых форм будут субъектами уголовной ответственности. Будут ли в их число входить государственные корпорации, государственные компании, государственные и муниципальные унитарные предприятия, акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит государству?

Совершенно очевидно, что к введению института уголовной ответственности юридических лиц не готово ни уголовно-процессуальное, ни и уголовно-исполнительное законодательство. Введение этого института в современных условиях в России чревато дополнительной социальной напряженностью – практически все виды наказания, которые предлагается применить к юридическим лицам, носят имущественный характер, а это неизбежно повлечёт ухудшение материального положения трудовых коллективов этих организаций, которые могут быть совершенно непричастны к преступной деятельности своих руководителей. Это грозит невиновным людям потерей работы, снижением заработной платы и задержками в ее получении, сокращением либо ликвидацией социального пакета работников, ухудшением условий жизни членов их семей. Совершенно понятно, что всё это повлечет существенный рост социальной напряженности с непредсказуемыми последствиями.

Не получив ответа на эти и другие проблемные вопросы, ратовать за введение института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство по меньшей мере преждевременно.

В заключение параграфа сформулируем основные выводы, к которым мы пришли в процессе его написания.

1. Субъект коррупционных преступлений – это *самостоятельный подынституту российского уголовного права*. Структура этого подынститута включает в себя: принципы уголовного права, экстраполируемые на этот подынститут; нормы уголовного закона; судебное толкование этих норм (их бытование в деятельности судов); доктринальные положения, восполняющие пробелы в законе.

2. В зависимости от субъекта преступления все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы: 1) коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом; 2) коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами (включая специальных субъектов, обладающих дополнительными признаками); 3) коррупционные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях; 4) иные коррупционные служебные преступления.

3. Специальный субъект с дополнительными признаками в составах коррупционных преступлений может классифицироваться по: принадлежности к ветви власти (например, судья), занимаемой должности (лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации) и т.д.

4. Основными проблемными вопросами подынститута субъекта коррупционного преступления в настоящее время являются:

- вопрос о единообразном понимании должностного лица в нормах уголовного закона и в нормах иных отраслей права;

- вопрос о рассогласованности нормативных предписаний в УК РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации;

- вопрос об уголовной ответственности за коррупционные преступления «негодного» субъекта;

- вопрос о противоречивости норм об ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок

- вопрос об уголовной ответственности юридических лиц.

§ 4.2. Субъект коррупционного преступления и личность коррупционера: соотношение правовых и ментально-криминологических особенностей

В криминологической литературе найдется большое число определений личности преступника, поэтому, не вдаваясь в их анализ, отметим сразу, что наиболее оптимальным нам видится определение, которое дал А.И. Алексеев: это «совокупность ее (личности. – О.К.) социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение»[596]. Фактически аналогичное определение предлагает и С.М. Иншаков[597].

Отметим, что выделяемые столь часто в личности преступника социально-демографические признаки сами по себе не могут предопределить преступное поведение лица и строго с этим поведением коррелировать. Тот, например, факт, что человек рождается мужчиной, не может изначально повлиять на выбор его преступного поведения в будущем несмотря на то, что свыше 80 % всех лиц, совершивших преступление, – это мужчины.

Если говорить о том определении личности преступника, что мы привели выше, то структуру этой личности можно представить в виде триединства: 1) совокупность внешних, социальных свойств человека как социального элемента *(интериндивидуальный уровень)*; 2) совокупность личностных свойств, составляющих внутренний мир человека, находящегося

[596] Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М., 2005. С. 80.
[597] См.: Иншаков С. М. Криминология: практикум. М.: Юриспруденция, 2001. С. 25.

во взаимодействии с обществом *(интраиндивидуальный уровень)*; 3) представление других людей об индивиде *(метаиндивидуальный уровень)*.

В уголовно-правовой и криминологической науке немало внимания уделено соотношениям таких понятий, как «субъект преступления» и «личность преступника». Не вдаваясь, в подробную дискуссию на эту тему, отметим, что мы солидарны с позицией П.С. Дагеля, который отмечал различные функции этих понятий. Первое характеризует одно из условий уголовной ответственности, а второе отражает индивидуализацию уголовного наказания. Понятие «субъект преступления» отвечает на вопрос, кто может нести ответственность за совершенное преступление, понятие «личность преступника» говорит о том, какую ответственность должно понести лицо, совершившее преступление[598]. Смешение этих понятий, конечно недопустимо, поскольку они относятся к терминологии разных наук – уголовного права и криминологии. Более того, личность преступника – это более емкое понятие, поскольку личность является носителем самых разных свойств, черт, признаков (как положительных, так и отрицательных)[599]. Эту точку зрения разделяет и В.Н. Кудрявцев, отмечая, что понятие, характеризующее лицо, совершившее преступление, т.е. «личность преступника», содержит признаки, которые «отражают несравненно более широкое, ёмкое, разнообразное и вместе с тем детализированное содержание»[600].

Как отмечал в свое время А.Б. Сахаров, преступление как акт сознательной воли человека не только немыслимо вне лица, его совершающего, но и в значительной мере обусловлено как сущностью, так и особенностью подобного лица[601]. Этот постулат имеет прямое отношение к

---

[598] См.: Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 10, 15-16.

[599] См.: Павлов В.Г. Субъект преступления (Глава IV) // Энциклопедия уголовного права. Т.4: Состав преступления. С. 619.

[600] Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юридическая литература, 1971. С. 19.

[601] См.: Сахаров А.Б. Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: тезисы выступления. Горький, 1976. С. 2.

субъекту преступления как к элементу состава преступления. С другой стороны, субъект преступления может быть и специальным, а это уже говорит о наличии у него таких признаков, которые могут относиться к социально-демографическим характеристикам личности преступника (пол, возраст, гражданство, родственно-семейные связи, профессия, должностное положение, отношение к военной службе, наличие судимости). Кроме того, личность преступника, как единство биологического и социального, органически взаимодействует с понятием «субъект преступления» и через биологическую компоненту (наличие психических расстройств, ограничивающих вменяемость; наличие у лица, отбывающего наказание, психического расстройства, препятствующего дальнейшему его отбыванию; наличие у лица, отбывающего наказание, иной тяжелой болезни, препятствующей его отбыванию).

Если обратиться к уголовному праву, то мы находим упоминание об обязательном учете признаков личности виновного в ст. 6 «Принцип справедливости», 47 «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определённой деятельностью», 48 «Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград», 55 «Содержание в дисциплинарной воинской части», 58 «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения», 60 «Общие начала назначения наказания», 61 «Обстоятельства, смягчающие наказание», 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание», 73 «Условное осуждение» УК РФ. Личность преступника учитывается и при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности (ст…..), для решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79); при решении вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80). В максимальной степени учет личности виновного отражается в статьях гл. 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания».

Примечательно, что в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ мы находим «расшифровку» этого понятия – личности виновного (читай: личности преступника). Например, в постановлении от 22 декабря 2015 N 58 (ред. от 18 декабря 2018 года) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» сказано, что к «таковым могут, в частности, относиться *данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)* (курсив мой. – О.К.). Исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей»[602]. В постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» разъясняется, что «*к иным данным о личности подсудимого, имеющим значение для дела, которые надлежит указывать в вводной части приговора в соответствии с пунктом 4 статьи 304 УПК РФ, относятся сведения, которые наряду с другими данными могут быть учтены судом при назначении подсудимому вида и размера наказания, вида исправительного учреждения, признании рецидива преступлений, разрешении других вопросов, связанных с постановлением приговора (об имеющейся у подсудимого инвалидности, о наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий и др.)* (курсив мой. – О.К.)». При этом в данном постановлении обращается особое внимание на то, что отказ подсудимого от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности его виновности и *учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого*[603].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 года N 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных

[602] Российская газета. 12.2015. 29 дек.
[603] См.: БВС РФ. N 1. 2017.

учреждений» судам рекомендуется на основании ч. 7 ст. 88 УК РФ одновременно с постановлением приговора выносить определение (постановление), в котором указывать органу, исполняющему наказание, на необходимость учитывать при обращении с несовершеннолетним определенные *особенности его личности (уровень интеллектуального и физического развития, степень педагогической запущенности, склонность к употреблению спиртных напитков, наркотических средств, иные данные, характеризующие личность несовершеннолетнего)*[604].

Если вести речь именно о коррупционных преступниках, то в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» прямо говорится о «строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим коррупционные преступления с использованием своего служебного положения, учитывая при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, другие фактические обстоятельства и *данные о личности виновного* (курсив мой. – О.К.)»[605].

Иными словами, эти два понятия («субъект преступления» и «личность преступника») пересекаются между собой в тех областях, которые можно озаглавить как *«совершение лицом преступления»* и *«юридически значимые свойства лица, совершившего преступление»*. Исходя из вышеизложенного, эти свойства могут носить социально-демографический, социально-ролевой, социально-психологический характер. Правда, следует помнить, что не все признаки личности как таковой могут иметь юридическое значение. Например, принадлежность лица к той или иной национально-культурной группе не может служить основанием для смягчения наказания, поскольку это

[604] См.: БВС РФ. 2014. №7.

[605] БВС РФ. 2013. №9.

нарушало бы принцип равенства, закреплённый и в Конституции Российской Федерации (ст. 19), и в Уголовном кодексе нашей страны (ст. 4).

Как указывалось в определении Верховного Суда РФ от 21 марта 2002 года N 59-о01-31., ссылка Б.В.А. на то, что он относится к малочисленным народам Крайнего Севера, не может влиять на назначение ему наказаний за совершение преступлений, поскольку она является неконституционной. Согласно ст. 19 Конституции РФ перед законом и судом равны все и государство гарантирует равенство прав и свобод человека независимо от расы, национальности, происхождения[606]. При назначении наказания Б.Е.В. суд также обоснованно не учитывал принадлежность подсудимого к малочисленным народам Крайнего Севера[607].

Иными словами, учет качеств личности преступника необходим для индивидуализации уголовного наказания[608]. Например, О.В. Чунталова предлагает все обстоятельства, характеризующие личность виновного, делить на четыре группы: 1) по связи непосредственно с личностью виновного (возраст, беременность, пол и т.д.); 2) по направленности влияния на меру наказания (образование, уровень знаний, наличие иждивенцев и т.д.); 3) по нормативному признаку (по прямым предписаниям уголовного закона); 4) по связям с совершенным преступлением (обстоятельства, характеризующие поведение лица до и после совершения преступления, отношение к содеянному и т.д.)[609]

Как уже известно, коррупционное преступление совершают разные субъекты, поскольку такое преступные деяние (основанное, в частности, на подкупе) предусматривает обязательно двух участников – коррупционера (подкупаемого) и коррупртера (подкупающего). Разумеется, эти два субъекта

[606] Доступ из СПС «Консультант Плюс».
[607] См.: определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2008 г. по делу N 74-007-56 //Доступ из СПС «Консультант Плюс».
[608] См., например: Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М.: Проспект, 2017. С. 127-137.
[609]См.: Чунталова О.В. Личность виновного: проблемы назначения наказания по уголовному законодательству России и других стран СНГ: дисс…канд.юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 10-12.

могут существенно друг от друга отличаться, поэтому, исходя из целей и задач исследования, изучим личность коррупционера.

Энциклопедический источник по коррупционной терминологии дает определение коррупционера как наделенного определенными полномочиями и властью должностного лица, которое злоупотребляет своим должностным положением в пользу взяткодателя и получает за это взятку[610]. Интериндивидуальный уровень выражается в наличии полномочий и власти у лица, признаки на этом уровне проявляются через обоюдное общение одних лиц с другими. К данному уровню относится должность лица, которая выполняет социальные функции. Интраиндивидуальные признаки проявляются в злоупотреблении своим должностным положением, т.е. личность имеет собственные нравственные ориентиры, нарушение же сформированных обществом морально-нравственных устоев считает вполне допустимым. Недостатком приведенного определения, на наш взгляд, является несколько однобокое представление о коррупции, только как о явлении, ограничивающемся взяточничеством. Состав коррупционных преступлений закреплен более чем в 30 статьях УК РФ[611].

Исследование термина «личность коррупционера» выявило следующий интересный, на наш взгляд, факт: в многочисленных диссертационных исследованиях[612], посвященных коррупции в целом либо отдельным ее проявлениям в какой-либо конкретной сфере, нами практически не обнаружено изучения таких дефиниций, как «личность коррупционного преступника» и «личность коррупционера», диссертационные исследования практически не содержат собственных авторских определений обозначенных

---

[610] См.: Осипян А.Л. Терминологический словарь. Коррупция в высшем образовании. Нешвил, 2009. С. 23.

[611] См.: Указание Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31 декабря 2014г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[612] См.: Хинднкайнен Н.В. Коррупционная преступность в Российской Федерации: дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004; Магомедов Н.Н. Личность преступника – взяткополучателя: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2013; Изотов М.О. Коррупция в современной России: дис. … канд. филос. наук. Орел, 2012; Мамедов И.А. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции: дисс. …канд. юрид. наук. Рязань, 2011; Нурутдинов А.З. Коррупция как общеправовой феномен: дис. …канд. юрид. наук, Н.Новгород, 2004; Стребков Ю.П. Коррупционные преступления в сфере образования: дис. …канд. юрид. наук. М., 2012, и т.д.

понятий. В большинстве либо проводится анализ отдельных черт коррупционера, либо все ограничивается изучением его социально-демографических и психологических характеристик.

Рассмотрим некоторые определения понятий «коррупционер» и «личность коррупционного преступника», которые были даны ведущими учеными-криминалистами. Так, С.В. Максимов к коррупционерам относит не только должностное лицо, получающее взятки, но и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, получающее незаконное вознаграждение, а также лицо, дающее взятку (вознаграждение); избирателя, отдающего свой голос за вознаграждение[613].

Как видим, приведенное определение, расширяет круг лиц с поведением коррупционной направленности. Автор к интериндивидуальным факторам отнес наряду с уже выделенными ранее в других определениях социальный статус в виде должности лица, а также его управленческие функции, заключающиеся в возможности влияния на подчиненных лиц и принятие определенных управленческих решений. К лицам с коррупционным поведением С.В. Максимов справедливо отнес и лицо, дающее взятку, и избирателя, продающего свой голос. Интраиндивидуальными факторами в данной дефиниции можно назвать продажность взяточника и избирателя. Метаиндивидуальный уровень проявился, на наш взгляд, в оценке поведения одного лица другими лицами, которые готовы оплатить коррупционное поведение обозначенных лиц. Спорным, на наш взгляд, в данном определении является наличие взяткодателя, так как он является корруптером, а следовательно, это определение в большей степени подходит к понятию «личности коррупционного преступника».

Т.М. Коршунова под личностью коррупционного преступника понимает «совокупность социально значимых свойств личности, образовавшихся в процессе ее общественной либо государственной деятельности (опыта

[613] См.: Максимов С.В. Указ. соч. С. 29.

социального управления) и обусловливающих использование ею для достижения личных, групповых или корпоративных целей средств, порицаемых с позиции уголовного закона»[614]. Данную точку зрения разделяет и Г.С. Гончаренко[615].

В данном определении, на наш взгляд, произошел синтез криминологических и уголовно-правовых признаков, и оно включает в себя черты, присущие и коррупционерам и коррупторам. Анализ данного определения в соответствии с предложенной моделью структуры личности выявляет такие интериндивидуальные признаки, как процесс социализации с четко определенной социальной сферой в виде государственной деятельности или социального управления. Наличие интериндивидуальных признаков прослеживается также и в целях, которые могут быть не только групповыми, но и корпоративными, что существенно расширяет круг лиц, заинтересованных в совершении коррупционных преступлений. Интраиндивидуальные признаки в предложенном понимании личности коррупционного преступника выражены не ярко. К ним мы отнесли свойства личности как совокупность индивидуальных характеристик, а также личные корыстные цели. Метаиндивидуальные признаки, на наш взгляд, проявились в порицании с позиций уголовного закона данного деяния, так как такое порицание отражает общественную оценку совершаемого деяния. Наряду с вышеперечисленными признаками, как нами уже отмечалось, в данном определении автор выделил и уголовно-правовые признаки: обязательное закрепление данного деяния в уголовном законе, что вполне отвечает законам логики, так как только криминализированное деяние, т.е. деяние, предусмотренное уголовным законом, считается преступлением. Еще одним

---

[614] Коршунова Т.М. Особенности личности осужденного коррупционера (по материалам уголовных дел, рассмотренных Нижнекамским городским судом за период с 1997 по 2003 г.) // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: материалы круглого стола 27 апреля 2004 г. / под ред. д. э. н. Р.Ф. Муратова, Н.Х. Сафиуллина. Казань, 2004. С. 103.

[615] См.: Гончаренко Г.С. Анализ криминологической сущности коррупционного поведения в обществе // криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики: Материалы второго Всероссийского «круглого стола». 15-16 мая 2009 года. Ростов-н/Д.: ДЮИ, 2009. С. 54-60.

уголовно-правовым признаком являются последствия порицаемости, выраженные в применении определенных мер уголовного воздействия.

Не давая четкого определения коррупционера, Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов делают акценты на его специфических чертах. Анализируя их через призму выбранной модели структуры личности преступника, к интериндивидуальным факторам отнесем социальный статус, обусловленный должностью, общественной и политической деятельностью, а также положением государственного чиновничества[616]. Обозначенный статус способен влиять на принятие ключевых решений в различных сферах деятельности. К интраиндивидуальному уровню можно отнести «негативное содержание ценностно-нормативной системы»[617], а также продажность указанных лиц. Метаиндивидуальный уровень проявляется в том, что нравственные особенности складываются «под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид»[618], а значит, социальное окружение своим отношением также определяет выбор коррупционного поведения, т.е. человек становится заложником отношений своего окружения, где большинство «берет» и «дает». При этом указанные авторы совершенно справедливо отмечают, что личность коррупционера, имеющего высокий служебный статус, во многом остается неизученной[619].

Интересным представляется позиция А.С. Икрянниковой, которая предлагает разграничивать личность коррупционера, совершающего преступление коррупционной направленности единолично либо при простом соучастии, с личностью преступника, совершившего в соучастии коррупционное преступление. Под такой личностью она понимает «совокупность сформировавшихся в процессе социализации социально значимых нравственных свойств и психологических особенностей личности, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) в зависимости от

[616] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников. Криминолого-психологический анализ. М., 2014. С. 88.
[617] Там же. С. 87.
[618] Там же. С. 88.
[619] Там же. С. 92.

отведенной роли на коррупционное поведение для достижения общих корыстных и (или) престижных (статусных) целей»[620]. Однако, как нам видится, такое разграничение нецелесообразно, так как оно обусловлено коррупционной составляющей и входит, по обозначенным автором признакам, в общее понимание личности преступника–коррупционера.

Исходя из анализа приведенных определений, рассматриваемой дефиниции и выбранной модели структуры личности, выявим основные признаки, присущие личности преступника-коррупционера.

Интериндивидуальные признаки личности коррупционера проявляются в следующем.

Во-первых, личность коррупционера как субъекта жизнедеятельности связана с наличием у него особого социального статуса. Содержание статуса «личности может быть выражено совокупностью прав и обязанностей, которые очертят границы, пределы действия данного статуса, его предмет»[621]. Например, Н.В. Хинднкайнен предлагает ввести обобщающее понятие, раскрывающее широкую сущность социального статуса коррупционного преступника в виде *«публичного лица»*, под которым она понимает «лицо, наделенное властными полномочиями и (или) выполняющее организационно-распорядительные и (или) функции управления, представляющее государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и (или) муниципальные учреждения, коммерческие, некоммерческие и иные организации или объединения, а равно занимающее государственные должности Российской Федерации и (или) субъектов»[622]. Мы полагаем, что характеристика публичного лица вряд ли приемлема в изложенной форме ведь прилагательное «публичное» относится к положению государства, о чем

[620] Икрянникова А.С. Понятие и структура личности преступника – соучастника коррупционного преступления (по материалам судебной практики городов Волгограда и Волжского) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). С.50.
[621] Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С.149.
[622] См.: Хинднкайнен Н.В. Указ. соч. С. 6.

упоминал еще Ульпиан[623]. Здесь же мы видим упоминание о лицах, занимающих положение в коммерческих и некоммерческих организациях, которые далеко не всегда имеют публичный характер.

Стоит отметить, что совершать коррупционные преступления может и лицо, не обладающее особым социальным статусом, выраженным в должности, государственном чине или службе. Преступления, предусмотренные ст. 291 и 291[1] УК РФ, не предполагают наличие специального субъекта, т.е. лица с особым социальным статусом. При этом мы считаем, что коррупtер может обладать и общим статусом, не обусловленным обязательным наличием властных полномочий, он также может не представлять государственные органы, учреждения и т.д. Статус такой личности коррупционного преступника является общим и определяется только его социальными связями, побудившими к совершению преступления. В связи с этим предложение Н.В. Хинднкайнен о введении понятия публичного лица относится не к коррупционным преступникам в целом, а только к преступнику-коррупционеру.

Об этом свидетельствуют и результаты проведенного среди осужденных за коррупционные преступления опроса и материалы судебной практики. Так, среди опрошенных лиц были выявлены следующие показатели:

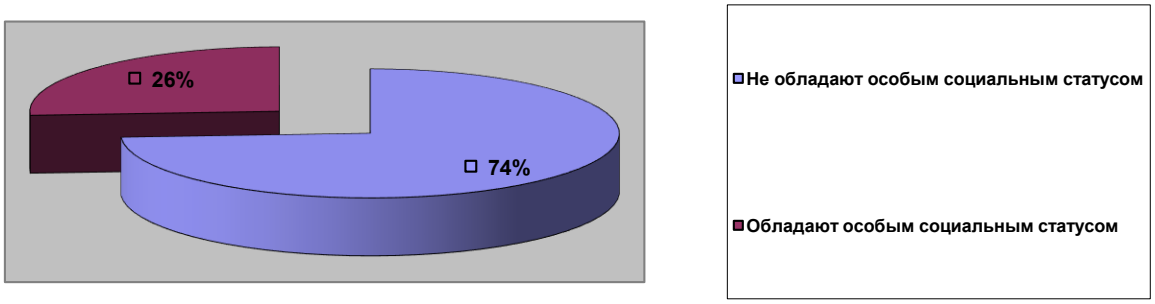

Рисунок 23. Статус городского и сельского жителя коррупционных преступлений.

[623] См.: Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд.. М.: Юристъ, 1996. С. 174.

Источник: составлено автором

Проанализированная судебная практика подтверждает обозначенные цифры. В тех случаях, когда содеянное квалифицировалось по ст. 291 «Дача взятки» УК РФ, большинство таких случаев охватывало незаконные предложения денежных средств сотрудникам ГИБДД и иным должностным лицам, а коррупте́ры никаким особым социальным статусом не обладали[624].

С другой стороны, материалы судебной практики свидетельствуют о том, что часть лиц, *участвовавших в совершении преступлений*, предусмотренных ст. 291 и 291[1] УК РФ, имели особый социальный статус[625]. Таким образом, личность коррупционного преступника может обладать как общим, так и особым социальным статусом. Однако личность коррупционера обладает именно особым статусом, что также отличает ее от коррупте́ра.

Во-вторых, личность преступника-коррупционера включает в себя совокупность социально значимых свойств, которые обусловлены социальными функциями, раскрывающимися, в том числе и через управленческую деятельность в общественной, экономической или политической сферах. Не последнюю роль в уровне управленческой деятельности играют организационные способности лица, дающие возможность расширить за счет других лиц коррупционные схемы, мотивировать их участие, а также руководить ими.

Интраиндивидуальные факторы отражают следующие признаки личности преступника-коррупционера:

Во-первых, уровень морально-нравственных характеристик личности преступника-коррупционера определяет понимание человеком общественных

---

[624] См.: Дело № 1-329/2015 - Рудничный районный суд г. Прокопьевска (Кемеровская область); Дело № 22-5082/2015 - Верховный суд Республики Татарстан (Республика Татарстан); Дело № 3/3-3/2015 - Калининский районный суд (Тверская область); Дело № 1/88-2015 - Грачевский районный суд (Ставропольский край) URL: https://rospravosudie.com/law/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_291_%D0%A3%D0%9A_%D0%A0%D0%A4 (дата обращения 13.08.2015).

[625] См.: Дело № 205-013 2 Верховный суд РФ (г. Москва); Дело № 47-013–1СП–Верховный Суд РФ (г. Москва); Дело № 74-АПУ13–2 – Верховный Суд РФ (г. Москва) URL: http://dogovor-urist.ru/%D1%81D1%0%B0%BB%D0%BE/2215/(дата обращения:13.08.2015).

ценностей, а также отождествление своих представлений со сложившимися общественными ориентирами. Формирование ценностных ориентаций обусловливает нравственную специфику личности, которая среди таких преступников имеет ярко выраженный корыстный мотив.

Во-вторых, преступления коррупционной направленности совершаются с целью повышения личного благосостояния преступника, решения его политических и экономических проблем. Однако, в преступлениях коррупционной направленности могут присутствовать групповые и корпоративные цели. Так, Г.С. Гончаренко в своем социологическом исследовании выявил следующие мотивы[626]:

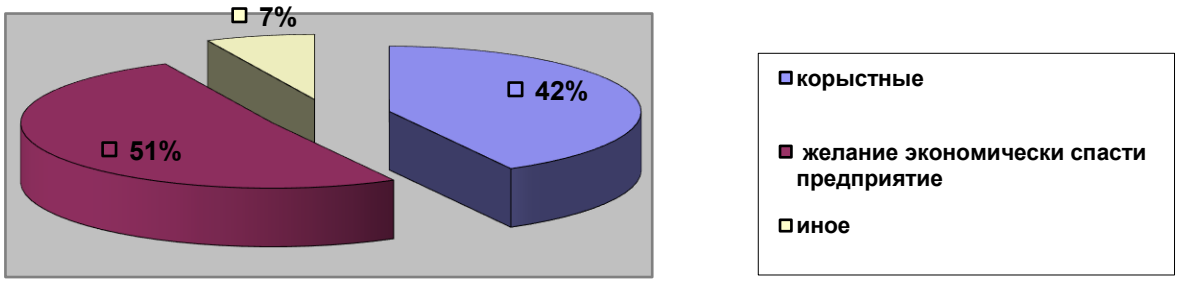

Рисунок 24. Мотивы коррупционных преступлений.

Источник: составлено автором

Как отмечает А.Х. Миндагулов, «взяточником человека делает среда, в которой он общается, наличие примеров для подражания, образ жизни соседа, весьма удачливого предпринимателя, банкира, политика, чью квартиру, дачу, коттедж показали по телевидению»[627]. Как видим, мотивация личности преступника-коррупционера может быть разнообразной.

В-третьих, уровень управленческой деятельности лица коррупционной направленности обусловлен профессионализмом такого лица, позволяющим

[626]См.: Гончаренко Г.С. Личность коррупционного преступника // Известия высших учебных заведений: Северо- Кавказский регион. 2008. № 4. С. 108–111.
[627] Миндагулов А.Х. Личность преступника. Алматы, 2003. С. 124-125.

ему «эффективно совершать преступления и тождественные ему деяния»[628], а также компетентностью предполагающей наличие системы знаний и навыков. Наличие возможности реализации актуальных коррупционных знаний увеличивает вероятность эффективного совершения коррупционных преступлений.

В-четвертых, личность коррупционера есть «субъект, способный к активной, целенаправленной, преобразующей деятельности»[629]. Такая деятельность возможна благодаря компенсаторному механизму, позволяющему замещать криминальные знания криминальными умениями, и наоборот, с целью достижения высокого качества результата, несмотря на изменяющиеся условия действительности. Коррупционные преступления относятся к категории интеллектуальных преступлений, определяющих особый образ мышления преступника, позволяющего ему исходя из рационального целеполагания прийти к выводу о том, что ввиду высокой латентности и, соответственно, относительной ненаказуемости коррупционных преступлений, а также высокой доходности они являются достаточно привлекательным видом деятельности[630].

В-пятых, для достижения обозначенных целей рассматриваемое лицо выбирает средства, запрещенные действующим законодательством. Именно выбор таких порицаемых средств и делает лицо преступником.

В рамках *метаиндивидуального уровня* структуры личности коррупционера, как нами уже было замечено, личность персонализируется в сознании другого человека. *Парадокс подобной персонализации заключается в том, что такая личность воспринимается позитивно другими лицами, разделяющими ориентиры коррупционера, что в большей степени убеждает его в правильности выбора поведения.* Общественное же порицание,

---

[628] Тулегенов В.В. Коррупция и криминальный профессионализм // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 105.

[629] См.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. С. 202.

[630] См.: Тулегенов В.В. Указ. соч. С. 106.

осуждение, неприятие криминально-коррупционного поведения такой личностью не воспринимаются, блокируются вплоть до момента вынесения обвинительного приговора суда, а, порой даже обвинительный приговор суда не меняет отношение коррупционера к содеянному им. В связи с этим возникает вопрос: какое юридическое значение имеет метаиндивидуальный уровень структуры личности (включая личность коррупционера) и имеет ли вообще? Юридическое значение будет воплощаться прежде всего в характеристиках, которые даются обвиняемому, подозреваемому, подсудимому с места жительства, работы, учебы и т.д. Такие характеристики, исходя из положений уголовно-процессуального закона (например, ст. 74, 84 и 86 УПК РФ), относятся к доказательствам в виде иных документов. Наше изучение материалов уголовных дел показало, что в 75% уголовных дел данные характеристики рассматривались судами как смягчающие наказание обстоятельства.

На основе рассмотренных признаков мы предлагаем следующее определение понятия *«личность коррупционера»: это лицо, наделенное особым социальным статусом, обусловленным должностью, государственным чином, службой, обладающее сложившимися в результате выполнения служебной, экономической, политической и иной деятельности, негативными социальными свойствами, способствующими неправомерному личному, групповому, корпоративному обогащению при использовании средств, запрещенных действующим законодательством.*

Рассмотрев понятия «субъект коррупционных преступлений» и «личность коррупционера», проанализируем соотношение обозначенных понятий.

Под *коррупционером - субъектом коррупционных преступлений* мы понимаем *должностное лицо, а также публичного и иного служащего учреждения, организации и предприятия любых форм собственности, принявшего или согласившего принять незаконное вознаграждение в виде материальных ценностей или выгод имущественного либо неимущественного*

характера в личных целях, в интересах третьих лиц или групп за исполнение (неисполнение) действий (услуг), входящих либо не входящих в служебные обязанности, а также лицо, предлагающее свои незаконные услуги, либо имеющее возможность, либо утверждающее, что может оказать влияние на принятие незаконного решения должностными лицами или публичными и иными служащими, независимо от того, будет принято такое решение или нет.

Основными признаками предложенного нами определения понятия «субъект коррупционных преступлений» являются: а) общие признаки субъекта: физическое лицо, вменяемость, достижение возраста, установленного законом; б) наличие общего или особого социального статуса в виде должности, службы в государственных и коммерческих структурах; в) возможность лица использовать свой социальный статус с целью самостоятельного принятия нужных решений и (или) влияния на других с аналогичной целью и получения при этом личной выгоды.

В отличие от соотношения понятий «субъект преступления» и «личность преступника», воспринимаемых как часть и целое, понятие «субъект коррупционного преступления» и «личность преступника–коррупционера», наоборот, трактуются нами как целое и часть, так как субъектом коррупционного преступления может выступать как коррупционер, так и коррупттер. Нас же интересует именно коррупционер.

В определении личности преступника–коррупционера нами был очерчен круг деятельности лица (служебная, экономическая, политическая, иная). Хотя для субъекта преступления определение данного вида деятельности также имеет значение, оно не играет такой значительной роли, как в понятии личности коррупционного преступника. Вид деятельности субъекта преступления может быть учтен при назначении дополнительного наказания в виде «лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». В понятии же личности коррупционного преступника сфера деятельности лица определяет и сферу его

преступного поведения. Выделение такой области деятельности позволяет предложить меры противодействия коррупционной преступности исходя из ее специфики.

Указание на выполнение данных противоправных деяний есть и в определении личности коррупционера, но в более обобщенной форме. Исходя из криминологической, а не уголовно-правовой составляющей категории коррупционера в его определении мы сделали акцент на использовании запрещенных законом средств.

Общей для субъекта коррупционных преступлений и для личности коррупционера в предложенных нами определениях является цель совершения коррупционного преступления в виде выгоды, обогащения как личного, так и группового или корпоративного характера. Такая цель обусловлена корыстным мотивом и имеет большое значение с уголовно-правовых и криминологических позиций, так как позволяет не только правильно квалифицировать деяние, но и предложить наиболее эффективные меры противодействия этому виду преступлений.

Обобщая проведенное исследование соотношения терминологических составляющих субъекта коррупционного преступления и личности коррупционера, можно сделать следующие выводы:

1. Развитие личности как существа социального зависит от уровня его взаимодействия с другими представителями социума. Подобное взаимодействие прослеживается в уровнях модели структуры личности: *интериндивидуальном; интраиндивидуальном; метаиндивидуальном.*

2. Исходя из обозначенных уровней модели структуры личности, нами были выявлены следующие признаки личности преступника коррупционера. *На интериндивидуальном уровне* это: а) особый статус лица, обусловленный должностью, государственным чином, службой, осуществлением экономических, политических и иных функций; б) наличие совокупности социальнозначимых свойств, раскрывающих в том числе и через управленческую деятельность в различных социальных сферах. *На*

интраиндивидуальном уровне это: а) корыстная мотивация, обусловленная деградацией морально-нравственных аспектов личности; б) обладание коррупционными знаниями и навыками; в) неправомерное обогащение, являющиеся целью реализации коррупционного поведения; г) активная преобразующая деятельность коррупционера, определяется его результатом которой становится нарушение закона; д) криминальное поведение, выражающееся в выборе запрещенных уголовным законом средств достижения своих коррупционных целей. *Метаиндивидуальный уровень* проявляется в персонализации коррупционера другими представителями общества. Такая оценка, как правило, является положительной в определенной среде общения коррумпированного лица и отрицательной в широкой общественной среде.

3. Под *личностью коррупционера* мы понимаем лицо, наделенное особым социальным статусом, обусловленным должностью, государственным чином, службой, обладающее сложившимися в результате выполнения служебной, экономической, политической и иной деятельности, негативными социальными свойствами, способствующими неправомерному личному, групповому, корпоративному обогащению при использовании средств, запрещенных действующим законодательством.

4. Субъект коррупционного преступления и личность преступника-коррупционера соотносятся как целое и часть.

§ 4.3. Проблемы законодательной конструкции должностного лица как субъекта коррупционных преступлений

Российскими уголовными законами на протяжении нескольких веков в качестве специального субъекта преступления выделялись лица, находившиеся на государственной или общественной службе. Например, субъектами должностных преступлений во время правления Петра I были лица, занимающие должности в государственном аппарате. В частности,

объявлялись виновными в должностных преступлениях лица, «кто в суде неправду учинит, или в каком ни есть деле, ему поверенном, или в чем его должность есть, а он то неправдою будет делать по какой страсти, ведением и волею, такого, яко нарушителя государственных прав и своей должности…»[631].

Комментируя пятый раздел Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Е.В. Тарасова отмечает, что в его основу был положен статус специального субъекта, так как раздел включал в себя такие преступления, как превышение власти, бездействие власти, мздоимство и лихоимство[632]. В советском уголовном законодательстве, по утверждению Б.В. Волженкина, впервые был обозначен круг лиц, ответственных за должностные преступления, в частности за получение взятки (в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»), и этот круг ответственных лиц был значительно шире, чем в дореволюционном уголовном законодательстве[633].

В годы советской власти суды неоднократно сталкивались с трудностями при определении субъекта должностного преступления. В качестве субъектов всех должностных преступлений УК РСФСР 1922 г. называл должностных лиц. Согласно примечанию к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. должностными признавались лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющим по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач[634]. Иными словами, любой служащий государственного учреждения, предприятия или общественной организации

---

[631] Цит. по Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С.123.

[632] См.: Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С.11.

[633] См.: Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений //Сов. государство и право. 1991. № 11. С.19-20.

[634] Бытко Ю. И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов: Научная книга, 2006. С. 468-492.

признавался должностным лицом, причем именно занятие должности являлось определяющим признаком должностного лица. А.А. Жижиленко указывал, что «должность – есть известное место по службе. Поэтому и занимающиеся чисто механическим трудом, например перепиской бумаг, печатаньем на пишущей машинке, несущие служительские обязанности в виде курьеров, рассыльных, сторожей и т.п. являются должностными лицами»[635].

В примечании 1 к ст. 109 УК РСФСР 1926 г. по-прежнему должностными лицами признавались лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которых возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач[636].

Согласно данному уголовному закону, могли быть признаны должностными лицами и простые рабочие. Лишь в 1937 году Народным комиссариатом юстиции РСФСР был издан приказ[637], который прекратил практику привлечения к уголовной ответственности за должностное злоупотребление и халатность рядовых рабочих и колхозников. Таким образом, *из числа должностных лиц были исключены обычные (рядовые) трудящиеся (рабочие и колхозники), не имеющие специальных должностных полномочий, что представляло собой, безусловно, положительный шаг в сторону законодательного ограничения круга должностных лиц.*

К 1960 году наука уголовного права уже выработала конститутивные признаки должностного лица: 1) занятие должности в государственном учреждении, на предприятии или в организации; 2) обладание властными, административно-хозяйственными или оперативно-распорядительными

[635] Жижиленко А. А. Должностные преступления. М., 1923. С.5.
[636] См.: Собрание кодексов РСФСР. М., 1990.
[637] См.: Приказ Народного Комиссара юстиции РСФСР от 5 января 1937 г. «О судебной практике по делам о должностных преступлениях (ст. ст. 109, 110 и 111 УК РСФСР)» // Советская юстиция. 1937. № 6.

функциями[638]. Только наличие этих двух признаков (отдельные авторы выделяют три признака[639]) в совокупности позволило назвать то или иное лицо должностным.

Рассмотренная тенденция к ограничению круга лиц, признаваемых должностными, была законодательно закреплена в УК РСФСР 1960 года. В данном Кодексе уже была выделена специальная глава «Должностные преступления», а в примечании к ст. 170 УК 1960 года указывались признаки должностных лиц, признаваемых субъектами должностных преступлений. Таким образом, в уголовном законе были предусмотрены конкретные категории лиц, которых следовало относить к числу специальных субъектов должностных преступлений.

Уточнение признаков субъекта должностных преступлений позволило более четко квалифицировать преступления, посягающие на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Однако коллизии и проблемы определения субъекта должностных преступлений все-таки имели место. Например, некоторые суды включали в понятие должностного лица отдельные категории технических и материально-ответственных работников. Так, в советское время субъектами должностного преступления признавались преподаватель, временно зачисленный в учебное заведение для приема вступительных экзаменов, лица, выполняющие свои обязанности на общественных началах, общественные контролеры, внештатные сотрудники милиции, нештатные корреспонденты редакции журнала, кладовщики[640].

В определении специального субъекта часто используется один из названных признаков, однако может иметь место их сочетание. Независимо от

---

[638] Сенцов А.С. Эволюция уголовно-правового понятия должностного лица как субъекта преступления // Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: всерос. науч.- практ. конф., 8-9 декабря 2011 г., материалы конференции / ред. коллегия: В.Г. Глебов (отв. ред.), А.Г. Заблоцкая (отв. сек.); члены редколлегии: Е.А. Звайцева, О.В. Стрилец, М.Е. Белокобыльский. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2012.

[639] См.: Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 213.

[640] См.: Фадеев А.В., Литвинцев М.Г. Субъект коррупционного правонарушения // Вестник Омского университета. Серия Право. 2010. № 3 (24). С. 198.

того, названы ли признаки специального субъекта в самом тексте закона или они определены путем толкования, их наличие является обязательным для конкретного состава преступления.

Признаки должностного лица базируются на терминологии, выработанной еще в советский период развития нашего государства и не претерпевшей практически никаких существенных изменений. С принятием УК РФ 1996 г. отказа от понятия должностного лица не произошло в виду устоявшихся традиций его использования, ставшего привычным для теории уголовного права и судебной практики. Установление точного содержания нынешнего понятия должностного лица в уголовном праве – залог правильного применения норм о коррупционных преступлениях, закрепленных прежде всего в статьях гл. 30 УК РФ[641].

В современном уголовном праве понятие должностного лица раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, а также в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года N 19 (ред. от 11.06.2020 года) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[642] и от 9 июля 2013 года N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Принимая во внимание тот факт, какое огромное количество всевозможных источников уже было посвящено всестороннему изучению этого понятия, мы остановимся на тех проблемных вопросах, которые возникают сейчас и возникнут в будущем в связи с обновленной редакцией примечания 1 к ст. 285 УК РФ.

Прежде всего бросается в глаза отнесение к числу тех самых «публичных лиц» управленцев коммерческих организаций, имеющих государственную составляющую, или, как называет их О.А. Ястребов, юридических лиц

[641] См.: Бугаевская Н.В. Осуществление функций представителя власти как признак понятия «должностное лицо» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-2. С. 51- 52.
[642] "БВС РФ", 2009. N 12.

публичного права[643]. Такая тенденция, как отмечает Н.В. Бугаевская, назревала давно[644] – еще в Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999-2000 гг., утвержденной постановлением Правительства РФ от 10 марта 1999 года, одной из задач было названо внесение изменений и дополнений в УК РФ в части признания руководителей государственных и муниципальных предприятий, а также представителей государства в акционерных обществах открытого типа должностными лицами[645]. Такая позиция находила поддержку и в научной литературе[646]. Отчасти эта же тенденция проявилась и в признании должностными лицами управленцев публично-правовых компаний, а еще раньше - государственных компаний и государственных корпораций.

Если обращаться к Федеральному закону от 12 марта 1996 года №7-ФЗ (в ред. От 30.12.2020 года) «О некоммерческих организациях», то *государственной корпорацией* признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно-полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона[647]. Иными словами, для создания и действия государственной корпорации не требуется учредительных документов, перечисленных в ст. 52 ГК РФ (как отмечает Э.В. Талапина, государственная корпорация является «редким видом юридического лица», поскольку «вопреки ст. 52 ГК РФ создается и действует не на основании устава, учредительного договора или общего положения об организациях данного вида, а на основании федерального закона»[648]).

---

[643] См.: Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории. М.: Наука, 2010.

[644] См.: Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 108.

[645] См.: Постановление Правительства РФ от 10 марта 1999 г. N 270 «О Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999-2000 годы» // Собрание законодательств РФ. 1999. № 12.

[646] См., например: Егорова Н. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4.; Камынин И. Статус руководителя унитарного предприятия // Законность. 2000. № 10.

[647] См.: Российская газета. 1996. 24 янв.

[648] Талапина Э.В. Государственная корпорация как новый субъект права // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2009. С. 36.

Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации. Государственная корпорация использует имущество для целей, определенных законом, предусматривающим создание государственной корпорации, при этом государственная корпорация может осуществлять предпринимательскую деятельность, лишь постольку поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям[649]. Таким образом, правовой статус государственной корпорации определён как статус публично-правовой организации, которая создается для определенной цели. К таким государственным корпорациям относятся ВЭБ.РФ, Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, Государственная корпорация «Ростех», Агентство по страхованию вкладов, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».

Как отмечает Э.В. Талапина, государственные корпорации, несмотря на статус некоммерческих организаций и возможность заниматься предпринимательской деятельностью только в ограниченных случаях, активно занимаются именно предпринимательством, получив значительные денежные средства и имущество. При этом часть экспертного сообщества сходится во мнении, что государственные корпорации являются потенциально коррупционным сегментом экономики и приводят ряд способов незаконной «конвертации» государственной собственности в личную: *безвозмездное финансирование* (оно может быть продиктовано пресловутыми «откатами»); *выдача льготных кредитов на целевую деятельность по ставкам ниже рыночных* (кредитные средства вкладываются в любой рыночный актив, прибыль от которого делится с менеджерами госкорпораций); *внесение средств в уставные капиталы дочерних и зависимых обществ* (внесение в уставный капитал таких обществ государственных средств впоследствии чревато тем, что эти средства будут выведены в офшорные юрисдикции);

[649]См. Федеральный закон «О некоммерческих организациях».

сдача активов в аренду на льготных условиях (такие активы могут сдаваться в аренду по символическим ставкам, а вот в субаренду их будут сдавать уже по рыночным расценкам, при этом «разницу» поделят арендатор и менеджеры арендодателя); *закупки по завышенным ценам* (закупка товаров по более высокой цене при получении «откатов» с поставщика); *завышенные траты на строительство и ремонт* (хищение денежных средств через «карманных» подрядчиков); *эмиссия долговых ценных бумаг с повышенной доходностью* (поскольку некоторым госкорпорациям предоставлено право выпускать долговые ценные бумаги, то есть соблазн сделать стоимость этих бумаг низкой, доходность – высокой, а процедуру размещения - закрытой и ориентированной на узкий круг приближенных лиц); *манипуляции с фондовым рынком*[650] .

Необходимо отметить, что трудности с определением статуса управленцев государственных компаний появились еще до того, как эта форма организации появилась в федеральном законодательстве.

Так, Л., являясь заместителем генерального директора Государственной республиканской продовольственной корпорации "Сахапродкорпорация", был признан виновным в получении взятки в крупном размере путем вымогательства и осужден по п. "в", "г" ч. 4 ст. 290 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ отменил приговор и определение и направил дело на новое разбирательство со стадии судебного рассмотрения ввиду того, что судом не выяснено, является ли Л. субъектом должностного преступления, хотя это необходимо для обвинения в получении взятки. *Согласно постановлению Правительства Республики Саха (Якутия) Сахапродкорпорация образована при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Саха (Якутия) 5 мая 1995 г., т. е. в период действия нового Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором предусмотрена возможность создания коммерческих и некоммерческих*

[650] См.: Талапина Э.В. Указ. соч. С. 47-48.

организаций. В то же время из Устава Государственной республиканской продовольственной корпорации нельзя сделать вывод, к какой организации - коммерческой или иной - относится указанное предприятие[651].

Государственной компанией признается некоммерческая организация, не имеющая членства и созданная Российской Федерацией на основе имущественных взносов для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления. Государственная компания создается на основании федерального закона[652]. В настоящее время в России есть только одна такая компания – Государственная компания «Российские автомобильные дороги» («Автодор»). Эта компания была создана Федеральным законом от 17 июля 2009 года N 145-ФЗ[653], и, основываясь на положениях этого Закона, сферу деятельности компании можно условно разделить на три направления: 1) деятельность, направленная на доверительное управление автомобильными дорогами; 2) деятельность, связанная с организацией строительства и реконструкцией дорог; 3) иная деятельность, направленная на реализацию целей и задач, поставленных перед госкомпанией[654].

Иными словами, и *государственные корпорации, и государственные компании имеют сложную публично-правовую природу, публичные полномочия (переданные им государством), и в то же время, участвуют и в гражданском обороте, и в предпринимательской деятельности.*

До недавнего времени примечание 1 к ст. 285 УК РФ страдало известной неполнотой: в нем отсутствовало указание на публично-правовые компании. Такая форма организаций была введена Федеральным законом от 03 июля 2016 года N 236-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные

---

[651] См.: БВС РФ. 2000. № 1. С. 9-10.
[652] См.: Федеральный закон «О некоммерческих организациях».
[653] Российская газета. 2009. 20 июля.
[654] См.: Куликова Т.В., Шевченко М.В. Правовой статус государственных компаний, управляющих автомобильными дорогами // Актуальные научные исследования в современном мире.2019. № 6-4 (50) С. 119.

акты Российской Федерации»[655]. Сегодня действуют несколько таких публично-правовых компаний, например: публично-правовая компания «Единый регулятор азартных игр»[656], публично-правовая компания «Единый заказчик в сфере строительства»[657], публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан - участников долевого строительства»[658]. В действующей ныне редакции примечания 1 к ст. 285 УК РФ публично-правовые компании названы.

Как известно, в примечании 1 к ст. 285 УК РФ указываются основные признаки должностного лица: 1) *осуществление лицом определенной публичной функции* (представитель власти; организационно-распорядительные функция, административно-хозяйственные функции); 2) *вид институции, где эта функции осуществляется* (они перечислены в примечании: государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения и т.д.); 3) *основание и срок выполнения полномочий должностного лица* (постоянно, временно, по специальному полномочию.

Таким образом, мы можем выделить два ключевых критерия должностного лица: *содержательный* (какие публичные функции должностное лицо выполняет) и *темпоральный* (в течение какого срока он их выполняет; иными словами, устанавливается, когда полномочия начинаются и когда они прекращаются).

Как известно, при временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть

---

[655] Российская газета. 2016. 6 июля.

[656] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 493-ФЗ "О публично-правовой компании "Единый регулятор азартных игр" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. .2021. 11 янв.

[657] Федеральный закон от 22.12.2020 N 435-ФЗ "О публично-правовой компании "Единый заказчик в сфере строительства" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Российская газета", N 293, 28.12.2020,

[658] Федеральный закон от 29 июля 2017 г. N 218-ФЗ "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2017. 2 авг.

признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций[659].

Исполнение функций должностного лица *по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет соответствующие функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом*. Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться *в течение определенного времени или однократно*, а также могут совмещаться с основной работой[660]. На наш взгляд, примером исполнения функций представителя власти по специальному полномочию будет привлечение членов казачьих обществ к таможенной охране на основании соответствующих нормативных актов[661].

В практике случаются случаи, когда, пытаясь уйти от ответственности, должностные лица отрицают свой статус специального субъекта преступления на том основании, что в момент инкриминируемых им деяний они находились в отпуске. Однако судебная практика стоит на тех позициях, что сам по себе факт нахождения в отпуске, не исключает возможности привлечения лица к уголовной ответственности за должностные преступления. Например, по одному из уголовных дел Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, следующее: «…доводы жалоб о том, что Николаев А.Н. не может являться субъектом должностных преступлений по эпизоду в отношении М., так как находился в тот момент в отпуске, судом проверялись и обоснованно признаны несостоятельными по тем основаниям, что, несмотря на свое пребывание в отпуске, с целью получения взятки от М. он явился 11 августа 2011 года к себе на работу для фактического осуществления своих должностных обязанностей,

---

[659] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий".
[660] Там же.
[661] См.: Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ "О государственной службе российского казачества" // Российская газета. 2005. 8 дек. Указ Президента РФ от 4 ноября 2019 г. N 543 "О Всероссийском казачьем обществе" (вместе с "Уставом Всероссийского казачьего общества") // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.11.2019, Письмо ГТК РФ от 22 сентября 1999 г. N 01-15/24914 "О взаимодействии таможенных органов с казачьими обществами" // Доступ из СПС «Гарант».

не доверив методисту У. подписание и выдачу свидетельства о якобы прохождении М. обучения.…В своих показаниях свидетели Р. и У. подтвердили, что Николаев А.Н. всегда сам подписывал свидетельства о прохождении обучения и ставил на них печать. Кроме того, он имел право подписи банковских документов даже в том случае, если находился в отпуске»[662].

Как видим, наличие публичной функции (публичной составляющей) является содержательным критерием должностного лица, и если отнесение к этой категории лиц управленцев государственных корпораций и государственных компаний еще выглядит оправданным, то отнесение к данной группе управленцев в государственных и муниципальных унитарных предприятиях, вызвало недоумение у части специалистов. Как отмечает Н.В. Бугаевская, утверждение о том, что эти лица имеют полномочия публичного характера, является довольно спорным[663], притом что и государственные и муниципальные унитарные предприятия относятся к коммерческим организациям.

С другой стороны, как следует из действующего законодательства, некоторые государственные унитарные предприятия могут выполнять ярко выраженные публичные функции.

Например, постановлением Правительства РФ от 12 июля 2000 года N514 (ред. от 22.05.2020) «Об организации ведомственной охраны» был утвержден перечень федеральных органов исполнительной власти, имеющих право создавать ведомственную охрану[664]. В соответствии с постановлениями Правительства РФ от 09 января 2001 года N 16 и от 23 ноября 2009 года N 947 (в настоящий момент уже утратившими силу) были утверждены Положения о ведомственной охране космического агентства. В частности, постановление от 23 ноября 2009 года устанавливало, что предприятием ведомственной охраны

[662] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 января 2013 г. N 38-О12-21 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
[663] См.: Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц. С. 108-109.
[664] См.: Российская газета. 2000. 19 июля.

является федеральное государственное унитарное предприятие, создаваемое в соответствии с законодательством Российской Федерации и находящееся в ведении Федерального космического агентства[665].

В то же время действующее постановление Правительства РФ от 27 июня 2009 года N 540 (ред. от 03.08.2018) «Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального агентства железнодорожного транспорта» устанавливает, что ведомственная охрана состоит из органа управления и территориальных подразделений ведомственной охраны. Орган управления ведомственной охраны является федеральным государственным унитарным предприятием, находящимся в ведении Федерального агентства железнодорожного транспорта и осуществляющим деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и своим уставом[666]. Если обратиться к Федеральному закону от 14 апреля 1999 года N 77-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О ведомственной охране», то особое внимание следует обратить на ст. 11 «Права работников вневедомственной охраны» и 18 «Обязательность исполнения законных требований работников ведомственной охраны»[667]. Анализ данных норм позволил А.В. Шнитенкову обоснованно утверждать, что работники ведомственной охраны федерального государственного унитарного предприятия (коммерческой организации) являются представителями власти, поскольку наделены распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости[668].

Но, пожалуй, больше всего вопросов до недавнего времени вызывало включение в число должностных лиц управленцев в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. В российской уголовно-правовой науке эта проблема уже активно обсуждалась

[665] См.: Собрание законодательства РФ. .2009. N 48. ст. 5827.
[666] См.: Собрание законодательства РФ. 2009. N 27. ст. 3363.
[667] См.: Российская газета. 1999. 20 апр.
[668] См.: Шнитенков А.В. Указ. соч. С. 11.

на предмет соответствующих решений как нормотворческого, так и правоприменительного характера[669]. Речь в данном случае идет об акционерных обществах либо со смешанным капиталом либо без такового. Напомним, что в предыдущей редакции примечания 1 к ст. 285 УК РФ, речь шла о контрольном пакете акций, который, однако, точно (по количеству) акций не определялся. Если единственным акционером такого общества являлись или Российская Федерация (ОАО РЖД)[670], или субъект Российской Федерации (АО «Мосводоканал»)[671], то трудностей не возникает – все 100% акций имеют одного собственника. Но когда есть и иные акционеры, то могли возникнуть трудности. Дело в том, что в источниках по корпоративному праву контрольный пакет акций не всегда рассчитывали по формуле: 50% акций плюс одна акция[672]. Объясняется это тем, что при значительном распылении акций контрольный пакет может составлять 20–30% акций, если исходить из того, что контрольный пакет акций обеспечивает его владельцу право управлять компанией[673]. В действующем корпоративном законодательстве определения понятия «контрольный пакет» не содержалось, за исключением Указа Президента РФ от 16 ноября 1992 года (ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий»[674]. Этим Указом утверждено Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества. Согласно этому Положению холдинговой компанией признается предприятие независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий.

[669] См., например: Есаков Г., Шиткина И., Кудрявцев В. Должностные лица в акционерных обществах: уголовно-правовое и корпоративное понимание признаков специального субъекта // Уголовное право. № 6. 2018. №6. С. 43-55.
[670] См.: URL: https://company.rzd.ru/ru/9544.
[671] См.: URL: http://www.mosvodokanal.ru/forinvestors/capital/.
[672] См.: Что дает владение контрольным пакетом акций // URL https://www.law.ru/article/22700-kontrolnyj-paket-aktsiy (дата обращения: 16.02.2021).
[673] См.: Что такое контрольный пакет акций // URL: https://temabiz.com/terminy/chto-takoe-kontrolnyj-paket-akcij.html (дата обращения: 16.02.2021).
[674] Российская газета. 1992. 20 нояб.

Предприятия, контрольные пакеты акций которых входят в состав активов холдинговой компании, в Положении именуются «дочерними», а под *«контрольным пакетом акций» понимается любая форма участия в капитале предприятия, которая обеспечивает безусловное право принятия или отклонения определенных решений на общем собрании его участников (акционеров, пайщиков) и в его органах управления*[675].

Однако для определения контрольного пакета акций в контексте примечания 1 к ст. 285 УК РФ (в ранее действовавшей редакции) этот указ был непригоден, о чем подробно писали Г. Есаков, И. Шиткина и В. Кудрявцев[676], при этом данные авторы говорили о том, что контрольный пакет означает любую форму участия в капитале предприятия, включая как непосредственное (прямое), так и опосредованное (косвенное) участие[677]. Именно этот тезис подтверждался и действующим гражданским законодательством (например, ст. 67³ «Дочерние общества» ГК РФ и ст. 105¹ «Взаимозависимые лица» НК РФ), и существующей судебной практикой по гражданским делам.

Например, в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2019)» в разделе «Практика применения законодательства о юридических лицах» указано следующее: *фактическая возможность определять такие решения не связана напрямую с размером участия одного общества в уставном капитале другого или наличием договора между ними, а обусловлена, например, корпоративной структурой группы компаний, порядком заключения сделок, установленным внутри такой группы, степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества и т.д. Поэтому отсутствие формального признака контроля (50% участия в уставном капитале дочернего общества) и более не препятствует установлению наличия иной фактической возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом*[678].

---

[675] См.: Российская газета. 1992. 20 нояб.
[676] См.: Есаков Г., Шиткина И., Кудрявцев В. Указ. соч. С. 45, 49.
[677] Там же.
[678] См.: БВС РФ. 2019. N 10.

В то же время судебная практика по уголовным делам не всегда ориентировалась на иные отрасли права и решения соответствующих судов, что приводило к диаметрально противоположным решениям в отношении «контрольного пакета».

Так, Волков был осужден по ч. 3 ст. 291 УК РФ за дачу взятки в виде денежных средств в значительном размере должностному лицу акционерного общества, контрольный пакет акций которого принадлежит Российской Федерации, – заместителю директора Операционного офиса «Камский мост» в г. Перми филиала № 6318 «ВТБ 24» (публичное акционерное общество) (далее – Банк). В приговоре принадлежность контрольного пакета акций Банка была объяснена следующим образом. Основным лицом, под контролем либо значительным влиянием которого находится Банк, является банк ВТБ (ПАО), которому принадлежит 99,9269 % акций (долей). Основным акционером банка ВТБ (ПАО) является Российская федерация в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом, которой принадлежит 60,93 % акций банка ВТБ (ПАО), *то есть контрольный пакет акций Банка ВТБ24 в размере 60,93% принадлежит Российской Федерации в лице Федерального агент*ства по управлению имуществом[679].

В другом случае суд принял противоположное решение. Приговором Отрадненского районного суда Краснодарского края Коркин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 204 УК РФ («Коммерческий подкуп»). Сам осужденный, на основании приказа исполняющего обязанности директора филиала ОАО «Кубаньэнерго» «Армавирские электрические сети» о переводе работника на другую работу являлся начальником Отрадненского района электрических сетей филиала ПАО «Кубаньэнерго» «Армавирские электрические сети». Государственный обвинитель в ходе прений (до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора) изменил обвинение подсудимого Коркина С.А. в

[679] См.: Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми № 1-307/2017 от 16 августа 2017 г. по делу № 1-307/2017 URK: http: www.sudact.ru/regular/doc/lHY0QzXp1HrO/ (дата обращения: 16.02.2021).

сторону смягчения, просил суд переквалифицировать его действия с ч. 1 ст. 290 УК РФ на ч.5 ст. 204 УК РФ как коммерческий подкуп. Суд с этим согласился, мотивируя принятое решение следующим. Согласно сведениям с официального сайта ПАО «Кубаньэнерго» об акционерах, владеющих 5% акций общества и более, контрольный пакет акций ПАО «Кубаньэнерго» находится у юридического лица ПАО «РОССЕТИ» (92,78%). Это дало основание суду не признать ПАО «Кубаньэнерго» публично-правовым образованием, которые перечислены в примечании к статье 285 УК РФ, и, как следствие этого, переквалифицировать действия Коркина на статью о коммерческом подкупе, признав подсудимого выполняющим управленские функции в нем[680]. И это несмотря на то, что доля Российской Федерации (в лице Федерального агентства по управлению федеральным имуществом) в ПАО «РОССЕТИ» составляет 88,04%[681].

В доктрине последнее решение тоже может найти поддержку. например, А.В. Крылова полагала, что такая принадлежность может быть только прямой, но никак не опосредованной[682]. Более того, как отмечал В.В. Ровнейко, законодатель проявил непоследовательность, ограничившись в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ указанием только на акционерные общества и не включив в этот перечень общества с ограниченной ответственностью[683].

В конце концов Федеральный закон от 24 февраля 2021 года N 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» решил этот вопрос и четко указал, что к числу должностных лиц относятся, в частности, лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции *в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц)*

---

[680] См.: Приговор Отрадненского районного суда г. Краснодара по делу № 1-16/2018. URL: http: //www.sudact.ru/regular/doc/P7MUglEq5qN3/ (дата обращения: 16.02.2021).
[681]См.: URL: http://www.rosseti.ru/investors/capital/share/ (дата обращения: 16.02.2021).
[682] См.: Крылова А.В. Указ. соч. С. 15-16.
[683] См.: Ровнейко В.В. Указ. соч. С. 122.

распоряжаться более чем 50% голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50% состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами ("золотая акция").

Нетрудно заметить, что нововведения охватывают:

1) хозяйственные общества, где Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеют (прямо или косвенно) контрольный пакет акций, рассчитанный по формуле – 50% плюс одна акция;

2) хозяйственные общества, в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50% состава коллегиального органа управления;

3) акционерные общества, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»). Право «золотой акции» устанавливается ст. 38 «Особенности правового положения акционерных обществ, в отношении которых принято решение об использовании специального права» («золотой акции») Федерального закона от 21 декабря 2001 года N 178-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О приватизации государственного и муниципального имущества»[684]. Согласно данной статье в целях обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской

[684] Российская газета .2002. 26 янв.

Федерации Правительство Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут принимать решения об использовании специального права на участие соответственно Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в управлении акционерными обществами (специальное право («золотая акция»)), причем «золотая акция» используется с момента отчуждения из государственной собственности 75% лекций соответствующего акционерного общества.

Если суммировать всё вышеизложенное, то мы можем выделить три вида должностных лиц: ***1)*** *представители власти;* ***2)*** *лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в институциях, указанных законом;* ***3)*** *лица, объединяющие первые два вида (представители власти, одновременно выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в институциях, указанных законом).* Третий вид характерен, в частности, для руководящего состава правоохранительных органов – например, начальник отдела Министерства внутренних дел России по району, начальник отдела уголовного розыска этого отдела и т.д.

Понятие «представитель власти» достаточно подробно изучено в соответствующей литературе и в разъяснениях по материалам судебной практики. Напомним, что, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» к ним следует относить лиц, *наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами,*

организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Если обратиться к ранее действовавшему постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 феврале 2000 года N 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», то оно относило к представителям власти *лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности*[685]. Это же постановление приводило и примерный перечень таких лиц: члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, члены Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, судьи федеральных судов и мировые судьи, наделенные соответствующими полномочиями работники прокуратуры, налоговых, таможенных органов, органов МВД Российской Федерации и ФСБ Российской Федерации, состоящие на государственной службе аудиторы, государственные инспекторы и контролеры, военнослужащие при выполнении возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и иных функций, при выполнении которых военнослужащие наделяются распорядительными полномочиями.

При внимательном прочтении положений обоих постановлений мы заметим, что имеем дело с **двумя видами** представителей власти: **1)** *лица, наделенные правами и обязанностями по осуществлению функций органов*

[685] Российская газета. 2000. 23 февр.,

законодательной, исполнительной или судебной власти; **2)** *иные представители правоохранительных или контролирующих органов, наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.*

Если говорить о государственной власти, то речь, идет конечно же, о трех ее ветвях: законодательной, исполнительной и судебной. Как известно, государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации, а государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ст. 11 Конституции Российской Федерации). Примечательно, что в отечественной криминологической литературе даже существует классификация коррупционных преступлений исходя из соответствующей ветви власти: *коррупция в исполнительных органах власти (административная коррупция); коррупция в законодательных органах (парламентская коррупция); коррупция в судебных органах (судебная/судейская коррупция)*[686].

Как известно, правоохранительные и иные контролирующие государственные органы входят в систему государственной власти, но при этом они могут принадлежать к какой-либо ветви власти, а могут и не принадлежать. То, что такие органы не относятся к ветви судебной власти, понятно: правосудие осуществляется только судом. К законодательной ветви власти эти правоохранительные и иные контролирующие органы тоже не относятся. Например, прокуратура Российской Федерации как единая

[686] См.: Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: монография. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. С. 15-16.

федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции, не к одной ветви власти вообще не относится. К представителям власти второй группы отнесем и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации[687].

Для более точного понимания субъектного состава этой второй группы представителей власти необходимо обратиться к указам Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года N 314 (ред. от 20.11.2020) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[688] и указу от 21 января 2020 года N 21 (ред. от 20.11.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти»[689]. Например, в Указе Президента РФ от 9 марта 2004 года N 314 *под функциями по контролю и надзору понимаются осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения*.

Как пишет Б.В. Волженкин, «…деятельность представителя власти строится на взаимоотношениях с лицами, не находящимися в его служебном подчинении. Многие представители власти вообще не имеют подчиненных им по службе лиц (а если и имеют, то их статус как представителей власти определяется не наличием распорядительных полномочий в отношении подчиненных), но обладают властными полномочиями по отношению к

---

[687] См.: определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. N 3313-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малекова И.М. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 26 Федерального закона "О войсках национальной гвардии Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

[688] Российская газета. 2004. 12 марта.

[689] Доступ из официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, (дата обращения: 21.01.2020).

широкому, не определенному заранее кругу граждан»[690]. Таким образом, основными признаками представителей власти *второй группы* следует считать: *а) наделение их властными полномочиями; б) несвязанность их действий ведомственными рамками; в) право совершать действия, обязательные для организаций и граждан.*

Следует подчеркнуть, что в результате изучения материалов уголовных дел мы установили, что среди должностных лиц, осужденных за коррупционные преступления, представители власти составили 48%.

Говоря о тех должностных лицах, что выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в тех институциях, которые указаны в законе, рассмотрим эти функции более подробно.

Под *организационно-распорядительными функциями* следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п. К таким функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)[691].

---

[690] Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 76.

[691] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Например, к числу должностных лиц, выполняющих такие функции, относятся руководители министерств, ведомств, государственных, кооперативных, общественных предприятий, учреждений, организаций и их заместители, руководители структурных подразделений (начальники цехов, заведующие отделами, лабораториями, кафедрами, их заместители и т.п.), руководители участков работ (мастера, прорабы, бригадиры). Судебная практика считает также, что организационно-распорядительными полномочиями наделены контролеры исправительно-трудовых учреждений и следственных изоляторов. Важным показателем принадлежности к этой категории должностных лиц является либо наличие в подчинении у виновного других работников либо самостоятельной ответственности за участок работы.

Как *административно-хозяйственные функции* надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием)[692].

О наличии у должностного лица властных полномочий свидетельствует: *1) нормативно предоставленное ему право применять государственное принуждение; 2) право принимать решения, имеющие юридические последствия для физических и юридических лиц; 3) способность изменять правоотношения, своим служебным поведением; 4) право привлекать к ответственности лиц, не выполнивших его законные распоряжения и требования.*

Следует иметь в виду, что *понятие должностного лица неразрывно связано с понятием должности, хотя и не является равнозначным ему.* В

[692] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

юридической литературе должностью принято считать структурную единицу какой-либо организации, которая предопределяет содержание и объем связанных с нею полномочий для занимающего ее лица[693]. *Иначе говоря, любой служащий, занимающий какую-либо должность, обладает определенными полномочиями, которые не всегда могут быть сопоставимы с полномочиями должностного лица, признаваемого субъектом должностных преступлений.*

В качестве примера обратимся к некоторым актам медицинского права. Так, в приказе Минздрава России от 20 декабря 2012 года N 1183н (в действующей редакции) «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» номенклатура «Медицинские работники» включает в себя: 1.1. *Должности руководителей* (например, главный врач (начальник) медицинской организации; заместитель руководителя (начальника) медицинской организации; заведующий (начальник) структурного подразделения медицинской организации и т.д.); 1.2. Должности специалистов с высшим профессиональным (медицинским) образованием (врачи); 1.3. Должности специалистов с высшим профессиональным (немедицинским) образованием; 1.4. Должности специалистов со средним профессиональным (медицинским) образованием (средний медицинский персонал); 1.5. Иные должности медицинских работников (младший медицинский персонал)[694]. Как видим, к должностным лицам будут относиться только те медицинские работники, которые входят в категорию 1.1.

Одно и то же лицо может одновременно выполнять и функции должностного лица, и исключительно профессиональные обязанности: например, заведующий отделением в больнице, заведующий кафедрой в высшем учебном заведении и т.д. В связи с этим, необходимо четко

[693] См.: Бачило И.Л. Организация советского государственного управления. М., 1984. С. 4; Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие для студентов юр. факультетов и институтов / отв. ред. Г.А. Туманов. М., 1996. С.50.
[694] Российская газета. 2013. 27 марта

отграничивать его действия как должностного лица от действий работника-профессионала.

В некоторых нормах Уголовного кодекса Российской Федерации эти понятия смешиваются в рамках формулировки «с использованием своего служебного положения». Обратимся, в частности, к ст. 229 УК РФ, ч.2 которой предусматривает ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств, психотропных веществ, наркосодержащих растений или их частей с использованием своего служебного положения. В свою очередь, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года N14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» устанавливает, что *под использующим свое служебное положение лицом следует понимать как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества* [695].

Следует в связи этим упомянуть и о признании преподавателя вуза должностным лицом и, следовательно, субъектом должностного (коррупционного) преступления. Судебной практикой преподаватели неоднократно признавались должностными лицами (при наличии определённых условий) и таким решениям давались разъяснения[696]. Более того в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении

[695] См.: БВС РФ". , 2006. N 8

[696] См. на пример Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 1999 г. в отношении Макарова // БВС РФ. 2000. № 2; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2014 г. № 36-АПУ14-1 кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. N 91-О13-2; кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 78-О13-2; кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 16-012-64; кассационное определение Верховного Суда РФ от 31 мая 2012 г. № 47-О12-24; надзорное определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2013 г. № 49-Д13-12 Доступ из СПС "КонсультантПлюс".

должностных полномочий» прямо сказано о том, что преподаватель учебного учреждения обладает организационно-распорядительной функцией и, следовательно, признается должностным лицом при приеме экзаменов и выставлении оценок в качестве члена государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии. Разумеется, что при приеме экзаменов, зачетов (как и при осуществлении любой формы аттестационных испытаний) преподаватель государственного или муниципального учреждения является должностным лицом независимо от того, принимает он экзамен (зачет и т.п.) в составе комиссии или индивидуально, а также от того, является этот экзамен выпускным или нет.

Как отмечает В.Г. Павлов, «чаще всего трудности (при квалификации должностного преступления. – О.К.) могут иметь место, когда речь идет об уголовной ответственности лиц с признаками субъекта должностных преступлений таких категорий работников, как преподаватели различных учебных заведений, медицинских, торговых работников, представителей различных строительных профессий и других сфер деятельности и специальностей»[697]. Повторимся: если неправомерные действия преподавателя, медика и представителей других профессий (специальностей, сфер деятельности) были связаны исключительно с выполняемыми ими профессиональными функциями, то уголовной ответственности за должностные преступления для них не наступает. Как правильно замечает В. Хилюта, если должностное лицо одновременно выполняло служебные (должностные) и профессиональные функции, то для признания вознаграждения взяткой необходимо установить, что вознаграждение (взятка) передавалась за осуществление именно служебных (должностных) функций (обязанностей), а не за совершение каких-либо иных действий[698].

Например, если преподаватель государственного вуза, получив от студента вознаграждение, написал за него курсовую работу, а впоследствии

[697] Павлов В.Г. Субъект преступления. СПБ. 2001. С.222
[698] См.: Хилюта В. Взятка или законно оказанная услуга // Законность. 2020. № 10. С. 33.

сам проставил в экзаменационную ведомость и зачетную книжку положительную оценку за эту работу, притом, что на самом деле студент курсовую работу не защищал, то такого преподавателя необходимо признать субъектом получения взятки. Иное дело, если преподаватель не принимал защиту этой же работы – в таком случае состава получения взятки не было бы, а имела место лишь услуга по написанию курсовой работы преподавателем за студента[699]. Бесспорно, что такие «услуги» по написанию работ дают право упрекнуть преподавателя в нарушении преподавательской этики, но не в нарушении ст. 290 УК РФ[700].

Как известно, остро стоит проблема *борьбы с коррупцией в Вооруженных Силах РФ.* По сути дела, изучение коррупционной преступности в армии представляет собой отдельное научное направление, поскольку это общественно-опасное явление отличается рядом специфических особенностей. В частности, коррупционная преступность крайне негативно влияет на эффективность выполнения государственного оборонного заказа, общем уровне боеготовности и т.д. Обратимся в связи с этим, к Обзору некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года. Как отмечают составители документа, несмотря на принимаемые органами военного управления меры профилактического характера, *количество коррупционных преступлений, связанных с получением (дачей) взятки, остается неприемлемо высоким*[701].

Количество преступлений, связанных со взяточничеством, за пять месяцев 2019 года в Вооруженных Силах Российской Федерации по сравнению с аналогичным периодом 2018 года возросло в 1,2 раза (92 в 2018 году, 108 в 2019 году). Наибольшее их число совершено в войсках Южного военного округа. К уголовной ответственности за коррупционные

[699] Там же. С. 34.
[700] См.: Панченко П. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с непреступными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2. С. 52.
[701] См.: Министерство обороны Российской Федерации: Сведения о коррупционных правонарушениях URL: http://mil.ru/anti-corruption/violations.htm (дата обращения 16.02.2021).

преступления военнослужащие и работники Вооруженных Силах Российской Федерации привлекались на основании статей Уголовного кодекса Российской Федерации: 290 (получение взятки, 24 человека), 291.2 (мелкое взяточничество, 20 человек), 291 (дача взятки, 14 человек)[702].

Субъект военно-должностного коррупционного преступления характеризуется М.А. Андрияновым как воинское должностное лицо, совершающее соответствующее коррупционное преступление. Этот субъект характеризуется всеми признаками должностного лица, предусмотренными в примечании 1 к ст. 285 УК РФ [703]. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства, должностные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции, могут являться начальниками по служебному положению и (или) воинскому званию. Начальники по воинскому званию определены в ст. 36 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (в частности, сержанты и старшины являются начальниками по воинскому званию для солдат и матросов только одной с ними воинской части).

Отдельно следует сказать о специальных антикоррупционных нормах УК РФ, защищающих установленный законом порядок выполнения государственного оборонного заказа: ст. 201^1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 285^4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа». В постановлении Пленума Верховного

[702] Там же

[703] См.: Андриянов М.А. Общее понятие, признаки и виды коррупционных преступлений, совершаемых воинскими должностными лицами, рассматриваемые с позиций технико-юридического подхода и задач совершенствования как законодательства о военной коррупции, так и преподавания соответствующей уголовно-правовой проблематики // Юридическая техника. 2009. №3. С. 393.

Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201^1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» говорится, что под злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа следует понимать совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили законным интересам данной коммерческой или иной организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями. В частности, как злоупотребление полномочиями должны квалифицироваться деяния выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации лица, которое в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам совершает входящие в круг его полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения.

В практике нередко встречаются случаи, когда коррупционные преступления совершают военнослужащие-медики, например получают либо вымогают взятки за выдачу документа об освобождении от призыва на военную службу, либо от дальнейшего ее прохождения[704]. Такие лица обладают не просто статусом специального субъекта, но статусом, осложненным дополнительными признаками: *военнослужащий-врач, являющийся должностным лицом* (например, начальник медицинского пункта - врач воинской части; начальник военно-врачебной комиссии военного комиссариата).

[704] Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 17 февраля 2004 г. N 4-076; кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 16 января 2004 г. N 1-03/04 Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Нормы действующего уголовного закона дают возможность назначить более строгое наказание тем лицам, которые относятся к т.н. *VIP-коррупционерам: речь идет о лицах, совершивших, в частности, получение взятки и занимающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации либо являющиеся главами органов местного самоуправления.*

К *первым* относятся лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов (примечание 2 к ст. 285 УК РФ), а ко *вторым* – лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Речь, как видим, идет *о специальных субъектах с дополнительными признаками.*

Возможный субъектный состав первой группы определяется с помощью Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. N 32 «О государственных должностях Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), которым утвержден Сводный перечень государственных должностей Российской Федерации. К таким лицам относятся: Президент Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, федеральные министры, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, Генеральный прокурор Российской Федерации, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Руководитель высшего государственного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, судья федерального суда и т.д.[705]. Субъектный состав

[705] См.: "Российская газета", 1995. 17 января.

второй группы образуют руководители органов законодательной власти субъектов Федерации, депутаты представительных органов субъектов Федерации, члены правительств субъектов Федерации и др.[706]

Практика борьбы с коррупционной преступностью последних лет в России свидетельствует о том, что высокий региональный статус уже не является гарантией некой неприкасаемости – число осужденных коррумпированных чиновников регионального масштаба исчисляется десятками. В числе таких лиц – бывшие губернаторы Брянской, Тульской, Сахалинской и Кировской областей, бывшие главы республик Карелия, Коми, Удмуртия, заместители губернаторов Алтайского края, Вологодской и Челябинской областей, некоторые бывшие министры региональных правительств или заместители министров (Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Астраханской, Иркутской, Нижегородской, Челябинской, Рязанской, Тульской, Оренбургской областей, Красноярского края, Ставропольского края, Хабаровского края, республики Карачаево-Черкесия, Карелия, Северная Осетия - Алания, Марий Эл)[707]. Всего же, как отметил глава Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, в период с 2011 года по настоящее время перед судом предстало более 5,7 тыс. лиц, обладающих особым правовым статусом (высокопоставленных чиновников)[708].

История постсоветской России знает пока только два случая осуждения федеральных министров за коррупционные преступления: Евгения Адамова (в 1998-2001 гг. возглавлял Министерство по атомной энергии) и Алексея Улюкаева (возглавлял Министерство экономического развития в 2013-2016 гг.).

Что касается третьей группы, то *глава муниципального образования* – это высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом

---

[706] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд. / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2010. С.439.

[707] См.: Бастрыкин: Путину регулярно сообщают о коррупции в высших эшелонах власти Козлова Н. Есть посадки. Следственный комитет рассказал, сколько и за что сажают коррумпированных чиновников // Российская газета. 2019; Ивлев А. Топ коррупционеров-2020 // URL: https: Вести. Дежурная часть. 09.01.2021. URL: https://www.vesti.ru/article/2508041 (дата обращения: 15.02.2021).

[708] См.: Бастрыкин: Путину регулярно сообщают о коррупции в высших эшелонах власти.

муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. С учетом характера полномочий под понятие «глава органа местного самоуправления» *подпадают глава муниципального образования и глава местной администрации*[709]. *Главой местной администрации* является глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования[710].

Следует особо подчеркнуть, что коррупционные преступления на уровне местного самоуправления уже становились предметом самостоятельного исследования. Если брать структуру коррупционной преступности и удельный вес коррупционных преступлений на местном уровне, то А.В. Воробьев представляет эти показатели следующим образом: а) взяточничество (30,4%); б) злоупотребление должностными полномочиями (18,0%); в) превышение должностных полномочий (11,7%); г) иные коррупционные преступления, к коим отнесены: нецелевое расходование бюджетных средств (11,9%), присвоение или растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (6,1 %), служебный подлог (5,8%), мошенничество с использованием своего служебного положения (13,7%) и другие преступления[711]. Наиболее коррумпированными сферами местного самоуправления Г.М. Аглямова называет земельные и имущественные отношения, а также отношения органов местного самоуправления с предпринимательством[712].

Действующая правоприменительная практика знает немало примеров привлечения глав органов местного самоуправления к уголовной

---

[709] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., / под ред. А.И. Чучаева. С.439.

[710] См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газет. 2003. 8 окт.

[711] См.: Воробьев А.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления. автореф. дис…канд. юрид. наук. Калининград, 2017. С. 13.

[712] См.: Аглямова Г.М. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждения. автореф. дис…канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 10.

ответственности за коррупционные преступления, и, в частности, за взяточничество. Например, в 2020 году был вынесен обвинительный приговор в отношении бывшего главы Серпуховского района Московской области А. Шестуна. Его обвинили среди прочего в получении взятки и в незаконном участии в предпринимательской деятельности. Суд приговорил Шестуна к 15 годам лишения свободы и крупному денежному штрафу[713].

Говоря об *организованном характере действий коррупционеров* (в частности, в составе организованных групп), следует напомнить, какие разъяснения на этот счет даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: **1)** организованная группа характеризуется устойчивостью, высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя; **2)** в организованную группу, помимо одного или нескольких должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа; **3)** в случае признания получения взятки либо предмета коммерческого подкупа организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части ст. 290 или ст. 204 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Комментируя итоги борьбы с организованной коррупционной преступностью в 2020 году, А.И. Бастрыкин привел следующие данные: за девять месяцев 2020 года в суд направлено 66 уголовных дел в отношении организованных групп (количество дел по сравнению с 2019 годом выросло на 25%, тогда оно составляло 53 дела) по обвинению 235 лиц (в 2019 году – 135 лиц). Также было направлено шесть уголовных дел в отношении преступных

[713] См.: Ивлев А. Указ. соч.

сообществ (преступных организаций) по обвинению 11 лиц, в 2019 году подобных дел было три[714].

Резонансным уголовным делом в этом отношении является «дело подмосковных прокуроров» о коррупции в Московской области. В рамках уголовного дела о коррупции, связанного с подпольными казино в 15 городах Московской области, Следственный комитет России к началу 2012 года установил, что с августа 2009 года занимавший должность первого заместителя прокурора Московской области А. Игнатенко вступил в преступный сговор с бывшим начальником 15-го управления (по надзору за следствием) Мособлпрокуратуры Д. Урумовым с целью получения взяток от организаторов незаконного игорного бизнеса. С этой же целью Игнатенко вовлек в данную преступную деятельность бывшего прокурора Ногинска В. Глебова, бывшего прокурора Одинцовского района Р. Нищеменко и бывшего прокурора Серпуховского района О. Базыляну. По данному уголовному делу также проходят два сотрудника управления «К» МВД России Ф. Темиргалиев и М. Куликов, а также безработный О. Судаков, который по версии следствия являлся доверенным лицом начальника подмосковного ГУВД. Подозреваемыми проходят два его предполагаемых помощника А.Гусева и М. Мамыев и три сотрудника полиции, которых подозревают в «крышевании» игорного бизнеса. По данным следствия, бывший первый заместитель прокурора Московской области А. Игнатенко за покровительство незаконному игорному бизнесу получил за полтора года более 47 млн рублей, другие бывшие прокуроры получили взяток на общую сумму не менее 15 млн рублей. Эти деньги бывшим прокурорам передавали предприниматель Назаров и его пособники за невоспрепятствование их незаконной деятельности. Все члены организованной преступной группы, на случай выявления их преступной деятельности имели паспорта, в т.ч. и заграничные, на подставных лиц и «пути отхода». Например, А. Игнатенко скрывался в

[714] См.: Бастрыкин: Путину регулярно сообщают о коррупции в высших эшелонах власти.

Польше и только в январе 2012 года был задержан сотрудниками польских силовых структур[715].

В завершение параграфа представим выводы, к которым мы пришли в процессе его написания.

1. Коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами, представляют собой «костяк» коррупционной преступности, при этом нельзя отождествлять понятие «должность» и «должностное положение», поскольку именно последнее характеризует должностное лицо. Отождествление этих двух понятий, характерное для первых лет советской власти, является ошибочным, поскольку любая должность означает наличие каких-либо полномочий, но они на являются полномочиями должностного лица.

2. Должностные лица делятся на три группы: представители власти; лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в соответствующих институциях; лица, относящиеся одновременно к первой и второй группам. Число лиц, относящихся ко второй группе, значительно выросло за счет отнесения к ним управленцев государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных корпораций и государственных компаний, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям.

3. Государственные корпорации и государственные компании имеют публично-правовую природу, осложненную частноправовыми элементами. В целом же это отражает дальнейшее усиление роли государства в экономике и защиту его интересов в этой сфере средствами уголовного закона.

4. Уголовный закон позволяет выделить признаки должностного лица: 1) *осуществление лицом определенной публичной функции* (функции представителя власти; организационно-распорядительные функции,

[715] См.: Новичков В.Е. Исторические аспекты и современные тенденции борьбы с коррупцией в России. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44). С. 80.

административно-хозяйственные функции); 2) *вид институции, где эта функция осуществляется* (они перечислены в примечании первом к статье 285 УК РФ – государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения и т.д.); 3) *основание и срок выполнения полномочий должностного лица* (постоянно, временно, по специальному полномочию). Соответственно, выделяем два ключевых критерия должностного лица: *содержательный* (какие публичные функции должностное лицо выполняет) и *темпоральный* (в течение какого срока оно их выполняет; иными словами, устанавливается, когда полномочия начинаются и когда они прекращаются).

5. В зависимости от ветви власти в доктрине выделяются следующие виды коррупции: коррупция в исполнительных органах власти (административная коррупция); коррупция в законодательных органах (парламентская коррупция); коррупция в судебных органах (судебная/судейская коррупция).

6. Несмотря на успешные подвижки в борьбе с элитарной коррупционной преступностью (высокопоставленными чиновниками регионального уровня), остается некая каста «неприкасаемых» на федеральном уровне – за всю историю постсоветской России за коррупционные преступления было осуждено только два федеральных министра.

§ 4.4. Иностранные должностные лица, должностные лица публичной международной организации как субъекты коррупционных преступлений

Появление в нормах УК РФ таких субъектов получения взятки, как иностранные должностные лица либо должностные лица публичной международной организации, обусловлено участием Российской Федерации в соответствующих международных договорах о борьбе с коррупцией (в

частности, Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.).

Под иностранным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия (например, министр, мэр, судья, прокурор)[716].

К *должностным лицам публичной международной организации* относятся, например, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, лица, занимающие судебные должности любого международного суда, юрисдикция которого признана Российской Федерацией[717].

Международные организации, участницей которых является Российская Федерация: Организация Объединенных Наций; Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд; Международный суд ООН; Экономический суд Содружества Независимых Государств.

В контексте этого разъяснения, которое дается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24, необходимо подробнее остановиться на понятии *«публичная международная организация»*. В данном случае речь идет о тех международных организациях, которые являются субъектами международного права, – межправительственных (межгосударственных) организациях[718].

В современном международном праве эти организации подразделяются по разным критериям: 1) *по кругу участников:* универсальные, региональные, межрегиональные (Организация Объединенных Наций, Организация

[716] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»
[717] Там же.
[718] См.: Международное право: Учебник / под ред. К.А. Бекяшева. 2-е изд. М.: ТК Велби, 2003. С. 110-111.

африканских государств, Организация экономического сотрудничества и развития); 2) *по компетенции:* общей компетенции и специальной компетенции (ООН, Международная организация гражданской авиации); 3) *по порядку приема новых членов:* открытые и закрытые (например, НАТО)[719].

К международным судам, юрисдикция которых, признается Российской Федерацией, можно отнести, например, Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Экономический суд Содружества Независимых Государств[720].

Возникает следующий вопрос: кто будет считаться *должностным лицом публичной международной организации*?

Сам Уголовный кодекс РФ к таким лицам относит *международного гражданского служащего или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени*. П.С. Яни, комментируя соответствующее постановление Пленума, перечисляющее некоторые категории таких лиц (п. 1), относит к ним только тех, кто соответствует указанным в примечании 2 к ст. 290 УК РФ критериям. В частности, если член парламентского собрания международной организации, участником которой является Россия, получает незаконное вознаграждение за действие (бездействие), непосредственно связанные с исполнением им своих служебных обязанностей, то содеянное им можно квалифицировать по ст. 290 УК РФ только в случае, если «подкупаемый» является международным гражданским служащим либо уполномочен этой организацией выступать от ее имени. В некоторых случаях указания подобного рода напрямую содержатся в нормативных документах[721]. Например, согласно ст. 13 Конвенции о Межпарламентской Ассамблее государств - участников СНГ от 26 мая 1995 года, Межпарламентская Ассамблея пользуется на территории государств-

[719] См.: Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. М.: Юрайт. 2017. С. 29-31.
[720] См. подробнее: Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения. 2014.
[721] См.: Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 9. С. 36

участников правами юридического лица и имеет, в частности, право: а) заключать договоры, б) приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им, в) возбуждать дела в суде и участвовать в судебных разбирательствах. Однако эти права осуществляются Секретариатом от имени Межпарламентской Ассамблеи, который является постоянно действующим органом Совета Ассамблеи (ст. 11). В свою очередь, Совет Ассамблеи осуществляет организацию деятельности Межпарламентской Ассамблеи и состоит из руководителей парламентских делегаций государств-участников. Возглавляет Совет Ассамблеи Председатель Совета, избираемый тайным голосованием из числа членов Совета сроком на один год[722]. В ст. 2 данной Конвенции перечислены должностные лица Межпарламентской Ассамблеи, в частности Генеральный Секретарь Совета Ассамблеи.

Очевидно, что нам придется обратиться и к институту международной гражданской службы как таковому, чтобы более чётко уяснить положения уголовного законодательства и разъяснения высшей судебной инстанции. *Международная гражданская служба (международные гражданские служащие)* – это должностные лица секретариатов международных организаций, наделенные особым статусом, привилегиями и иммунитетами для осуществления внутреннего управления. Международные гражданские служащие - наиболее важная в функциональном отношении часть служащих международных организаций, поскольку именно они образуют, своего рода, костяк персонала и осуществляют управленческую функцию организации[723].

Особенно важным представляется вопрос о коррупционной пораженности (действительной или потенциальной) судей международных судов (лиц, занимающих судебные должности), юрисдикция которых признается нашей страной. В современном мире уже оформился такой институт как *международное правосудие,* которое понимается как

[722] См.: Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств URL: https: // iacis.ru/baza_dokumentov/normativno-pravovie_dokumenti_sng_podgotovlennie_mpa_sng/10 (дата обращения: 12.02.2021).
[723] См.: Право международных организаций / под ред. А.Х. Абашидзе. С. 126.

деятельность, осуществляемая специальными международными судебными учреждениями в пределах и объеме, согласованных государствами как субъектами международного права, по вопросам, определяемым компетенцией данных международных судебных учреждений в их уставных (учредительных) документах в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права[724].

Несмотря на положительную роль, которую играет международное правосудие в современном глобальном пространстве, нельзя забывать и о рисках, которое оно генерирует. Наибольший из них – ограничение национального суверенитета и использование международных судов для оказания давления на правительства суверенных государств. Не случайно российская Конституция (ст. 79) говорит о праве нашей страны участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. В то же время решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации[725]. Поскольку определяющим для признания лица, занимающего судебную должность в международном суде, субъектом получения взятки является факт признания нашей страной юрисдикции такого суда, то возникает закономерный вопрос – когда и чем этот факт подтверждается.

В современной литературе выделяют пять основных форм участия Российской Федерации в деятельности международных судов: 1) признание юрисдикции международного суда в силу членства России в международной

[724] См.: Каширкина А.А. Отправление правосудия международными судебными органами на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 93.
[725] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // Российская газета. 2020. 16 марта

(межгосударственной) организации, в структуре которой действует данный суд; 2) непосредственное признание юрисдикции международного суда в силу подписания международного договора о защите прав человека; 3) признание юрисдикции международного суда на основании присоединения к международным соглашениям, предусматривающим подведомственность данного суда; 4) вхождение представителей от России в состав международного суда на основании членства страны в международной организации; 5) участие Российской Федерации в деятельности временно созданного международного суда (международного трибунала)[726]. Разумеется, в тех случаях, когда Россия заявляет о непризнании юрисдикции какого-либо суда, пусть даже раньше ее и признавала, судья такого суда перестает быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, как, например, в случае с Международным уголовным судом[727].

Но и здесь возникает вопрос: кого относить к «лицам, занимающим судебные должности»? Только судей таких судов или кого-то еще? Как полагает П.С. Яни, столь широкая формулировка охватывает не только судей, но и должностных лиц и сотрудников секретариата[728]. В качестве примера он приводил Суд Евразийского экономического сообщества (ныне прекративший существование), Статут которого (ст. 10) относил таких лиц к международным служащим[729]. Если же обратиться к действующему Статуту Суда Евразийского экономического союза, то он четко разделяет судейский корпус (Гл. II «Состав Суда») и аппарат суда (Гл. III. «Аппарат Суда. Статус должностных лиц и сотрудников»), при этом к сотрудникам относит и технический персонал Суда[730]. Следовательно, если незаконное

[726] См.: Конюхова И. А., Костылева Е. Д. Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 37—45.

[727] См.: Распоряжение Президента РФ от 8 сентября 2000 г. N 394-рп "О подписании Римского статута Международного уголовного суда // Собрание законодательства РФ 2000. N 37, ст. 3710; Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. N 361-рп "О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда" // Российская газета. 2016. 18 ноябр.

[728] См.: Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве. С. 36.

[729] Там же.

[730] См.: Статут Суда Евразийского экономического союза URL: http://courteurasian.org/ (дата обращения: 12.02.2021).

вознаграждение получает именно судья, то речь идет о получении взятки именно лицом, занимающим судебную должность. Если же такое вознаграждение получает должностное лицо суда, судьей не являющееся, то речь идет о получении незаконного вознаграждения иным должностным лицом публичной организации.

Более того, постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» почему-то ограничивает круг судей международных судов только теми из них, кто занимает судебные должности в международных судах, юрисдикцию которых Россия признает. Но даже если такого признания нет, то от этого данный суд не перестает быть публичной международной организацией. Как известно, в международном правосудии есть институт судов в области прав человека: например, Межамериканский суд по правам человека и Африканский суд по правам человека и народов. Участницей этих судов Россия не является. Но Россия не является участницей и многих других публичных международных организаций «внесудебного» характера, и, тем не менее должностные лица таких организаций законом отнесены к субъектам получения взятки. В данном случае, как представляется, Верховный Суд РФ принимает на себя функции законодателя и исключает из числа субъектов преступления определённых лиц, притом, что нигде в уголовном законе о таких ограничениях ничего не говорится.

Полагаем, что необходимо внести следующие изменения и дополнения в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ «По делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» в части, касающейся международных судов: *«К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, лица, занимающие судебные должности любого международного суда независимо от признания Российской Федерацией его юрисдикции, и международные гражданские служащие этого суда. Технический персонал к должностным лицам международной публичной организации не относится».*

В противном случае можно оказаться в ситуации, когда судью такого суда вообще нельзя будет привлечь к ответственности за получение незаконного вознаграждения, ведь если его нельзя рассматривать в качестве должностного лица, то остается лишь возможность применить к этому лицу ст. 204 «Коммерческий подкуп» УК РФ. Но, как мы знаем, субъектом этого преступления являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. Им согласно примечанию 1 к ст. 201 УК РФ признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. Если вспомнить содержание этих функций, то вполне возможно, что не всякий судья ими наделен (если это, например, не председатель, не первый или второй вице-председатели Президиума Международного уголовного суда).

Следует отметить, что транспарентность многих наднациональных властных структур, несмотря на декларируемую открытость и гласность деятельности, оставляет желать лучшего. В исследованиях по вопросам борьбы коррупции тот же Европарламент отказывается участвовать, ссылаясь на то, что они и так максимально открыты и прозрачны, а потому он не видит никакой необходимости во взаимодействии по этому вопросу[731]. Европейский Совет, состоящий из представителей национальных правительств, и вовсе назвали «черным ящиком, где принимаются решения» вне всякого публичного контроля. В Совете не существует общих правил поведения, минимальных этических стандартов, правил уведомления о финансовых интересах или руководств по корпоративному спонсорству. Интересно, что на сайте Евросоюза есть раздел «Открытый регистр» («Регистр транспарентности»). Среди зарегистрировавшихся в этом Регистре самое большое число (6550)

[731] См.: Nielsen N. EU Parliament Snubs Anticorruption Researchers. 5 February 2021. URL: https://euobserver.com/institutional/150832 (дата обращения: 08.02.2021).

составляют «внутренние лоббисты и торговые/деловые/профессиональные ассоциации»[732]. Надо ли говорить, что в криминологической и уголовно-правовой литературе между лоббизмом и коррупцией часто ставят знак равенства[733]. Например, Т.Б. Басова еще в 2005 году вносила предложение по включению в УК РФ отдельной нормы об уголовной ответственности за незаконное участие в лоббистской деятельности[734], хотя прилагательное «незаконное» не вполне удачное – закона о лоббистской деятельности в нашей стране нет.

В последнее время все чаще появляется информация о коррупционных скандалах, в которых замешаны руководители международных публичных организаций. Наиболее показательный пример в этом отношении – Всемирная организация здравоохранения. Так, в 2019 году в западной прессе появились сообщения о том, что один из высокопоставленных служащих организации тратил на содержание своей любовницы денежные средства, которые были выделены на борьбу с лихорадкой Эбола в Западной Африке – эпидемия лихорадки началась в 2013 году со вспышки в Демократической Республике Конго. Молодая подружка высокого чиновника была без всяких на то оснований включена в состав миссии, с тем чтобы получать денежные средства как участник борьбы с Эболой[735]. Недавно авторитетное медицинское издание British Medical Journal опубликовало статью, в котором предало огласке имена ученых-советников ВОЗ, имевших тесные связи с производителями вакцин от свиного гриппа и убедивших Всемирную организацию здравоохранения объявить пандемию этой болезни. В результате производители вакцин получили миллиардные прибыли, после чего несколько ключевых ученых-советников получили прямые финансовые выплаты от этих

[732] См.: URL: https://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do.
[733] См.: Миндагулов А.Х. Лоббизм и коррупция: пересекающееся параллели. Алмааты, 2014.
[734] См.: Басова Т.Б. Указ. соч. С. 17.
[735] См.: Senior WHO Official Accused of Using Ebola Cash to Pay For Girlfriend's Flight. URL: https://www.theguardian.com/global-development/2019/jan/18/senior-world-health-organization-official-accused-of-using-ebola-cash-to-pay-for-girlfriends-flight-corruption-racism-sexism (дата обращения: 03.02.2021).

производителей вакцин. Издание прямо называет это «откатами» (“kickbacks”)[736].

В завершение параграфа сформулируем некотогрые выводы.

1. Включение российским уголовным законом в число взяткополучателей иностранных должностных лиц и должностных лиц публичной международной организации имеет как правовую, так и социальную обусловленность. Соответствующие международные конвенции в качестве субъектов коррупционных преступлений прямо называют эту категорию лиц, однако включение их в число взяткополучателей обусловлено прежде всего особой опасностью транснациональной коррупции: коррумпированность иностранных должностных лиц и должностных лиц международных публичных организаций выступает инструментом, в том числе и геополитического враждебного воздействия на нашу страну.

2. Коррупция в публичных международных организациях является одной из наиболее опасных форм коррупционной преступности, принимая во внимание то огромное влияние, которое эти организации имеют. Данные институции являются весьма активными и влиятельными субъектами международной политики. Колоссальное влияние этих структур на жизнь отдельных стран, целых континентов и всего мира прослеживается на примере Совета Европы, Всемирной организации здравоохранения и международных судов. Последние, встроившись в единую систему международного правосудия и получив рычаги наднационального влияния, выступают действенным инструментом воздействия на суверенные государства, что по понятным причинам может создать угрозу национальному суверенитету.

3. Уяснение понятия «должностное лицо публичной международной организации» требует обращения к институту международной гражданской службы, поскольку разъяснения действующего уголовного закона и Верховного Суда РФ не дают полного представления об этом субъекте

[736] См.: WHO Scandal Exposed: Advisors Received Kickbacks From H1N1 Vaccine Manufacturers. URL: https://www.naturalnews.com/028936_WHO_vaccines.html (дата обращения: 04.02.2021).

преступления. Исключение из числа должностных лиц публичной международной организации судей тех международных судов, юрисдикция которых Россией не признается, представляется ошибочной, потому что факт непризнания юрисдикции этого суда не означает, что этой организации фактически не существует. Следовательно, и такие лица должны признаваться субъектами должностных преступлений.

§ 4.5. Лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, как субъекты коррупционных преступлений

Появление этой категории специальных субъектов в постсоветском уголовном праве связано с переходом к рыночной экономике, провозглашением свободы предпринимательства и появлением различных частных субъектов экономической деятельности. Однако, как отмечает С.В. Изосимов, это было также вызвано появлением многопартийной системы и необходимостью политического плюрализма, что нашло отражение в Законе СССР от 9 октября 1990 года «Об общественных объединениях»[737].

Несмотря на бытующее порой мнение о том, что ранее в отечественном уголовном законодательстве не было норм об ответственности управленцев в коммерческих и иных организациях, согласиться с этим нельзя. В фундаментальном труде С.В. Изосимова на этот счет найдем своего рода периодизацию такого законодательства начиная со второй половины XIX – начала XX века. Более того, эволюция данного законодательства сопровождалась и развитием доктринального учения об ответственности за эти преступления[738].

[737] См.: Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях: монография / под науч. ред. Б.В. Волженкина. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы. 2005. С. 7.

[738] См.: Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. СПб. Издательство «Юридический центр-Пресс». 2013. С. 18-67

Ближайший предшественник Уголовного кодекса РФ (УК РСФСР 1960 года) действительно не содержал подобных норм по той причине, что частнопредпринимательская деятельность была запрещена в СССР, и, даже когда предпринимательство было легализовано и появились первые предпринимательские структуры (в форме кооперативов), норм об уголовной ответственности управленцев за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях не появилось. Правоприменительная практика столкнулась с привычным явлением времен переходного периода: общественно-опасное деяние уже есть, а уголовной ответственности за него еще нет. Попытки считать этих управленцев должностными лицами и привлекать их к ответственности по ст. гл. 7 «Должностные преступления» УК РСФСР заканчивались, как правило, прекращением вышестоящими судами уголовных дел за отсутствием состава преступления либо переквалификацией содеянного на иные статьи Особенной части. Например, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворяя протест прокурора по делу Рачкова, указал, что, поскольку последний являлся коммерческим агентом кооператива, то он ошибочно признан должностным лицом и должен нести ответственность не по ст. 93 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества» УК РСФСР, а по ст. 147 «Мошенничество» этого Кодекса, так как кооператив к числу государственных либо общественных учреждений не относился[739].

Президиум Томского областного суда не согласился с квалификацией по ст. 175 «Служебный подлог» УК РСФСР содеянного Черезовым, который был признан виновным в том, что, являясь директором товарищества с ограниченной ответственностью, изготовил подложные документы на право вывоза в Китай минеральных удобрений. *Суд указал, что ТОО общественным объединением не является, и, потому Черезов должностным лицом признан быть не может, а изготовление им поддельных документов следует*

[739]См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 2.

квалифицировать по ст. 196 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков» УК РСФСР[740]. В 1992 году в отношении Р., генерального директор ТОО, было возбуждено уголовное дело по ст. 170 «Злоупотребление властью или служебным положением» УК РСФСР. Дело по подследственности передали в городскую прокуратуру, где оно было прекращено за отсутствием состава преступления на том основании, что *руководитель ТОО не является должностным лицом и поэтому не может быть привлечен к уголовной ответственности за должностное преступление*[741].

Таким образом, создалась ситуация, когда за одни и те же действия те лица, которые трудились в государственных организациях, могли понести уголовное наказание, а другие, занятые в коммерческих организациях, даже при причинении ими существенного ущерба к уголовной ответственности не привлекались, поскольку не являлись субъектами должностных преступлений. Помимо игнорирования реальной общественной опасности таких деяний нарушался и Основной закон страны, в частности ст. 19 Конституции РФ, провозгласившая равенство всех перед законом независимо от имущественного и должностного положения и иных различий[742].

С другой стороны, государство подтверждало принципиальное положение о том, что коммерческие и иные (например, общественные) организации не могут обладать государственной властью. На протяжении многих лет данная позиция находит поддержку и в юридической литературе: «Государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства»[743].

---

[740]См.: постановление президиума Томского областного суда от 16 ноября 1994 года. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[741]См.: Архив ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Уголовное дело. № 538427. Цит. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления. С. 464.

[742] См.: Курс уголовного права в пяти томах. Т.4:. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002. С. 130.

[743] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I: Введение и общая часть. СПб., 1914. С. 35.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что *«Конституция Российской Федерации не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. По смыслу ее статей 78 (части 2 и 3) и ст. 132 (часть2) такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам*)»[744].

Заметим также, что возможность осуществления государственных функций негосударственными организациями закреплена в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[745]. В качестве предмета регулирования данного нормативного акта выступают основы организации общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, «иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия». Следует подчеркнуть, что лица, аккредитованные на выполнение отдельных государственных полномочий, реализуют регистрационно-экспертные полномочия. Как отмечает В.Н. Бортков, Роструд и его территориальные органы при исполнении государственной функции могут привлекать к проведению мероприятий по надзору экспертов и экспертные организации, аккредитованные в установленном Правительством Российской Федерации порядке, для оценки соответствия осуществляемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями деятельности или действий (бездействия), выполняемых работ (предоставляемых услуг) обязательным требованиям и анализа соблюдения указанных требований, проведения мониторинга эффективности государственного надзора, учета результатов проводимых проверок и

[744]Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2491.
[745]Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

необходимой отчетности о них. Осуществление функций государства как объект уголовно-правовой охраны, в отличие от государственной власти и интересов службы, позволяет снять проблему ответственности должностных лиц, которые не являются государственными и муниципальными служащими[746]. Собственно, выше мы уже видели, как передача отдельных публичных функций некоторым некоммерческим и коммерческим организациям «перевела» их управленцев в разряд должностных лиц.

Вероятно учитывая данное обстоятельство, законодатели отдельных государств *не видят разницы между субъектами преступлений коммерческих и государственных структур.* В ряде зарубежных государств не предусмотрено отдельной уголовной ответственности для должностных лиц государственных предприятий и организаций и для лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных негосударственных учреждениях и организациях.

Например, должностные злоупотребления по УК Франции могут совершаться публичными должностными лицами, к которым относятся лица: а) обладающие государственной властью (высшие должностные лица Французской Республики); б) состоящие на государственной службе (чиновники четырех иерархических категорий, каждая из которых включает несколько рангов государственных служащих); в) обладающие избирательным мандатом (выборные должностные лица)[747]. Правоведы отмечают, что в УК Франции отсутствует общее определение публичного должностного лица, такое, например, которое дано в примечании к ст. 201 или 285 УК РФ 1996 г. В то же время перечень должностных лиц, которые могут нести уголовную ответственность за должностные злоупотребления, достаточно широк, и ответственность за эти деяния возлагается на лиц, работающих в сфере государственных отношений[748].

---

[746] См.: Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С.115.
[747] См.: Крылова Н.Е. Ответственность за должностные злоупотребления во Франции // Вестник МГУ. Серия: Право. 1998. № 1. С. 90.
[748] См.: Курс уголовного права в пяти томах. Т. 4. С. 139-140.

Напомним, что в контексте примечания 1 к ст. 201 УК РФ к таким субъектам могут относиться, например, директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива, руководитель общественного объединения, религиозной организации.

Все указанные в гл. 23 УК РФ преступления принято делить на две подгруппы: *первая подгруппа* — это преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях (преступления, связанные с коммерческим подкупом и злоупотреблением полномочиями); *вторая подгруппа* — это преступления, посягающие на служебные интересы отдельных видов деятельности (деяния, предусмотренные ст. 202 и 203 УК РФ)[749]. В некоторых работах первую подгруппу преступлений авторы относят к частично коррупционным[750]. Мы полагаем, что можно дать следующую классификацию преступлений, заключенных в гл. 23 УК РФ:

1) *коррупционные преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях* (получение предмета коммерческого подкупа вне зависимости от его размера, злоупотребление полномочиями);

2) *коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом* (передача предмета коммерческого подкупа вне зависимости от его размера, посредничество в коммерческом подкупе);

3) *преступления, посягающие на служебные интересы отдельных видов деятельности и совершаемые лицами, которые такую деятельность осуществляют* (деяния, предусмотренные ст. 202 и 203 УК РФ).

Если очерчивать круг тех организаций, где совершают преступления специальные субъекты, указанные в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, то

[749] См.: Там же. С. 130.
[750] См.: Гончаренко Г.С. Коррупционная преступность де-факто и де-юре // Потенциал современной науки. 2014. Вып. № 2. С.82.

необходимо обратиться прежде всего к федеральному законодательству. Это прежде всего гл. 4 «Юридические лица» части первой ГК РФ (например, ст. 50 «Коммерческие и некоммерческие организации»), Федеральный закон от 26 декабря 1995 года N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021), Федеральный закон от 8 февраля 1998 год N 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 2 декабря 1990 года N 395-I (ред. от 30.12.2020) «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 3 июля 2016 года N 236-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и ряд других нормативных правовых актов. В этих и других нормативных актах перечисляются организационно-правовые формы коммерческих и некоммерческих организаций, порядок их создания, управления, отчётности и т.д. При этом необходимо помнить, что управленцы в некоторых коммерческих и некоммерческих организациях будут в силу прямого указания закона признаваться должностными лицами. Эти организации перечислены в примечании 1 к ст. 285 УК РФ и в том же примечании 1 к ст. 201 УК РФ. Напомним для примера положения Федерального закона «Об акционерных обществах»: руководство текущей деятельностью общества *осуществляется единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором)* или *единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) и коллегиальным исполнительным органом общества (правлением, дирекцией).* Исполнительные органы подотчетны совету директоров (наблюдательному совету) общества и общему собранию акционеров. *Совет директоров (наблюдательный совет) общества осуществляет общее*

руководство деятельностью общества, за исключением решения вопросов, отнесенных законом к компетенции общего собрания акционеров[751].

Понятия *«организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции»* уже рассматривалась нами выше на основе положений соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ, однако весьма интересным является вопрос выполнения *данных функций по специальному полномочию.* К лицам, выполняющими данные функции по специальному полномочию, С.В. Изосимов совершенно обоснованно относит арбитражных управляющих при исполнении ими своих служебных обязанностей во время процедуры банкротства, поскольку арбитражный управляющий является центральной фигурой в делах о несостоятельности[752].

Правовой статус этих лиц весьма интересен. Арбитражный управляющий – это гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации (СРО) арбитражных управляющих (эти организации относятся к типу некоммерческих, подробнее о них мы скажем ниже). Арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой. В ст. 20 ч.2. «Арбитражный управляющий» данного Федерального закона устанавливаются обязательные условия членства в СРО: наличие высшего образования, необходимого стажа работы, отсутствие судимости за совершение умышленного преступления и т.д[753].

В этом же Законе выделяют четыре вида управляющих: *временные управляющие, административные управляющие, внешние управляющие, конкурсные управляющие* (в зависимости от стадии банкротства). В свою очередь, ст. 20^3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

[751] См.: "Российская газета". 1995. 29 дек.
[752] См.: Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления… С. 532-539.
[753] См.: Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190,

позволяет определить полномочия арбитражного управляющего, поскольку в ней раскрываются его права и обязанности. Учитывая объем полномочий арбитражного управляющего (дача согласия на совершение сделок, связанных с отчуждением и приобретением имущества; право (а точнее обязанность[754]) на обращение в арбитражный суд с требованием о признании недействительными сделок; определение размеров требований кредиторов), есть все основания считать арбитражных управляющих лицами, выполняющими управленческие функции[755]. Факт того, что арбитражный управляющий утверждается арбитражным судом, свидетельствует о том, что суд дает ему *специальные полномочия* на выполнение управленческих функций.

В связи с этим следует обратить внимание на круг тех юридических лиц, которые могут быть признаны банкротами согласно действующему законодательству.

В ст. 65 «Несостоятельность (банкротство) юридического лица» части первой ГК РФ говорится, что юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом). Государственная корпорация или государственная компания может быть признана несостоятельной (банкротом), если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание. Фонд не может быть признан несостоятельным (банкротом), если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда. Публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом).

Однако положение осложняется, когда речь идет о конкурсном управляющем в делах о банкротстве кредитных организаций – им является, согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»,

---

[754] См. подробнее: Габов А.В., Шиткина И.С. Полномочия конкурсного управляющего кредитных организаций по оспариванию сделок должника: дискуссионные вопросы // Государство и право. 2020. № 4. С. 76-86.

[755] См.: Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления… С. 538

государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ), причем на безальтернативной основе. Как отмечают А.В. Габов и И.С. Шиткина, АСВ является корпоративным конкурсным управляющим, назначенным в силу закона и в своей деятельности обязанным руководствоваться публично-правовыми интересами. *На конкурсного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника – он действует вместо органов управления юридического лица, реализуя в период банкротства его правосубъектность*[756]. И вот тут не исключена ситуация, когда осуществлять функции конкурсного управляющего (читай: руководителя кредитной организации) будет то лицо, которое внутри самого АСВ выполняет управленческие функции: *выходит, что по отношению к АСВ такое лицо будет являться должностным, а по отношению к этой кредитной, страховой или иной организации – управленцем в смысле примечания к ст. 201 УК РФ.*

Например, согласно ст. 184 «Особенности осуществления конкурсного производства в деле о банкротстве страховой организации» Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» *полномочия конкурсного управляющего при банкротстве страховой организации осуществляет АСВ. Оно же осуществляет полномочия конкурсного управляющего через назначенного из числа своих работников представителя (представителей), действующего на основании приказа (далее - представитель АСВ). Представитель АСВ вправе выдавать доверенности от имени страховой организации и отзывать их в случае наделения его такими полномочиями. Приказ АСВ о назначении представителя Агентства подлежит размещению на официальном сайте АСВ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в день его принятия. При исполнении полномочий конкурсного управляющего АСВ руководствуется положениями Федерального закона, за рядом исключений.*

[756] См.: Габов А.В., Шиткина И.С. Указ. соч.. С. 79, 83.

Интересную социологическую информацию о субъектах преступлений, предусмотренных ст. 201 и 204 УК РФ, приводит С. В. Изосимов. Называя эти два преступления «своеобразным барометром служебной преступности в коммерческих организациях», ученый отмечает, что именно они определяют основные криминологические характеристики такой преступности, а личность преступника является одной из них. Следует, правда, сразу же оговориться, что эта информация объединяет в себя данные двух социологических исследований: первое охватывало анонимное анкетирование управленческого персонала (150 человек) коммерческих и иных организаций в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде, а второе включало изучение 140 уголовных дел, совершенных указанной категорией лиц[757].

Так, преобладающей возрастной группой персонала этих организаций стали лица в возрасте 30-35 лет, большинство имеют высшее образование (около 80%). Львиная доля лиц, совершивших служебные преступления гл. 23 УК РФ, проживают в городах (90%). Доля женатых (замужних) лиц среди них также достаточно высока – около 80%. Примечательно, что 78 % лиц, осужденных за злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп, относятся к представителям среднего и низшего управленческого звена: работники, имеющие непосредственный доступ к материальным ценностям и несущие материальную ответственность за вверенное имущество (заведующие складами, базами, отделами предприятий, начальники цехов)[758].

По нашему мнению, *в отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе наблюдается некоторое смещение акцентов в сторону исключительно коммерческих организаций при изучении служебных коррупционных преступлений*. Отчасти это объяснимо той ролью, которую они играют в рыночной экономике, и их денежными оборотами, капитализацией и т.д. *Однако, ничуть не менее важной представляется в настоящее время проблема уголовной ответственности управленцев в некоммерческих*

[757] См.: Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления… С. 354
[758] Там же. С. 354-358

организациях (НКО), учитывая растущее влияние этих институций в современном мире в самых разных сферах. Количество НКО за последние 20 лет растет по экспоненте, как растет и их ресурсное обеспечение. В одном только 2010 году траты НКО на различные гуманитарные проекты составили около 17 млрд долларов США. Некоторые НКО стали транснациональными, а их бюджеты достигли гигантских объемов. Например, бюджет американской НКО World Vision International достиг 2,6 млрд долларов США[759].

В своей деятельности НКО также прибегают к коррупционным практикам, хотя по понятным причинам говорят они об этом крайне мало и неохотно. Например, тайная доставка через границы гуманитарных (и не только гуманитарных) грузов для нуждающихся сопряжена с незаконными действиями, в т.ч. с подкупом должностных лиц пограничных служб и т.д. Однако сами НКО ничего предосудительного в этом не видят и полагают, что эти незаконные практики никак не влияют на легитимность их деятельности. В качестве примера приводят войну в Афганистане 80-х годов прошлого века, когда на территории этой страны действовал ограниченный контингент советских войск. Просоветское афганское правительство не желало (как утверждали сами НКО) допускать какие-либо гуманитарные миссии в Афганистан, особенно в те районы, которые контролировались моджахедами, поэтому гуманитарные грузы нелегально переправлялись через пакистано-афганскую границу. Когда же советские солдаты или войска афганских правительственных сил задерживали таких контрабандистов, то представители НКО утверждали следующее: незаконность их конкретных действий никак не умаляет их легитимности. В таких случаях НКО, действующие в местах вооруженных конфликтов и выплачивающие взятки, например, на блокпостах с целью доставки грузов, должны понимать, что совершают коррупционные преступления[760].

---

[759] См.: Larché J. Corruption in the NGO World: What It is and How to Tackle It URL: https://odihpn.org/magazine/corruption-in-the-ngo-world-what-it-is-and-how-to-tackle-it/ (дата обращения: 11.10.2018).

[760] См.: Larché J. Op. cit.t

Следует отметить, что НКО не желают предавать огласке коррупционные кейсы в своих рядах еще и потому, что это может плохо повлиять на сбор средств для финансирования их деятельности, на имидж и т.д., хотя справедливости ради отметим, что некоторые НКО приветствуют транспарентность и публикую в открытом доступе материалы о коррупции в своих рядах и о реакции руководства на эти случаи (расхищение фондов организации ее сотрудниками; злоупотребление средствами НКО, выделенными на проведение соответствующих миссий и выполнение заданий; мошенничество; конфликт интересов). В частности, так поступает НКО DanChurchAid, штаб-квартира которой расположена в Копенгагене[761].

Полагаем, что влияние коррупционной преступности и коррупционных преступлений на НКО в ближайшее время должно стать отдельным научным направлением в криминологии и уголовном праве. Многие зарубежные исследователи, осознавая, какую силу, финансовую мощь и влияние получили некоммерческие организации в последнее время, настойчиво призывают усилить отчетность НКО и прозрачность их деятельности. Такая транспарентность должна касаться объема и структуры финансирования и имущественной поддержки НКО (денежные средства, недвижимость, иное имущество и т.д.); порядка использования этих средств для достижения целей уставной деятельности, конкретных результатов и их финансово-экономической оценки; соответствия их формально-правового статуса с учетом финансовых преференций и налоговых льгот фактически осуществляемой ими деятельности; отчетности НКО перед своими конечными бенефициарами – теми лицами, которым они должны помогать (малоимущие, больные, безработные, беженцы); соответствия их фактической деятельности тем ценностям, идеалам и целям, которые они формально пропагандируют[762].

[761] См.: URL: https://www.danchurchaid.org/how-we-work/quality-assurance/anti-corruption/cases.

[762] См.: Hyman van Zyl, Frederik Claeyé. Up and Down, and Inside Out: Where do We Stand on NGO Accountability? // The European Journal of Development Research. Vol. 31. 2019. P.612-613.

Если говорить о деятельности именно иностранных НКО на территории нашей страны, то нельзя забывать о существовании таких их видов, как: 1) *некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента;* 2) *иностранная неправительственная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности;* 3) *международная неправительственная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.* Если же посмотреть на объединяющий их всех признак, то он вполне конкретен: участие в политической деятельности (в том числе исключительно в интересах иностранных источников и в ущерб интересам России) на территории Российской Федерации и получение финансирования либо иного имущественного обеспечения от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан.

Подробную информацию о том, какие именно организации принадлежат к вышеназванным трем группам, почерпнем из Федерального закона «О некоммерческих организациях» и Федерального закона от 28 декабря 2012 года N 272-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021)[763].

Цель любой политической деятельности - борьба за власть либо за ее удержание, а участниками этой борьбы являются прежде всего политические партии, представляющие собой также некоммерческие организации. Политическая партия является видом общественной организации как организационно-правовой формы юридических лиц (п. 3 ст. 50 ГК РФ)[764]. Такой вид коррупционного поведения, как политическая коррупция, хорошо

[763] Российская газета. 2012. 29 дек.
[764] См.: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета, 2001. 14 июля

известен миру – выше мы уже упоминали о некоторых громких коррупционных скандалах, в которые были втянуты известные зарубежные политики. Именно этот вид коррупции (политическая, электоральная) является сегодня весьма опасным видом коррупционной преступности, поскольку именно он - необходимое условие для захвата государства (“capture of state”). Следовательно, пристальное внимание необходимо обращать на противодействие коррупции в тех некоммерческих организациях, которые участвуют в политической деятельности. Как отмечает З. Милошевич, в случае политической коррупции речь идет прежде всего об использовании политической поддержки с целью получения материальной выгоды для себя и для своей политической партии. Данный вид коррупции имеет место в области хозяйственной деятельности, экономического и неэкономического криминала, принятия законов, финансирования политических партий[765]. Кроме того, особо опасной формой политической коррупции является незаконное финансирование (а по сути, «покупка») внутринациональных политических партий зарубежными акторами. Например, по данным З. Милошевича, в Словении все политические партии нарушали закон о финансировании партий, однако никто не понес за это серьезного наказания. Например, социал-демократическая партия получала деньги от некоего английского фонда на предвыборную кампанию. Финансирование поступало из-за рубежа не на текущий счет партии (что уже является нарушением), а на счет неизвестного юридического лица, которое организовали руководители партии. Либеральная партия Словении также получала деньги (около 2 млн евро) от одной швейцарской фирмы, у которой правительство закупало продукты по завышенной цене, причем правительство само состояло из членов этой партии[766].

Ничуть не меньшую актуальность приобретает проблема исследования коррупции в различных *международных организациях, не относящихся к*

[765] См.: Милошевич З. Указ. соч. С. 98-105.
[766] См.: Милошевич З. Указ. соч. С. 98-105.

числу публичных (то есть международных организациях в статусе некоммерческих). Речь идет, например, о всевозможных международных спортивных федерациях и т.д. Наиболее громкие коррупционные скандалы последних лет сотрясали Международную федерацию футбола (FIFA), а Управление ООН по наркотикам и преступности даже выпустило Глобальный доклад о коррупции в спорте[767].

Полагаем, что в действующее законодательство следует внести отдельную норму об ответственности за коммерческий подкуп в международных непубличных организациях и НКО, признанных иностранными агентами, при этом санкции за эти преступления не должны отличаться излишней мягкостью. Свой вариант диспозиции этой нормы мы даем в приложении 2 к настоящей работе.

Отдельным видом иных (некоммерческих) организаций являются *саморегулируемые организации* (СРО). Отношения, связанные с созданием и деятельностью таких организаций, регулируются, в частности, Градостроительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 1 декабря 2007 года N 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях»[768] и т.д. Учитывая тот факт, что саморегулирование направлено на разработку и соблюдение правил, регламентирующих поведение участников определенной (в данном случае предпринимательской) деятельности, контроль за соблюдением этих правил, привлечение к юридической ответственности за нарушение соответствующих правил поведения становится понятным какой особой значимостью обладают саморегулируемые организации, притом что государство фактически делегирует им определённую часть своих полномочий и минимизирует свое участие в этом процессе[769]. Учитывая, что эти организации так или иначе встроены в публичную деятельность, ответственность за коммерческий

[767] https://www.unodc.org/unodc/safeguardingsport/grcs/index.html
[768] Российская газета. 2007. 6 дек.
[769] См.: Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013.

подкуп в них должна быть более строгой, а диспозиция должна включаться в отдельную норму (см. приложение 2 к настоящей работе).

Следует упомянуть об одном типе коммерческих и некоммерческих организаций, которые особой популярностью в России не пользуются в силу жестких нормативных ограничений к их деятельности. Речь идет о союзах и ассоциациях, в частности предпринимательских (например, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловая Россия», «Опора России»), а также о такой самостоятельной форме некоммерческих организаций, как торгово-промышленные палаты[770]. Последние, кстати говоря, подпадают под действие специального закона[771]. Такого рода союзы, объединяющие в себе представителей бизнеса (прежде всего крупного бизнеса), имеют вполне ощутимую политическую силу и влияние, что может выражаться в том числе и в лоббистской деятельности этих организаций[772]. Ни для кого не секрет, что крупный (и не только крупный) бизнес стремится влиять на власть – в социологической науке даже выделяют такие понятия, как «бизнес-ориентированные политики» и «политически влиятельные бизнесмены»[773]. Способов влияния бизнеса на политику и власть, как мы уже знаем, очень много, и среди них широко используются и коррупционные технологии – от подкупа чиновников и развития собственной «агентурной сети» в органах власти до банальной покупки соответствующих постов в этих же органах и коррупционного лоббирования интересов бизнеса при принятии соответствующих законов[774]. В конце 80-х годов прошлого века попытки бизнесменов участвовать в политическом процессе стали заметны именно тогда, когда начали создаваться первые бизнес-ассоциации: тот же РСПП стали в 2000-х годах стали называть «профсоюз олигархов»[775].

---

[770] См.: Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления… С. 497.
[771] Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5340-I "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации" // Российская газета. 1993.12 авг.
[772] См, например: Добромыслов Д.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности и продвижения интересов частных лиц в ЕС: автореф. дис -…канд. юрид. наук. М. 2015. С. 14.
[773] См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 202.
[774] См.: Крыштановская О. Указ. соч. С. 203.
[775] Там же. С. 211.

Следует в свете всего вышесказанного обратить внимание на норму ст. 202 *«Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами»* УК РФ. Это преступление традиционно относится к числу служебных коррупционных преступлений, однако мы имеем в данном случае дело с преступлением «коррупции в силу профессии»: криминализированы деяния, которые совершаются в силу профессии, а не в силу должностного положения.

Включение этого преступления в Уголовный кодекс РФ было продиктовано потребностями рыночной экономики и возросшей ролью нотариальных действий и аудита в экономических и иных предпринимательских отношениях.

Субъектом этого преступления может быть *только частный нотариус* (лицо, сдавшее квалификационный экзамен, имеющее лицензию на право нотариальной деятельности и являющееся членом нотариальной палаты)[776] либо *только частный аудитор* (лицо, имеющее лицензию на занятие аудиторской деятельностью и включенное в государственный реестр аудиторов, которое занимается аудиторской деятельностью самостоятельно, зарегистрировавшись в качестве предпринимателя, либо в составе аудиторской фирмы на основании трудового соглашения (контракта)[777]. Частных нотариусов насчитывается примерно 90% от общего их количества (8 тыс. человек)[778].

В специальной литературе отмечается, что в последние годы участились случаи нарушения нотариусами норм права при осуществлении ими профессиональной деятельности и использования своих служебных полномочий в корыстных целях. Нотариусы, как правило, действуют в составе организованных групп, где чётко распределены роли[779]. К злоупотреблению

[776] См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховном Советом РФ 11 февраля 1993 г. N 4462-I) // Российская газета. 1993. 13 марта

[777]См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. N 307-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об аудиторской деятельности» // Российская газета. 2008. 13 дек.

[778] См.: Задорожный Д.В. О криминологических особенностях злоупотреблений полномочиями нотариусами и аудиторами // Российский следователь. 2011. № 20. С. 25-27.

[779] См.: Спиридонова О.Е. О законодательной конструкции санкции нормы о злоупотреблении полномочиями частными нотариусами (ст. 202 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 71.

полномочиями частными нотариусами или аудиторами относят такие деяния, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением ими своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили задачам нотариальной или аудиторской деятельности, определенным в соответствующем законодательстве, а также тем целям и задачам, для достижения которых эти лица были наделены соответствующими полномочиями. Это может быть удостоверение частным нотариусом в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо с целью нанесения вреда другим лицам сделки по отчуждению недвижимого имущества, если умыслом нотариуса охватывалось, что условия такой сделки не соответствуют выраженной воле ее участников или что участник сделки не осознает ее правовых последствий; представление аудитором заведомо ложного аудиторского заключения и т.д.[780]

Если обратиться к Общероссийскому классификатору профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов, то мы найдем следующие «нотариальные» профессии (должности служащих): *государственный нотариус* (код 21084), *нотариус* (25176), консультант государственной нотариальной конторы (23533), стажер государственного нотариуса (26621)[781]. По данным О.Е. Спиридоновой, сегодня в России 7669 нотариусов. Из них 48 штатных единиц приходится на должности нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах[782]. *Нотариусы, работающие в государственных нотариальных конторах, относятся к служащим государственного учреждения. Они имеют право совершать юридически значимые действия и в связи с этим являются должностными лицами. Поэтому допускаемые ими злоупотребления влекут ответственность по статьям гл. 30 УК РФ, а не по ст. 202 УК РФ.*

[780] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201[1], 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
[781] См.: ОК 016-94. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (постановление Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. N 367 (ред. от 19.06.2012) Доступ из СПС «Консультант Плюс».
[782] См.: Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 71.

Несмотря на то что преступлений, предусмотренных ст. 202 УК РФ, регистрируется незначительное количество, это число не отражает реальной картины данного вида преступлений. Кроме того, независимо от показателей статистического учета эти преступления наносят весьма существенный вред охраняемым интересам. В большинстве случаев злоупотребления полномочиями частными нотариусами проявлялось в незаконном удостоверении сделок (53,8%), а также неправомерном засвидетельствовании подлинности документов и удостоверении тождественности граждан (23%)[783].

Аудит призван обеспечить разумную уверенность в том, что рассматриваемая в целом финансовая (бухгалтерская) отчетность не содержит существенных искажений[784].

Помимо частных аудиторов существует также институт государственных аудиторов – аудиторов Счетной палаты Российской Федерации[785]. Тот же Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов выделяет следующие профессии, связанные с аудитом: *аудитор* (20241), *аудитор Счетной палаты Российской Федерации* (20243), помощник (советник) аудитора Счетной палаты Российской Федерации (25570), руководитель секретариата аудитора Счетной палаты Российской Федерации (26179).

Аудитор Счетной палаты РФ, исходя из его статуса и комплекса предоставленных полномочий, не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ, поскольку состоящие на государственной службе аудиторы признаются должностными лицами, так как в соответствии с законом наделены распорядительными полномочиями в отношении граждан, не находящихся от них в служебной зависимости[786].

---

[783] См.: Задорожный Д.В. Указ. соч. С. 25-27.

[784] См.: Пименов Д.М. Совершенствование технологий проведения аудиторской проверки как элемент механизма противодействия противоправным деяниям должностных лиц. // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 44. С. 51.

[785] См.: Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. N 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Российская газет. 2013. 10 апр.

[786] См.: Тарасова Е.В. Указ соч. 1999. С. 21; Изосимов С.В. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. -… канд. юрид. наук. М., 2014. С. 130.

В завершение сделаем некоторые выводы, к которым мы пришли при написании параграфа.

1. Происхождение норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях, продиктовано рядом причин: появлением новой социально-экономической и политической реальности, где негосударственные субъекты приобретают, нередко такие же права, как и государственные субъекты (например, при осуществлении предпринимательской деятельности); невозможностью полного уравнивания государственных и негосударственных институций, учитывая монополию государства на осуществление публичных полномочий, при которой отдельные полномочия делегируются негосударственным субъектам исключительно самим государством; недопустимостью нарушения принципа равенства всех перед законом, когда совершение фактически тождественного деяния влекло уголовную ответственность для одних и исключало для других.

2. Преступления, объединенные в гл. 23 УК РФ, можно в зависимости от субъекта разделить на следующие три группы: 1) коррупционные преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях (получение предмета коммерческого подкупа вне зависимости от его размера, злоупотребление полномочиями); 2) коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом (передача предмета коммерческого подкупа вне зависимости от его размера, посредничество в коммерческом подкупе); 3) преступления, посягающие на служебные интересы отдельных видов деятельности и совершаемые лицами, которые такую деятельность осуществляют.

3. Процедуры банкротства различных организаций, прежде всего организаций коммерческих, заставляют обратить пристальное внимание на фигуру арбитражного управляющего – лица, которое состоит в некоммерческой организации и которое может выполнять управленческие функции в коммерческой организации по специальному полномочию (на

основании решения арбитражного суда). В некоторых случаях арбитражный управляющий, выполняющий управленческие функции в государственной корпорации и являясь внутри этой компании должностным лицом, будет одновременно выступать лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации (например, в случае процедуры банкротства кредитных или страховых организаций, где корпоративным конкурсным управляющим выступает Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»).

4. Особую потенциальную общественную опасность имеют коррупционные преступления управленцев некоммерческих организаций (НКО). Влияние этих организаций в мире крайне велико, а бюджеты некоторых из них превосходят по своим размерам казну некоторых суверенных государств. Данные НКО могут использоваться как инструмент влияния на внутреннюю и на внешнюю политику суверенных государств, а сфера их деятельности чрезвычайно широка, включая область политики и государственного управления. Совершенно не случайно российское законодательство ввело для некоторых НКО статус иностранного агента с возложением на них соответствующих обязанностей и ограничений. Деятельность таких организаций способствует интенсификации политической коррупции в высших эшелонах власти, а это, в свою очередь, чревато переходом суверенного государства под внешнее управление.

5. Не меньшую опасность могут представлять коррумпированные управленцы в саморегулируемых организациях (СРО), поскольку эти организации, являясь некоммерческими, получили от государства некоторые публичные функции. Принимая во внимание, какие жизненно важные сферы это затрагивает, следует рассматривать борьбу с коррупционными преступлениями в СРО в качестве одного из приоритетов противодействия коррупции вообще.

6. Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами является преступлением «коррупции в силу профессии» – это деяние совершается в силу профессии, а не в силу должностного положения.

Заключение

По итогам диссертационного исследования автором сделаны следующие завершающие выводы.

1. В современном мире одним из наиболее опасных видов коррупционной преступности становится ее транснациональный вид: она определяется специфическим составом участников коррупционных сделок, предметом этих сделок и обстоятельствами предложения и передачи предмета сделки (какой-либо из данных параметров характеризуется иностранным элементом). Основной отличительной чертой транснациональной коррупции является особый состав коррупторов и коррумпантов, а также характеристика предмета подкупа.

Соответственно, адекватная уголовная политика борьбы с коррупцией в современных представляет собой одну из ключевых гарантий национальной безопасности. Основные формы уголовно-правового противодействия коррупции осуществляются через специальные направления уголовной политики: криминализацю (в том числе повторную), пенализацию, уточнение отдельных положений норм Общей и Особенной части, применение имущественных мер уголовной ответственности, введение уголовной ответственности юридических лиц, экстрадицию.

2. Уголовная политика борьбы с коррупцией осуществляется в рамках соответствующих стратегий и, в зависимости от последних, имеет свои специфические черты и вектор направления. Стратегии борьбы с преступностью могут классифицироваться по различным критериям и делиться на различные виды. По объекту воздействия выделяют стратегию, направленную на личность преступника, и стратегию, направленную на объективные условия, в которых эта личность существует и действует. По критерию «элемент механизма преступления» выделяют стратегию предупреждения преступлений; стратегию пресечения преступлений; стратегию уголовного преследования; стратегию наказания и ресоциализации

преступника. Ни одна стратегия борьбы с коррупционной преступностью (как и с преступностью вообще) не может быть успешной, если она не учитывает в процессе своего воздействия личность коррупционера как единство биологического и социального.

3. Термин «личность коррупционного преступника» и его содержание можно рассматривать как некий типовой шаблон, теоретический конструкт, который в реальной жизни трансформируется лишь в неполную социально-демографическую характеристику тех лиц, которые были осуждены за коррупционные преступления (учитывая гиперлатентность коррупционных преступлений и почти тотальное преобладание среди осужденных коррупционеров представителей низшего и среднего звена). Личность коррупционного преступника, её классификация и типология характеризуется самыми разными критериями: ролью, которую играет коррупционный преступник в преступлении коррупционной направленности; сферы, где совершаются коррупционные преступления; количеством лиц, совершающих коррупционные преступления и степенью их организованности; мотивом, глубиной и характером асоциальной направленности.

4. Криминологическая ментальность современного коррупционера, как руководящая идея его поведения, представляет собой единство мотивационной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер. Среди мотивов коррупционного поведения, по понятным причинам, доминируют корыстные, хотя возможны и другие: политические мотивы, эмоционально-эгоистические и легкомысленно-безответственные мотивы. Частота мотивов и их соотношение (полимотивация) варьируются в зависимости от ряда обстоятельств, связанных личностью коррупционного преступника и преступлениями, которые он совершает. Эмоциональная сфера как составляющая психологической структуры личности коррупционера определяется удовлетворением или неудовлетворением различных насущных потребностей. Мотивационная, эмоциональная и волевая сферы детерминитуют и предопределяют особую поведенческую сферу, которая

выделяется комплексом особенных объективно-поведенческих черт преступника-коррупционера.

5. Концепция криминологической ментальности современного коррупционера рассматривается в качестве руководящей идеи, конструктивного принципа, позволяющего идентифицировать лиц, совершающих коррупционные преступления. В криминологической и уголовно-правовой науке появился термин «коррупционная ментальность», которая органически связана с таким понятием, как «правовая ментальность». С учетом многообразия культур, их видов и подвидов, каждая из них влияет на человеческое поведение, в том числе, и на девиантные его виды. Культурные факторы (факторы культуры) могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, общепринятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству, различных субкультур и т.д. Принадлежность лица к той или иной религии не может сама по себе служить основанием для выводов о большей или меньшей предрасположенности, исповедующих такую религию к коррупционному поведению, тем более что все мировые религии осуждают коррупцию и считают ее тяжким грехом.

6. Коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие: *1)* готовность граждан к решению своих личных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний; *2)* готовность лиц, обладающих властными и иными организационно-распорядительными полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение (иными словами, использовать это положение в целях личной выгоды для себя или третьих лиц); *3)* готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп.

7. В мире не существует стран «свободных от коррупции», однако интенсивность социально-правового контроля над ней позволяет выделить те

страны, где коррупция не представляет экзистенциальной угрозы для существования государства, не угрожает национальному суверенитету.

Утверждения о том, что в странах общего права (англосаксонской правовой семьи) уровень коррупции ниже, чем в странах иных правовых семей, беспочвенны. Мнение о повышенной резистентности к коррупции в этих государствах беспочвенны в силу излишней эгоцентричности и индивидуализма: они порождают стремление решить свои проблемы любым способом, невзирая на интересы общества, государства и других людей. Антикоррупционное законодательство стран англосаксонской правовой семьи может быть некодифицированным и частично кодифицированным.

В Великобритании предмет взятки не имеет легального толкования (финансовая или иная выгода), а потому является оценочным признаком, а само законодательство об уголовной ответственности за коррупцию основывается на соответствующих статутах. Антикоррупционное уголовное законодательство США представляет собой сложную систему различных актов: кодифицированных и некодифицированных; федерального уровня и уровня штатов; обладающих внутринациональным и экстратерриториальным действием. Уровень коррупции в США зависит от географических факторов (на южной границе с Мексикой он гораздо выше нежели на севере, где проходит граница с Канадой) Широкое распространение коррупционных практик в Индии также демонстрирует несостоятельность утверждений о повышенной резистентности стран системы общего права к коррупции: Индия (как и США) является бывшей британской колонией, а государственный истеблишмент Индии связан с современной Великобританией неразрывно.

8. Не соответствует действительности постулат о том, что в западноевропейских государствах романо-германской правовой семьи достаточно низкий уровень коррупции, равно как и мнение и о том, что страны германской правовой традиции менее коррумпированы нежели страны романской правовой традиции. Низкий уровень коррупции в странах Северной Европы принято среди прочего объяснять ментальностью северных

европейских народов, которая отвергает неблаговидные практики для достижения личных целей, не способствует эгоцентризму, ориентирует на упорный труд и рассматривает чиновника только как «слугу государства». Те европейские страны, которые восприняли романскую модель, считают более коррумпированными, притом что они находятся преимущественно в южной части Европы («проклятье юга»). Наличие развитого антикоррупционного законодательства в странах романо-германской системы не является сдерживающим фактором для элитно-властной коррупции, в которую вовлечены многие высокопоставленные чиновники различных уровней. Бывшие социалистические страны на Балканском полуострове демонстрируют свою коррупционную специфику – «проклятье юга» усугубляется «язвами» социалистического прошлого. Коррупция в этих государствах проникла в самые разные сферы - от приватизации государственного имущества до здравоохранения. За годы социализма и полного отсутствия частной собственности у многих жителей этих стран сформировалось стойкое убеждение, что незаконное обогащение за счет государственного имущества и занимаемых должностей является вполне оправданным и, пусть и негласно, поощряемым.

9. Борьба с коррупцией в исламских государствах имеет свою специфику - религия ислам жестко осуждает коррупцию и считает ее тяжким грехом. Исламское право рассматривает коррупционера как предателя доверия, который пользуется своей должностью. Коррупционные преступления в исламском праве можно отнести к преступления категории тазир (Ta´azir). Коррупционные преступления включают не только взяточничество, но и иные коррупционные практики, которые непосредственно связаны с подкупом. Страны Юго-Восточной Азии, исповедующие ислам, имея определённое колониальное наследие, подвергаются вредоносному воздействию коррупции, «замешанной» на местных социально-культурных традициях и пережитках колониального наследия. В целом же противодействие коррупции в странах

мусульманской правовой семьи лишний раз доказывает безосновательность корреляций между религией и уровнем коррупции.

10. Преобладание в государственной идеологии стран Дальнего Востока таких учений, как конфуцианство, буддизм и таоизм, а также относительная однородность населения позволяют политическим течениям легитимизировать власть и влияют на политическую культуру соответствующих государств. По западным социальным стандартам практика использования родства и знакомств считается коррупционной (во всяком случае, так преподносилось до недавнего времени), однако не каждая страна мира рассматривает это аналогичным образом. Ряд государств Дальнего Востока в своей политике придерживаются отличных от «традиционного» Запада взглядов на подобные явления. Для азиатской модели восприятия коррупции характерно отношение общества к коррупции как к явлению, обусловленному культурными традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. Коррупционная ментальность в таких странах как Южная Корея, Китай, Япония специфична в силу социальных и дружеских связей, понимания долга и взаимопомощи, подчинения авторитетам и руководству, позиционирования самого себя в обществе и т.д. Среди государств Дальнего Востока наиболее жестким антикоррупционным законодательством обладает Китай, что не решает проблему с высоким уровнем коррупции в этой стране.

11. Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует клановый подход. Власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования. Проблемы бедности в Африке связаны с проблемой коррупции на институциональном уровне – чтобы бороться с коррупцией на континенте, усилия должны быть направлены именно на борьбу с бедностью.

Коррупция в постколониальных странах — это метод, используемый классом капиталистов, вышедшим из колониализма, в целях накопления капитала. В государствах Африки существует довольно развитое антикоррупционное уголовное законодательство, хотя оно (само по себе) не способно улучшить ситуацию. Такие формы, как коррупционный непотизм, фаворитизм и кроунизм, развиты в Африке чрезвычайно широко. С другой стороны, традиционная культура поддержки близких и оказание благодарностей за услуги способствуют коррупционным практикам на в Африке. В процветание коррупции в Африке вносят западные страны в лице своей политической и бизнес-элиты (начиная от подкупа правительственных чиновников африканских государств, заканчивая предоставлением широкого спектра услуг со стороны финансовых учреждений Европы и Америки, укрывающих капиталы, полученные коррупционным путем).

12. Субъект коррупционных преступлений представляет самостоятельный подынститут российского уголовного права, включающий в себя: *а)* принципы уголовного права, экстраполируемые на этот подынститут; *б)* нормы уголовного закона; *в)* судебное толкование этих норм (их бытование в деятельности судов); доктринальные положения, восполняющие пробелы в законе.

В зависимости от субъекта преступления все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы: *1)* коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом; *2)* коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами (включая специальных субъектов, обладающих дополнительными признаками); *3)* коррупционные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях; *4)* иные коррупционные служебные преступления.

Специальный субъект с дополнительными признаками в составах коррупционных преступлений может классифицироваться по: принадлежности к ветви власти (например, судья); занимаемой должности (лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации) и т.д.

13. Коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами, представляют собой «костяк» коррупционной преступности. Должностные лица как субъекты коррупционных преступлений делятся на три группы: *представители власти; лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в соответствующих институциях; лица, относящиеся одновременно к первой и второй группам.* Уголовный закон позволяет определить должностное лицо по следующим критериям: *1) осуществление лицом определенной публичной функции* (представитель власти; организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции); 2) *вид институции, где эта функции осуществляется* (публично-правовые образования, перечисленные в примечании первом к статье 285 УК РФ); 3) *основание и срок выполнения полномочий должностного лица* (постоянно, временно, по специальному полномочию. Соответственно, выделяем два ключевых критерия должностного лица: *содержательный критерий* (какие публичные функции должностное лицо выполняет) и *темпоральный критерий* (в течение какого срока он их выполняет).

14. Отнесение российским уголовным правом должностных лиц публичной международной организации к числу взяткополучателей иностранных имеет необходимую социально-правовую обусловленность. Коррупция в международных публичных организациях является одной из наиболее опасных форм коррупционной преступности, принимая во внимание то огромное влияние, которое эти организации имеют. Международные публичные организации, получив рычаги наднационального влияния, встроившись в систему международного правосудия и выступают действенным инструментом воздействия на суверенные государства, что может создать угрозу национальному суверенитету. Исключение из числа должностных лиц международной публичной организации судей тех международных судов, юрисдикция которых Россией не признается, представляется ошибочной, потому что факт непризнания юрисдикции этого

суда не означает его нуллификации как международной публичной организации.

15. В зависимости от субъекта, все преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях можно разделить на следующие три группы: *а)* коррупционные преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях; *б)* коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом (передача предмета коммерческого подкупа независимо от его размера, посредничество в коммерческом подкупе); *в)* преступления, посягающие на служебные интересы отдельных видов деятельности и совершаемые лицами, которые такую деятельность осуществляют. Особую потенциальную общественную опасность имеют коррупционные преступления управленцев некоммерческих организаций (НКО), включая управленцев саморегулируемых организаций (СРО). Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами является преступлением «коррупции в силу профессии» – это деяние совершается в силу профессии, а не в силу должностного положения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации // (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2020).

2. Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 года. // URL: https://search.un.org/results.php?tpl=dist_search&query=*&lang=en&tplfilter=documents (дата обращения: 12.04.2020).

3. Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств - членов Европейского союза, принятую Советом Европейского союза 26 мая 1997 года. // URL: http://base.garant.ru/70558260/ (дата обращения: 10.10.2020).

4. Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятую Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 года. // Собрание законодательства РФ. 23 апреля 2012 г. N 17. Ст. 1899.

5. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятую Комитетом министров Совета Европы от 4 ноября 1999 года. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года. // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. N 26. Ст. 2780.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 29 сентября 2003 года. // Бюллетень международных договоров. N 2. 2005. С. 3–33.

8. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств. // URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/normativno-pravovie_dokumenti_sng_podgotovlennie_mpa_sng/10 (дата обращения: 12.02.2021).

9. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятую Комитетом министров Совета Европы от 27 января 1999 года // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. N 20. Ст. 2394.

10. Межамериканская конвенция против коррупции Организации американских государств 1996 года. // URL: http://docs.cntd.ru/document/901934990 (дата обращения: 06.11.2020).

11. Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике». // URL: http://docs.cntd.ru/document/901898824 (дата обращения: 21.02.2021).

12. Протокол против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 года. // URL: https://www.sadc.int/files/7913/5292/8361/Protocol_Against_Corruption2001.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 11.08.2014.

14. Статут Суда Евразийского экономического союза // URL: http://courteurasian.org/ (дата обращения: 12.02.2021).

15. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ "О совершенствовании

регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти". // Российская газета от 16 марта 2020 г. N 55.

16. Градостроительный кодекс Российской Федерации // Российская газета. N 290. 30.12.2004.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.

18. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Российская газета. N 148–149. 06.08.1998.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. N 249. 22.12.2001.

21. Федеральный закон от 24.02.2021 N 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. N 41. 26.02.2021.

22. Федеральный закон от 30.12.2020 N 493-ФЗ "О публично-правовой компании "Единый регулятор азартных игр" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N 1. 11.01.2021.

23. Федеральный закон от 22.12.2020 N 435-ФЗ "О публично-правовой компании "Единый заказчик в сфере строительства" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N 293. 28.12.2020.

24. Федеральный закон от 29.07.2017 N 218-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N169. 02.08.2017.

25. Федеральный закон от 03.07.2016 N 236-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. N 14. 06.07.2016.

26. Федеральный закон от 13.07.2015 N 265-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N 154. 16.07.2015.

27. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

28. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. N 101. 07.05.2014.

29. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Российская газета. N 80. 12.04.2013.

30. Федеральный закон от 05.04.2013 N 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // Российская газета. N 77. 10.04.2013.

31. Федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) // Российская газета. N 302. 29.12.2012.

32. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

33. Федеральный закон от 18.07.2011 N 227-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // Российская газета. N 159. 22.07.2011.

34. Федеральный закон от 17.07.2009 N 145-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N 131п. 20.07.2009.

35. Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об аудиторской деятельности» // Российская газета. N 267. 31.12.2008.

36. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru 18.03.2023 (дата обращения: 17.10.2023).

37. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // Российская газета. N 273. 06.12.2007.

38. Федеральный закон от 05.12.2005 N 154-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О государственной службе российского казачества" // Российская газета. N 276. 08.12.2005.

39. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О государственной гражданской службе Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Российская газета. N 162. 31.07.2004.

40. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. N 202. 08.10.2003.

41. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. N 43. Ст. 4190.

42. Федеральный закон от 14.04.1999 N 77-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О ведомственной охране» // Российская газета. N 75. 20.04.1999.

43. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. N 30. 17.02.1998.

44. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О некоммерческих организациях" // Российская газета. N 14. 24.01.1996.

45. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. N 248. 29.12.1995.

46. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. N 100. 25.05.1995.

47. Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5340-I "О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации" (ред. от 12.12.2023) // Российская газета. N 154. 12.08.1993.

48. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. N 49. 13.03.1993.

49. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) "О прокуратуре Российской Федерации" // Российская газета. N 229. 25.11.1995.

50. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 30.12.2020) «О банках и банковской деятельности» // Российская газета. N 27. 10.02.1996.

51. Федеральный закон от 28.02.2023 N 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию». // Российская газета N 45. 02.03.2023.

52. Указ Президента РФ от 21.01.2020 N 21 (ред. от 08.08.2023) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 21.01.2020.

53. Указ Президента РФ от 04.11.2019 N 543 "О Всероссийском казачьем обществе" (вместе с "Уставом Всероссийского казачьего общества")

// Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.11.2019.

54. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» // Российская газета. N 97. 09.05.2018.

55. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 02.07.2021 N 400) // Собрание законодательства. N 1 (ч. II). 04.01.2016. Ст.212.

56. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» (в ред. от 13.03.2012)// Российская газета. № 79. 15.04.2010.

57. Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 N 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. N 50. 12.03.2004.

58. Указ Президента РФ от 8 октября 1995 г. N 1027 "О Ильюшенко А.Н." // Собрание законодательства. 09.10.1995 г. N 41 Ст. 3896.

59. Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. N 32 «О государственных должностях Российской Федерации» (ред. от 26.10.2023) // Российская газета. N 11-12. 17.01.1995.

60. Указ Президента РФ от 26 февраля 1994 г. N 391 "О Генеральном прокуроре Российской Федерации" // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 28.02.1994. N 9. Ст. 710.

61. Указ Президента РФ от 16.11.1992 (ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» // Российская газета. N 251. 20.11.1992.

62. Постановление Правительства РФ от 23.11.2009 N 947 "Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального

космического агентства" // Собрание законодательства РФ. 30.11.2009. N 48. Ст. 5827.

63. Постановление Правительства РФ от 27.06.2009 N 540 (ред. от 03.08.2018) «Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального агентства железнодорожного транспорта». // Собрание законодательства РФ. 06.07.2009. N 27. Ст. 3363.

64. Постановление Правительства РФ от 09.01.2001 N 16 (ред. от 01.02.2005) "Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального космического агентства" // Собрание законодательства РФ. 15.01.2001, N 3, Ст. 249.

65. Постановление Правительства РФ от 12.07.2000 N 514 (ред. от 22.05.2020) «Об организации ведомственной охраны» // Российская газета. N 138, 19.07.2000.

66. Постановление Правительства РФ от 10.03.1999 N 270 «О Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999-2000 годы» // Собрание законодательства РФ. 2015. 1999. 22 марта. № 12.

67. Постановление Правительства РФ от 29.07.1998 N 857 (ред. от 29.12.2018) "Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования" // Российская газета. N 173. 09.09.1998.

68. Постановление Правительства РФ от 12.02.1994 N 101 (ред. от 14.07.2021) "О Фонде социального страхования Российской Федерации" (утратило силу на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 24.03.2023 № 471) // Российская газета. N 35. 22.02.1994.

69. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. №15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2491.

70. Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 N 2122-1 (ред. от 05.08.2000) "Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России)" (вместе с "Положением о Пенсионном фонде Российской Федерации

(России)", "Порядком уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России)"(Утратил силу. - Федеральный закон от 05.08.2000 N 118-ФЗ.)) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 30.01.1992. N 5. Ст. 180.

71. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25 декабря 2020 г. N 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (документ не действует). Доступ из СПС «ГАРАНТ».

72. Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.08.2016).

73. Указание Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31.12.2014 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (утратило силу на основании совместного указания Генпрокуратуры России и МВД России от 1 февраля 2016 года N 65/11/1). Доступ из СПС «Консультант Плюс».

74. Приказ Минздрава России от 20.12.2012 N 1183н (ред. от 04.09.2020) «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» // Российская газета. N 65. 27.03.2013.

75. Приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе

Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» (документ опубликован не был) // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.08.2016).

76. Письмо Государственного таможенного комитета РФ от 22 сентября 1999 г. N 01-15/24914 "О взаимодействии таможенных органов с казачьими обществами" // Доступ из СПС «ГАРАНТ».

77. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94. Принят и введен в действие Постановлением Госстандарта РФ от 26.12.1994 N 367 (ред. от 19.06.2012) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

78. Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. N 361-рп "О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда" // Российская газета. 18.11.2016. N 262.

79. Распоряжение Президента РФ от 8 сентября 2000 г. N 394-рп "О подписании Римского статута Международного уголовного суда // Собрание законодательства. 11.09.2000. N 37. Ст. 3710.

80. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

81. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 N 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201^1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. N 159. 16.07.2021.

82. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 2. 2019.

83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 "О судебном приговоре" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 1. 2017.

84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // Российская газета. N 295. 29.12.2015.

85. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 7. 2014.

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. N 154. 17.07.2013.

87. Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 12. 2009.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 8. 2006.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 N 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Российская газета. N 38. 23.02.2000.

Уголовное законодательство зарубежных стран

90. Уголовный кодекс Республики Корея / Научное редактирование и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева; перевод с корейского канд. филол. наук В.В. Верхоляка. СПб. Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004.

91. Уголовный кодекс Японии / Научное редактирование и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. СПб. Изд-во «Юридический центр Пресс». 2002.

92. ANTEPROJECTO DE CÓDIGO PENAL // URL: http://www.pensamientopenal.com.ar/etiquetas/anteproyecto-codigo-penal (дата обращения: 19.03.2020).

93. Anteprojecto do código penal angolano // URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/pt/ao/ao026pt.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

94. Bribery Act 2010 // URL: https://www.bailii.org/uk/legis/num_act/2010/ukpga_20100023_en_1.html (дата обращения: 20.03.2020).

95. Foreign Corrupt Practice Act 1977 // URL: https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act (дата обращения: 20.11.2019).

96. Penal Code of Brazil // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm (дата обращения: 19.03.2020)

97. Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004 // URL: https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

98. The Portuguese Penal Code // URL: https://sherloc.unodc.org/cld/document/prt/2007/criminal_code_law_no._592007_of_4_september.html? (дата обращения: 20.03.2020).

99. The Prevention of Corruption Act, 1988. Act No. 49 of 1988 [9th September, 1988.] // URL: http://lawmin.nic.in/ld/P-ACT/1988/The%20Prevention%20of%20Corruption%20Act,%201988.pdf (дата обращения: 03.03.2018).

100. The U.S. Code online, Title 18, Chapter 11, Section 201, // URL: http://frwebgate3.access.gpo.gov/cgi- bin/GPOgate.cgi?WAISdocID=KPYllu/2/3/0&WAISaction=retrieve (дата обращения: 19.03.2020).

Монографии

101. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М, 1972.

102. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект. 2017.

103. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003.

104. Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). СПб. 2001.

105. Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: «Экономика». 2011.

106. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004.

107. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996.

108. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004.

109. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: Норма, 2010.

110. Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М.: АО «Центр ЮрИнфор». 2004.

111. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006.

112. Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев: Вища школа, 1980.

113. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2000.

114. Бачило И.Л. Организация советского государственного управления. М., 1984.

115. Бибик О.Н. «Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты». монография. М.: Юрлитинформ, 2017.

116. Бибик О.Н. «Введение в культурологию уголовного права»: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

117. Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. М: 2001.

118. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004.

119. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. СПб., 1998.

120. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005.

121. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ. 2000.

122. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.

123. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М.: Проспект. 2017. С. 127-137.

124. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945.

125. Гердер И. Идеи к истории философии человечества. М., 1977.

126. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004.

127. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография в 2-х томах. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2008.

128. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток. 1970.

129. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Издательство НОРМА. 1999.

130. Жалинский А.Э., Рёрихт А.А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001.

131. Жижиленко А. А. Должностные преступления. М. 1923.

132. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание / Под научн. ред. В.П. Коняхина. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010.

133. Игошев К.Е. Криминальная мотивация. М., 1986.

134. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1976.

135. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. СПб. Издательство «Юридический центр-Пресс». 2013.

136. Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях. Монография. Под научн. ред. Б.В. Волженкина. Н. Новгород. Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы. 2005.

137. Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2017.

138. Иншаков С.М., Казакова В.А. Стратегии противодействия коррупции: классические и реальные. Монография. М.: РУСАЙНС. 2023.

139. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Монография. Нижнекамск. Нижнекамский филиал МГЭИ. 2004.

140. Клейменов И.М. Сравнительная криминология. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

141. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2002.

142. Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2020.

143. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. 2005. С. 202.

144. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ИФОРУМ – ИНФРА-М, 1998.

145. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. 1972. С. 257.

146. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002.

147. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

148. Кудрявцев М.К. Кастовая система Индии. М.: Наука. 1992.

149. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды / Предисловие академика В.Н. Кудрявцева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2003.

150. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права»: монография. М., Издательская группа «Юрист». 2002.

151. Ларина Е. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит. М. Книжный мир. 2016.

152. Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. – М.: Статут, 2013.

153. Личность преступника / под ред. В.Н.Кудрявцева. М.: Юридическая литература, 1971.

154. Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М.: Международные отношения. 2004.

155. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер. 2009.

156. Лунев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.

157. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1999.

158. Макиавелли Н. Государь. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

159. Макисмов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000.

160. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Институт государства и права РАН. 2017.

161. Миндагулов А.Х. Личность преступника. Алматы, 2003.

162. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.

163. Мониторинг уголовной политики России. Монография. Под общ. ред. С.В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН. 2014.

164. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955.

165. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М.: Прогресс, 1974.

166. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики /Пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

167. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

168. Овчинский В.С. Криминология кризиса. М.: Норма. 2009. С. 121-122.

169. Павлов В.Г. Субъект преступления (Глава IV) // Энциклопедия уголовного права. Т.4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб. 2005.

170. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

171. Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об

изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2007.

172. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. 2-е изд. В 2-х томах. т. I. 1994.

173. Пудовочкин Ю.Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи (Глава II) // Энциклопедия уголовного права. Т.1. Понятие уголовного права. Издание профессор Малинина. ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2-е изд. СПб. 2008.

174. Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008.

175. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Пер с англ. О.А. Алякринского. М. Логос. 2003.

176. Саидов А.Х. Введение в основные правовые системы современности. Ташкент. 1988. С. 30

177. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев. «НАУКОВА ДУМКА» 1978.

178. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. – Свердловск, 1990.

179. Словарь иностранных слов. М., 1982.

180. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.

181. Фокс В. Введение в криминологию. Перевод с английского. М.: Прогресс. 1980.

182. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2014.

183. Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. М., 1990.

184. Эминов В.Е., Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н. Личность преступника. СПб., 2004.

185. Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории. М. Содействие новый век, 2001.

186. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Ител-Синтез». М. 1997.

187. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории. М.: Наука. 2010.

Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации, учебники и учебные пособия

188. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М., 2005.

189. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М., 1999.

190. Антикоррупционная политика: [Учеб. пособие для студентов вузов по специальностям упр., экономика, право, социология, политология] / Регион. обществ. Фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ); [Г.А. Сатаров и др.]; под ред. Г.А. Сатарова. М.: РА «СПАС». 2004.

191. Антикоррупционный словарь. Бишкек, 2013.

192. Бекяшев К.А. Субъекты международного права // Международное право/ Учебник. Под ред. К.А. Бекяшева. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: ООО «ТК Велби». 2003.

193. Букалерова Л.А, Дворянсков И.В., Остроушко А.В. Коррупционные преступления и коррупционная преступность: учеб. пособие. М.: РУДН. 2013.

194. Бытко Ю. И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов: Научная книга, 2006.

195. Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений. Саратов, 2000.

196. Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991.

197. Глава IV «Причины преступности» (авторы – В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов) // «Криминология»: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма. Инфра-М. 2010.

198. Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. 2-е изд., доп. Н. Новгород, 2007.

199. Дементьева А.Г. Практика принятия решений в глобальном бизнесе [Текст] учеб. пособие / А.Г. Дементьева. - М.: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2014.

200. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и специальной психологии. Учебник для вузов. М., 2005.

201. Институты международного правосудия: учебное пособие / Под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения. 2014.

202. Иншаков С. М. Криминология: практикум. М.: Юриспруденция, 2001.

203. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА·М – НОРМА, 1997.

204. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учебное пособие. – Ульяновск: Печатный двор, 2010.

205. Кобзарь Е.В. Коррупция как социальное явление и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации. Учебное пособие. г. Ногинск. 20013.

206. Кобзарь Е.В. Коррупция как социальный феномен и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации. Учебное пособие. Ногинск. 2013.

207. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., перераб. и доп. / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.

208. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I: Введение и общая часть. СПб., 1914.

209. Криминология. Учебник для вузов / под редакцией заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.Д. Малкова. М., 2006.

210. Криминология. Учебник для вузов. / Под общей редакцией А.И. Долговой. М., 2005.

211. Криминология. Учебник. Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер. 2004.

212. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш и др; под ред Н.Ф. Кузнецовой. М. ТК Велби. Проспект. 2006.

213. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005.

214. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., М.: Норма. Инфра-М. 2010.

215. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

216. Кузьминов Я.И. Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате / Административное право: Теория и практика. Укрепление государства и динамика социально- экономического развития / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

217. Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002.

218. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Издательство Юрайт. 2011.

219. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т.II: Особенная часть. М.: Издательство Юрайт, 2011.

220. Малков В.Д. Криминология. М., 2006.

221. Матта Аарон., Нузбан Юлия. Международный уголовный суд // Институты международного правосудия: учебное пособие / Под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения. 2014.

222. Миндагулов А.Х. Лоббизм и коррупция: пересекающееся параллели. Алматы. «Казак университеті». 2014.

223. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 1996.

224. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: Учебное пособие для студентов юр. факультетов и институтов / отв. ред. Г.А. Туманов. М., 1996.

225. Осипян А.Л. Терминологический словарь. Коррупция в высшем образовании. Нешвил. 2009.

226. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. М.: Юрид. лит., 1994.

227. Павлова Н.Г. Курс лекций по сравнительному правоведению: Учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: РУДН. 2009.

228. Пенитенциарная криминология: учебник. Под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань. Академия ФСИН России. 2009.

229. Право международных организаций / Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/ под ред. А.Х. Абашидзе. М.: Издательство «Юрайт». 2017

230. Ревин В.П., Рыхлов О.А., Ревина В.В. Криминология. Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М., 2011.

231. Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах современной России. Аналитический доклад. М., 2013.

232. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 1994.

233. Старков О.В. Криминология. Санкт-Петербург. 2012.

234. Старков О.В. Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2001.

235. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учебное пособие. М.: Юристъ. 2005.

236. Уголовное право зарубежных стран. В 3 т. Том 3. Особенная часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Отв. ред. Н.Е. Крылова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2017.

237. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / / под ред. З.М. Черниловского – М., 1994.

Научные статьи на русском языке

238. Абрамовская О.Р., Майоров А.В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37. (291).

239. Андриянов М.А. Общее понятие, признаки и виды коррупционных преступлений, совершаемых воинскими должностными лицами, рассматриваемые с позиций технико-юридического подхода и задач совершенствования как законодательства о военной коррупции, так и преподавания соответствующей уголовно-правовой проблематики. // Юридическая техника. 2009. №3.

240. Антанович Н.А. Концепция «политической ренты» в анализе коррупции // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия: сборник материалов круглого стола. 4 марта 2017 г. Минск, РБ / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск: БГУ, 2017.

241. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Безопасность бизнеса. 2009. № 2.

242. Астанин В.В. Нормы антикоррупционных конвенций и устои национальных правовых систем в характеристиках соотношения и взаимоучета // Юрид. мир. 2009. № 3.

243. Барова Е. Без конфискации. Почему властям не удается вернуть сотни миллиардов долларов, вывезенных из России? // Аргументы и Факты. № 3. 2020.

244. Бастрыкин А.И. Модернизация уголовной политики в сфере экономики: первые итоги реформы и дальнейшие шаги по ее реализации //

Преступность и уголовная политика России. Пятые Кудрявцевские Чтения. Сб. научных трудов. Научн. ред. С.В. Максимов. М.: ИГП РАН. 2013.

245. Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц // Извести Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 4-2. 2015.

246. Бугаевская Н.В. Осуществление функций представителя власти, как признак понятия «должностное лицо» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-2.

247. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 109.

248. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384.

249. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1.

250. Волколупова В.А. Проблемы регламентации понятия и правового статуса должностного лица в уголовном и административном праве. // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.): в 3 ч. / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. Уфа, 2011.

251. Волконская Е.К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. 2013. № 14.

252. Габов А.В., Шиткина И.С. Полномочия конкурсного управляющего кредитных организаций по оспариванию сделок должника: дискуссионные вопросы // Государство и право. 2020. № 4.

253. Герцик Е.Д. Криминолого-психологическое исследование личности коррупционера в России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016.

254. Глинкина С.П. Коррупция: фатальна угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние/ под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010.

255. Голик Ю.В. Коррупция в России: норма жизни или патология? // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сб. материалов Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.) / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юристъ,. 2001.

256. Гончаренко Г.С. Анализ криминологической сущности коррупционного поведения в обществе // Криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики: Материалы второго Всероссийского «круглого стола». 15-16 мая 2009 года. Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2009.

257. Гончаренко Г.С. Коррупционная преступность де-факто и де-юре. // Потенциал современной науки. 2014. Выпуск № 2.

258. Гончаренко Г.С. Личность коррупционного преступника //Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. 2008. № 4.

259. Горелик А.П. Конвергенция международного и российского антикоррупционного законодательства // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: Академия Ген. прокуратуры РФ. 2011. Ч. 1.

260. Гравина А.А. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Журнал российского права. № 12. 2015.

261. Двоеглазов В.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления коррупционной направленности в фармацевтической сфере // Медицинское право. 2012. № 4.

262. Девятовская И.В., Сыманюк Э.Э. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция // Педагогическое образование в России. 2014. № 8.

263. Денин К.И. Математическая модель множественной коррупции в системе управления устойчивым развитием // Управление большими системами. Сборник трудов. 2009. № 24.

264. Дубовик О.Л. Незаконная торговля окружающей средой – новая разновидность коррупционной преступности // Экономическая преступность / Под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова. М.: Юристъ. 2002.

265. Егорова Н. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. №4.

266. Есаков Г., Шиткина И., Кудрявцев В. Должностные лица в акционерных обществах: уголовно-правовое и корпоративное понимание признаков специального субъекта // Уголовное право. № 6. 2018.

267. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №3.

268. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №3.

269. Завольская Н.Б. К вопросу о личности современного коррупционера // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2.

270. Задорожный Д.В. О криминологических особенностях злоупотреблений полномочиями нотариусами и аудиторами // Российский следователь. 2011. № 20.

271. Зенюк Д.А., Малинецкий Г.Г., Фаллер Д.С. Модель коррупционного поведения в бюрократической иерархии: результаты эксперимента // Социологические исследования. 2014. № 10.

272. Зиннатуллин Н.З. Особенности личности коррупционной преступности в системе высшего профессионального образования // Юридическая наука. 2013. № 2.

273. Икрянникова А.С. Понятие и структура личности преступника – соучастника коррупционного преступления (по материалам судебной практики городов Волгограда и Волжского) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22).

274. Кабанов П.А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной Российской политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3 (30).

275. Камынин И. Статус руководителя унитарного предприятия // Законность. 2000. № 10.

276. Касперович Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52).

277. Каширкина А.А. Отправление правосудия международными судебными органами на постсоветском пространстве // Журнал российского права. № 3. 2012.

278. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права. М, 2007.

279. Коган Л.Б., Колбановский В.В., Яницкий О.Н. Социальные проблемы урбанизации в СССР // Сб.: «Социалистические исследования города». Информационный бюллетень. № 1 (16). Серия «Материалы и сообщения». М., 1969.

280. Козлова Н. Есть посадки. Следственный комитет рассказал, сколько и за что сажают коррумпированных чиновников // Российская газета. № 26. 06.02.2019.

281. Колесников В.В., Быков В.Н., Борисов О.А. Коррупция как экономический институт и объект экономико-правового анализа: поиск подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. №с 4.

282. Конюхова И. А., Костылева Е. Д. Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения //Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6.

283. Коростылева Н.Н. Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // Женщина в российском обществе. 2014. № 1.

284. Коршунова Т.М. Особенности личности осужденного коррупционера (по материалам уголовных дел, рассмотренных Нижнекамским городским судом за период с 1997 по 2003 гг.) // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: материалы круглого стола 27 апреля 2004 г. / под ред. д. э. н. Р.Ф. Муратова, проф. Н.Х. Сафиуллина. Казань, 2004. С. 103.

285. Крылова Н.Е. Ответственность за должностные злоупотребления во Франции//Вестник МГУ. Серия Право. 1998. № 1.

286. Куликова Т.В., Шевченко М.В. Правовой статус государственных компаний управляющих автомобильными дорогами // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 6-4 (50).

287. Купленский А.А., Петелина Л.В. Психология коррупции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 197. № 2.

288. Кутлиярова Р.Ф., Кутлияров А.Н. Паевые взносы – основной источник формирования имущества сельскохозяйственного кооператива // Молодежная наука и АПК: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (16-17 ноября 2011 г.) Уфа: ФГОУ ВПО «Башкирский ГАУ», 2011.

289. Лопатина Т. М. Моральная составляющая противодействия коррупции / Т. М. Лопатина // Российский криминологический взгляд. 2008. № 4(16).

290. Лукашев А. В. Преступление как основание административной ответственности юридических лиц // Уголовное право. 2012. № 1.

291. Лунеев В. В. Преступность и теневая экономика // Экономическая наука современной России. 2005. № 1(28).

292. Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н. Понятие личности преступника // Юридическая психология / Под. Общей редакцией Т.Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001.

293. Магомедов Н.Н. Типология личности преступника – взяткополучателя // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5.

294. Макаров А.В., Жукова А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: вопросы имплементации международных норм и введение финансовых санкций за коррупционные преступления в отечественное уголовное законодательство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т.9.

295. Марданов А Б. Коррупционное сознание как одна из главных причин коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4.

296. Марьин М.И., Бочкова А.А. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3.

297. Мацкевич И.М. Личность преступного типа (нематематическое регулирование) // Lex russica. 2013. № 5.

298. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2-4.

299. Милошевич З. Политические партии и коррупция // Вестник Череповецкого государственного университета (2) 17. 2018.

300. Михайлов А.П. Моделирование коррумпированных властных иерархий // Математическое моделирование. 1994. Т. 6. № 6.

301. Монгуш Т. М. История зарождения и борьбы с коррупцией в Италии // Молодой ученый. 2017. №11.

302. Мучеряева А.Б. Социально-исторические предпосылки возникновения коррупции // Наука через призму времени. 2017. №5.

303. Нечаев А.Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. № 6. 2017.

304. Нисневич Ю.А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы // Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. Москва 19 октября 2012 г. (под общ. ред. В.И. Камышева, О.Е. Гришина). М.: Федерация мира и согласия.

305. Новичков В.Е. Исторические аспекты и современные тенденции борьбы с коррупцией в России. //Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. №5 (44).

306. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема: в вопросах и ответах // Следователь. 2008. № 8.

307. Панченко П. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с непреступными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2.

308. Папунина Д.А. Антикоррупционные меры: зарубежный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3.

309. Пермякова Т.В. Гендерная статистика как отражение социальных проблем мужчин и женщин в современном российском обществе // Вопросы управления. 2012. № 21.

310. Пименов Д.М. Совершенствование технологий проведения аудиторской проверки как элемент механизма противодействия

противоправным деяниям должностных лиц. // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 44.

311. Повальная коррупция во Франции // КоммерсантЪ, № 074 от 22.04.1995.

312. Понкин И.В., Соловьев А.А., Понкина А.И. Коррупция в спорте // Вестник Екатерининского института. 2014. № 3 (27).

313. Попов В.В. К вопросу о криминологической классификации // Бизнес в законе. 2009. №. 1.

314. Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Под ред. В.В. Лунеева. М. ИГП РАН. Юристъ. 2002.

315. Путин призвал прокуроров активнее бороться с коррупцией и киберпреступлениями // Коммерсантъ. 17.03.2020.

316. Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 20.02.2012.

317. Рамазанов Р.А. Об особенностях характеристики личности преступника по коррупционным преступлениям // Закон и право. 2013. № 10.

318. Ратинов А.Р. Личность преступника. Психологические аспекты // Юридическая психология: сб. научных трудов. М., 2009. Вып. 4.

319. Репецкая А.Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // Криминологический Журнал БГУЭП. 2008. N 1.

320. Решетова У.Р. Анализ структуры российской экономики на современном этапе // Экономические науки. Научное обозрение. № 3. 2019.

321. Ровнейко В.В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «должностное лицо» в российском уголовном праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и Право». Т. 26, вып. 6. 2016.

322. Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников// Социалистическая законность. 1973. № 3.

323. Сахаров А.Б. Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: тезисы выступления. Горький. 1976.

324. Сенцов А.С. Эволюция уголовно-правового понятия должностного лица как субъекта преступления // Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: всерос. науч.- практ. конф., 8-9 декабря 2011 г., материалы конференции / Ред. коллегия: В.Г. Глебов (отв. редактор), А.Г.Заблоцкая (отв. секретарь.); члены редакционной коллегии: проф. Е.А. Звайцева, доцент О.В. Стрилец, к.ю.н. М.Е. Белокобыльский. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2012.

325. Симагин Ю.А. Соотношение городского и сельского населения в России // Социологические исследования. 2000. № 1.

326. Сморчкова Л.Н. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения с коррупционной составляющей // Сборник научных трудов по противодействию коррупции / Отв. ред. А.М. Воронов, И.И. Бутрим. М. 2019.

327. Спиридонова О.Е. О законодательной конструкции санкции нормы о злоупотреблении полномочиями частными нотариусами (Ст. 202 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1.

328. Старцев Ю.А. Функциональный анализ коррупции с позиции теории неформальных институтов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург., 2014.

329. Стебенева Е.В. Криминологическая характеристика коррупционной преступности сотрудников ОВД России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23).

330. Степанова И.Б. Нравственно-психологические коррупции // Научный поиск. 2015. №1.5.

331. Сухов Д.С. Личность сотрудника ГИБДД, совершившего коррупционное преступление // Российский следователь. 2009. № 10.

332. Сучков Е. За что судили высших политиков: Взятки, секс-вечеринки, принудительная стерилизация // КП. 10.03.2021.

333. США заработали на российской коррупции // Новая газета. 14.09.2015.

334. Талапина Э.В. Государственная корпорация как новый субъект права // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2009. №2.

335. Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8.

336. Трифонов В. ВАЗ простил должникам 250 миллионов долларов. // Тольяттинское обозрение. 2001. 7 мая. № 81 (262).

337. Тулегенов В.В. Коррупция и криминальный профессионализм // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015.

338. Фадеев А.В., Литвинцев М.Г. Субъект коррупционного правонарушения. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24).

339. Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политический аспекты // Ученые записки С.-Петерб. им. В.В. Бобкова фил. Российской таможенной академии. 2013. № 4(48).

340. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции // Вестник Владимирского юридического института. № 3 (32). 2014.

341. Хасанов Ф.З. К вопросу о противодействии коррупции в сфере здравоохранения // Евразийская адвокатура. 2014. № 2 (9).

342. Хилюта В. Взятка или законно оказанная услуга // Законность. № 10. 2020.

343. Цагикян С.Ш. Социально-демографическая характеристика личности коррупционеров // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2005. № 1.

344. Цирин А.М. Имплементация положений международных антикоррупционных конвенций: итоги и перспективы // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. 2011. Ч. 1.

345. Червонных Е.В. Криминологическая характеристика личности – преступника медицинского работника // Общество и право. 2008. № 3.

346. Чернышева Е.В., Тюменцева А.А. Мотивация преступного поведения в совершении умышленных преступлений // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 12 (57).

347. Щебетина Н.А. Личность преступника- коррупционера // Вестник Карагандинского юридического института МВД Республики Казахстан. 2011. № 1-2.

348. Щербакова Л.М., Белая О.П. Исследование личности преступника: теоретико-рефлексивный анализ // ОБЩЕСТВО И ПРАВО. 2015. № 4 (54).

349. Юмашев Ю.М. Азиатские ценности: между моралью, политикой и правом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3.

350. Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4.

351. Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. № 9. 2013.

352. Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: ауто-мифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331.

Электронные ресурсы на русском языке

353. 10 стран с наибольшим количеством христиан-протестантов // URL: https://batop.ru/10-stran-s-naibolshim-kolichestvom-hristian-protestantov (дата обращения: 06.10.2020).

354. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе // URL: http://www.ceninauku.ru/page_23202.htm. (дата обращения: 10.05.2018).

355. Бастрыкин: Путину регулярно сообщают о коррупции в высших эшелонах власти (интервью А.И. Бастрыкина. Записала Д. Хануна) // URL: https://ria.ru/20201209/korruptsiya-1588207057.html (дата обращения: 15.02.2021).

356. Белый О.И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. // URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/psix% (дата обращения: 29.08.2015).

357. Богданов К. Путин ориентирует элиты на "деофшоризацию" – теперь ход за ними // URL: https://ria.ru/20121212/914525403.html (дата обращения: 27.01.2019).

358. В 2020 году в России осудили 7,5 тыс. коррупционеров // URL: https://tass.ru/obschestvo/10659605 (дата обращения: 15.02.2021).

359. Варыгин А.Н. Коррупция в органах внутренних дел // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции // URL: http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_all_file&dir=news&title=%CD%EE%E2%EE%F1%F2%E8 (дата обращения: 02.08.2016).

360. Гончаренко Г.С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника // Конференция по проблеме противодействия коррупции [Электронный ресурс] // Адвокатская палата Ростовской области. Электрон. дан., 2008. // URL: http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291 (дата обращения: 15.09.2017).

361. Закон о взяточничестве в публичных организациях 1898 г. Studme. org [Электронный ресурс] // URL: http://studme.org/ (дата обращения: 08.04.2016).

362. Ивлев А. Топ коррупционеров-2020. Вести. Дежурная часть. 09.01.2021 // URL: https://www.vesti.ru/article/2508041 (дата обращения: 15.02.2021).

363. Из каких стран Африки прибывает больше всего беженцев в Европу // URL: https://www.dw.com/ru/a-18644319 (дата обращения: 05.10.2020).

364. Каздым А. В Ветхом Завете слово «взятка» уже встречается… История коррупции // URL: http://argumentua.com/stati/v-vetkhom-zavete-slovo-vzyatka-uzhe-vstrechaetsya-istoriya-korruptsii (дата обращения: 03.02.2021).

365. Каздым А.А. История коррупции. // URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1446&Itemid=32 (дата обращения: 20.08.2018).

366. Каздым А.А. Коррупция по-европейски // Континент. URL: http://www.kontinent.org/article.php?aid=5139ad25793f7 (дата обращения: 20.08.2018).

367. Каирбаева Л.К. Проблемы ресоциализации осужденных // URL: http://www.rusnauka.com/5_PNW_2010/Pravo/59257.doc.htm (дата обращения:03.03.2021).

368. Карл-Хайнц Заурвайн. Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. 2012 // URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/01/17/1302898979/11_3_09.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

369. Конференция государств – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Distr.: General 11 January 2016 Russian Original: English. CAC/COSP/IRG/I/4/1/Add.32. Группа по обзору хода осуществления Седьмая сессия Вена, 20-24 июня 2016 года Пункт 2 предварительной повестки дня Обзор хода осуществления Конвенции

Организации Объединенных Наций против коррупции. // URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/ImplementationReviewGroup/ExecutiveSummaries/V1600123r.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

370. Конфуций. Беседы и суждения. Эксмо, 2015. // URL: https://mybook.ru/author/konfucij/suzhdeniya-i-besedy/ (дата обращения: 27.05.2018).

371. Коррупция во Франции: Саркози предъявлены новые обвинения // Pasmi.ru 17.02.2016 // URL: https://pasmi.ru/archive/133312/ (дата обращения: 20.05.2018).

372. Кругликова Г.И. К истории выборов и политтехнологий в Древнем Риме // URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/1446/56.pdf (дата обращения: 21.05.2018).

373. Левин М. Мифы о коррупции, которые мешают с ней бороться // Форбс. 13.01.2012 // URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/78365-mify-o-korruptsii-kotorye-meshayut-s-nei-borotsya (дата обращения: 18.05.2018).

374. Министерство обороны Российской Федерации: Сведения о коррупционных правонарушениях // URL: http://mil.ru/anti-corruption/violations.htm (дата обращения: 16.02.2021).

375. Мухамеджанов И. Как ислам относится к коррупции? // IslamToday, 9.02.2016 // URL: https://islam-today.ru/blogi/ildar-muhamedzanov/kak-islam-otnositsa-k-korrupcii/ (дата обращения: 25.05.2018).

376. Нодельман В. Портрет коррупционера: энергичный, образованный 40-летний семьянин. В Генпрокуратуре провели исследование, которое выявило основные черты взяточников // URL: https://iz.ru/821066/valeriia-nodelman/portret-korruptcionera-energichnyi-obrazovannyi-40-letnii-semianin (дата обращения: 03.03.2021).

377. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008 – 2017 гг. // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 01.08.2017).

378. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008 – 2019 гг. // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 01.03.2021).

379. Половину иммигрантов в ФРГ составляют граждане других стран ЕС // URL: https://www.dw.com/ru a-49605032/ (дата обращения: 05.10.2020).

380. Сборник Хадисов имама Аль Бухари // URL: https://islam.global/obshchestvo/ekonomika/korruptsiya-islamskiy-vzglyad/ (дата обращения: 26.05.2018).

381. Состояние преступности в России // URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

382. Состояние преступности в России. Архивные данные. // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения 04.07.2023).

383. Старцев С. Италия "погибает" от коррупции, заявил участник антикоррупционной операции. РИА Новости 13.02.2017 // URL: https://ria.ru/world/20170213/1487870519.html (дата обращения: 22.05.2018).

384. Статут Суда Евразийского экономического союза // URL: http://courteurasian.org/ (дата обращения: 12.02.2021).

385. Тарасенко П., Мареева Е. Российские инвестиции вызывают на допрос // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3586944 (дата обращения: 10.02.2021).

386. Тихонов С. Антикоррупционный миф. «Expert Online» 2013. // URL: http://expert.ru/2013/11/22/antikorruptsionnyij-mif/ (дата обращения: 18.05.2018).

387. Толковый словарь русского современного языка. // URL: www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-34304.htm (последнее обращение: 10.05.2018).

388. Хвостик Е. Британские депутаты хотят раскрыть офшорные активы состоятельных россиян // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3614413 (дата обращения: 10.02.2021).

389. Что дает владение контрольным пакетом акций // URL: https://www.law.ru/article/22700-kontrolnyj-paket-aktsiy (дата обращения: 16.02.2021).

390. Экс-президент Франции Николя Саркози признан виновным в коррупции // URL: https://news.mail.ru/politics/45394815/?frommail=1&exp_id=828 (дата обращения: 01.03.2021).

Монографии и статьи на иностранных языках

391. Adrian Vickers, A Modern History of Indonesia, Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

392. Ahmed Alaa Fayed Researching corruption: understanding its key conceptions. // RULE OF LAW AND ANTICORRUPTION CENTRE JOURNAL. (1). 3. 2018.

393. Aina-Obe Shamsuddin Bolatito The Muslim-Ethical Norms Combat against Corruption? Are Islamic Perspective been Met in Practice? // International Journal of Science and Research. V (5). Issue 5. 2016.

394. Akhmetova E. Women and corruption // Islam and Civilianization. V.5. N. 2. 2014.

395. Al-ʿAfīfī, F. al-Khalīj al-ʿArabī: al-taʿaddudīyah al-siyāsīyah wa mushkilat al-beruqrāṭīyah al-sulṭawīyah- dirāsah fī taḥrīr al-iḥtikār. // *Al-Mustaqbal al-ʿArabī*, (353) (July). 2008.

396. Alderman L. Airbus to Pay $4 Billion to Settle Corruption Inquiry // The New York Times. January 31. 2020.

397. Alessandro Merli “Lessons from Italy's Anti-Corruption Efforts // BRAZIL: BOOM, BUST and the ROAD to RECOVERY. EDITORS Antonio Spilimbergo and Krishna Srinivasan. International Monetary Fund. 2018.

398. al-Ḥasan, Ḥ. “Dirāsat al-ḥlah al-Saʿūdīyah”. In Corruption and the good governance in Arab countries [Conference Papers], Beirut: Centre for Arab Unity Studies. CAUS, 2004.

399. Ali, Abdiweli M., and I. H. Said. Determinants of economic corruption: A cross country comparison. Cato Journal 22, (3). 2003.

400. Australians Who Bribe // ECONOMIST. Dec. 2. 2006.

401. Bannenberg B. Korruption in Deutschland und ihre strafrechtliche Kontrolle. Eine kriminologisch-strafrechtliche Analyse. BKA. Luchterhand. 2002.

402. Becker, G. & G. Stigler Law enforcement, malfeasance, and the compensation of enforcers. Journal of Legal Studies. (III): 1-19. 1974.

403. Blechinger, V. Politische Korruption in Japan. Ursachen, Hintergründe und Reformvorschläge, Hamburg, Mitteilungen des Instituts für Asienkunde Bd. 1998.

404. Bouissou J.-M. Gifts, Networks and Clienteles: Corruption in Japan as a Redistributive System // Democracy and Corruption in Europe, Della Porta D. and Mèny, Y. (eds.). London. 1989.

405. Chabal, Patrick and Jean-Pascal Daloz Africa works. Disorder as a political instrument. Oxford: James Currey. 1999.

406. Chugh, D., Bazerman, M. H., and Banaji, M. R. Bounded ethicality as a psychological barrier to recognizing conflicts of interest // Conflicts of Interest: Challenges and Solutions in Business, Law, Medicine, and Public Policy (edited by D. A. Moore, D. M. Cain, G. Loewenstein, and M. X. Bazerman). Cambridge University Press, 2005.

407. Corruption and Development. Annual World Bank Conference on Development Economics. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank1997.

408. Obasanjo O. Corruption, Democracy and Human Rights in Africa // Corruption, Democracy and Human Rights in West Africa, the Keynote Address at the African Leadership Forum (ALF) held in Contonou, Benin Republic, 19-24 September, 1994 / Aderinwale A. (ed.) Ibadan: ALF Publications, 1994.

409. Dantas A, Alcantara L.E. Chapter 3. Brazil // The Ant-Bribery and Anti-Corruption Review. Second Edition. Editor Mark F. Mendelsohn. Law Business Research. 2014.

410. David Kilcullen, “The Political Consequences of Military Operations in Indonesia 1945-1999: A Fieldwork Analysis of the Political Power-Diffusion Effects of Guerrilla Conflict,” PhD diss., University of New South Wales, 2000.

411. David Whyte “How corrupt is Britain”. PlutoPress. London. 2015.

412. Dib, K. Warlords and merchants: the Lebanese political and business establishment, New York, NY: Ithaca Press. 2006.

413. E. Neméth, B. T. Varga, K.Á. Pályi “The Scientific Reliability of International Corruption Rankings” // Public Finance Quarterly. N 3. 2019.

414. Erzsébet N. Rózsa in Cooperation with Walid Abu-Dalbouh, Ahmed Al-Wahishi, Gawdat Bahgat, Gershon Baskin, Lars Berger, Nursin Atesoglu Güney, Ayman Khalil, Christian Koch, Elie Podeh, Omar Shaban, and Eduard Soler i Lecha “The Arab Spring Its Impact on the Region and on the Middle East Conference” // Academic Peace Orchestra Middle East – POLICY BRIEF Nos 9/10 August 2012.

415. Falk Moore, Sally Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study. Law and Society 7 (4) 1973.

416. Fei, X. T. From the Soil: the Foundation of Chinese Society. University of California Press. 1992.

417. Fei, X. T. Rural China (in Chinese). Shanghai Watch Press.1947.

418. Gallo, F. T. Business Leadership in China: How to Blend Western Best Practice with Chinese Wisdom. John Wiley & Sons, 2011.

419. Global Corruption Report: Sport. Ed. by Sweeney. Transparency International. 2016.

420. He Tian Comparative Study of Asian Anticorruption Legal Systems // Beijing: Zhongguo renmin gongan daxue. 2009.

421. He, Z. Corruption and anti-corruption in reform China. Communist and Post-Communist Studies. 2000.

422. Heidenheimer A. Political Corruption: a handbook / A. Heidenheimer, M. Johnston. New Brunswick: Transaction Publishers. 1989.

423. Heidenheimer Arnold J Perspectives on the Perception of Corruption // Political corruption. Concepts& Contexts. Third Edition. Routledge. London and New York. 2002.

424. Henley J. Gigantic sleaze scandal winds up as former Elf oil chiefs are jailed // The Guardian. November 13. 2003.

425. Hooper J. Kohl pays fine to avoid trial // The Guardian. February 9. 2001.

426. Hung-En Sung Transnational Corruption in Weapons Procurement in East Asia: A Case Analysis. // Sociological focus. 42(3). August. 2009.

427. Huntington Samuel Political Corruption and Political Order in Changing Society, New Haven: Yale University Press. 1968.

428. Hyman van Zyl, Frederik Claeyé Up and Down, and Inside Out: Where do We Stand on NGO Accountability? // The European Journal of Development Research. V. 31. 2019.

429. Inglehart Ronald F. and Christian Welzel. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. // Perspectives on Politics, 8(2). 2010.

430. Ivlevs A, King M. Does emigration reduce corruption? // Public Choice. 171. 2017.

431. Jaeger M. 'Action internationale contre la corruption- Le groupe multidisciplinaire sur la corruption du Conseil de l'Europe (GMC)' // Corruption de fonctionnaires et fraude européenne, Antwerp: Maklu. 163. 1998.

432. Jancsics D. Law enforcement corruption along U.S. borders // Security Journal. October 2019.

433. John Braithwaite Transnational Corporations and Corruption: Towards Some International Solutions. // International Journal of the Sociology of Law.125. 1979.

434. Julia Preston, Former Chief of U.N. Effort Faces Charges Of Corruption // N.Y. TIMES. Jan. 17. 2007.

435. Kempe Ronald Hope, Sr. Corruption and Governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria. Political Science. 2017.

436. Khaldūn, Ibn.. *Al-Muqaddimah [The Prolegomena]*, Beirut: Dār al-Jīl. 2005.

437. Kim Mi-Su Eradicating corruption, a new mission for economic growth // POSRI Chindia Quarterly. Winter. 2012.

438. Kim Young Jong, New Korean Public Administration and Corruption Studies (2nd ed.) Seoul: The Hyung Seul Publishing Co, 2003.

439. Klitgaard, R. Gifts and Bribes. in Richard Zeckhauser, Ed. Strategy and Choice, Cambridge, MA: MIT Press 1991.

440. Kriege J. The Ford Foundation, European physics and the cold war // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 29(2). 2019.

441. L. Pellegrini, R. Gerlagh. Causes of corruption: a survey of cross-country analyses and extended results // Economics of Governance 9(3). 2008.

442. La Porta, R., Lopez de Silanes, F., Shleifer, A. & Vishny, R. Law and Finance // Journal of Political Economy 1998 (106).

443. Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // Perspectives on European Politics and Society. 2008. V. 9. № 1.

444. Levitt P. Social remittances: Migration driven local-level forms of cultural diffusion // International Migration Review. 32 (4). 1988.

445. Liu. J. Z. Corruption Psychology of Corrupted Officials: A Study of Corruption Psychology (in Chinese). CPC Central Party School Press, 2013.

446. Luciano Vaz Ferreira, Fabio Costa Morosini The implementation of international anti-corruption law in business: legal control of corruption directed to transnational corporations. // Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. 2(3). 2013.

447. Luhmann N. Kausalität im Süden // Soziale Systeme. 1995. № 1.

448. Maduagwa, M.O. Nigeria in Search of Political Culture: the Political Class, Corruption and Democratisation // Ngboyeda A. Corruption and

Democratisation in Nigeria, Ibadan: Fredrick Ebert Foundation and Acbo Are Publishers, 1996.

449. Manhattan A. The Vatican Billions. Two Thousand Years of Wealth Accumulation from Cesar to the Space Age. 1972.

450. Mauro P. Corruption and growth. Q J Econ. 110(3). 1995.

451. Measures to Prevent Corruption, Study of European Centre for Parliamentary Research and Documentation in the EU Member States. Strasbourg, 1999.

452. Michael Angel Folorunso. Dynamics of Political Communication: A Treatise in Honour of Asiwaju Bola Tinubu // Political Science. 2013.

453. Momoh Z. Corruption and governance in Africa // Proceedings of The Academic Conference for Sub-Sahara African Transformation & Development. Vol. 3. No 6. March, 12-13, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/308792420_CORRUPTION_AND_GOVERNANCE_IN_AFRICA (дата обращения: 15.07.2020).

454. Moon, Y.-L., & McLean, G. N. The nature of corruption hidden in culture: The case of Korea. In J. Kidd & F.-J. Richter (Eds.) // Fighting corruption in Asia: Causes, effects and remedies Singapore: World Scientific, 2003.

455. Moore Jr. B. Social Origins of Dictatorship and Democracy, Peregrine Books 1977.

456. Okimoto D.I. Between MITI and the Market: Japanese Industrial Policy for high Technology, Stanford, 1989.

457. Olivier de Sardan, J.P. A moral economy of corruption in Africa? The Journal of Modern African Studies 37 (1) 1999.

458. Olivier de Sardan Op. cit.; P. Chabal and Daloz J.P. Africa works. Disorder as a Political Instrument. Oxford: James Currey, 1999.

459. Osumah O, Aghedo I. Challenges and Prospects of Ant-Corruption Crusade in Nigeria´s. // Ilorin Journal of Business and Social Science. 15 (2). 2013.

460. Pavan Varma, Chanakya’s New Manifesto: To Resolve the Crisis within India, Aleph. 2013.

461. Perttula, Anna Sosiaalisen pääoman muodot Nicaraguassa. Unpublished Master's Thesis, Department of Political Science, University of Helsinki. 2005.

462. Peters G. The Politics of Bureaucracy. 5th ed. N.Y.; L., 2004.

463. Prestowitz, C.V. Jr. Trading Places: How we Allowed Japan to take the Lead, New York. 1988. P.113.

464. Pryhantoro, E. H. Korupsi dalam perspektif teori sosial kontemporer. Jakarta: Spasi. 2016.

465. Raff J. The Border Patrol's Corruption Problem // The Atlantic. 2017. May 5.

466. Randall Peerenboom, "Varieties of Rule of Law: An Introduction and Provisional Conclusion." Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. Ed. Randall Peerenboom, London: Routledge, 2004.

467. Rinaldi S., Feichtinger G., Wirl F. Corruption dynamics in democratic societies // Complexity. 1998. Vol. 3. № 5.

468. Ron Stodghill, Oil, Cash and Corruption: How Influence Flowed Through Political Pipelines // N.Y. TIMES, Nov. 5, 2006, SUNDAY BUSINESS at 1.

469. Ronald Inglehart, Wayne E Baker. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review; Feb. 2000.

470. Saed Hussein Alatas S.H. The problem of corruption. Singapore: Pang Guck Cheng, 1986.

471. Santosh Kumar Indian corruption: characteristics and responses // POSRI Chindia Quarterly. Winter. 2012.

472. Schmalleger F. Criminology Today. An Integrative Introduction. Third Edition. Prentice-Hall, Upper Staddle River. NJ. 2022.

473. Seibel, W. Corruption in the federal Republic of Germany before and in the wake of reunification, in: Della Porta D. and Mèny, Y. (eds.) // Democracy and Corruption in Europe, London. 1997.

474. Sellin T. Culture conflict and crime. N.Y. 1938

475. Smart, A. Gifts, bribes, and guanxi: A Reconsideration of Bourdieu's Social Capital. // Cultural Anthropology. 1993. 8(3).

476. Steve Gelsi, Oscar Wyatt Pleads Guilty in Oil-for-Food Scandal, MARKETWATCH, Oct. 1, 2007 // Press Release, United Press International, Ingersoll Rand Fined in Oil-for-Food Probe (Oct. 31, 2007).

477. Swamy, S. Knack, Y. Lee, O. Azfar "Gender and Corruption". IRIS Center Working Paper. No, 232. 1999.

478. Tim Lindsey, Indonesia: Devaluing Asian Values, Rewriting Rule of Law,"Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. Ed. Randall Peerenboom, (London: Routledge, 2004), 290-293.

479. Treisman Daniel. The causes of corruption: a cross national study // Journal of Public Economics .76. 2000.

480. Triandis H.C. Individualism & Collectivism. Westview Press, 1995.

481. Undue Diligence: How banks do business with corrupt regimes. A Report by Global Witness, March. 2009.

482. United Nations Development Programme (UNDP) UNDP case studies in anti-corruption: Tanzania. (Mimeo) 2003.

483. Uslaner Eric M 2005 "The Bulging Pocket and the Rule of Law: Corruption Inequality and Trust" paper for presentation at the conference The Quality of Government: what it is, how to get it, why it matters Goteborg University, Sweden November 2005.

484. Venard B. Airbus: flying high on the wings of corruption // THE CONVERSATION. June. 17. 2020.

485. Venard B. Lessons from the Massive Siemens Corruption Scandal One Decade Later // The Conversation. 2018. December. 13.

486. Verheijen, Tony, and Antoaneta Dmitrova. Private Interests and Public Administration: The Central and East European Experience // International Review of Administrative Sciences. N 62. 1996.

487. Vitit Muntarbhorn, Rule of Law and Aspects of Human Rights in Thailand: From Conceptualization to Implementation? // Asian Discourses of Rule of Law: Theories and Implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the U.S. Ed. Randall Peerenboom, London: Routledge, 2004.

488. Vittal N. Corruption in India: The Roadblock to National Prosperity. Academic Foundation, 2003.

489. Wanki Paik Modernization of Korean Bureaucracy (Ph.D. Dissertation) Tallahassee, The Florida State University:1-200.1972.

490. Weber, M. Die drei Typen der legitimen Herrschaft // Soziologie, Weltgeschichte Analysen, Politik / J. Winkelmann (Hrsg.). Stuttgart, 1964.

491. Weber M. Hindukyo to bukkyo (Hinduism and Buddhism), Tokyo: Nichibo-shuppansha. 1983.

492. Wieselmann B. Wenn aus der Tasse Kaffe schwere Untreue wird // Der Tagesspiegel. 26.02.2008.

493. Wright, Arthur F. Confucian Personalities, Stanford: Stanford University Press, 1962.

494. Wu, F. L. Retreat from a totalitarian society: China's urbanism in the making (Chapter 61) // The New Blackwell Companion to the City (edited by Gary Bridge and Sophie Watson). Blackwell Publishing Ltd. 2011.

495. Yang, M. M.-H. The Gift Economy and State Power in China. Comparative Studies in Society and History 31(1).1989.

496. Yuichiro Tachi An Overview of the Japanese Criminal Justice Legislation against Corruption, // 3rd Annual Conference of ADB/OCED Anticorruption Initiative for Asia-Pacific (Tokyo, Japan). 2001.

497. Zaleha Othman, Rohami Shafie, Fathilatul Zakimi Abdul Hamid. Corruption – Why do they do it? // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Volume 164, 31 December 2014.

Электронные ресурсы на иностранном языке

498. 2020 BILLIONAIRES NET WORTH Isabel dos Santos // URL: https://www.forbes.com/profile/isabel-dos-santos/#54394323523f (дата обращения: 27.12.2019).

499. Aba Hamilton-Dolo. The Nexus Between Culture and Corruption: Liberia's Burden. Front Page Africa Online, Oct 29, 2017. // URL: https://frontpageafricaonline.com/opinion/the-nexus-between-culture-and-corruption-liberia-s-burden/ (дата обращения: 27.12.2019).

500. Alexander Tatarko, Anna Mironova. alues and Attitudes Towards Corruption: A Cross-Cultural Study In Four European Countrues. National Research University Higher School of Economics. Basic Research Program Working Papers Series: Psychology WP BRP 61/PSY/2016. // URL: https://wp.hse.ru/data/2016/06/07/1116895624/61PSY2016.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

501. Angola Corruption Report // URL: https://www.ganintegrity.com/portal/country-profiles/angola/ (дата обращения: 12.10.2019).

502. Aubrey Belford and Zaheena Rasheed. Files implicate President, ex-Tourism Minister, and Singapore Billionaire in Island Deal. // URL: https://www.occrp.org/en/paradiseleased/files-implicate-president-vp-and-singapore-billionaire-in-dodgy-island-deal (дата обращения: 22.10.2020).

503. Bertrand Venard What can the kingdom of Bhutan teach us about fighting corruption // URL: https://theconversation.com/what-can-the-kingdom-of-bhutan-teach-us-about-fighting-corruption-109676 (дата обращения: 22.10.2020).

504. Boris Begović and Boško Mijatović (editors). Corruption in Serbia. Center for Liberal-Democratic Studies, Belgrade // URL: http://www.clds.rs/pdf-e/e-korupcija.pdf (дата обращения: 30.10.2020).

505. Bribery and Corruption: How Good Guys Go Bad. University of New South Wales Business School. September 07, 2010 // URL:

https://www.businessthink.unsw.edu.au/Pages/Bribery-and-Corruption-How-Good-Guys-Go-Bad.aspx (дата обращения: 27.12.2019).

506. Carling J., Paasche E., Siegel M. Finding Connections: The Nexus between Migration and Corruption // URL: https://www.migrationpolicy.org/article/finding-connections-nexus-between-migration-and corruption#:~:text=The%20concept%20of%20a%20nexus,effects%20of%20migration%20on%20society. (дата обращения: 06.10.2020).

507. Charles V (Holy Roman Empire) facts, information, pictures | Encyclopedia.com articles about Charles V (Holy Roman Empire) // URL: https://www.encyclopedia.com/people/history/german-history-biographies/charles-v-holy-roman-empire (дата обращения:18.05.2018).

508. Chirac found guilty on corruption charges // URL: https://edition.cnn.com/2011/12/15/world/europe/france-chirac/index.html (дата обращения: 07.10.2020).

509. Cleo Paskal “The Strategic Implications of Indian Corruption. The massive network of corruption now being unraveled has major geopolitical and security implications that reach far beyond India” // URL: https://thediplomat.com/2020/05/the-strategic-implications-of-indian-corruption/ (дата обращения: 22.10.2020).

510. Corruption Blackens Nordic Region´s Lily-White Image // URL: https://www.globalpolicy.org/component/content/article/172/30249.html (дата обращения: 07.10.2020).

511. Corruption in the Western Balkan countries. The Research Council of Norway // URL: https://www.forskningsradet.no/servlet/ (дата обращения: 30.10.2020).

512. CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX. 2022. // URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2022 (дата обращения: 07.03.2023)

513. Corruption. Spotlight on corruption. Annual report. 2017. P. 5 // URL: https://www.globalwitness.org/en/about-us/annual-reviews/ (дата обращения: 19.03.2020).

514. Domenico Pacitti. Bolognese flavored corruption. July 10, 1998 // URL: https://www.timeshighereducation.com/news/bolognese-flavoured-corruption/108191.article (дата обращения: 04.05.2018).

515. Elections Guide. DEMOCRACY ASSISTANCE& ELRCTIONS NEWS // URL: https://www.electionguide.org/countries/id/194/ (дата обращения: 30.10.2020).

516. Ellen E Jones. Everyone is shocked by the inquiry into police corruption – except the public. Institutional racism hasn't gone away just because we have a shiny new report. Independent, 7 March 2014 // URL: https://www.independent.co.uk/voices/comment/everyone-is-shocked-by-the-inquiry-into-police-corruption-except-the-public-9177270.html (дата обращения: 06.05.2018).

517. Eni, Shell deny wrongdoing in Nigeria after allegations of improper payment // URL: https://www.cnbc.com/2017/04/10/eni-shell-deny-wrongdoing-in-nigeria-after-allegations-of-improper-payment.html (дата обращения: 18.03.2020).

518. Eric Westervelt. Corruption Mars Romania's Post-Communist Progress. November 12, 2009 // URL: https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=120290631 (дата обращения: 04.05.2018).

519. Farrales, M. J. (2005). What is corruption? A history of corruption studies and the great definitions debate. Social Science Research Network. // URL: http://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=1739962 (дата обращения: 30.04.2018).

520. Ishaan Tharoor. Top 15 Toppled Dictators. // URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2097426_2097427_2097458,00.html (дата обращения: 15.07.2020).

521. Islamic Approaches to Corruption // URL: https://www.u4.no/publications/islamic-approaches-to-corruption/ (дата обращения: 15.07.2020).

522. Iuliana Precupetu On the Nature and Causes of Corruption in Romania Evidence from a Grounded Theory Approach. Sixth Framework Programme Of The European Commission. Discussion Paper Series No 13 2008 // URL: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11416/On%20the%20nature_Precupetu.pdf (дата обращения: 11.02.2019).

523. Jérôme Larché Corruption in the NGO world: what it is and how to tackle it // URL: https://odihpn.org/magazine/corruption-in-the-ngo-world-what-it-is-and-how-to-tackle-it/ (дата обращения: 11.10.2018).

524. Jessica Dacey, "Ambassador believes worst may be over in tax row," swissinfo.ch (14 February 2012) // URL: http://www.swissinfo.ch/eng/specials/expat_woes/Ambassador_believes_worst_may_be_over_in_tax_row.html?cid=32123062. (дата обращения: 06.02.2018).

525. Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann, "Far From Home: Do Foreign Investors Import Higher Standards of Governance in Transition Economies?", August 2002. // URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.532.9419&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 10.02.2018).

526. Joseph Mase "Fighting transnational corruption" // URL: http://sas-space.sas.ac.uk/3537/1/1559-1907-1-SM.pdf (дата обращения: 18.02.2018).

527. Kenyan officials charged over Anglo Leasing scandal // URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-31733052 (дата обращения: 15.07.2020)

528. Komisi Pemberantasan Korupsi. Memahami untuk membasmi: Buku saku untuk memahami tindak pidana korupsi. Jakarta: Komisi Pemberantasan Korupsi. 2006 // URL: http://acch.kpk.go.id/documents/10180/11245/Buku_saku_Memahami+utk+Membasmi.pdf/2285e4b6-d814-4359-897b-f5404cfa4f45 (дата обращения: 30.04.2018).

529. Konsultasi Syariah Korupsi TIDAK sama dengan mencuri. 2012 // URL: https://konsultasisyariah.com/11286-korupsi-tidak-sama-dengan-mencuri.html (дата обращения: 30.04.2018).

530. Lameck Masina Malawi Parliament Demands Action on Corruption Scandal. // URL: https://www.voanews.com/africa/malawi-parliament-demands-action-corruption-scandal (дата обращения: 15.07.2020).

531. Manabu Suhara. Corruption in Russia: A Historical Perspective // URL: http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/sympo/03september/pdf/M_Suhara.pdf (дата обращения: 30.04.2018).

532. Max de Haldevang "A British tax haven is returning a Nigeria dictator's $270 million to his country" // URL: https://news.yahoo.com/british-tax-haven-returning-nigerian-170810349.html?guccounter (дата обращения: 19.10.2020).

533. Mfonobong Nsehe Africa's Richest Woman Isabel dos Santos Might Resign From Sonangol // URL: https: //www.forbes.com/sites/mfonobongnsehe/2017/03/05/africas-richest-woman-isabel-dos-santos-might-resign-from-sonangol/#25b2f25778bd (дата обращения: 27.12.2019).

534. Moki Kindzeka "Wie Corona und Korruption einander begünstigen" // URL: https://www.dw.com/de/wie-corona-und-korruption-einander-beg%C3%BCnstigen/a-54360223 (дата обращения: 11.12.2020).

535. Momoh Z. Corruption and governance in Africa // Proceedings of The Academic Conference for Sub-Sahara African Transformation & Development Vol. 3. No 6. March, 12-13 2015 // URL: https://www.researchgate.net/publication/308792420_CORRUPTION_AND_GOVERNANCE_IN_AFRICA (дата обращения: 15.07.2020).

536. Mundenga T. State of Corruption in the 21st Century Southern Africa: The Case Study of Angola, Malawi, Zimbabwe and South Africa. // URL: https://www.academia.edu/12940249/State_of_Corruption_in_the_21st_Century_Southern_Africa_The_Case_Study_of_Angola_Malawi_Zimbabwe_and_South_Africa (дата обращения: 27.12.2019).

537. Ngware, Suleiman. National integrity systems TI country study report Tanzania 2003. Berlin: Transparency International. // URL: http://www.transparency.org (дата обращения: 27.12.2019).

538. Nikolay Nielsen. EU parliament snubs anticorruption researchers. 5 February 2021 // URL: https://euobserver.com/institutional/150832 (дата обращения: 08.02.2021).

539. O. Merkle, J. Reinold, M. Siegel „Corruption, Gender and Migration“/ 2018 OECD GLOBAL ANTI-CORRUPTION & INTEGRITY FORUM // URL: https://www.oecd.org/corruption/integrity-forum/academic-papers/Merkle.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

540. Paulo dos Santos. Genesis of corruption in Angola // URL: https://www.academia.edu/37846739/GENESIS_OF_CORRUPTION_IN_ANGOLA (дата обращения:12.12.2019).

541. Pei M. Corruption Threatens China's Future. Carnegie Endowment for International Peace. 2007 // URL: http://carnegieendowment.org/2007/10/09/corruption-threatens-china-s-future/1m68 (дата обращения: 27.05.2018).

542. Pisor, A. C., & Gurven, M. (2015). Corruption and the other(s): Scope of superordinate identity matters for corruption permissibility. PLoS ONE, 10(12), e0144542 // URL: http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0144542 (дата обращения: 30.04.2018).

543. Protect your business. Anti-corruption handbook for the Norwegian business sector // URL: http://transparency.no/wp-content/uploads/TI_beskyttdinvirksomhet_eng_web.pdf (дата обращения: 30.10.2020).

544. Radicova: Corruption Rooted in Slovak mentality. The Daily.sk Jan. 9, 2012// URL: http://www.thedaily.sk/radicova-corruption-rooted-in-slovak-mentality/ (дата обращения: 30.10.2020).

545. Rob Rijkers, Caroline Freund, Antonio Nucifora "Tunisia's golden age of crony capitalism" // URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-

cage/wp/2014/03/27/tunisias-golden-age-of-crony-capitalism/ (дата обращения: 05.10.2020).

546. Romberg A. Nordic countries are not corruption free // URL: https://www.nordicbusinessethics.com/2019/12/09/nordic-countries-are-not-corruption-free/ (дата обращения: 07.10.2020).

547. Ronald Inglehart; Wayne E Baker. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values American Sociological Review; Feb 2000; 65, 1; ABI/INFORM Global pg. 19 // URL: http://my.fit.edu/~gabrenya/cultural/readings/Inglehart-Baker-2000.pdf (дата обращения:15.05.2018).

548. Senior WHO official accused of using Ebola cash to pay for girlfriend's flight // URL: https://www.theguardian.com/global-development/2019/jan/18/senior-world-health-organization-official-accused-of-using-ebola-cash-to-pay-for-girlfriends-flight-corruption-racism-sexism (дата обращения: 03.02.2021).

549. Simon Gächter and Jonathan Schulz. Intrinsic honesty and the prevalence of rule violations across societies // *Nature* volume 531, pages 496–499 (24 March 2016) // URL: http://www.nature.com/articles/nature17160 (дата обращения: 30.04.2018).

550. Stephen Knack, Aid Dependence and the Quality of Governance: A Cross-Country Empirical Analysis, The World Bank, July 2000, URL: wbln0018.worldbank.org/research/workpapers.nsf/0/30529397228d0a778525691c006768c7/$FILE/wps2396.pdf (дата обращения: 06.02.2018).

551. Subir Chowdhury. Listen, Enrich, Optimise. Business Today. 2014. Jan 19 // URL: https://www.businesstoday.in/magazine/cover-story/subir-chowdhury-on-how-india-can-be-transformed/story/201825.html (дата обращения: 12.11.2019).

552. *S*yria and the United Nations Oil-For-Food Program: Joint Hearing Before the H. Subcomm. On Oversight and Investigations and the H. Subcomm. on the Middle East and Central Asia of the Comm. on Int'l Relations, 109th Cong. 15

2005 (statement of Rep. Ros-Lehtinen, Chair, H. Comm. on the Middle East and Central Asia) // URL: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa22654.000/hfa226540f.htm (дата обращения: 13.09.2007).

553. Taylor C. Shell facing multiple charges over corruption, emissions, and an explosion. // URL: https://www.cnbc.com/2019/03/01/shell-to-be-prosecuted-with-criminal-charges-over-nigerian-oil-deal.html (дата обращения: 18.03.2020).

554. The Emperor and the Electors in Late Medieval Germany // URL: http://www.medievalhistories.com/the-emperor-and-the-electors-in-late-medieval-germany/ (дата обращения: 19.05.2018).

555. The German Problem With Corruption // URL: https://www.dw.com/en/the-german-problem-with-corruption/a-1489467 (дата обращения: 12.04.2015).

556. The Global Risks Report 2021. 16th Edition. INSIGHT REPORT. P. 7 // URL: https://www.weforum.org/agenda/2021/01/global-risks-report-2021 (дата обращения: 27.01.2021).

557. The Malta Declaration and the Italy – Libya Memorandum: a troubled relationship with external partners in migration // URL: https://internationallaw.blog/2017/03/14/the-malta-declaration-and-the-italy-libya-memorandum-a-troubled-relationship-with-external-partners-in-migration/ (дата обращения: 06.10.2020).

558. The psychology of corruption. // URL: https://www.dawn.com/news/840296 (дата обращения: 30.04.2018).

559. The Role of Religion and Islamic Values in the Fight against Corruption and Bribery. The Center for the Study of Islam and Democracy (CSID) // URL: https://www.csidtunisia.org/en/?p=42 (дата обращения: 25.05.2018).

560. Tim Gosling Slovakia seeks escape from corruption black hole // URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/2/26/slovakia-seeks-escape-from-corruption-black-hole (дата обращения: 30.10.2020).

561. Torfason, Magnus Thor, Francis J. Flynn, and Daniella Kupor. "Here's a Tip: Prosocial Gratuities Are Linked to Corruption." Social Psychological &

Personality Science // URL: http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:9491448 (дата обращения: 02.05.2018).

562. What Are the Reasons behind the Corruption in India and the Mentality that Supports It? // URL: https://www.quora.com/What-are-the-reasons-behind-the-corruption-in-India-and-the-mentality-that-supports-it (дата обращения: 12.11.2019).

563. Winnie Tong. Analysis of Corruption from Sociocultural Perspectives. International Journal of Business and Social Science, Vol. 5, No. 11(1) October 2014. // URL: https://ijbssnet.com/journals/Vol_5_No_11_1_October_2014/2.pdf (дата обращения: 27.05.2018).

564. Young Jong Kim. The New Paradigm of Anti-corruption Policies in Korea: A Focus on the Lobbying Disclosure Act. GovNet eJournal, Vol. 1, No. 1. Oct-Nov, 2007. PP. 10-21. // URL: https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/340280/99-163-1-PB.pdf?sequence=1 (дата обращения: 27.05.2018).

Диссертации и авторефераты диссертаций

565. Абдрахманов С.З. Субъект коррупционных преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Карагандинская юрид. акад. «Фемида». Караганда, 2002.

566. Аглямова Г.М. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждения. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Казань. 2016.

567. Бабаев М.М. Теоретические основы криминологического исследования
социально-демографических процессов в СССР: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М.,1975.

568. Есембаева Ж. Е. Правовые средства борьбы с коррупцией: маг. дисс. – Астана, 2013.

569. Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование). Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2014.

570. Балебанова Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М. 2013.

571. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы в Российской Федерации. Автореф. дисс…доктора юрид. наук. Владивосток. 2005.

572. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами. Дис. … д-ра юрид. наук. Омск. 2015.

573. Воробьев А.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления. Автореф. дис…канд. юрид. наук. Калининград. 2017.

574. Гаспарян Г.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение должностных преступлений, совершаемых сотрудниками налоговых органов (по материалам Московской области). Автореф. дисс…канд. юрид. наук. 2011.

575. Годунов И. В. Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002.

576. Горемычкин И.В. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия. Дисс…канд. юрид. наук. М. 2020.

577. Добромыслов Д.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности и продвижения интересов частных лиц в ЕС. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М. 2015.

578. Изосимов С.В. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.

579. Изотов М.О. Коррупция в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Орел. 2012.

580. Крылова А.В. Злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации. Автореф. дис…канд. юрид. наук. М. 2017.

581. Магомедов Н.Н. Личность преступника – взяткополучателя. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2013.

582. Мамедов И.А. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Рязань 2011.

583. Нурутдинов А.З. Коррупция как общеправовой феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород 2004.

584. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности. Автореф. дис…канд. юрид. наук. М. 2015.

585. Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореферат дис. ... докт. юрид. наук. – Алма-Ата, 1991.

586. Сайгитов У.Т. Основы противодействия организованным формам преступной деятельности в условиях традиционно-национального и религиозного возрождения в Республике Дагестан. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Махачкала. 2009.

587. Скосырская Ю.В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных закупок. Автореф. дис…канд. юрид. наук. М. 2011.

588. Стребков Ю.П. Коррупционные преступления в сфере образования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012.

589. Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: Автореферат дис. канд. юрид. наук. СПб., 1999.

590. Устьев Л.Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Тамбов. 2010.

591. Хинднкайнен Н.В. Коррупционная преступность в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов – на – Дону. 2004.

592. Хлонова Н.В. Коррупция в системе государственной службы России и Германии и ее предупреждение. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Владивосток. 2011.

593. Чунталова О.В. Личность виновного: проблемы назначения наказания по уголовному законодательству России и других стран СНГ: дисс…канд.юрид.наук. Краснодар. 2005.

594. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект. Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009.

595. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы. Автореф. дисс…докт. юрид. наук. Омск. 2006.

Судебная практика

596. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 10. Октябрь 2019.

597. Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2002 N 59-о01-31 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

598. Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2008 по делу N 74-007-56 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

599. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2014 г. № 36-АПУ14-1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

600. Дело № 1/88-2015 - Грачевский районный суд (Ставропольский край) // URL: https://rospravosudie.com/law/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_291_%D0%A3%D0%9A_%D0%A0%D0%A4 (дата обращения: 13.08.2015).

601. Дело № 1-329/2015 - Рудничный районный суд г. Прокопьевска (Кемеровская область) // URL: https://rospravosudie.com/law/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_291_%D0%A3%D0%9A_%D0%A0%D0%A4 (дата обращения: 13.08.2015).

602. Дело № 205-013 – 2 – Верховный суд РФ (г. Москва) // URL: http://dogovor-urist.ru/%D1%81D1%0%B0%BB%D0%BE/2215/ (дата обращения: 13.08.2015).

603. Дело № 22-5082/2015 - Верховный Суд Республики Татарстан (Республика Татарстан) // URL: https://rospravosudie.com/law/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_291_%D0%A3%D0%9A_%D0%A0%D0%A4 (дата обращения: 13.08.2015).

604. Дело № 3/3-3/2015 - Калининский районный суд (Тверская область) // URL: https://rospravosudie.com/law/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_291_%D0%A3%D0%9A_%D0%A0%D0%A4 (дата обращения: 13.08.2015).

605. Дело № 47-013 – 1СП – Верховный суд РФ (г. Москва) // URL: http://dogovor-urist.ru/%D1%81D1%0%B0%BB%D0%BE/2215/ (дата обращения: 13.08.2015).

606. Дело № 74-АПУ13 – 2 – Верховный суд РФ (г. Москва) // URL: http://dogovor-urist.ru/%D1%81D1%0%B0%BB%D0%BE/2215/ (дата обращения: 13.08.2015).

607. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 16–012-64 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

608. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 78-О13-2 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

609. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31 мая 2012 г. № 47-О12-24// Доступ из СПС «Консультант Плюс».

610. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. N 91-О13-2 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

611. Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2004 г. N 4-076 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

612. Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2004 г. N 1-03/04 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

613. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2013 г. N 38-О12-21 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

614. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2013 г. № 49-Д13-12 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

615. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 N 3313-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малекова И.М. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 26 Федерального закона "О войсках национальной гвардии Российской Федерации" // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

616. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 11 марта 1999 г. в отношении Макарова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2;

617. Постановление N 387п99к по делу Лукина Президиума Верховного Суда Российской Федерации // БВС РФ. 2000. № 1. С. 9-10.

618. Постановление президиума Томского областного суда от 16 ноября 1994 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

619. Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми № 1-307/2017 от 16 августа 2017 г. по делу № 1-307/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/lHY0QzXp1HrO/ (дата обращения: 16.02.2021).

620. Приговор Отрадненского районного суда г. Краснодара по делу № 1-16/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/P7MUglEq5qN3/ (дата обращения: 16.02.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

АНКЕТА

для анонимного опроса лиц, осужденных за коррупционные преступления

К коррупционным относятся, в первую очередь, преступления, предусмотренные статьями **200^5, 200^7, 201^1, 204, 204^1, 204^2, 290, 291, 291^1, 291^2, 285, 285^1, 285^2, 285^3, ст.285^4, чч. 1 и 2 и п. "в" ч.3 ст.286, ст.292, ч.3 ст.299, чч.2 и 4 ст.303, ст.305 УК РФ).**

1. По какой статье Уголовного кодекса РФ об ответственности за коррупционные преступления Вы были осуждены?

2. Ваш пол (нужное подчеркните):

- мужской;

- женский.

3. Ваша возрастная группа (нужное подчеркните)**:**

-18-24 года;

- 25-29 лет;

- 30-39 лет;

- 40-49 лет;

- 50-59 лет;

- 60 лет и старше.

4. Ваше образование (нужное подчеркните)**:**

- высшее образование (юридическое, экономическое, техническое, иное);

- неоконченное высшее образование (юридическое, экономическое, техническое, иное);

- среднее специальное образование;

- общее среднее образование.

5. Ваше семейное положение на момент осуждения (нужное подчеркните)**:**

- холост (не замужем);

- женат (замужем);

- разведен (разведена);

- вдовец (вдова).

6. На момент осуждения у Вас были несовершеннолетние дети? (нужное подчеркните)**:**

- да;

- нет.

7. До осуждения Вы проживали (нужное подчеркните)**:**

-в городской местности;

- в сельской местности.

8. В какой сфере Вы трудились перед тем, как были осуждены? (нужное подчеркните):

- политическая;

- экономико-производственная;

- сфера здравоохранения;

- сфера образования;

- правоохранительная сфера;

- сфера профессионального спорта;

- иная (укажите какая).

9. Основным устремлением при совершении Вами коррупционного преступления было (нужное подчеркните):

- обеспечение материального благополучия своей семьи;
- достижение материальных благ для обеспечения нужного уровня комфорта;
- реализация собственных амбиций;
- склонность к авантюрным поступкам;
- иное (укажите, что).

10. Были ли представлены в суд характеристики Вашей личности с Вашего места жительства, работы, учебы, из иных организаций? (нужное подчеркните):

- да, были;
- нет, не были.

Приложение 2

Изменения и дополнения
в Уголовный кодекс Российской Федерации, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»

(Проект)

1. Дополнить статью 34 «Ответственность соучастников преступления» Уголовного кодекса Российской Федерации частью 3^1 следующего содержания: *«В случае совершения организованной группой преступлений, предусмотренных статьями 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, все ее участники независимо от роли и наличия статуса специального субъекта преступления, квалифицируются как соисполнители».*

Обоснование

Включение такой части позволит, с одной стороны, усилить уголовную ответственность за коррупционные преступления, совершенные организованной группой, а с другой - устранит дисбаланс между действиями законодателя и Верховного Суда РФ, когда последний в рамках постановлений Пленума нарушает принцип разделения властей и вторгается в сферу компетенции законодательной власти, формулируя, по сути, новые нормы уголовного законодательства.

2. В тексте примечания 1 к статье 285 УК РФ слова *«в статьях настоящей главы»* заменить на слова *«в статьях настоящего Кодекса».*

Обоснование

Понятие «должностное лицо» определяется только на основании примечания 1 к статье 285 УК РФ. Учитывая тот факт, что понятие должностного лица не содержится в каких-либо единых общих актах, и то, что уголовное право является самостоятельной отраслью права, Уголовный кодекс РФ должен содержать единое понятие должностного лица для всех статей УК РФ. В противном случае (если следовать буквальному толкованию уголовного закона) понятие должностного лица, которое дано в примечании 1 к статье 285 УК РФ, распространяется только на статьи Главы 30 УК РФ.

3. Главу 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» УК РФ необходимо дополнить *статьей 204¹ «Коммерческий подкуп в некоммерческих организациях отдельных видов»* следующего содержания:

«1. Незаконная передача *лицу, выполняющему управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента,* денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию),-

наказываются…

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в значительном размере,-

наказывается…

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) за заведомо незаконные действия (бездействие);

в) в крупном размере, -

наказываются…

4. Деяния, предусмотренные частью первой, пунктами "а" и "б" части третьей настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере,-

наказываются…

5. Незаконное получение *лицом, выполняющим управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента,* денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию),-

наказывается…

6. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, совершенные в значительном размере, -

наказываются…

7. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) сопряжены с вымогательством предмета подкупа;

в) совершены за незаконные действия (бездействие);

г) совершены в крупном размере, -

наказываются…

8. Деяния, предусмотренные частью пятой, пунктами "а" - "в" части седьмой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, -

наказываются…»

Обоснование

Коммерческий подкуп в некоммерческих организациях этих трех видов характеризуется повышенной общественной опасностью, исходя из той роли, которую эти организации играют в современной общественно-политической, социальной и экономической жизни в России и в мире. Санкции в этой статье

должны быть строже, нежели в статье 204 в противном случае потеряется смысл существования самостоятельной уголовно-правовой нормы.

4. Третий абзац пункта шестого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дополнить предложением следующего содержания: *«Эти правила распространяются и на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях и назначенных на свои должности с нарушением действующих правил»*.

Обоснование

Признавая субъектом преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ, также и то лицо, которое было назначено на соответствующую должность с нарушением соответствующих правил, Верховный Суд Российской Федерации проявил в этом вопросе известную непоследовательность: в отношении «негодного субъекта» преступлений, предусмотренных статьями 201 и 204 УК РФ, ничего не сказано. Поэтому вышеуказанное дополнение необходимо внести в текст этого постановления.

5. Последний абзац пункта первого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» изложить в следующей редакции:

«К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, сотрудники организации, являющиеся международными гражданскими служащими, лица, уполномоченные действовать от имени публичной международной организации, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, *лица, занимающие судебные должности любого международного суда, не зависимо от признания Российской*

Федерацией его юрисдикции и международные гражданские служащие этого суда. Технический персонал к должностным лицам международной публичной организации не относится».

Обоснование

Судьи любых международных судов (независимо от признания Россией их юрисдикции) должны признаваться должностными лицами по российскому уголовному законодательству и быть субъектом получения взятки: тот факт, что Россия не участвует в том или ином суде либо не признает его юрисдикцию, не означает отсутствие этого суда как влиятельного субъекта международной политики. В противном случае может возникнуть ситуация, при которой некоторых судей таких судов будет невозможно привлечь к уголовной ответственности за коррупционные преступления по российскому законодательству.